Дивер Джеффри

Двенадцатая карта

Памяти Кристофера Рива, образца мужества, символа надежды

Есть родственники, а есть предки; предков ты выбираешь сам. На их ценностях строится твоя личность.

Ральф Эллисон

Часть I

Человек на три пятых

ВТОРНИК, 9 ОКТЯБРЯ

Глава 1

Пот и слезы заливают лицо. Он бежит навстречу свободе, бежит что есть сил.

– Вон он! Сюда!

Бывший раб не знает, откуда донесся крик. Сзади? Слева? Справа? С верхних этажей обветшалых домов по обеим сторонам грязной улицы?

Июльский зной густ, как парафиновое масло. Худой человек прыгает через кучу конского навоза. В этой части города никто не убирает. Рядом с поддоном, высоко заставленным бочками, Чарлз Синглтон останавливается, чтобы перевести дух.

Гремит выстрел. Мимо. Звук переносит его на войну: он, в пыльном синем мундире, ловит на мушку солдат в пыльных серых мундирах, целящихся в него. Бесконечные часы выматывающего безумия.

Быстрее, быстрее. Снова выстрелы, снова мимо.

– Держи его! Пять долларов золотом за поимку!

Однако редкие прохожие – по большей части ирландцы-тряпичники и строительные рабочие – не рвутся ловить дюжего негра с пугающей

решимостью на лице. К тому же обещание награды прозвучало из уст городского констебля, а значит, это всего лишь пустые слова.

У малярной мастерской на Двадцать третьей улице Чарлз резко сворачивает. Поскальзывается на мокрых булыжниках и с размаху падает па мостовую. Из-за угла появляется верховой полицейский, замахивается дубинкой. В следующий миг…

«В следующий миг?..»

Что же дальше?

Что с ним случилось потом?

Шестнадцатилетняя Женева Сеттл попыталась провернуть ручку на аппарате для чтения микрофиш, но безуспешно – она дошла до последнего кадра. Девушка убрала на место кассету со статьей из «Иллюстрированного еженедельника для цветных» от 23 июля 1868 года и принялась рыться в пыльной коробке, переживая, что не сможет выяснить дальнейшую судьбу своего предка. По опыту она знала, что исторические архивы, касающиеся американской «черной» истории, далеко не полны, а то и вообще утрачены.

Где же тогда искать продолжение?

Да, вот… Она нашла нужную кассету, аккуратно зарядила ее в старенький аппарат и начала нетерпеливо вращать ручку, ища продолжение статьи об отчаянном побеге Чарлза.

Богатое воображение и читательский опыт помогли оживить сухой репортерский отчет о погоне за бывшим рабом по грязным нью-йоркским улочкам позапрошлого века. Женеву не оставляло чувство, что на самом деле она там и тогда, а не здесь и сейчас – почти сто сорок лет спустя, в библиотеке на безлюдном пятом этаже Музея афроамериканской истории и культуры на Пятьдесят пятой улице в центре Манхэттена.

Она крутила ручку, глядя, как на экране мелькают зернистые кадры, и в конце концов наткнулась на статью под шапкой:

ПОЗОР!

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКА

ВЕТЕРАН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ЧАРЛЗ СИНГЛТОН ПРЕДАЕТ НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО СВОИМ ВОПИЮЩИМ ПОСТУПКОМ

Статью сопровождала фотография двадцативосьмилетнего Чарлза Синглтона в форме солдата Гражданской воины. Рослый, с большими руками, плотно облегающий мундир подчеркивает могучую мускулатуру. Толстые губы, высокие скулы, кожа довольно темная.

Вглядевшись в неулыбчивое лицо и спокойные пронзительные глаза, Женева решила, что между ними определенно есть сходство. Форма головы, черты лица, насыщенный оттенок кожи. Хотя сложением они отличались просто разительно. Женева Сеттл – настоящая худышка, крысеныш, как обзывали ее девчонки из квартала Делано.

Она как раз собралась читать дальше, когда послышался непонятный шум.

Какой-то щелчок в помещении за спиной. Дверной шпингалет? Раздались и замерли чьи-то шаги. Еще шаг. И опять тишина.

Женева обернулась, но никого не увидела.

Ощутив холодок страха, она тут же постаралась взять себя в руки. В излишней нервозности виноваты дурные воспоминания, и только. Как, например, драки с девчонками из квартала Делано во дворе за школой, или тот раз, когда Тония Браун со своей бандой из квартала Сент-Николас затащили ее в переулок и отколошматили так, что выбили коренной зуб. Мальчишки могли облапать, мальчишки могли унизить, но кровь пускали девчонки.

«А ну-ка навалим ей! Давай, прессуй эту сучку!..»

Снова шаги – остановка.

И тишина.

Мрачная, затхлая, молчаливая – сама атмосфера этого места не способствовала успокоению. Вдобавок во вторник, в четверть девятого, здесь не было ни души. Туристы еще спали или только усаживались завтракать, поэтому официально музей был закрыт, но библиотеку открывали в восемь. Женева уже ждала, когда пришли отпирать двери, – так ей не терпелось прочитать эту статью. Сейчас она сидела в кабинке в конце большого зала, уставленного безликими манекенами в одеждах девятнадцатого столетия и увешанного картинами: мужчины в причудливых шляпах, женщины в чепцах, лошади на тонких ногах.

Еще шаг – тишина.

Может, уйти? Посидеть пока с библиотекарем – доктором Бэрри? Дождаться, когда этот крадущийся ублюдок отсюда свалит?

Невидимый посетитель за спиной усмехнулся.

Веселый такой смешок, ничего жуткого.

Затем донесся голос:

– Отлично. Я еще позвоню.

Хлопнула крышка мобильника.

Теперь ясно, почему он все время останавливался – просто слушал, что говорит собеседник на другом конце.

Ну вот, подруга, не стоило волноваться. Когда люди смеются или болтают по сотовому, они не опасны. Он шагал медленно, потому что все так делают, когда разговаривают по телефону. Хотя каким надо быть уродом, чтобы пользоваться мобильником в библиотеке?

Женева повернулась обратно к экрану: «Ну что, Чарлз, сумел ты от них уйти? Очень надеюсь».

Однако беглецу удалось вскочить; вместо того чтобы мужественно признать свой проступок, он трусливо побежал дальше.

Вот тебе и объективное освещение, со злостью подумала девушка.

На какое-то время он оторвался от преследователей. Но его преимущество оставалось недолгим. Негр-коммивояжер заметил беглеца с порога одного дома и призвал того остановиться во имя торжества справедливости, присовокупив, что осведомлен о преступлении мистера Синглтона, бросающем тень на всех цветных граждан страны. После чего добропорядочный сын своей нации, некто Уокер Лоукс, швырнул в мистера Синглтона кирпич. Однако…

* * *

Чарлз увертывается от запущенного в него снаряда и, обернувшись к коммивояжеру, кричит: «Я не виновен! Я не делал того, в чем меня обвиняют!»

История вновь захватила воображение Женевы, и документальная хроника ожила красками.

Лоукс не внимает оправданиям вольноотпущенника. Он выбегает на середину улицы и зовет полицейских, кричит, что беглец направляется к докам.

Сердце Чарлза обливается кровью, из головы не выходит образ жены Вайолет и сына Джошуа, но он продолжает бежать.

Летит, не жалея ног, в отчаянном рывке к свободе.

За спиной слышен галоп конной полиции. Впереди тоже показывается группа всадников с офицером во главе. В руке у него пистолет.

– Стой! Стой! Ни с места, Чарлз Синглтон! Я капитан-детектив Уильям Симс. Второй день тебя ищу!

Вольноотпущенник подчиняется. Его широкие плечи опущены, мускулистые руки повисли, грудь тяжело вздымается каждый раз, как он со свистом втягивает влажный вонючий воздух Гудзона. Рядом контора буксирщиков, а на реке в обе стороны, насколько хватает глаз, торчат жерди мачт. Их сотни, и каждая манит обещанием свободы. Все еще задыхаясь, Чарлз приваливается к большому щиту с рекламой почтовой компании «Свифтшур экспресс». Смотрит на приближающегося полицейского, слушая громкое цоканье копыт о булыжники мостовой.

– Чарлз Синглтон, ты арестован по обвинению в грабеже. Либо сдашься сам, либо мы тебя скрутим. Так и так окажешься в кандалах. Будешь рыпаться – пеняй на себя.

– Меня обвинили в преступлении, которого я не совершал.

– Повторяю: сдавайся или умри. Другого выбора у тебя нет.

– Нет, сэр. У меня еще есть выбор! – выкрикивает Чарлз и бросается в сторону дока.

– Стой! Стрелять буду! – кричит вдогонку детектив Симс.

Но беглец перескакивает через поручни пирса – так скакун атакующей конницы берет частокол. На мгновение он как будто зависает в воздухе, затем кувырком обрушивается в мутные воды Гудзона, что-то неразборчиво бормоча: может, возносит молитву Иисусу или клянется в любви жене и ребенку. Никто из преследователей не слышит, что это за слова.

В пятидесяти футах от аппарата для чтения микрофиш сорокаоднолетний Томпсон Бойд еще чуть ближе продвинулся к девушке.

Натянув на лицо вязаную спортивную шапочку, он подогнал прорези по глазам и убедился, что барабан револьвера не заклинивает. Все уже проверено, но в таком деле лучше перестраховаться. Засунув револьвер в карман, он вытащил из-под плаща увесистую дубинку.

Томпсон стоял за книжными стеллажами, отделяющими его от столов с аппаратами для чтения микрофишей. Пальцами в латексных перчатках он надавил на глаза, в которых сегодня с утра разыгралась особенно острая резь, и заморгал от боли.

Потом огляделся, в очередной раз убеждаясь, что вокруг никого.

Никакой охраны – что здесь, что внизу на входе. Ни одной камеры наблюдения или журнала для записи посетителей. Замечательно. Хотя без мелких накладок не обошлось. В помещении царила гробовая тишина, и Томпсону не удалось скрыть от девушки свое приближение. Она наверняка уже знает, что в зале есть кто-то еще, и могла насторожиться. Поэтому, войдя в это крыло библиотеки и заперев за собой дверь, он сразу же отчетливо хохотнул.

Томпсон Бойд перестал смеяться несколько лет назад, но, как истинный мастер своего дела, отлично знал, в чем сила хорошего настроения и как его можно использовать. Достаточно коротко усмехнуться, произнести пару приятных прощальных слов, щелкнуть крышкой мобильника, и жертва успокоится.

Уловка, похоже, сработала. Девушка сидела, уставившись на экран, быстро сжимая и разжимая руки, явно взволнованная чтением.

Бойд еще на несколько шагов сократил расстояние.

И снова замер, услышав, как она отодвигается от стола, скрипя ножками стула по линолеуму. Затем раздались шаги. Неужели уходит? Нет. Судя

по звукам, она включила питьевой фонтанчик и сделала несколько глотков. Затем, сняв с полок книги, стопкой поставила их на стол. После короткой паузы жертва вернулась к полкам, чтобы выбрать еще несколько книг. Глухое «бух», и вторая кипа легла на стол. Наконец стул снова скрипнул, когда она усаживалась обратно. Затем тишина.

Томпсон выглянул из-за полок. Девушка сидела и читала одну из дюжины книг, которые нагромоздила перед собой на столе.

Держа в левой руке пакетик с презервативами, перочинным ножом и мотком клейкой ленты, а правой сжимая дубинку, Томпсон пошел вперед.

Теперь он подкрадывался к ней из-за спины, все ближе и ближе – двадцать футов, пятнадцать.

Десять футов. Теперь, даже если она вскочит и побежит, он сможет ее достать: выбьет колено или оглушит ударом по голове.

Восемь футов, пять…

Он остановился и беззвучно положил «набор насильника» на соседнюю полку. Поудобнее обхватил рукоять и высоко занес для удара полированную дубовую биту.

Девушка увлеченно читала, не подозревая о нависшей опасности.

Томпсон со всей силы обрушил биту на обтянутую вязаной шапочкой голову девушки. Оглушительный хруст… Удар болью отозвался в руках.

Но что-то в звуке и ощущении от контакта было неправильно.

В чем дело?

Томпсон Бойд отскочил назад, глядя, как тело падает на пол…..и разваливается на части.

Торс манекена повалился в одну сторону, голова в другую. Какое-то мгновение Томпсон завороженно смотрел перед собой. Затем повернул голову и увидел нижнюю часть манекена с накинутым на нее бальным платьем – одним из экспонатов выставки женской одежды периода после Гражданской войны.

О нет…

Каким-то образом догадавшись, что он представляет угрозу, девушка сделала вид, будто берет с полок книги, а на самом деле разобрала

манекен, напялила на него свои свитер и шапочку и усадила все это за стол.

Но где же она сама?

Вместо ответа Томпсон Бойд услышал быстрые шаги, удаляющиеся в сторону пожарного выхода. Сунув дубинку под плащ, он выхватил револьвер и бросился вдогонку.

Глава 2

Женева Сеттл бежала. Спасалась бегством. Как ее предок Чарлз Синглтон. Хватая ртом воздух. Как Чарлз.

Увы, она не могла похвастаться тем достоинством, с каким ее предок держался во время погони сто сорок лет назад. В бешеной панике, всхлипывая и зовя на помощь, Женева налетела на стену, ободрав тыльную часть руки.

«Держи крысеныша! Вон она, вон она! Костлявая сучка!»

Мысль о лифте пугала: настоящая западня. Девушка метнулась к пожарному выходу, с разбега открыла плечом дверь. От удара Женева задохнулась, перед глазами сверкнула желтая вспышка. Не сбавляя скорости, девушка выскочила на площадку четвертого этажа и дернула ручку на себя. Но двери запасных выходов с лестницы не открываются – надо бежать на первый этаж.

Ловя ртом воздух, она понеслась вниз но ступенькам, думая: «Ну почему? Что ему надо?»

«Костлявая сучка на нас и смотреть не хочет…»

Пистолет… Вот что ее насторожило. Женева Сеттл с бандитами не водилась, однако нельзя учиться в школе имени Лэнгстона Хьюза, в самом сердце Гарлема, и ничего не знать об оружии. Когда раздался щелчок – совсем не как от закрываемого мобильника, – она сразу подумала, что своим благодушным смехом мужчина просто пытается ее обмануть. Готовая в любой момент броситься наутек, Женева сделала вид, будто направляется к питьевому фонтанчику. Сквозь книжные полки она заметила голову с натянутой на лицо лыжной маской. Поняв, что если не удержать его внимание на столике с аппаратом для микрофиш, то проскочить к двери не удастся, она с грохотом бросила на стол прихваченные с собой книги, переодела ближайший манекен в свой

свитер и шапочку и усадила куклу на стул. Потом стала ждать, когда он приблизится; и как только он подошел – проскользнула мимо него к выходу.

«Накати ей! Вздуй эту сучку!..»

Женева оставила позади очередной этаж.

Сверху раздался звук бегущих шагов. Господи Иисусе! Он ее нагонял! Тоже нырнул на лестницу и теперь был всего в одном пролете у нее за спиной. Чувствуя, как от усилий деревенеют ноги, поддерживая саднящую руку, Женева неслась вниз по ступеням, но шаги преследователя раздавались все ближе.

В самом низу она проскочила сразу четыре ступеньки и, неловко приземлившись, налетела на шершавую бетонную стену. Морщась от боли, девушка с трудом поднялась на ноги; шаги сверху приближались, по стене шахты скакала тень.

Женева бросилась к двери и оторопела, увидев обмотанный цепью засов.

О нет-нет-нет… Цепи на дверях пожарного выхода запрещены, но это не значит, что служащие музея не воспользуются ими для защиты от воров. А может, преследователь заранее намотал цепь, чтобы перекрыть ей выход. И вот она здесь – в темной каменной западне. Но что, если цепь только для вида?

Есть только один способ узнать, подруга!

Разбежавшись, Женева толкнулась в створку.

Дверь распахнулась.

Слава тебе…

Внезапно уши наполнил оглушительный рев, полоснул болью по сердцу. Женева закричала. Неужели ей прострелили голову? Нет, всего лишь сигнализация зашлась воем почище, чем Кишины малолетние братцы. Вот и улица. Захлопнув за собой дверь, девушка огляделась, решая, куда бежать – направо, налево…

«А ну-ка навалим ей! Давай, прессуй эту сучку!..»

Бросилась направо, на Пятьдесят пятую улицу, и нырнула в толпу спешащих на работу людей. Кто-то взглянул на нее с тревогой, кто-то с опаской, большинство же просто не обратили внимания. Снова взвыла

сирена – это преследователь выскочил из дверей. Он попытается скрыться или продолжит погоню?

Женева бежала по улице в сторону Киш, которая стояла на краю тротуара со стаканчиком кофе в одной руке, а другой пыталась зажечь на ветру сигарету. У ее одноклассницы были темная, цвета мокко, кожа, аккуратный лиловый макияж и целый каскад светлых нарощенных косичек. Ровесница Женевы, Киш была на целую голову выше, с округлыми упругими формами, округлыми там, где надо: большие груди, широкие бедра, немного жирка. Она ждала Женеву на улице, так как музеи ее не интересовали, как, впрочем, и любые другие здания, где запрещалось курить.

– Жен! – Киш швырнула бумажный стаканчик на дорогу и бросилась навстречу подруге. – Чего стряслось? На тебе лица нет.

– Там… в библиотеке… – У Женевы перехватывало дыхание, к горлу волной подкатывала тошнота. – Один тип… на меня напал.

– Вот бля! – Лакиша резко обернулась. – Где он?

– Не знаю… бежал вдогонку…

– Спокойно, подруга. Надо отсюда валить. Давай-ка бегом.

Рослая одноклассница, которая давно прогуливала физкультуру и уже два года как курила, запыхтела рядом с Женевой, ритмично взмахивая руками.

Они успели пробежать полквартала, когда Женева, постепенно сбавляя темп, остановилась.

– Бросай якорь, подруга.

– Да ты с ума спятила, Жен?

Паника отпустила, и на смену пришло новое чувство.

– Бежим, подруга! – Киш задыхалась. – Шевели задницей!

Но Женева Сеттл уже все решила. Ее страх перешел в злость:

«Ну нет, просто так этот подлец не отвертится». Она посмотрела вдоль улицы в одну сторону, в другую и, увидев то, что искала – как раз у входа в переулок, откуда минуту назад неслась со всех ног, – без колебаний зашагала обратно.

Оказавшись примерно в квартале от музея посреди толпы спешащих на работу людей, Томпсон Бойд перешел с бега на быстрый шаг. Он был средним во всех отношениях человеком: среднего роста и веса, среднего телосложения, средней физической силы. Даже волосы были средне-каштанового оттенка. (В тюрьме ему прилепили кличку «серый статист».) Окружающие часто его просто не замечали.

И все же бежать в центре города, если, конечно, не ловишь автобус или такси, значит, притягивать к себе лишние взгляды. Поэтому Бойд сбавил темп и вскоре полностью растворился в толпе.

У перехода на перекрестке Шестой авеню и Пятьдесят третьей, дожидаясь зеленого сигнала светофора, он быстро обдумал сложившуюся ситуацию и принял решение. Сняв с себя плащ, перекинул его через руку – так, чтобы не пришлось далеко лезть за оружием, – развернулся и зашагал обратно к музею.

Томпсон Бойд никогда не отступал от прописных истин своего ремесла. Казалось бы, глупо возвращаться на место неудавшегося покушения – туда наверняка уже подтягивается полиция. Однако люди особенно уязвимы, когда вокруг полно полицейских. Нередко в такой ситуации к человеку можно подобраться поближе. Неотличимый от остальной толпы, «серый статист» Томпсон Бойд вновь направился к Музею афроамериканской истории.

Некоторые вещи иначе, как чудом, не назовешь.

Где-то в мозгу или теле в ответ на мысленный или физический раздражитель – захотелось чего-нибудь выпить или руку обожгла горячая сковородка – рождается нервный импульс, передающийся по оболочкам нейронов от одной клетки к другой. Вопреки расхожему мнению этот импульс не электрический ток, а волна возбуждения, которая складывается из кратчайших перепадов потенциала на поверхности нервных клеток. Скорость ее распространения высока – около ста двадцати метров в секунду, а сила возбуждения всегда неизменна – сигнал либо есть, либо его нет.

Когда нервный импульс достигает цели: мышц, желез, органов, он вызывает ответ, заставляя сердце сокращаться, легкие – качать воздух, тело – танцевать, руки – двигаться, писать любовные письма, управлять космическим кораблем.

Это ли да не чудо?

Но что, если произошел сбой? Что, если ты осматривал место убийства в строящейся подземке и на тебя обрушилась балка, переломив шейный отдел всего в четырех позвонках ниже основания черепа – как это случилось с главой опергруппы Линкольном Раймом несколько лет назад?

Когда такое происходит, любые прогнозы теряют смысл.

Даже если спинной мозг остается цел, кровоизлияние в месте удара вызывает сдавление и голодание нервных клеток. Положение усугубляется тем, что, отмирая, нейроны по неясным причинам выделяют токсичную аминокислоту, которая разрушает соседние клетки. В конце концов, если пациент выживает, поврежденные клетки оказываются намертво замурованы рубцовой тканью. И «намертво» – не преувеличение. Потому что в отличие от нейронов периферической нервной системы клетки головного и спинного мозга не восстанавливаются. Отмирая, они утрачиваются навсегда.

Бывает, что у некоторых пациентов после такого «критического события» – как это тактично именуют врачи – нервные клетки, контролирующие жизненно важные органы, например, сердце и легкие, продолжают функционировать, давая счастливчикам возможность жить дальше.

Вот только уместно ли тут говорить о везении?

Многие предпочли бы сразу умереть, чем страдать от бесконечных судорог, инфекций и пролежней. Добавьте сюда приступы вегетативной дисрефлексии, которые нередко заканчиваются инсультом; необъяснимые фантомные боли, от которых не избавляет ни аспирин, ни морфий…

А стоит ли говорить, как переворачивается вся твоя жизнь – все эти физиотерапевты, сиделки, респираторы, катетеры, памперсы… беспомощность и, конечно, депрессия.

Некоторые, оказавшись в таком положении, просто сдаются и мечтают о смерти. Самоубийство, конечно, выход, хотя и не всегда легкий. (Попробуйте покончить с жизнью, если всего-то и можете, что пошевелить головой.)

Другие продолжают бороться.

– Может, достаточно? – спросил Райма стройный молодой человек, одетый в слаксы, белую рубашку и бордовый галстук в цветочек.

– Нет, – прозвучал в ответ запыхавшийся голос. – Хочу еще покрутить.

Райм был пристегнут ремнями в седле хитроумного тренажера, установленного в одной из пустующих спален на втором этаже его дома по Сентрал-парк-уэст.[1]

– А по-моему, тебе хватит, – парировал Том, его санитар-помощник. – Крутишь педали уже больше часа. Пульс скоро зашкалит.

– Всего лишь въезжаю на Маттерхорн. Я – Лэнс Армстронг,[2] – пропыхтел Райм.

– Маттерхорн не входит в число этапов на «Тур де Франс». Это гора, и на нее можно взобраться, но не на велосипеде.

– Спасибо за справку, Том. Я говорил фигурально. Далеко я укатил?

– На двадцать две мили.

– Сделаем еще восемнадцать.

– Ну уж нет – не больше пяти.

– Восемь, – не уступал Райм.

Его статный молодой помощник только поднял бровь.

– Ну хорошо.

Райму и нужно было лишь восемь. Он ликовал. Побеждать было его кредо.

Велогонка продолжалась. Мышцы приводили педали в движение – все так, однако эта деятельность сильно отличалась от обычной езды на велотренажере. Источником раздражителя, от которого по нервам распространялись импульсы, был не мозг Райма, а компьютер, связанный с мышцами его ног посредством электродов. Такое устройство называлось эргометрическим ФЭС-тренажером. Функциональная электростимуляция имитирует нервную систему с помощью компьютера, электродов и проводов, посылая в мышцы слабые электрические разряды, заставляя их реагировать так, словно они контролируются мозгом.

Для выполнения повседневных действий, будь то ходьба или пользование инструментами, метод ФЭС применяют редко. По-настоящему он полезен как терапевтическое средство для улучшения состояния пациентов с серьезными нарушениями двигательных функций.

Начать тренировки Райма подвиг пример одного человека, которым он восхищался. Актер Кристофер Рив получил еще более тяжелое увечье, когда упал с лошади. К большому удивлению медицинских светил, благодаря силе воли и упорным тренировкам Рив сумел восстановить некоторые двигательные функции и частично вернуть утраченную чувствительность. Райм несколько лет колебался, согласиться ли на рискованную экспериментальную операцию на спинном мозге, и в конце концов выбрал терапевтический курс наподобие того, который проходил Рив.

Безвременная кончина актера подхлестнула Райма с еще большим рвением следовать своему плану, а Том помог ему найти одного из лучших на востоке США специалистов по травмам позвоночника – доктора Роберта Шермана. Док составил программу занятий, включающую в себя эргометр, водную терапию и локомоторную дорожку – громоздкое приспособление с ногами-роботами, также действующее под управлением компьютера, которое фактически позволяло Райму «ходить».

Лечение дало плоды. У Райма окрепли сердце и легкие. Плотность костной ткани стала такой же, как у здоровых людей его возраста. Увеличилась мышечная масса. Райм был теперь почти в той же форме, что в бытность свою главой следственного отдела при нью-йоркском управлении полиции, курировавшего подразделение по обследованию мест преступлений. В те времена он каждый день нахаживал изрядное количество миль, порой, невзирая на высокий чин, лично проводил осмотр мест преступлений, а также собирал образцы почвы, камней, бетона и сажи по всему городу, чтобы пополнить экспертные базы данных.

Благодаря упражнениям у Райма почти исчезли пролежни от долгого сидения и лежания, стабилизировались функции естественных отправлений и реже возникали мочевые инфекции. С тех пор как он начал держать режим, только однажды имел место эпизод вегетативной дисрефлексии.

Разумеется, один вопрос по-прежнему оставался открытым: помогут ли месяцы изнурительных тренировок фактически улучшить его состояние, а не только нарастить мышцы и укрепить кости? Простой тест сенсомоторных функций дат бы ему быстрый ответ. Но для этого Райму

пришлось бы посетить клинику, на что у него никак не находилось свободного времени.

– Не можешь выкроить даже часок? – вопрошал его Том.

– Часок? Часок?! С каких это пор поездка в больницу занимает часок? Где ты вообще видел такую больницу, Том? В Зазеркалье или, может быть, в стране Оз?

В итоге доктор Шерман все-таки допек Райма, и тот согласился пройти обследование. Через полчаса они с Томом должны были отправиться в нью-йоркскую больницу, чтобы получить наконец заключение о том, намечаются ли положительные сдвиги.

Пока же все мысли Райма были сосредоточены на велогонке, которую следовало завершить. И поднимался он на самый что ни на есть Маттерхорн. Причем Лэнса Армстронга уже обгонял.

Когда гонка закончилась, Том снял друга с велосипеда, вымыл, облачил в белую рубашку и темные спортивные брюки. Затем усадил в коляску, и Райм покатил к кабинке лифта, чтобы спуститься в лабораторию, бывшую гостиную, где сидела рыжеволосая Амелия Сакс. Она делала опись улик по текущему делу, которое вело полицейское управление; Райма привлекли в качестве консультанта.

Ловко маневрируя ярко-красную «Штормовую стрелу» с помощью единственного подвижного пальца – безымянного на левой руке, – Райм пересек лабораторию и остановился рядом с Амелией. Она наклонилась и поцеловала его в губы, на что Линкольн ответил полной взаимностью. На мгновение оба замерли. Райм наслаждался ее физической близостью, вдыхая сладковатый цветочный запах мыла, запоминая дразнящее прикосновение локона к своей щеке.

– Далеко укатил сегодня?

– Был бы в северном Уэчестере, если бы меня не сняли с дистанции. – Он бросил мрачный взгляд в сторону Тома.

Его помощник только подмигнул Сакс. Все как с гуся вода.

Высокая, стройная Сакс была одета в темно-синий брючный костюм, который всегда носила с черной или синей блузкой. (Как говорилось в тактическом руководстве для офицеров полиции: «Контрастирующие с пиджаком рубашки и блузы представляют более четкую цель для выстрела в область груди».) Ее наряд был практичным и неброским –

совсем не то, что она привыкла носить на прежней работе. До того как прийти в полицию, Амелия Сакс несколько лет была манекенщицей.

На боку, где был пристегнут автоматический «глок», пиджак слегка топорщился. Она предпочитала брюки мужского покроя, с задним карманом, в котором прятала запрещенный, но часто незаменимый инструмент – раскладной нож. На ногах, как обычно, были практичные туфли на мягкой подошве – из-за артрита при ходьбе ей нередко сводило ноги.

– Когда отправляемся? – спросила она у Райма.

– В больницу? Ни в коем случае!.. Тебе со мной ехать не стоит. Лучше посиди здесь, опиши собранные улики.

– Уже почти все описано. Да и не в этом дело… просто я сама так решила.

– Ну, цирк. Так и знал, что этим все кончится, – пробурчал в ответ Линкольн.

Он поискал глазами помощника, но того в поле зрения не оказалось.

В дверь позвонили. Откуда-то возник Том и пошел открывать. Через минуту он вернулся в сопровождении Лона Селлитто.

– Всем привет! – Грузный, в вечно мятом костюме Селлитто бодро кивнул.

Райма удивило его приподнятое настроение. Чем оно вызвано? Может, удачным арестом, новостью о перераспределении бюджета в пользу молодых офицеров… несколькими сброшенными фунтами? Вес вообще был для Лона больной темой. Линкольна, с его-то проблемами, сильно раздражали чужие стоны по поводу таких пустяков, как оплывшая талия или редеющие волосы.

Однако, как выяснилось, лейтенант находился в приподнятом настроении из-за работы. Он помахал в воздухе пачкой бумаг:

– Приговор оставили в силе.

– Вот как? Дело с ботинками?

– Точно.

Райма новость порадовала, хотя нисколько не удивила. С какой стати? Он лично собирал доказательства против убийцы – обвинение просто не могло провалиться.

А дело оказалось занятным. На острове Рузвельта – диковинном клочке суши посреди Ист-Ривер, застроенном жилыми кварталами, – нашли двух убитых дипломатов с Балкан, и у обоих недоставало по ботинку на правой ноге. Как часто бывало, когда управление сталкивалось с особенно сложным случаем, Райма пригласили подключиться к расследованию в качестве консультирующего криминалиста – так полицейские называют судебных экспертов.

Осмотр места провела Амелия Сакс; все улики были собраны и тщательно проанализированы. Однако это не дало следствию никаких ниточек для распутывания преступления. В управлении заключили, что мотивы убийства как-то связаны с европейской политикой, и дело повисло. Но закрыть его еще не успели, когда из ФБР пришла информация о найденном в аэропорту Кеннеди брошенном кейсе, в котором обнаружились документы о системах глобального позиционирования, два десятка электронных схем и мужской ботинок на правую ногу. В каблуке имелось высверленное отверстие, а в него был спрятан компьютерный чип. Райм предположил, что ботинок принадлежал к одной из разрозненных пар обуви, владельцев которых нашли на острове Рузвельта. Догадка вскоре полностью подтвердилась. Другие вещдоки из кейса также указывали на связь с убийством дипломатов.

Сразу повеяло шпионажем, замаячила тень Роберта Ладлэма. Начали распространяться всяческие теории, а ФБР вместе с Госдепом залихорадило. В управлении возник агент из Лэнгли – первый на памяти Райма случай, когда ЦРУ заинтересовалось его расследованием.

Линкольна по сей день забавляло, как досадовали федералы – любители глобальных заговоров, когда через неделю после обнаружения ботинка с чипом детектив Амелия Сакс во главе группы захвата провела задержание некоего бизнесмена из Парамуса, штат Нью-Джерси, чье представление о внешней политике ограничивалось в лучшем случае публикациями в «Ю-Эс-Эй тудэй».

На основе химических анализов композитной структуры подошвы Райм доказал, что отверстие в каблуке было сделано спустя недели после убийства дипломатов. Он также выяснил, что компьютерный чип был куплен в магазине электроники «Пи-Си уэрхаус»,[3] а данные навигатора не только не представляли никакой тайны, но и были скачаны с веб-сайтов, которые не обновлялись уже года два.

Инсценировка – заключил Райм и продолжил изучать улики. Следы каменной пыли в кейсе вывели его на небольшую компанию в Нью-Джерси, производящую столовые поверхности для ванных и кухонь. Беглый просмотр распечатки телефонных звонков и покупок по кредитной карте привел к выводу, что жена подозреваемого изменяла ему с одним из дипломатов. Обманутый муж, узнав о связи жены, сговорился со своим подчиненным из камнетесного цеха, большим фанатом Тони Сопрано, и убил любовника вместе с его незадачливым компаньоном на острове Рузвельта. А затем просто подбросил улики, придав делу политическую окраску.

– «Связи» здесь налицо, вот только отнюдь не дипломатические, – сказал Райм в завершение своей эффектной речи в суде. – Налицо и козни, хотя опять же далеко не шпионские.

– Протестую, ваша честь, – устало пробормотал адвокат подсудимого.

– Протест принимается. – Судья, однако, не сумел подавить смешка.

Присяжным понадобилось сорок две минуты, чтобы вынести обвинительный приговор. Адвокаты, разумеется, подали апелляцию – какие они без этого адвокаты? – но, как только что сообщил Селлитто, апелляционный суд оставил приговор в силе.

Том сказал:

– А не отпраздновать ли нам эту победу поездкой в больницу? Ты готов?

– Не наседай, – пробурчал в ответ Райм.

У Селлитто запищал пейджер. Посмотрев на дисплей, лейтенант нахмурился, отцепил с ремня сотовый и набрал номер.

– Селлитто. В чем дело? – Толстяк медленно закивал, одной рукой рассеянно перекатывая складки на животе. Лон недавно подсел на систему раздельного питания Аткинса, но, очевидно, бесчисленные стейки и сырые яйца не очень-то помогали. – Она не пострадала?.. А нападавший?.. Да... Нехорошо. Подождите. – Он оглядел присутствующих. – Только что поступил вызов. Кажется, Музей афроамериканской истории на Пятьдесят пятой. Жертва – молодая девушка... подросток. Попытка изнасилования.

Амелию передернуло; она прямо-таки источала сочувствие. Райм отреагировал по-другому – в его мозгу автоматически возникли вопросы: сколько там возможных мест преступления? Оставил ли преступник улики? Обменялись ли они вещественными следами, если

была схватка? Воспользовался ли преступник общественным транспортом или приезжал на своей машине?

Потом у него промелькнула другая мысль, высказывать которую вслух он, однако, не собирался.

– Есть повреждения? – спросила Сакс.

– Только ободранная рука. Девушка убежала, обратилась к патрульному, который все проверил, но к тому времени гада уже след простыл… Так вы едете осматривать место?

Сакс уставилась на Райма:

– Я знаю, что ты скажешь: дел у нас под завязку.

В последнее время нехватка кадров ощущалась по всему нью-йоркскому управлению. Людей перебрасывали с рутинных дежурств на антитеррористические задания – в ФБР поступило несколько анонимных сообщений, что на местные заведения, принадлежащие евреям, готовятся бомбовые атаки. (Все это напоминало Райму рассказы Амелии, которые та слышала от своего деда, про жизнь в предвоенной Германии. Тесть ее деда служил в берлинской уголовной полиции, и правительство регулярно забирало у него людей, оправдываясь необходимостью защищать национальные интересы.) Из-за нехватки личного состава Райма загрузили, как никогда. Сейчас они с Сакс вели два «беловоротничковых» расследования, один вооруженный грабеж и нераскрытое убийство трехгодичной давности.

– Точно – под завязку, – подтвердил Райм.

– То дождь идет, то ливень хлещет, – обобщил Селлитто и насупил брови. – Странное какое-то выражение.

– Должно быть: «Закапал дождь – жди ливня». Народная мудрость. – Райм слегка наклонил голову. – Рад бы помочь. Честно. Но что с остальными делами? К тому же вы смотрите на часы? Мне скоро пора на прием… к врачу, между прочим.

– Да ладно тебе, Линк, – сказал Селлитто. – Этот случай серьезнее остальных. Жертва – ребенок. Нападавший – гад конченый… охотится на подростков. Подумай, скольких молоденьких девочек мы спасем. Ты же знаешь, как с этим в Нью-Йорке: если объявился педофил-насильник, начальство ни в чем не откажет – только бы его взять. Все остальное неактуально.

– Пятое текущее расследование… – пробурчал Райм. Он немного выждал, слушая повисшую тишину, затем как бы нехотя добавил: – Сколько ей лет?

– Шестнадцать. Линк, ради всего святого.

Вздох… пауза…

– Ну хорошо, я согласен.

– Правда? – удивился Селлитто.

– Каким несговорчивым меня все считают! – Райм насмешливо закатил глаза. – Видно, успел подмочить репутацию. Вот, Лон, еще одно избитое выражение тебе в копилку. Я только хотел подчеркнуть, что не стоит забывать о приоритетах. Но полагаю, вы правы – это дело важнее других.

Очередную паузу нарушил Том:

– Твоя уступчивость никак не связана с тем, что теперь придется отложить поездку в больницу?

– Разумеется, нет. И в мыслях не было. Впрочем, раз уж ты об этом упомянул, думаю, запись следует отменить. Правильно рассуждаешь, Том.

– Ничего я не рассуждал! Да ты все подстроил!

Что верно, то верно, подумал Райм. А вслух возмутился:

– Я?! Тебя послушать, так это я бросаюсь на людей посреди Манхэттена!

– Ну-ну. Ты прекрасно понимаешь. Можно пройти обследование и вернуться еще до того, как Амелия отработает место.

– Том, врачам только попадись – до вечера не отпустят.

– Я созвонюсь с доктором Шерманом, чтобы перенесли запись, – предложила Амелия.

– Отменили, то есть. Какой смысл переносить? Неизвестно, сколько времени уйдет на расследование.

– Я перенесу запись, – твердо повторила она.

– Недели на две – на три.

– Я узнаю, когда у него следующее окно, – настаивала Амелия.

Однако Линкольна не так легко было переупрямить.

– Больница подождет. Сейчас мы имеем разгуливающего на свободе насильника. Мало ли что у него на уме. Наверняка выбирает себе новую жертву. Том, позвони Мэлу Куперу, пусть срочно едет сюда. Каждая минута нашего промедления – подарок для преступника. Эй, Лон, как тебе такая формулировка? Всем штампам штамп! Советую взять на заметку.

Глава 3

Инстинкт.

У патрульных он обостряется до своего рода шестого чувства. По тому, как человек держится, опытный патрульный безошибочно определит, что у того с собой пушка. И дело здесь не в весе оружия, а в той власти, которую оно дает.

А еще в риске быть взятым с поличным. В Нью-Йорке незаконное ношение чревато тюремным сроком. Попался с оружием – ступай на отсидку.

Амелия Сакс вряд ли бы смогла объяснить, откуда у нее уверенность, что человек, стоящий в небрежной позе напротив Музея афроамериканской истории и культуры, вооружен. Он курил, скрестив руки на груди, и наблюдал за сценой: мигающие маячки, натянутые ограждения, полицейские наряды.

К Сакс подошел светловолосый офицер в форме. На вид совсем молодой, явный салага.

– Добрый день. Я первым прибыл на место происшествия. Меня…

Улыбаясь, Сакс негромко сказала:

– Смотри вон на ту мусорную кучу дальше по улице.

Новичок удивленно моргнул.

– Простите, не понял.

– Смотри на мусор, не на меня, – прошипела Сакс.

– Извините, детектив.

У него была аккуратная стрижка, на груди личный знак с именем: «Р. Пуласки». Новенький – ни царапинки.

Сакс показала на мусорную кучу.

– Пожми плечами.

Пуласки подчинился.

– Теперь идем туда вместе, смотрим на кучу.

– А тут кто-то…

– Улыбайся.

– Я…

– Сколько требуется полицейских, чтобы вкрутить лампочку?

– Не знаю. Сколько?

– Не важно – это шутка. Ноты смейся, как будто услышал анекдот.

Пуласки нервно хохотнул.

– Не отвлекайся.

– От мусора?

Расстегивая пиджак, Сакс сказала:

– Теперь нам не до смеха. Мы изучаем мусор.

– Зачем?..

– Смотри вперед.

– Да, верно. Мне не смешно. Я изучаю мусор.

– Вот так.

Мужчина с припрятанным пистолетом по-прежнему стоял у стены. Ему было за сорок, крепкое телосложение, короткая стрижка. Теперь Сакс видела на его боку бугор – пушка длинноствольная. Похоже, револьвер.

– Объясняю ситуацию, – негромко сказала Сакс. – Мужчина справа от нас, у стены, вооружен.

Новичок – вот молодчина! – и бровью не повел, накрепко прилип взглядом к мусорной куче.

– Налетчик? Тот самый, который напал на девочку?

– Не знаю. Важно то, что у него револьвер.

– Что будем делать?

– Идем дальше, не сводя глаз с мусорной кучи. Он решит, что нам не до него. Потом не торопясь возвращаемся. Ты остановишься и спросишь, не принести ли мне кофе. Я скажу: да. Ты повернешь назад, зайдешь так, чтобы оказаться от него справа. Он тем временем будет смотреть на меня.

– А почему он будет на вас смотреть?

Умиляющее простодушие!

– Просто будет, и все. Ты приблизишься к нему с другой стороны. Затем отвлечешь его – кашлянешь, например. Он повернется лицом к тебе, а я зайду с другого бока.

– Ясно, все понял. А мне… ну, взять его на прицел?

– Нет. Просто отвлеки его и стой рядом.

– А если он выхватит пушку?

– Вот тогда возьмешь его на прицел.

– А если станет стрелять?

– Сомневаюсь.

– Но вдруг станет?

– Тогда можешь стрелять. Как тебя зовут?

– Рональд… Рон.

– Давно в патруле?

– Три недели.

– У нас все получится, Рон. Действуем по плану.

С озабоченным видом они дошли до мусорной кучи, потом, якобы убедившись, что опасности нет, повернули обратно. Пуласки остановился и спросил:

– А что, детектив, кофе не выпьете?

Он слегка переигрывал – звездой сцены ему явно не стать, – однако в целом получилось довольно убедительно.

– Да, пожалуй.

Молодой патрульный заспешил в обратную сторону, но вдруг остановился и крикнул:

– Вам какой?

– А-а, черный, с сахаром.

– Сахара сколько?

«Черт возьми…»

– Один.

– Ясно. Пончики захватить?

Амелия многозначительно на него уставилась: *все, все, остынь!*

– Нет, только кофе.

Она повернулась к библиотеке, чувствуя на себе оценивающий взгляд мужчины.

«– А почему он будет смотреть на вас?»

«– Просто будет, и все».

Она неторопливо направилась к музею, следя за мужчиной по отражению в витрине. Когда тот обернулся к Пуласки, она быстро пошла на него, откинув полу пиджака, словно стрелок из вестерна, чтобы при необходимости быстро выхватить из кобуры «глок».

– Держите руки на виду, – твердым голосом произнесла Сакс.

– Делайте, как говорит леди. – Пуласки стоял по другую сторону от мужчины, готовый вытащить пистолет.

Мужчина уставился на Сакс.

– Ловко сработано, офицер.

– Просто держите руки на виду. У вас есть при себе оружие?

– Ага. Пушка побольше той, что была у меня в три-пять.

Цифры обозначали один из нью-йоркских полицейских участков. Бывший коп. Возможно.

– Что-нибудь охраняете?

– Так точно.

– Покажите разрешение. Достаньте его левой рукой. Правой не шевелите.

Мужчина вынул бумажник. Документы на ношение и лицензия охранника выглядели настоящими. Тем не менее Сакс связалась с участком, чтобы свериться по компьютеру. Все оказалось чисто.

– Извините. – Она вернула ему документы.

– Ничего, детектив. У вас здесь, как я погляжу, расследование затевается. – Он кивнул в сторону полицейских машин, перекрывших улицу напротив входа в музей.

– Разберемся, – уклончиво бросила Сакс.

Охранник спрятал бумажник в карман.

– Я сам двенадцать лет протрубил в участке. Уволился по состоянию здоровья, но скоро начал дуреть от гражданки. – Он кивком указал на здание за спиной: – Нас здесь несколько. Охраняем отделение Американской ювелирной биржи. Камешков миллиона на два, из Иерусалима и Амстердама.

Сакс оглядела фасад. Ничего особенного – обычное офисное здание.

Мужчина усмехнулся:

– Думал, работка не бей лежачего, а оказалось, нисколько не легче, чем патрулировать улицы. Что ж, удачи вам. Рад бы помочь, но проморгал представление. – Он повернулся к новичку-патрульному и кивнул в сторону Сакс: – На задании она для тебя не «леди», а «детектив».

Пуласки ответил смущенным взглядом, хотя урок, судя по всему, воспринял всерьез. Сакс и сама бы чуть позже сделала ему замечание.

– Виноват…

«Ты не знал, зато теперь в курсе», – вспомнилось Сакс. Едва ли не главный принцип в натаскивании молодых офицеров.

Когда они направились обратно к музею, охранник крикнул вдогонку:

– Эй, молодой?

Пуласки обернулся.

– Ты забыл принести кофе!

У входа в музей, разговаривая с сержантом, стоял Лон Селлитто. Он глянул на именной знак молодого патрульного и спросил:

– Пуласки, вы первым прибыли на место?

– Так точно, сэр.

– Рассказывайте.

Прочистив горло, новобранец указал в сторону переулка.

– Я занимал позицию на другой стороне улицы, примерно вон там, в соответствии с плановым заданием. Приблизительно в восемь тридцать жертва, афроамериканка женского пола, шестнадцати лет, обратилась ко мне, чтобы сделать…

– Можно попроще – своими словами, – прервала его Сакс.

– Да, конечно. В общем, я стоял примерно вон там, и тут ко мне подходит девчушка, сама не своя. Зовут ее Женева Сеттл, старшеклассница. Здесь была на пятом этаже – готовила какой-то доклад для школы. – Он указал на здание музея. – И тут этот громила на нее набросился. Белый, рост – метр восемьдесят, на лицо натянута лыжная маска. Собирался ее изнасиловать.

– Ты это откуда взял? – спросил Селлитто.

– Нашел «набор насильника» в библиотеке.

– Ты что, его открывал? – хмурясь, спросила Сакс.

– Только ручкой поддел, пальцами не прикасался.

– Хорошо. Продолжай.

– Девушка бросается к пожарному выходу, сбегает по лестнице в переулок. Преступник ее преследует, но, оказавшись снаружи, поворачивает в другую сторону.

– Кто-нибудь видел, как он уходил? – спросил Селлитто.

– Нет, сэр.

Селлитто огляделся.

– Ты устанавливал периметр?

– Так точно, сэр.

– Слишком близко – надо отодвинуть подальше. Запомни: репортеры липучие, как пиявки.

– Слушаюсь, детектив.

«Ты не знал. Зато теперь в курсе».

Пуласки заспешил отодвигать границы периметра.

– Где девочка? – спросила Сакс у сержанта – коренастого латиноамериканца с седой шевелюрой.

– Ее вместе с подругой забрал патрульный экипаж – повезли в ближайший участок. Оттуда она сможет позвонить родителям. – Осеннее солнце яркими бликами играло на его золотых перстнях. – Потом их вроде бы должны отвезти к капитану Райму. – Сержант рассмеялся. – А она сметливая. Знаете, чего отчудила?

– Что?

– Почувствовала неладное – взяла манекен и натянула на него свой свитер и шапочку. Налетчик купился. А девчонка выиграла время, чтобы сбежать.

Сакс рассмеялась:

– И ей только шестнадцать? Да уж, сметливая.

– Ты займись осмотром, а я опрошу свидетелей, – сказал ей Селлитто.

Чуть поодаль, сбившись в кучку, стояли несколько полицейских – один в форме и двое в штатском. Селлитто разослал их искать свидетелей среди прохожих, а также в магазинчиках и офисах по соседству. Еще несколько

человек он отправил опрашивать уличных продавцов – одни уже торговали кофе и пончиками, другие только расставляли лотки с хот-догами, булочками, шаурмой и фалафелями в пите.

Автомобильный гудок заставил Амелию обернуться. Прибыл фургон с оборудованием для сбора улик.

– Детектив! – поприветствовал ее вышедший из-за руля водитель.

Сакс кивнула ему и напарнику. С этими двумя ей уже приходилось работать на выездах. Сняв пиджак и отцепив кобуру с пистолетом, она облачилась в белый защитный костюм, после чего вновь пристегнула «глок», памятуя наставление Райма: «Поиск ведите тщательно, но и глядите в оба».

– Подсобите? – Она взяла металлический чемоданчик с оборудованием для сбора и транспортировки улик.

– А как же. – Один из вновь прибывших технарей подхватил два оставшихся чемодана.

Сакс как раз успела надеть на голову наушники с микрофоном и подключить шнур к рации, когда с «оттеснения прессы» вернулся Рон Пуласки и повел следователей в библиотеку. Выйдя из лифта на пятом этаже, группа повернула направо к двустворчатой двери, над которой значилось: «Зал Букера Т. Вашингтона».

– За этим дверями все и произошло.

Сакс и двое экспертов открыли чемоданчики и начали вынимать оборудование. Пуласки тем временем продолжал:

– Уверен, что налетчик вошел через них. Из зала есть еще выход – пожарная лестница. Но снаружи на нее не попадешь, а двери внизу не взломаны. Так вот, он входит здесь, запирает за собой дверь и подкрадывается к девочке. А ускользнула она через пожарный выход.

– Кто тебе открыл? – спросила Сакс.

– Дон Бэрри – главный библиотекарь.

– Он вошел с тобой?

– Нет.

– Где он сейчас?

– В кабинете на третьем этаже. Я тут подумал: а что, если это кто-нибудь из своих? Ну, понимаете. Так вот, я попросил его приготовить список всех белых мужчин – сотрудников музея – и пометить, кто где находился в момент нападения.

– Хорошо. – Сакс и сама планировала это сделать.

– Он пообещал принести список, как только все проверит.

– Ладно, скажи, что там внутри.

– Девочка сидела у аппарата для чтения микрофиш – направо за углом. Сразу увидите.

Пуласки указал в дальний конец большого зала, заставленного высокими стеллажами. Дальше начиналась экспозиция: манекены в старинных одеждах, картины на стенах, шкатулки с украшениями, кошельки, обувь, пряжки… Типичная музейная рухлядь – смотришь на нее и думаешь, в каком ресторанчике приземлиться, после того как насытишься культурной программой.

– Как здесь с охраной? – Сакс оглядела потолок в поисках камер наблюдения.

– Полный ноль: ни видеокамер, ни охранников, ни журнала для записи посетителей. Входи – не хочу.

– Проще и быть не может, да, Пуласки?

– Да, мэ… Да, детектив.

Сакс хотела было сказать, что «мэм», в отличие от «леди», звучит нормально, но не знала, как объяснить разницу.

– Вопрос: ты закрыл двери пожарного выхода внизу?

– Нет, оставил открытыми.

– Значит, здесь может быть еще горячо.

– Горячо?

– Преступник может вернуться.

– Я…

– Твоей ошибки здесь нет, Пуласки. Я просто должна быть в курсе.

– Ну… да, наверное, может и вернуться.

– Ладно, оставайся у дверей и слушай.

– Что слушать?

– Ну, например, если в меня будут стрелять. Хотя лучше, если ты сначала услышишь, как кто-то подкрадывается или передергивает затвор.

– В смысле – остаюсь прикрывать?

Сакс подмигнула и вошла в зал.

Значит, она собирает улики, размышлял Томпсон Бойд, наблюдая, как женщина внимательно осматривает пол, ищет отпечатки, следы и прочее, что в таких случаях положено искать. Он ничуть не беспокоился, зная, что сработал, как всегда, чисто.

Томпсон стоял у окна на шестом этаже здания напротив музея. Когда девчонка сбежала, он обогнул пару кварталов, вернулся, вошел в дом на противоположной стороне Пятьдесят пятой улицы и занял там наблюдательный пост.

Несколько минут назад ему представилась другая возможность убить девчонку: она разговаривала с полицейскими на улице, прямо у входа в музей. Но вокруг было слишком много полиции. Он успел сфотографировать ее мобильником, прежде чем их с подругой усадили в патрульную машину. Кроме того, здесь оставалось одно незавершенное дело.

Еще с тюремных времен Томпсон разбирался в полицейских, легко определял, кто лентяй, кто трус, а кто глупый и легковерный. Видел он и талантливых, проницательных копов, таких, которые могли представлять опасность.

Как эта женщина, за которой он сейчас наблюдал.

В очередной раз прокапав вечно саднящие глаза, он поймал себя на мысли, что женщина-детектив возбуждает в нем любопытство. Она осматривала место преступления с какой-то набожной сосредоточенностью; такое лицо иногда бывало у его матери в церкви.

Женщина-детектив скрылась из вида, но Томпсон, тихонечко насвистывая, по-прежнему смотрел в окно. Наконец она появилась снова. Он отметил про себя, с какой точностью она все делает: как

осторожно ступает, как аккуратно прикасается ко всему, чтобы случайно не уничтожить улики. Красотой и фигурой она могла бы завести любого мужчину; даже комбинезон не мешал представить, какое роскошное у нее тело. Конечно, сейчас Томпсону было не до того, и все же, глядя, как она работает, он чувствовал внутри какое-то неясное наслаждение.

Внезапно в сознании промелькнуло что-то из далекого прошлого… Томпсон нахмурился, глядя, как женщина ходит туда-сюда, туда-сюда… Да, вот оно. Ритм напомнил ему движения рогатых гремучников, которых показывал ему отец, когда они вместе охотились или гуляли в песках вокруг трейлера, в котором жили около Амарилло в Техасе.

«Смотри хорошенько, сынок. Видишь? Красавицы, да? Но не вздумай к ним подходить. Один поцелуй смерти – и ты мертвец».

Томпсон привалился к стене, продолжая смотреть, как женщина в белом комбинезоне методично вышагивает по библиотечному залу – взад-вперед, взад-вперед.

Глава 4

– Как успехи, Сакс?

– Хорошо.

Она как раз заканчивала «ходить по сетке» – выражение, означающее осмотр места преступления по принципу стрижки газона. Сначала движешься из конца в конец в одном направлении и возвращаешься тем же путем, забирая чуть в сторону. Затем все повторяется, только идти надо перпендикулярно прежнему курсу. При этом осматриваешь все пространство: сверху вниз, от пола до потолка. Таким образом ни один сантиметр, ни один ракурс не остается без внимания. Существует несколько способов обследования мест преступлений, но Райм всегда настаивал на методе сетки.

– Что значит «хорошо»? – с некоторым раздражением спросил Райм. Обобщений или, в его терминологии, «мягких» оценок он не признавал.

– Преступник оставил «набор насильника», – ответила Сакс. Поскольку канал связи предназначался для того, чтобы обеспечить виртуальное присутствие Райма на месте преступления, они пренебрегали обычными правилами радиопереговоров, как, например, оканчивать реплику словом «прием».

– Неужели? Все равно что оставить кошелек с документами. Что там?

– Вообще-то набор вполне типичный: рулон клейкой ленты, ножик, презервативы. Есть одна чудная деталь: карта таро. Знаешь, такая картинка с изображением висельника.

– Интересно, настоящий извращенец или прикидывается? – размышлял вслух Райм. Многие убийцы, в том числе «вашингтонские снайперы», застрелившие в две тысячи втором году десять человек, оставляли на местах преступлений карты таро.

Сакс продолжила:

– Что радует, так это аккуратненький полиэтиленовый пакетик, в который все упаковано.

– Прекрасно.

Преступники нередко пользуются перчатками, но частенько забывают про свои «пальчики» на предметах, которые приносят с собой. Так, насильников уже не раз находили по выброшенным оберткам от презервативов. Человек, которого они ищут, мог протереть ножик и все остальное, но забыть про пакет.

Она опустила «набор» в бумажный пакет для улик и отложила его в сторону. Для сохранности собранного материала бумажные мешки во многом практичнее пластиковых.

– Лежал на книжной полке недалеко от того места, где сидела девочка. Сейчас проверю на скрытые отпечатки.

Она обсыпала полки флуоресцентным порошком, надела очки с оранжевыми стеклами и включила фонарь специального освещения – технология, позволяющая рассмотреть невидимые невооруженным глазом следы крови, спермы и отпечатки пальцев. Поводив лампой вверх-вниз, Сакс сообщила:

– Отпечатков нет, видны следы латексных перчаток.

– Что ж, хорошо. По двум причинам, – лекторским тоном отозвался Райм, очевидно, решив проверить коллегу на догадливость.

По двум? Первую она поняла сразу: если найдется перчатка, то они снимут отпечатки с внутренней стороны пальцев – о чем преступники тоже частенько забывали. Но что второе?

Она задала вопрос Райму.

– Элементарно. Он скорее всего судим, и, когда мы найдем отпечаток, система его быстро определит.

Федеральная интегрированная система автоматизированной идентификации отпечатков пальцев (ИАФИС) вместе с аналогичной системой штата представляли собой электронные базы данных, способные определить совпадения с образцом за считанные минуты, а не за дни или даже недели, как при проверке вручную.

– Да, понятно. – Сакс немного расстроилась, что завалила экзамен.

– Что еще подразумевалось под «хорошо»?

– Вчера вечером здесь тщательно вычистили пол.

– А нападение произошло сегодня с утра. У тебя нетронутое поле, чтобы снять отпечатки подошв.

– Да. Здесь отчетливые следы.

Опустившись на колени, Сакс сняла электростатическое изображение следов мужской обуви. Отпечатки вели к столу, за которым сидела Женева. В одном месте нападавший переминался, готовясь к удару. Затем бросился догонять жертву к двери пожарного выхода. Кроме него, сюда заходил только Рон Пуласки, но начищенные до блеска форменные ботинки оставили совсем иной отпечаток.

Сакс рассказала Райму, как девочка воспользовалась манекеном, чтобы отвлечь киллера и сбежать. Райм одобрительно хохотнул.

– Он нанес ей, ну, то есть манекену, очень сильный удар. Тупым предметом. Настолько сильный, что расколол пластик-под мягкой вязаной шапочкой. Потом, видимо, пришел в ярость оттого, что его надули, и расколошматил аппарат для чтения микрофиш.

– Тупым предметом, – повторил Райм. – Можешь снять отпечаток вмятины?

В бытность свою главой отдела по обследованию мест преступлений, еще до травмы, Райм составил несколько баз данных для идентификации собранных улик и трасологической экспертизы отпечатков. Один из файлов содержал сотни изображений следов, которые оставляет на коже и предметах тупое орудие, будь то монтировка, человеческая кость или кусок льда. Внимательно изучив манекен и осколки аппарата, Сакс ответила:

– Нет, Райм, я ничего не вижу. Шапочка, которую Женева надела на ма…

– Женева?

– Так ее зовут.

– Хорошо. Продолжай.

Амелию задело, что Райм не проявил никакого интереса к самой девочке и тому, что той пришлось пережить. Такое случалось уже не впервые. Ее часто тревожило безразличие Райма к потерпевшим, а тот всегда отвечал, что профессионалу иначе нельзя. Кому нужен пилот, который, залюбовавшись закатом или испугавшись грозы, влетает прямехонько в гору? Тоже и с полицейскими. Мысль, конечно, понятная, но для Амелии Сакс жертвы были прежде всего людьми, а преступления – не столько задачками для криминалиста, сколько вопиющей несправедливостью. Особенно если жертва – шестнадцатилетняя девочка.

Сакс собралась:

– Шапочка рассеяла силу удара в месте контакта. От аппарата тоже остались одни осколки.

Райм сказал:

– Что же, прихвати с собой парочку образцов. На них могли остаться следы.

– Обязательно.

Сакс услышала в трубке чьи-то приглушенные голоса. И ответил Райм немного встревоженно:

– Заканчивай поскорее и возвращайся сюда.

– Почти закончила, – сказала Сакс. – Сейчас только пройдусь по сетке на пожарной лестнице… Райм, что там у тебя?

Тишина.

Когда он снова заговорил, беспокойства в его голосе только прибавилось.

– Все, Сакс, мне пора. Похоже, у меня гости.

– Кто?..

Но Райм уже отключился.

Женщина-детектив в белом комбинезоне скрылась из виду за краем окна.

Томпсона Бойда она больше не интересовала. Со своей смотровой площадки в шестидесяти футах над улицей он наблюдал за пожилым копом, который направлялся к группе свидетелей. Средних лет, грузный, в мятом костюме. Этот тип полицейских Бойд тоже хорошо знал: умом не блещет, зато хваткой отличается бульдожьей, под стать внешности. Такой будет докапываться до сути, и ничто его не остановит.

Когда толстяк кивнул вышедшему из музея высокому негру в коричневом костюме, Томпсон оставил свой пост и заспешил вниз по лестнице. На площадке первого этажа он остановился, достал из кармана револьвер и проверил, не забилось ли что между стволом и цилиндром. Может, вот такой щелчок, когда он откидывал и закрывал барабан, насторожил девушку?

И хотя сейчас вокруг не было ни души, Томпсон все проделал без единого звука.

На ошибках надо учиться.

«Все по инструкции».

Убедившись, что револьвер в порядке, Томпсон спрятал его под плащ, спустился по темному лестничному пролету в холл и вышел через дальнюю дверь на Пятьдесят шестую улицу. Потом свернул в переулок, который вывел его обратно к музею.

Выход из переулка на Пятьдесят пятую никто не охранял. Томпсон незаметно пробрался к побитому мусорному баку, из которого несло гнилью, и выглянул на улицу. Проезд уже открыли, но на тротуарах толпились десятки зевак. Полиция почти вся разъехалась. Женщина в белом комбинезоне – «поцелуй смерти» – была наверху. Перед входом стояли две патрульные машины и мини-фургон бригады криминалистов. Из полицейских оставались трое в форме, двое в штатском и помятый толстяк детектив.

Томпсон покрепче сжал револьвер. Пуля не самое надежное средство, но иногда выбирать не приходится. И если уж стрелять, то в сердце – никак не в голову. Пуля может просто скользнуть по черепу, да и попасть не так-то легко.

Нет, только в грудь.

Томпсон скользнул взглядом по толстяку детективу в помятом костюме – тот, опустив голову, рассматривал какой-то листок бумаги.

С каменным спокойствием Томпсон положил пистолет на левую руку, аккуратно прицелился и сделал четыре быстрых выстрела.

Первая пуля пробила бедро женщине, стоявшей на тротуаре.

Остальные настигли того, кому предназначались, – в середине его груди появились три крошечных отверстия. К тому времени как тело коснется земли, они превратятся в три кровавые розочки.

Девушки разительно отличались сложением, но Линкольн Райм сначала заметил то, как по-разному они смотрят.

Полная была одета броско, вся в блестящих побрякушках, с длинными оранжевыми ногтями. Ее взгляд плясал, как непоседливая мошкара, не задерживаясь ни на чем дольше секунды. Она обскакала глазами лабораторию: приборы, мензурки, химикаты, компьютеры, мониторы, бесконечные провода; глянула на его ноги… коляску, все время шумно жуя жвачку.

Вторая – невысокая, худенькая, похожая на мальчишку – была спокойна. Она не отрываясь смотрела на Линкольна. Один быстрый взгляд на коляску, и ее глаза вновь обратились к его лицу. Лаборатория ее не интересовала.

– Это Женева Сеттл. – Дженнифер Робинсон из патрульно-постовой службы кивнула на худышку. Женщина была хорошей знакомой Амелии Сакс и по ее просьбе привезла девушек из участка к Райму. – А это ее подруга Лакиша Скотт. Перестань жевать, Лакиша.

Девушка изобразила страдальческий вид, но жвачку вынула и сунула в сумочку, даже не потрудившись во что-нибудь завернуть.

Робинсон сказала:

– Они с Женевой вместе сегодня утром ходили в музей.

– Только я ничего не видела, – сразу предупредила Лакиша. Райм гадал, то ли она так нервничает из-за случившегося, то ли смущается, что он калека. Наверное, и то и другое.

Женева была в серой футболке, черных мешковатых штанах и кроссовках – последняя школьная мода, догадался Райм. Селлитто

сообщил, что ей шестнадцать, но выглядела она моложе. У Лакиши на голове красовалась масса тонких черных и золотых косичек, затянутых так туго, что в промежутках просвечивала кожа. Женева была коротко подстрижена.

– Я объяснила им, кто вы, капитан. – Робинсон обратилась к нему по званию, которое уже несколько лет как устарело. – И что вы зададите кое-какие вопросы насчет происшествия. Женева рвалась в школу, но я сказала, что придется подождать.

– У меня сегодня контрольные, – пояснила девушка.

Лакиша только присвистнула.

Робинсон продолжала:

– Сейчас ее родителей нет в стране, возвращаются ближайшим рейсом. А в их отсутствие за ней приглядывает дядя.

– И где они? Родители? – спросил Райм.

– Отец на симпозиуме в Оксфорде.

– Он что, профессор?

Женева кивнула:

– Преподает литературу в Хантере.[4]

Райму стало стыдно. Надо же было так удивиться, узнав, что у девочки из Гарлема интеллигентные родители, участвующие в международной научной жизни! Больше, чем на собственную зашоренность, он досадовал на ошибочность своих выводов. Да, по одежке ей самое место в уличной банде, но ведь напали на нее, когда она сидела в библиотеке, а не шаталась по подворотням и не таращилась с утра в телевизор.

Лакиша выудила из вместительной сумочки пачку сигарет.

Райм начал было:

– Здесь…

– …не курят, – закончил за него вошедший в комнату Том, после чего забрал пачку и запихал обратно в сумочку. Вот молодец – ничуть не смутился, что на него вдруг свалились две девушки-подростка. Он улыбнулся и спросил:

– Какую шипучку предпочитаете?

– А кофе есть? – спросила Лакиша.

– Найдется. – Том поочередно глянул на Дженифер Робинсон и на Райма. Оба только мотнули головой.

– Я крепкий люблю, – уточнила толстушка.

– Неужели? Я тоже. – Том посмотрел на Женеву. – Ты что-нибудь будешь?

– Спасибо, нет.

Райм с тоской посмотрел на бутылку скотча, стоящую поблизости на полке. Заметив его взгляд, Том усмехнулся и исчез в кухне. От слов патрульной Робинсон легче тоже не стало.

– Мне надо возвращаться в участок, сэр.

– Э-э… как, уже? – Райма охватило смятение. – Вы точно не можете задержаться на некоторое время?

– Не могу, сэр. Если я понадоблюсь, позвоните. «Да, нянька сейчас бы не помешала».

Райм не верил в судьбу, иначе разглядел бы в таком положении вещей искусно подстроенное возмездие: взявшись за это дело, он избежал поездки в больницу и теперь расплачивался за уловку. Ближайшие полчаса в компании двух школьниц грозили обернуться пыткой. Общение с молодежью – совсем не его конек.

– До встречи, капитан. – Робинсон вышла за дверь.

– Да-да, – пробормотал Райм вдогонку.

Через несколько минут с подносом в руках возвратился Том. Он налил Лакише чашечку кофе, а Женеве подал кружку – судя по запаху, с горячим какао.

– Я подумал, вдруг ты все-таки не откажешься, – сказал он. – Не хочешь, можешь не пить.

– Что ж, спасибо, не откажусь.

Женева посмотрела на дымящуюся поверхность, отхлебнула глоточек-другой, опустила кружку и уставилась в пол. Затем еще несколько раз пригубила напиток.

– Все в порядке? – спросил ее Райм.

Кивок.

– У меня тоже, – сообщила Лакиша.

– Он напал на вас обеих?

– Не-а, на меня нет. – Лакиша окинула его взглядом. – Ты как тот актер, который шею сломал? – Она, причмокнув, отхлебнула кофе, добавила сахара, снова отхлебнула.

– Да, точно.

– И ты совсем ничем не можешь пошевелить?

– Не особенно.

– Вот дерьмо.

– Киш! Остынь, подруга, – шепнула Женева.

– Нет, ну вообще!..

Повисла тишина. С появления девушек прошло каких-то восемь минут, а казалось – часы. Что теперь делать? Попросить Тома, чтобы тот сбегал купить какую-нибудь настольную игру?

Конечно, надо еще задать вопросы, но Райму не хотелось самому этим заниматься. Искусством допроса он не владел. В бытность на оперативной работе он раз десять допрашивал подозреваемых, но так и не добился пресловутого момента истины, когда подопечный вдруг ломается и во всем признается. Другое дело Сакс – у нее к подобным беседам прирожденный талант. Она не раз поучала новичков, что одним неверным словом можно все загубить, называя этот эффект «загрязнением сознания», – примерно как Райм считал главным грехом следователя «загрязнение места происшествия».

– А как ты тогда управляешься с креслом? – спросила Лакиша.

– Тсс! – зашипела Женева.

– Я только спрашиваю.

– Ну и не надо.

– Да чего такого? За спрос не бьют в нос.

От прежней робости у Лакиши не осталось и следа. И не такая уж она на самом деле простая. Поначалу делает вид, будто смущается, словно вся такая наивная и ранимая, заставляет поверить, что преимущество за тобой. Сама тем временем хорошенько присматривается, взвешивает ситуацию. И стоит ей во всем разобраться, решает, можно или нет распускать язык.

Вообще-то Райму даже полегчало, что нашлась тема для разговора. Он в деталях рассказал про блок управления коляской: как сенсорный экран, реагируя на прикосновение его безымянного пальца, способен менять направление и скорость перемещения.

– Один палец? – Киш глянула на свой оранжевый ноготь. – И больше ничем не можешь пошевелить?

– Не считая головы и плеч.

– Мистер Райм, – Женева смотрела на наручные часы, большие и красные, которые на ее тоненьком запястье особенно бросались в глаза, – у меня сегодня контрольные в школе. До первой всего часа два. Сколько вы нас еще продержите?

– Школа? – удивился Райм. – Сегодня тебе можно посидеть дома. Учителя поймут.

– Вообще-то сидеть дома я не хочу сама. Мне обязательно надо сдать тесты.

– Слушай, тебе человек говорит, что можно забить на тесты, а ты фигней страдаешь!

Женева уставилась подруге в глаза:

– К тебе это не относится. Ты не вздумай прогулять.

– При чем тут «прогулять», если нам отмазку дают, – с безупречной логикой заметила толстушка.

Раздался телефонный звонок, и Райм обрадовался.

– Команда: «ответить на звонок», – проговорил он в микрофон, закрепленный на дужке около губ.

– Клево! – У Лакиши брови поползли вверх. – Смотри, Жен. Я тоже такой хочу!

Женева что-то шепнула подруге. Та в ответ закатила глаза, потом отхлебнула кофе.

– Райм! – Голос Амелии.

– Сакс, они у меня, – с нотками раздражения ответил Райм. – Женева и ее подруга. Надеюсь, ты…

– Райм! – повторила Амелия каким-то странным тоном. Что-то стряслось.

– В чем дело?

– Преступник все-таки не покинул место происшествия.

– Он что – был там?

– Ага. Либо не уходил, либо сделал петлю и вернулся.

– С тобой все в порядке?

– Да. Охотился он не за мной.

– Что случилось?

– Подобрался совсем близко. Четыре выстрела. Ранена одна женщина… а свидетеля он уложил. Имя – Дон Бэрри, был главой музейной библиотеки. Три пули прямо в сердце – умер мгновенно.

– Ты уверена, что стрелял тот же человек?

– Сто процентов. Отпечатки следов на месте, откуда велся огонь, полностью идентичны следам в библиотеке. Лон только начал допрашивать свидетеля, стоял рядом, когда это случилось.

– Лон сумел разглядеть стрелка?

– Нет. Его никто не видел. Прятался за мусорным баком. Двое патрульных, присутствовавших при осмотре, бросились помогать женщине… у нее большая кровопотеря. Стрелок смешался с толпой – просто растворился.

– Близким уже сообщили?

– Лон собирался позвонить, но у него что-то с телефоном. В итоге им позвонил сержант из группы поддержки.

– Ладно, Сакс, возвращайся и вези сюда все, что там собрала… Команда: «отключиться».

Райм поднял Глаза: девушки таращились на него.

– Похоже, человек, который на тебя напал, все время был там. Или вскоре вернулся. Он застрелил библиотекаря и…

– Мистера Бэрри? – У Женевы Сеттл перехватило дыхание. Она вся напряглась, прямо-таки застыла на месте.

– Точно.

– Во дерьмо! – шепотом сказала Лакиша и закрыла глаза.

Спустя секунду Женева, плотно сжав губы и опустив голову, поставила на стол кружку с какао.

– О нет, о нет…

– Сожалею, – сказал Райм. – Он был твоим другом?

Девушка помотала головой:

– Не то чтобы… Просто помогал мне с докладом. – Женева передвинулась на самый край стула. – Какая разница, друг он был или нет? Его убили, и это ужасно. – Потом зло добавила шепотом: – Ну почему? Зачем его убили?

– Думаю, потому что он был свидетелем. Мог опознать нападавшего.

– Значит, он умер из-за меня.

Райм пробормотал что-то успокаивающее: никакой ее вины нет; не она устроила на себя нападение; Бэрри просто не повезло – оказался в неудачном месте в неудачное время.

Однако его слова не возымели никакого действия. Лицо у Женевы окаменело, взгляд стал холодным. Райм понятия не имел, что делать дальше. Мало того что ему пришлось терпеть рядом с собой подростков, теперь их еще надо успокаивать, отвлекать от новой трагедии. Он подкатил кресло поближе к девушкам и, собрав волю в кулак, завел какой-то ничего не значащий разговор.

Глава 5

Через двадцать минут вернулись Сакс и Селлитто в компании молодого белокурого патрульного по фамилии Пуласки.

Селлитто пояснил, что взял юного патрульного, чтобы помочь им принести и рассортировать собранные улики. Сам Пуласки прямо-таки светился от энтузиазма – совсем еще новичок. Его, очевидно, предупредили о состоянии Райма; молодой офицер старательно не замечал, что детектив парализован. Райм на дух не переносил такого притворства; уж лучше бесцеремонность Лакиши.

«Нет, ну вообще, во дерьмо!»

Детективы поздоровались с девушками. Пуласки взглянул на них сочувственно и дружески справился, как дела. Заметив на его пальце уже не новое обручальное кольцо, Райм сделал вывод о раннем юношеском браке. Так смотреть могут лишь те, у кого есть свои дети.

Лакиша ответила:

– Я в шоке! Какой-то козел набросился на мою подругу! Ужас! А ты как думал?

Женева только сказала, что с ней все нормально.

– За тобой сейчас присматривает кто-то из родных? – спросила ее Сакс.

– Дядя. Будет жить у нас, пока родители не вернутся из Лондона.

Взгляд Райма случайно упал на Лона Селлитто. За последние два часа тот сильно переменился. От прежнего воодушевления не осталось и следа. Глаза стеклянные, весь какой-то дерганый. Райм заметил, что он поминутно трогает щеку и уже натер ее докрасна.

– Тебя что, зацепило? – спросил Райм, вспомнив, что Лон стоял рядом с убитым библиотекарем. Могло царапнуть каменной крошкой, если одна из пуль прошла навылет и ударилась в стену.

– А? Что? – До Селлитто дошло, что он трет себе щеку, и его рука тут же упала. Стараясь говорить тише, чтобы не услышали девушки, он сказал:
– Я был рядом с жертвой, и меня немного кровью забрызгало. Ничего, все нормально.

Однако через пару секунд он вновь принялся рассеянно тереть то же место.

Райм вспомнил обыкновение Сакс чесать в затылке или кусать ногти – навязчивая привычка коренилась в ее темпераменте, в необъяснимом метании духа, присущем большинству копов. Полицейские мучают себя сотнями разных способов. У Сакс все ограничивается мелочами, другие офицеры срываются на близких, из-за этого рушатся семьи, ожесточаются детские сердца. Некоторые кончали с собой, засунув в рот дуло служебного пистолета. Но за Лоном Селлитто ничего похожего раньше не водилось.

Женева обратилась к Сакс:

– А ошибки здесь никакой нет?

– Ошибки в чем?

– Ну, насчет доктора Бэрри?

– Нет, увы. Он погиб.

Девушка стояла не шелохнувшись. Райм почти физически ощущал ее горе.

И еще злость. Глаза сузились в две яростные черные точки. Затем она глянула на часы и повернулась к Райму:

– Вы не забыли, что у меня тесты?

– Сначала покончим с кое-какими вопросами, а там будет видно. Сакс?

Закончив раскладывать улики и заполнять бумаги, Сакс взяла стул и села возле Райма. Сначала она попросила Женеву рассказать, как все произошло. Девушка объяснила, что искала статью в старом журнале и тут в библиотечный зал кто-то вошел. Послышались шаги, затем смешок, мужской голос сказал кому-то пару прощальных слов, хлопнула крышка мобильника.

Женева прищурилась.

– Послушайте-ка, а может, стоит проверить всех операторов мобильной связи в Нью-Йорке, узнать, кто звонил?

Райм усмехнулся:

– Неплохая идея. Но в Манхэттене ежесекундно говорят по сотовому около пятидесяти тысяч абонентов. Да и вряд ли он на самом деле звонил.

– Просто так шифровался? Откуда ты знаешь? – Лакиша украдкой сунула в рот две жевательные пластинки.

– Я не сказал, что знаю. Только предполагаю. Все его действия имели одну цель – заставить Женеву ослабить бдительность. На людей, разговаривающих по мобильному, редко обращают внимание.

Женева закивала.

– Точно, когда он вошел, мне сначала стало не по себе. Потом я услышала, как он разговаривает по телефону. У меня мелькнула мысль, что неприлично вести себя так в библиотеке, но страх пропал.

– Что было дальше? – спросила Сакс.

Женева рассказала, как услышала второй щелчок – вроде бы от пистолета, а потом увидела человека в лыжной маске. Как разобрала манекен и натянула на него свою одежду.

– Клево, – с гордостью вставила Лакиша. – Мозговитая у меня подруга.

Райм мысленно с ней согласился.

– Я пряталась за книжными полками, а когда он подошел к столу, бросилась к пожарному выходу.

– Ты сумела его рассмотреть? – спросила Сакс.

– Нет.

– Какого цвета была маска?

– Темного, точней не скажу.

– А остальная одежда?

– На самом деле я почти ничего не видела. Во всяком случае, ничего не помню. Меня просто прибило.

– Да уж, можно представить, – кивнула Сакс. – А когда ты стояла за стеллажами, ты за ним наблюдала? Ну, чтобы выбрать момент для побега?

Женева сдвинула брови.

– А ведь точно – смотрела. Совсем из головы вылетело. Подглядывала из-за нижних полок, дожидаясь, когда он подойдет к столу.

– Тогда, может, ты все-таки смогла еще что-нибудь разглядеть?

– Ой, и правда, кое-что вспомнила. Кажется, на ногах у него были коричневые ботинки. Точно, коричневые, только не темные, а более светлого оттенка.

– Отлично. А брюки?

– Темные, я уверена. Но видела я только отвороты.

– А запахи какие-нибудь уловила?

– Нет… хотя постойте. Да. Был какой-то сладковатый запах, вроде цветочного.

– Ладно, что дальше?

– Он подошел к стулу, раздался жуткий хруст и еще несколько звуков. Как будто что-то разбилось.

– Аппарат для микрофиш. Он его расколотил, – сказала Сакс.

– В тот момент я уже неслась к пожарному выходу. Сбежала по лестнице, на улице нашла Лакишу, и мы вместе решили бежать. Потом я подумала, что он может напасть на кого-то еще. Мы повернули назад, – Женева посмотрела на Пуласки, – и увидели вас.

Обращаясь к Лакише, Сакс спросила:

– Ты видела нападавшего?

– Нет. Я проветривалась на улице, и вдруг Жен несется ко мне со всех ног, глаза бешеные, можете представить. Но сама я ничего не видела.

Райм спросил у Селлитто:

– Преступник застрелил библиотекаря, потому что тот был свидетелем. Так что видел Бэрри?

– Сказал, что ничего. Принес мне список белых сотрудников музея, на тот случай если это кто-то из них. Таких оказалось двое, обоих проверили. Один в момент нападения отвозил дочь в школу, второй находился в главном офисе на глазах у многих свидетелей.

– Значит, наш деятель – импровизатор, – вслух предположила Сакс. – Увидел, как девушка входит в музей, и двинулся следом.

– Почему музей? – задумчиво проговорил Райм. – Странный выбор.

Обращаясь к обеим девушкам, Селлитто спросил:

– За вами сегодня никто не увязывался?

Лакиша сказала:

– Мы добирались на подземке, в самый час пик. Народу было тучища – не продохнуть. Я никаких чудиков не заметила. А ты?

Женева помотала головой.

– В последние дни к вам кто-нибудь приставал?

Ни та ни другая не смогли припомнить ничего подобного. Женева смущенно сказала:

– Вообще ко мне не особо липнут. Габариты не те и буфера незачетные.

– Чего-чего?

– Нефигуристая она, – перевела Лакиша, у которой явно с габаритами и буферами все было в порядке. Потом нахмурилась и глянула на Женеву: – Ты чего, подруга? Не надо так о себе.

Сакс заметила на лице Райма напряженное выражение.

– О чем задумался? – спросила она.

– Что-то здесь не вяжется. Давайте-ка, пока Женева здесь, пройдемся по уликам. Может, с ее помощью удастся кое-что лучше понять.

Но девушка, помотав головой, приподняла руку с часами:

– У меня тесты.

– Времени много не займет, – успокоил ее Райм.

Женева посмотрела на подругу:

– Ты еще успеешь на первый урок.

– Нет, я с тобой. Несколько часов торчать за партой и переживать за тебя?

Женева криво усмехнулась:

– Понимаю. – Потом обратилась к Райму: – Вам она больше не нужна?

Тот встретился взглядом с Сакс, которая отрицательно покачала головой. Селлитто записал адрес и телефон девушки.

– Мы тебе позвоним, если будут вопросы.

– Лучше возьми выходной, подруга, – сказала Лакиша. – Просто забей на уроки и посиди дома.

– Увидимся в школе, – твердым тоном ответила ей Женева. – Я там тебя найду? – Одна бровь вопросительно приподнялась. – Отвечаешь?

Два громких щелчка жвачкой, потом вздох.

– Отвечаю.

У самых дверей Лакиша обернулась, посмотрела на Райма:

– Эй, мистер, тебе еще долго на этом кресле кататься?

Никто не осмеливался нарушить неловкое молчание. Неловкое для всех, кроме него самого.

– На скорое выздоровление рассчитывать не приходится, – ответил криминалист.

– Во дерьмо.

– Это точно, – согласился Райм. – Дерьмо еще то.

Девушка вышла в прихожую, откуда до них донеслось: «Смотри, куда прешь, козел!» Хлопнула входная дверь.

Глядя через плечо туда, где только что едва увернулся от юной девушки, превосходящей его на пару весовых категорий, в комнату вошел Мэл Купер.

– Ладно, – сказал он, ни к кому в частности не обращаясь, – проехали.

Стянув с плеч зеленую ветровку, он кивком поприветствовал присутствующих.

Несколько лет назад, когда этот худенький лысеющий человечек состоял судебным экспертом в захолустном полицейском управлении где-то на севере штата, Райму, который в те времена возглавлял Отдел криминалистической экспертизы нью-йоркского управления, пришлось

выслушать от него вежливые, но настойчивые разъяснения об ошибочных результатах одного из своих анализов. Райм очень уважал тех, кто в отличие от всяческих лизоблюдов указывал ему на ошибки, разумеется, по делу. А Купер тогда оказался прав. Райм не откладывая начал добиваться его перевода к себе в отдел и довел свою кампанию до успешного завершения.

Купер был не просто прирожденным ученым, но, что еще более важно, прирожденным ученым-криминалистом. Понятие «криминалист» часто увязывают исключительно с работой на месте преступления, тогда как на самом деле оно включает в себя все аспекты представления дела в зале суда. Сырые факты необходимо сделать пригодными для обвинения, только тогда работу криминалиста можно считать успешной.

По всем внешним признакам Купер скорее походил на фаната компьютерных игр: жил у мамы, носил слаксы и хлопчатобумажные рубашки в полоску, сложением не отличался от Вуди Аллена. Однако наружность и тут оказалась обманчивой. Его спутница жизни была высокой эффектной блондинкой. Их часто можно было увидеть порхающими в унисон на танцевальных конкурсах, где они нередко выходили победителями. А с недавних пор еще взялись за стрельбу по тарелочкам и виноделие – занятие, в котором Купер неукоснительно делал все по науке.

Сейчас Райм ввел Купера в курс дела, и они приступили к уликам.

– Давайте сначала разберемся с набором, – скомандовал Райм.

Купер натянул латексные перчатки и вопросительно глянул на Сакс. Та указала ему на бумажный пакет с «набором насильника». Купер развернул на столе газету и, распечатав бумажный контейнер, извлек шуршащий полиэтиленовый пакет с большим желтым смайликом. Раскрыв пакет, Купер остановился.

– Чем-то пахнет… – Он глубоко втянул носом воздух. – Цветочный запах. Только не пойму, какой именно. – После чего поднес пакет к Райму, чтобы тот смог понюхать. Аромат казался знакомым, но точное определение ускользало.

– Женева?

– Что?

– Этот запах ты чувствовала в библиотеке?

Поднеся к носу открытый пакетик, девушка сказала:

– Да, точно этот.

Сакс наконец внесла ясность:

– Жасминовый.

– Занесите на доску.

– Какую доску? – спросил Купер, оглядываясь.

Во время каждого расследования Райм требовал чертить маркером таблицу на белой доске и заносить туда все установленные улики и приметы преступников.

– Начните новую таблицу, – скомандовал он. – Нам надо сразу его как-то назвать. Есть идеи?

Но вдохновение никого не посетило.

– Ладно, на творческий поиск нет времени. Сегодня ведь девятое октября? 10/9?[5] Значит, обозначим его как подозреваемый десять-девять. Том! Без твоего каллиграфического дарования нам не обойтись.

– Зато обойтись без грубой лести, – отозвался Том, входя с горячим кофейником.

– Записывай: объект десять-девять… Приметы и улики. Белый мужчина. Рост?

– Трудно сказать, мне все кажутся высокими. Ну, метр восемьдесят, – произнесла Женева.

– Ты, очевидно, очень наблюдательна, так что положимся на твою оценку. Вес?

– Не то чтобы очень толстый или худой. – Девушка на мгновение смутилась, потом добавила: – Примерно как доктор Бэрри.

– Чуть больше восьмидесяти килограммов, – уточнил Селлитто. – Возраст?

– Не знаю – лица я не видела.

– Голос?

– Не обратила внимания… Средний, непримечательный.

Райм продолжил диктовать Тому:

– А также: светло-коричневые ботинки, темные брюки, темная лыжная маска. Комплект в пакете с запахом жасмина. Его запахом. Вероятно, мыло или лосьон.

– Какой такой комплект? – переспросил Том.

– Набор насильника. – Женева посмотрела на Райма: – Не надо ради меня ничего подслащивать.

– Что ж, вполне справедливо, – кивнул в ответ Райм. – Идем дальше.

Он заметил, как у Сакс вспыхнуло лицо, когда та увидела пакет.

– В чем дело?

– Держать набор насильника в пакете со смайликом... Какой все-таки урод!

Райм даже слегка растерялся.

– Но ты согласна, что это его промах и нам он только на руку?

– На руку?

– Сужается круг поиска. Хуже, чем пакет с логотипом конкретного магазина, но лучше, чем вообще не помеченный.

– Пожалуй. И все равно... – Ее лицо исказила гримаса.

Мэл Купер начал перебирать содержимое пакета. Первой вынул карту таро с изображением подвешенного за ногу мужчины. От головы человека расходились лучи света. Выражение лица было странно безразличным. Похоже, боли он не испытывал. Сверху над картинкой стояла римская цифра XII.

– Это тебе о чем-нибудь говорит? – спросил у Женевы Райм.

Девушка помотала головой.

– Что-нибудь культовое или ритуальное? – задумчиво произнес Купер.

– Минуточку.

Сакс достала мобильник и набрала номер.

– Вызвала специалиста. По картам.

– Хорошо.

Купер исследовал карту на отпечатки, но ничего не нашел.

– Что там еще в пакете? – спросил Райм.

– Так… нетронутый рулон клейкой ленты, перочинный нож, презервативы «Троян» – ничего, что можно было бы отследить. И, приготовились… фокус-покус! – В приподнятой руке Купер сжимал какой-то клочок бумаги. – Квитанция о покупке!

Райм подкатился поближе, чтобы взглянуть на бумажку. Названия магазина отбито не было; обычный кассовый чек. Бледно пропечатанный.

– Это нам мало что даст, – поделился мыслью Пуласки и сразу пожалел, что открыл рот.

Зачем он вообще здесь, удивленно подумал Райм. Ах да, помогает Селлитто.

– Позвольте не согласиться. – Голос Райма прозвучал резко. – Нам это о многом говорит. Сравните ценники на предметах с квитанцией – он все купил в одном магазине, а также еще что-то за пять девяносто пять, чего нет в пакете. Вероятно, колоду таро. И что мы имеем? Магазин, в котором продают клейкую ленту, перочинные ножи и презервативы. Скорее всего универсам или аптекарский магазин широкого профиля. Понятно, что магазин не фирменный, потому что ни на пакете, ни на чеке нет логотипа; очевидно также, малобюджетный, поскольку кассовый аппарат не компьютеризированный. О низких ценах я и не говорю. А расположен он, судя по налогу с продаж… – Райм прищурился, подсчитывая процентную ставку налога по итоговой сумме. – Черт, кто в ладах с математикой? Высчитайте процент.

– У меня есть калькулятор. – Купер принялся хлопать себя по карманам.

Женеве хватило одного взгляда на чек.

– Восемь, запятая, шестьсот двадцать пять.

– Как это ты? – удивилась Сакс.

– Просто могу, и все, – ответила девушка.

Райм повторил вслух:

– Восемь, запятая, шестьсот двадцать пять – городской налог плюс налог штата. Значит, магазин в одном из пяти городских районов. – Взгляд в сторону Пуласки: – Ну как, патрульный, по-прежнему считаете, что это нам мало говорит?

– Все понял, сэр.

– Формально я больше не на службе, так что «сэр» – лишнее. Теперь: проверьте все улики на отпечатки. Посмотрим, что удастся найти.

– Мне проверить? – нерешительно спросил молодой офицер.

– Нет. Я это им.

Чтобы снять отпечатки с разных материалов, Купер и Сакс использовали разные методы. Для гладких поверхностей применялись флюоресцирующий порошок и пары суперклея, для пористых – пары йода и нингидрин. В результате отпечатки можно было увидеть либо невооруженным глазом, либо в определенном диапазоне спектра.

Наконец Купер поднял голову и обвел всех взглядом из-за оранжевых стекол специальных очков:

– Одинаковые отпечатки на чеке и на всех остальных предметах. Только вряд ли они принадлежат мужчине ростом под метр восемьдесят – очень уж маленькие. Мое мнение: их оставила либо миниатюрная женщина, либо девушка-подросток – кассирша в магазине. Есть также смазанные следы, из чего заключаю, что преступник стер свои «пальчики».

Маслянистые и органические соединения, которые выделяет человеческая кожа, не так просто удалить полностью, однако достаточно слегка протереть поверхность, чтобы сделать отпечатки непригодными для идентификации.

– Проверьте все, что удалось снять, по федеральной базе.

Купер перенес оттиски на специальную пленку, затем отсканировал. Десять минут спустя поступил результат проверки по системе ИАФИС. Ни в одной из основных баз федерального уровня, а также базах города и штата совпадений не обнаружилось. Купер дополнительно отправил запросы в несколько местных баз данных, не входящих в единую систему ФБР.

– Теперь по обуви, – скомандовал Райм.

Сакс показала ему снятый на месте происшествия электростатический отпечаток. Подошвы изношенные – ботинки явно не новые.

– Одиннадцатый размер, – заключил Купер.

Размер ноги приблизительно соотносится с ростом и типом телосложения, хотя в суде такая связь не считается твердым доказательством. Тем не менее размер обуви преступника говорил о том, что Женева правильно оценила его рост.

– Марку установить можно?

Купер проверил скан отпечатка по базе данных и нашел соответствие.

– Прогулочные туфли «Басс». Им, должно быть, не меньше трех лет – тогда прекратился выпуск этой модели.

– Судя по износу подошвы, правая нога у нашего объекта слегка вывернута наружу, но без заметной хромоты, серьезных бурситов, вросших ногтей и прочих malades des pieds.

– Не знал, что ты говоришь по-французски, Линкольн, – заметил Купер.

На самом деле Райм французским не владел, а сочетание malades des pieds – болезни ног – узнал, когда по ходу дела о недостающих правых ботинках беседовал с полицейским-французом.

– Что с остальными образцами?

Купер принялся за пакетики с мельчайшими частичками, собранными Сакс при помощи липкого валика, вроде тех, которыми снимают с одежды волосы или шерсть. В таком деле валики удобнее ручных пылесосов.

Купер нацепил на нос очки, пинцетом достал из пакетика микроскопические частицы, разложил их по предметным стеклышкам и вставил в микроскоп. Затем настроил увеличение и навел резкость. На плоских компьютерных мониторах, развешанных и расставленных по всей комнате, возникло изображение, которое Райм, развернув кресло, начал внимательно разглядывать. Какие-то точки, похожие на пылинки, несколько волокон, белые пушистые хлопья и еще нечто напоминающее крошечные, янтарного цвета, скорлупки – экзоскелеты насекомых. Когда Купер повернул предметный столик микроскопа, стали видны какие-то пористые шарики из грязного волокнистого материала.

– Откуда эти образцы?

Сакс сверилась с подписями на бирках.

– Источников два: пол у стола, за которым сидела Женева, и то место за мусорным баком, откуда преступник стрелял в Бэрри.

Трасологические образцы, взятые в публичных местах, редко оказываются полезными. Слишком велика вероятность того, что микроскопический материал занесен случайными людьми. Однако сходные элементы, обнаруженные в образцах с двух разных участков, почти однозначно указывают на принадлежность преступнику.

– Благодарю тебя, Господи, – сказал Райм, – что ты сотворил ботинки с рельефной подошвой.

Сакс с Томом переглянулись.

– Чего это вы коситесь? – спросил Райм, продолжая смотреть на экран. – Удивлены? А я, между прочим, тоже могу пошутить.

– В кои-то веки, – пробормотал его помощник.

– Как твой радар клише, Лон? Засек передачу? Ладно, возвращаемся к делу. Мы установили, что образцы принадлежат объекту. Но что это такое? Могут ли они вывести нас на его берлогу?

Анализируя улики, ученый-криминалист должен решить пирамидально усложняющуюся задачу. Первое и, как правило, самое простое – идентифицировать исследуемый образец (установить, что бурое пятно – кровь, а также человеческая она или животная; или что крошечный кусочек свинца – это фрагмент пули).

Далее следует классифицировать образец, то есть занести его в подкатегорию (установить резус-фактор и группу крови, а по фрагменту пули – калибр оружия). Для полиции или судебного обвинителя принадлежность улики к определенному классу может оказаться полезной, если выявлена связь между подозреваемым и другими уликами: на рубашке обнаружено пятно крови той же группы и резус-фактора, подозреваемый владеет оружием того же калибра. Однако прямым доказательством такая связь не считается.

И наконец, главная задача любого криминалиста – установить индивидуальную принадлежность улики, выявить однозначную связь с определенным лицом или местом (ДНК крови на рубашке подозреваемого совпадает с ДНК крови жертвы; на пуле имеется уникальная отметина, которую мог оставить только пистолет подозреваемого).

Сейчас Райм с коллегами стояли на самой первой ступени криминалистической пирамиды. Взять, к примеру, волокна. В США ежегодно производятся тысячи различных типов волокон и ничуть не меньше красителей, однако несколько сузить задачу им все-таки удалось. Купер установил, что волокна, оставленные преступником, не животного или неорганического происхождения, а растительного и что они относительно толстые.

– Веревка из хлопковых нитей, – предположил Райм.

Купер, просматривающий базу растительных волокон, кивнул:

– Да, все верно. Но производителя установить невозможно.

Одно из волокон было чистым, зато на другом имелся какой-то красящий агент бурого цвета. Купер предположил, что это кровь, что вскоре и подтвердилось с помощью фенолфталеинового исследования на наличие следов крови.

– Его кровь? – поинтересовался Селлитто.

– Как знать? – рассматривая образец, ответил Купер. – Но определенно человеческая. Концы волокон сдавлены и повреждены. Я бы сказал, что это удавка. С подобным мы уже сталкивались. Скорее всего это и было предполагаемое орудие убийства.

Тупым тяжелым предметом преступник планировал не убить, а только оглушить жертву (забить человека насмерть – дело трудное и грязное). Конечно, у него был пистолет, но, чтобы не поднимать шума и уйти незамеченным, такой способ убийства не годился. А вот удавка, напротив, имела смысл.

Женева вздохнула:

– Мистер Райм, мой тест.

– Тест?

– В школе.

– Ах да, минуточку... Мне надо знать, какому насекомому принадлежат найденные экзоскелеты.

Сакс обратилась к Пуласки:

– Офицер.

– Слушаю, мэ... детектив.

– Не откажетесь немного помочь?

– Буду рад.

Распечатав на цветном принтере фрагмент экзоскелета, Купер вручил листок новичку. Сакс усадила его перед монитором компьютера, набрав на клавиатуре команды доступа к энтомологической базе данных. Полицейское управление Нью-Йорка, одно из немногих в мире, располагало не только огромным набором данных по насекомым, но и штатным криминалистом-энтомологом. После небольшой паузы экран начал быстро заполняться ярлычками с изображениями разных частей насекомых.

– Ого, сколько их тут! Вообще-то я ничем таким раньше не занимался... – Пуласки напряженно щурился на экран, по которому мелькали картинки.

Сакс едва сдержала улыбку.

– Не совсем то же, что дежурить на месте происшествия, да? Прокручивай их помедленнее и старайся уловить наибольшее сходство с образцом. Тут главное не торопиться.

Райм добавил:

– В криминалистической экспертизе ошибки чаще всего происходят из-за спешки персонала.

– Я не знал.

– Зато теперь в курсе, – подытожила Сакс.

Глава 6

– Что это, черт возьми, за белые плюхи? Мне нужен анализ, – распорядился Райм.

Мэл Купер отделил несколько образцов от липучки и поместил их в хромато-масс-спектрометр. Анализ занял около четверти часа, и пока остальные дожидались результатов, Купер по частицам восстановил пулю, которую врачи извлекли из ноги раненой женщины. Стреляли скорее всего из револьвера – не удалось найти ни одной гильзы.

Разглядывая зажатые пинцетом осколки, Купер произнес вполголоса:

– Ого, жуть какая. Калибр всего двадцать второй, а патроны – «магнум».

– Отлично. – Райм был доволен, потому что мощные магнумовские патроны редки и отследить их легче. И стреляли из револьвера, что также сужает поиск.

Сакс, сама большой знаток стрельбы из ручного оружия, сказала не глядя:

– Такие, насколько я знаю, производит только «Норт американ армз». Возможно, «Черная вдова», но скорее всего «Мини-мастер». Четырехдюймовый ствол повышает точность, а наш объект стрелял очень кучно.

Райм обратился к корпящему над уликами эксперту:

– Мэл, а в каком смысле «жуть»?

– Взгляните.

Райм, Сакс и Селлитто придвинулись поближе к столу, на котором Купер пинцетом разбирал залепленные кровью металлические фрагменты.

– Похоже, сам отливал.

– Разрывные?

– Если бы просто разрывные! Пуля полая, с тонкими свинцовыми стенками, была нашпигована вот этим.

На газете лежали с полдюжины крошечных иголочек почти в сантиметр длиной. При попадании свинцовая оболочка разрушается, и стальные шипы веером пронизывают тело. Несмотря на малый калибр, такие пули гораздо разрушительнее обычных. Их назначение – не остановить нападающего, а причинить максимальный ущерб внутренним органам. И ранения нестерпимо болезненны.

Пристально глядя на иглы, Лон Селлитто потряс головой и потер невидимое пятно на щеке, видимо, думая о том, как сам чуть не схлопотал такую пулю.

– О Боже… – Он откашлялся, смущенно хохотнул и отошел от стола.

В отличие от лейтенанта Женева отреагировала гораздо спокойнее. Ей как будто и дела не было до того, чем вооружен напавший на нее преступник. Снова взглянув на часы, она нетерпеливо нахохлилась.

Купер отсканировал самые крупные фрагменты пули и сделал по ним запрос через ИБИС, Интегрированную компьютерную систему баллистической экспертизы, которой пользуются не меньше тысячи полицейских управлений по всей стране, а также через фэбээровскую систему ДРАГФАЕР. Это огромные компьютерные базы данных, в которых по гильзе, пуле или отдельным фрагментам можно, например, быстро определить, была ли пуля, извлеченная из тела жертвы пять лет назад, выпущена из того же оружия, что сегодня изъяли у подозреваемого.

Однако проверка дала отрицательные результаты, а сами металлические шипы оказались обломками швейных иголок, какие продаются в любом магазине.

– Просто никогда не бывает, – пробормотал Купер. Райм заставил его проверить всех зарегистрированных владельцев револьверов «Мини-мастер» и «Черная вдова» 22-го калибра. В списке насчитывалось около тысячи человек, и ни за одним из них не числилось преступлений. Закон не требует от владельцев оружейных магазинов следить за судьбой своих клиентов, поэтому такой информации у них просто не было. На данный момент оружие не дало никаких зацепок.

– Пуласки? – прогремел Райм. – Ну что там с этим жучком?

– В смысле с экзоскелетом – так ведь вы, кажется, его назвали? Вы его имеете в виду, сэр?

– Да-да-да, его. Ну так что там?

– Пока никаких результатов. А что такое экзоскелет?

Райм не ответил. Глянув на экран монитора, он увидел, что молодой офицер едва приступил к отряду полужесткокрылых и до конца ему еще далеко.

– Продолжай и не отвлекайся.

Компьютер спектрометра просигналил о завершении анализа. На экране отобразилась ломаная кривая с несколькими строками текста.

Купер наклонился поближе и прокомментировал:

– Итак, вот что мы имеем: куркумин, диметоксикуркумин, бисдиметоксикуркумин, летучие масла, аминокислоты, лизин с триптофаном, теронин, изолейцин, хлорид, следы различных белков, большое содержание крахмалов, масел, триглицеридов, натрия, полисахаридов… Впервые встречаю подобное сочетание.

В том, что касается определения составных компонентов, хромато-масс-спектрометрия способна творить чудеса, но не очень годится для определения целого. Кое-что, например бензин или взрывчатку, Райму нередко удавалось вычислить по результатам анализа. Однако такого состава он еще не видел. Слегка склонив набок голову, он принялся группировать те компоненты из списка, которые, с его точки зрения как ученого, соотносились друг с другом.

– Куркумин, его производные и полисахариды, очевидно, связаны между собой.

– Очевидно, – язвительно заметила Сакс, которая в школьные годы научным дисциплинам предпочитала автогонки.

– Обозначим их «вещество номер один». Далее, аминокислоты, прочие белки, крахмалы и триглицериды тоже часто встречаются вместе. Их мы обозначим как «вещество номер два». Хлорид…

– Это яд, верно? – подал голос Пуласки.

– …натрия, вероятней всего, обычная поваренная соль. – Взгляд в сторону Пуласки: – Вещество, опасное только для людей с повышенным артериальным давлением. И для садовых слизняков.

Новичок снова вернулся к насекомым.

– Аминокислоты, крахмалы, масла наводят меня на мысль, что вещество номер два – какая-то еда, что-то соленое. Мэл, проверь по Сети, в каких продуктах используется куркумин.

Через несколько секунд Купер ответил:

– Ты прав, куркумин – натуральный краситель для пищевых продуктов. Часто встречается в сочетании с остальными ингредиентами вещества номер один, а также с летучими маслами.

– В каких именно пищевых продуктах?

– Сотни наименований.

– Нельзя ли что-нибудь поконкретнее?

Купер принялся зачитывать длинный перечень, но Райм его прервал:

– Подожди-ка, а поп-корн в списке есть?

– Так, посмотрим… да, есть.

Райм развернулся к Пуласки и бросил:

– Можешь закончить.

– Как закончить?

– Это не экзоскелет, это шелуха кукурузных зерен. Мог бы сразу догадаться, черт бы меня побрал! – Ругательство, однако, вышло беззлобным. – Том, записывай. Наш подопечный – любитель воздушной кукурузы.

– Мне так и записать?

– Разумеется, нет. Может, он поп-корн на дух не переносит. Может, работает на фабрике, где его производят, или в кинотеатре. Просто запиши «поп-корн». – Райм посмотрел на доску. – А теперь давайте займемся тем другим следом, бело-желтоватой субстанцией.

Купер запустил образец на анализ. Результаты показали, что вещество состоит из сахарозы и мочевой кислоты.

– Кислота концентрированная, – уточнил техник. – Сахар чистый, без примесей, структура кристаллов уникальна. Никогда не видел такого помола.

Райма эта новость обеспокоила.

– Пошли запрос взрывникам в ФБР.

– Взрывникам? – удивился Селлитто.

– В мою книгу и не заглядывал, да?

– Не было времени. Ловил плохих парней, – парировал толстяк детектив.

– Принимается. Но не мешало хотя бы заголовки просматривать время от времени. Например: «Самодельные взрывные устройства». Сахар часто используется как один из ингредиентов. Смешай его с натриевой селитрой, и получится дымовая шашка; смешай с перманганатом калия, получится низкомощная взрывчатка, которой, однако, хватит, чтобы наделать дел, если набить ее в обрезок трубы. Не знаю, как сюда вписывается мочевая кислота, но в Бюро разберутся – у них лучшая база в мире.

По запросу местных и окружных правоохранительных органов лаборатория ФБР берется бесплатно проводить анализ улик при условии,

что запрашивающая сторона обязуется считать предоставленные Бюро результаты окончательными и не скрывать их от адвокатов подсудимого. Таких экспертиз ежегодно проводится около семисот тысяч.

Даже лучшим нью-йоркским детективам пришлось бы долго ждать очереди, однако у Линкольна Райма в Бюро был «свой человек». Фред Делрей, специальный агент манхэттенского отдела, часто сотрудничавший с Раймом и Селлитто, пользовался в своей организации немалым авторитетом. Не последнюю роль также играло то, что Райм в свое время помогал Бюро организовать спецотдел по сбору вещественных доказательств, сокращенно – ПЕРТ.

Селлитто позвонил Делрею, который сейчас был занят в оперативном штабе по отработке донесений о возможных бомбовых терактах в Нью-Йорке. Делрей связался со штаб-квартирой ФБР в Вашингтоне, и уже через несколько минут на помощь по делу объекта десять-девять был выделен федеральный эксперт. Купер зашифрованным электронным сообщением выслал ему результаты анализа и цифровые фотографии следов вещества.

Не прошло и десяти минут, как зазвонил телефон.

– Команда: «ответить», – выпалил Райм в микрофон.

– Будьте добры детектива Райма.

– Райм слушает.

– Говорит агент Филлипс из штаба на Девятой. Имелась в виду штаб-квартира ФБР в Вашингтоне.

– Чем можете нас порадовать? – оживился Райм.

– И спасибо за то, что так быстро откликнулись, – торопливо вставила Сакс. Ей нередко приходилось встревать в разговор, чтобы несколько сгладить прямолинейность Райма.

– Пустяки, мэм. В общем, то, что вы прислали, меня несколько озадачило, и я передал ваш запрос в исследовательскую лабораторию. Там разобрались. Можем назвать вещество с девяностосемипроцентной долей вероятности.

«Насколько же оно взрывоопасно?» – подумал Райм, а вслух сказал:

– Говорите, я слушаю. Что это?

– Сахарная вата.

Такого жаргонизма Райм еще не слыхал. Конечно, сейчас существовали взрывчатые вещества нового поколения со скоростью детонации до тридцати тысяч футов в секунду, в десять раз превышающей начальную скорость пули. Неужели одно из них?

– Каковы его характеристики?

Короткая пауза.

– Оно очень приятно на вкус.

– Как это?

– Сладкое, очень приятно на вкус.

– Вы имеете в виду, это обычная сахарная вата, вроде той, что торгуют на ярмарках?

– Ну да, а вы что подумали?

– Ничего особенного. – Глубокий вздох. – А мочевая кислота на подошвах означает, что он наступил в собачью мочу где-нибудь на тротуаре?

– Где именно он в нее наступил, сказать не могу, – с характерной для сотрудников Бюро пунктуальностью ответил эксперт. – Но то, что тест на собачью мочу дает положительный результат, – это факт.

Поблагодарив собеседника, Райм повернулся к присутствующим.

– Итак, в следах обуви одновременно присутствуют попкорн и сладкая вата, – вслух размышлял он. – Как это его характеризует?

– Футбольный фанат?

– Нью-йоркские команды в последнее время не проводили домашних игр. Я больше склоняюсь к тому, что наш объект гулял в каком-то месте, где недавно проходила ярмарка. – Райм обратился к Женеве: – Ты в последнее время не ходила на ярмарки? Мог он тебя там увидеть?

– Я? Нет. Не люблю ярмарки.

Райм перевел взгляд на новобранца:

– Раз вы теперь свободны, патрульный, садитесь на телефон и выясняйте, какие площадки в последнюю пару дней отводились для

проведения ярмарок, карнавалов, фестивалей, религиозных празднеств и других подобных мероприятий.

– Уже делаю, – ответил молодой офицер.

– Так, что у нас еще есть? – продолжил Райм.

– Чешуйки с того места на корпусе аппарата для микрофиш, где был контакт при ударе тяжелым предметом.

– Чешуйки?

– Да, вероятно, следы лака, которым покрыт этот тупой тяжелый предмет.

– Хорошо. Отправьте запрос в Мэриленд.

В Мэриленде у ФБР находилась огромная база данных с образцами лакокрасочных материалов, которую в основном использовали для идентификации автомобилей последам краски. После очередного звонка Делрею Купер отправил результаты анализа лаковых чешуек и другие данные в лабораторию ФБР. Через несколько минут раздался звонок, и эксперт из Бюро доложил, что присланный лак используется в производстве снаряжения для боевых искусств вроде нунчаков. После чего сообщил удручающую новость, что вещество не содержит никаких характерных примесей и продается большими партиями – другими словами, отследить его практически нельзя.

– Итак, что мы имеем? Насильник, вооруженный нунчаками, разрывными пулями и удавкой со следами крови… Просто кошмар ходячий.

Позвонили в дверь. Спустя минуту Том ввел в комнату девушку лет двадцати пяти.

– Взгляните, кто к нам пришел, – объявил он.

Девушка была стройная, с колючими, выкрашенными в фиолетовый цвет волосами и миловидным лицом. Обтягивающие свитер и брюки подчеркивали ее спортивную фигуру.

– Кара! Рад снова тебя видеть. Ты, очевидно, тот самый специалист, которого вызвала Сакс?

– Привет! – Девушка обняла Амелию, поздоровалась с остальными и взяла руки Райма в свои. Сакс представила ей Женеву, холодно взглянувшую на странную визитершу.

Кара (актерский псевдоним, настоящего имени она не раскрывала) как иллюзионистка и исполнительница трюков консультировала Райма и Сакс во время расследования убийства, когда преступник, чтобы подобраться к своим жертвам, совершить убийство и скрыться, использовал навыки фокусника.

Жила она в Гринич-Виллидж,[6] но, когда позвонила Сакс, как раз была у матери в доме престарелых. Подруги успели обменяться последними новостями: Кара готовила шоу одного актера для «Перфоманс вэрхаус» в Сохо и встречалась с акробатом.

– Мы бы хотели узнать твое мнение, – объяснил Райм.

– Догадываюсь, – ответила девушка. – Чем могу, помогу.

Сакс ввела ее в курс дела. Услышав о попытке изнасилования, Кара возмущенно сдвинула брови и шепнула Женеве:

– Сочувствую.

Девочка только безучастно пожала плечами.

– И вот что среди прочего у него было… – Купер приподнял карту с изображением повешенного. – Можешь что-нибудь рассказать?

Кара поведала им, что есть обычные фокусники, не претендующие на сверхъестественность, а есть оккультисты, выдающие себя за магов и колдунов. Последних Кара на дух не выносила; себя она считала обычным иллюзионистом, хотя некоторое время работала в магазине оккультных принадлежностей и поэтому имела кое-какое представление и о гадании.

– В общем, таро – это старинный способ предсказания будущего, которым пользовались еще древние египтяне. Колода таро делится на младшие арканы, которые соответствуют игральной колоде из пятидесяти двух карт, и старшие, пронумерованные от нуля до двадцати одного и олицетворяющие вехи жизненного пути. «Повешенный» – двенадцатая карта старших арканов. – Кара мотнула головой. – Что-то здесь не вяжется…

– Что? – слегка потирая щеку, спросил Селлитто.

– Карта вовсе не такая плохая. Взгляните на изображение.

– Да, верно, вид у повешенного вполне безмятежный, учитывая, что висит он вниз головой, – согласилась Сакс.

– В основе образа – скандинавский бог Один, который провисел вниз головой в течение девяти дней в поиске внутреннего знания. Когда «Повешенный» выпадает при гадании, это означает, что вам суждено отправиться на поиск духовного просвещения. – Кара кивнула на компьютер: – Можно?

Купер взмахнул рукой, приглашая ее к монитору. Несколько секунд поиска в «Гугле», и Кара нашла нужный веб-сайт.

– Как распечатать?

Сакс ей показала, и через минуту из принтера выполз бумажный лист. Купер липкой лентой наклеил его на доску для улик. Кара прокомментировала:

– Вот и определение.

«Повешенный» не означает наказание для кого-либо. Появление этой карты указывает на духовный поиск, который ведет к принятию решения, переходному периоду, смене жизненного пути. Часто карта предрекает подчинение обстоятельствам, отказ от борьбы, смирение с тем, что есть. Если она выпадает вам при гадании, вы должны прислушаться к своему внутреннему Я, пусть даже это на первый взгляд противоречит здравому смыслу.

Кара сказала:

– Образ «Повешенного» не имеет ничего общего с насилием или смертью, он означает духовную неопределенность, ожидание. – Она покачала головой: – Это не та карта, какую мог бы выбрать убийца, разбирайся он хоть немного в таро. Тут подошла бы «Башня» или один из младших арканов масти «мечей» – именно они предрекают дурное.

– Значит, он выбрал ее только из-за того, что ему она показалась зловещей, – резюмировал Райм. – И еще потому, что планировал задушить, то есть «повесить», жертву.

– Думаю, так.

– Спасибо, – сказал Райм.

Сакс тоже ее поблагодарила.

– Пора возвращаться – надо еще репетировать. – Кара пожала Женеве руку: – Надеюсь, у тебя все обойдется.

– Спасибо.

Кара направилась к выходу, но у самой двери обернулась и посмотрела на девушку:

– Ты любишь фокусы и магические представления?

– Мне редко приходится выбираться, – сказала Женева. – Школа отнимает много времени.

– В общем, так. Через три недели у меня представление. Если тебе интересно, вся информация на билете.

– Где-где?

– На билете.

– Но у меня нет билета!

– Конечно, есть. В сумочке. Ах да, для чего там цветок? Считай его талисманом на удачу.

Кара вышла. Все услышали, как хлопнула дверь.

– О чем это она? – недоуменно спросила Женева, глядя на закрытую сумочку.

Сакс рассмеялась:

– А ты посмотри.

Расстегнув молнию, Женева заморгала от удивления. Внутри лежал билет на представление Кары, а рядом – сухая фиалка.

– Как она это сделала? – прошептала Женева.

– Нам ни разу не удалось ее подловить, – ответил Райм. – Одно ясно: она чертовски ловкая.

– Вот уж точно. – Девушка приподняла цветок.

Взгляд детектива привлекла карта, которую Купер пришпиливал к доске для улик рядом с распечаткой.

– Итак, выбором карты преступник только создает видимость, будто нападение совершено по оккультным мотивам. На самом деле он понятия не имеет о ее истинном смысле. А значит… – Райм умолк, разглядывая таблицу с уликами. – Господи!

Остальные уставились на него.

– Что? – спросил Купер.

– Мы все неверно истолковали.

Селлитто оторвал пальцы от лица.

– То есть как?

– Помните отпечатки на предметах из «набора насильника»? Свои он стер, так?

– Так, – подтвердил Купер.

– Но все-таки отпечатки там есть, – развивал мысль Райм. – И скорее всего принадлежат кассирше, поскольку совпадают с отпечатками на чеке.

– Верно. Ну и что? – Селлитто пожал плечами.

– А значит, свои он стер еще до того, как подошел к кассе. Прямо там, в магазине.

Никто не проронил ни слова. Райма задело, что никто не уловил его мысль. Он продолжал:

– Преступник и хотел, чтобы на всех предметах остались отпечатки кассирши.

Сакс догадалась:

– Он планировал оставить пакет на месте нападения специально для нас.

Пуласки понимающе закивал:

– Иначе он бы стер все отпечатки, когда принес покупку домой.

– Вот именно, – с торжествующими нотками в голосе произнес Райм. – Думаю, улики он подбросил специально, чтобы изобразить изнасилование по каким-то оккультным мотивам. Так-так… давайте-ка отступим на шаг.

Райма позабавило, как при этих словах Пуласки смущенно глянул на его ноги.

– Преступник застает Женеву в музее. Вряд ли подходящее место для преступления на сексуальной почве. Дальше наносит ей по голове – вернее, по манекену – удар такой силы, каким можно не только надолго оглушить, но и убить. Если так, то зачем ему перочинный ножик и клейкая лента? А еще он оставляет карту таро, которая, как ему кажется, выражает угрозу. Нет-нет, на попытку изнасилования не похоже.

– Что же он тогда замышлял? – спросил Селлитто.

– Вот это-то мы и должны выяснить. – Райм немного подумал, затем спросил: – Ты говоришь, доктор Бэрри ничего не видел?

– Так он сам мне сказал.

– И тем не менее наш объект возвращается и убивает его. – Райм нахмурился. – А еще наш мистер Десять-девять расколошматил аппарат для микрофиш. Он ведь профессионал, подобные припадки гнева вряд ли ему свойственны. От него вот-вот уйдет жертва, а он принимается громить вещи только лишь потому, что у него не задался денек? – Райм посмотрел на Женеву: – Ты сказала, что читала какую-то старую газету?

– Да, журнал, – уточнила школьница.

– На том аппарате для микрофиш?

– Ага.

– Вон те кассеты? – Райм кивнул на большой полиэтиленовый пакет с коробкой под микрофиши, которую Сакс прихватила с собой из библиотеки. Места под кассеты один и три пустовали.

Женева проследила за его взглядом и утвердительно кивнула:

– Да, недостает как раз той статьи, которую я читала.

– Ты изъяла ту, что была в аппарате?

Сакс ответила:

– Кассет в аппарате не было. Наверно, забрал с собой.

– И аппарат разбил, чтобы мы не заметили пропажу. О-о, уже интереснее. В чем мотив?

Селлитто усмехнулся:

– Я думал, мотив тебя не волнует. Только улики.

– Лон, смотря для чего нам нужен мотив. Одно дело, если мы хотим выстраивать на нем доказательство вины подсудимого, что в лучшем случае будет натяжкой, и другое – если ищем улики. Скажем, человек застрелил партнера по бизнесу из пистолета, который, как мы доказали, хранился в его гараже, был заряжен пулями, купленными им же, судя по чеку с его же отпечатками пальцев. Тогда какая разница, почему он убил: потому что его заставила собака, говорящая человеческим голосом, или потому что убиенный спал с его женой? Улики – вот что решает дело. Но если у нас нет ни пуль, ни оружия, ни квитанций, ни следов протекторов? Тогда возникает резонный вопрос: за что поплатилась жертва? Ответ выведет нас на улики, которые не оставят сомнений в виновности подозреваемого. Извиняюсь за лекцию, – добавил Райм без капли сожаления в голосе.

– Настроение уже ни к черту? – спросил Том.

– Я никак не могу уловить что-то важное, и мне это не нравится, – проворчал Райм.

Заметив, как Женева сдвинула брови, он спросил:

– В чем дело?

– Ну… я тут вспомнила… Доктор Бэрри говорил, что кто-то еще интересовался тем же номером журнала. Просил его почитать, но доктор Бэрри сказал – надо дождаться, пока я закончу.

– Он упомянул, кто это был?

– Нет.

Райм подумал, потом сказал:

– Так-так, давайте-ка поразмыслим. Библиотекарь сообщает объекту, что ты интересовалась тем же журналом. Тот собирается кассеты украсть, а тебя – ликвидировать, потому что ты статью либо прочитала, либо вскоре прочтешь. – Райм, конечно, вовсе не был убежден в реальности такой ситуации, но своими успехами в криминалистике среди прочего был обязан тому, что никогда не отказывался рассматривать самые смелые версии. – И забрал он как раз ту статью, которую ты читала, верно?

Девушка кивнула.

– О чем в ней шла речь?

– Да ничего серьезного, об одном моем предке. Для нашего историка «предки» – любимая тема, вот нам и задали написать о семейных корнях.

– И кем был твой предок?

– Прапрапра-кто-то-там – вольноотпущенник. Я пришла в музей на прошлой неделе и узнала, что в одном номере «Иллюстрированного еженедельника для цветных» есть про него статья. Журнала в библиотеке не оказалось, и доктор Бэрри пообещал принести микрофишу из хранилища. Ее как раз недавно вернули.

– О чем говорилось в статье? – настойчиво повторил Райм.

Девушка на секунду смутилась, затем раздраженно пересказала:

– Чарлз Синглтон, мой предок, был рабом в штате Виргиния. Затем хозяин по идейным соображениям освободил всех невольников. Поскольку Чарлз с женой давно жили в доме хозяина и даже обучали детей хозяина чтению и письму, тот подарил им ферму в штате Нью-Йорк. Чарлз участвовал в Гражданской войне, потом вернулся домой, а в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году его обвинили в краже из фонда образования для черного населения. К тому моменту, когда заявился мужчина в маске, я успела дочитать, как Чарлз, спасаясь от полиции, прыгнул в реку.

Райм обратил внимание на правильность ее речи, но за слова она цеплялась так, будто ловила норовящих расползтись по углам щенят. С одной стороны, образованные родители, с другой – подружки вроде Лакиши. Стоит ли удивляться, что ее словно растягивает на два лингвистических полюса.

– Так ты не узнала, что с ним случилось дальше? – спросила Сакс.

Женева мотнула головой.

– Считаю, нам следует исходить из того, что объекта интересовала тема твоих изысканий. Кто еще в курсе, над чем ты работаешь? Полагаю, учитель?

– Нет, ни в какие детали я его не посвящала. Да и вообще никого, кроме Лакиши. Она, конечно, могла кому-нибудь сболтнуть, хотя вряд ли. На задания у нее память короткая. На прошлой неделе я ходила в одну адвокатуру в Гарлеме, чтобы узнать, есть ли у них архивные записи о преступлениях девятнадцатого столетия, но и тамошнему юристу я не много сказала. Доктор Бэрри, разумеется, был в курсе.

– И мог упомянуть об этом тому другому, кто интересовался журналом, – подытожил Райм. – Так, а теперь допустим, что наш объект не хочет, чтобы кто-то узнал о чем-то, упоминавшемся в статье. – Взгляд в сторону Сакс. – На месте происшествия кто-нибудь остался?

– Патрульный.

– Пусть опросит сотрудников музея, не упоминал ли Бэрри кого-то, кто интересовался журналом, и обыщет его рабочий стол. – Райму пришла в голову новая мысль. – Также мне нужна распечатка его телефонных звонков за последний месяц.

Селлитто недоверчиво потряс головой.

– Линк, в самом деле… ты не видишь здесь натяжки? О чем мы тут говорим? Девятнадцатый век? Это не просто глухарь – это дохлый глухарь.

– Профи подкидывает улики, едва не убивает одного человека, прямо на глазах у полиции стреляет в другого – все ради того, чтобы выкрасть статью? Это, Лон, ты называешь натяжкой?

Пожав плечами, толстяк детектив позвонил в участок, чтобы оттуда связались с дежурным, оставленным на месте происшествия. Затем позвонил прокурору, чтобы получить ордер на распечатку звонков с домашнего и рабочего телефонов Бэрри.

Райм смерил щуплую школьницу взглядом и решил, что выбора у него нет: придется сообщить ей правду.

– Ты понимаешь, что все это значит?

Повисла тишина. Сакс тревожно взглянула на Женеву: она-то хорошо представляла, что это значит.

– Линкольн хочет сказать, что охота на тебя скорее всего не окончена.

– Бред какой-то. – Женева Сеттл недоверчиво потрясла головой.

Выдержав паузу, Райм серьезно сказал:

– Боюсь, что как раз не бред.

В интернет-кафе Томпсон Бойд просматривал веб-сайт местной телекомпании, информация на котором обновлялась почти ежеминутно.

Заголовок свежей статьи гласил: «Убит сотрудник музея – свидетель нападения на школьницу».

Чуть слышно насвистывая, он разглядывал фотографию, на которой у входа в музей библиотекарь разговаривал с полицейским. Внизу стояла подпись: «Доктор Дональд Бэрри разговаривает с полицией незадолго до того, как его расстрелял неизвестный».

Имя несовершеннолетней Женевы Сеттл не упоминалось, писали просто о гарлемской школьнице. Томпсон Бойд был рад и такой информации. Подключив сотовый к USB-порту компьютера, он скачал сделанную им фотографию на жесткий диск и отправил ее на анонимный электронный адрес.

Затем расплатился – наличными, разумеется, – и неспешным шагом пошел по Бродвею. Купил у торговца кофе в пластиковом стакане, выпил половину, сунул внутрь две коробочки с микрофишами, которые забрал из музея, закрыл крышкой и бросил в урну.

Проходя мимо телефонной будки, он остановился, огляделся и, убедившись, что никто не смотрит, набрал номер. На автоответчике сразу раздался звуковой сигнал.

– Это я. С Женевой Сеттл возникла проблема. Узнай, в какую школу она ходит и где живет. Учится в Гарлеме – вот все, что я знаю. Ее фото я отправил тебе на ящик... Да, и еще: если сумеешь позаботиться о ней самостоятельно, получишь пятьдесят штук сверху. Как прослушаешь сообщение, сразу же отзвонись. Надо обсудить ситуацию.

Томпсон продиктовал номер таксофона, повесил трубку, вышел и, тихонько насвистывая, принялся ждать. Прежде чем он добрался до четвертого такта «Ты свет моей жизни» Стиви Уандера, в кабинке зазвонил телефон.

Глава 7

Райм посмотрел на Селлитто:

– Где Роланд?

– Белл? Он вывозил кого-то из города по программе зашиты свидетелей, но уже должен был вернуться. Думаешь, надо его пригласить?

– Надо, – ответил Райм.

Селлитто позвонил детективу на мобильный, и по разговору Райм заключил, что Белл готов немедленно к ним выехать. Райм заметил, что Женева нахмурилась.

– Детектив Белл просто будет за тобой присматривать, пока мы со всем не разберемся… А теперь расскажи, если знаешь, в краже чего обвинили твоего предка Чарлза.

– В статье говорилось, то ли денег, то ли золота, то ли еще чего-то.

– Пропавшее золото… Интересно. Корысть – лучше мотива и не придумаешь.

– Твой дядя что-нибудь знает? – спросила Сакс.

– Мой дядя? Ах, ну да, он брат матери. Чарлз приходится мне родственником по отцовской линии, а отец знал совсем немного. Двоюродная бабушка отдала мне несколько писем Чарлза.

– Где они? – спросил Райм.

– Одно у меня с собой. – Девушка покопалась в сумочке и вынула письмо. – Остальные дома. Бабка говорила, у нее где-то может быть еще несколько коробок с вещами Чарлза, но не помнила, где их искать. – Женева смолкла, промеж бровей на темном округлом лице пролегли складки. Она повернулась к Сакс: – Можно кое о чем сказать? Вдруг вам пригодится?

– Выкладывай.

– Помню, в одном письме Чарлза упоминается о какой-то тайне.

– Вот как? – переспросила Сакс.

– Да, он пишет, что беспокоится из-за невозможности раскрыть правду. Иначе, мол, произойдет большое несчастье, трагедия.

– Возможно, он имел в виду кражу, – предположил Райм.

Женева напряглась.

– Ничего он не крал. Его просто подставили.

– Почему? – поинтересовался Райм.

Девушка пожала плечами.

– Вот, прочтите письмо.

Она протянула бумагу Райму, но тут же спохватилась и отдала письмо Мэлу Куперу.

Техник вложил письмо в сканер, и через минуту изящные рукописные строки девятнадцатого столетия появились на плоских мониторах двадцать первого.

Мистеру и миссис Уильям Додд

для миссис Вайолет Синглтон

Эссекс-Фарм-роуд

Харрисберг, Пенсильвания

14 июля 1863 года

Дорогая Вайолет!

До тебя наверняка доходили новости о тех ужасах, что творились в последнее время в Нью-Йорке. Спешу сообщить, что мир наконец восстановлен, хотя достался он немалой ценой.

Атмосфера царит напряженная. Сотни тысяч обездоленных до сих пор не оправились от последствий экономической паники, захлестнувших страну несколько лет назад. В «Трибьюн» сообщалось о бессовестных спекуляциях на фондовой бирже и безответственном кредитовании, приведших к тому, что мировые финансовые рынки «полопались как мыльные пузыри».

В такой атмосфере хватило и крохотной искорки, чтобы вспыхнули массовые беспорядки. Этой искрой послужил приказ о призыве в армию, который многие сочли вынужденной, но необходимой мерой в нашей борьбе против мятежных штатов. Тем не менее волна возмущения поднялась более мощная и губительная, чем можно было бы ожидать, а мы – цветные, аболиционисты и республиканцы – стали мишенью для ненависти в той же, если не в большей, мере, чем военная полиция на призывных пунктах.

Бунтовщики, в основном ирландцы, избивали цветных, громили конторы и дома. Я был в приюте для чернокожих сирот вместе с двумя учителями и управляющим, когда толпа подожгла здание. А ведь внутри находилось более двух сотен детей! С Божьей помощью нам удалось

отвести всех малышей в ближайший полицейский участок, но, будь на то воля бунтовщиков, нас бы всех перебили.

Беспорядки продолжались весь день, а вечером начались суды Линча. Одного негра сначала повесили, потом подожгли тело, и вокруг в пьяном веселье плясала беснующаяся толпа. Это было ужасно!

Я бежал на север и сейчас нахожусь на нашей ферме, где отныне собираюсь учить детей в школе, возделывать сад и по мере сил способствовать освобождению нашего народа.

Дражайшая моя супруга, после столь ужасных событий жизнь представляется мне хрупкой и скоротечной, и, если ты решишься приехать, я желал бы вскорости вновь увидеть вас с сыном рядом. К сему прилагаю два билета и десять долларов на дорожные траты. Я встречу поезд в Нью-Джерси, а оттуда до фермы мы поднимемся по реке. Мы с тобой будем вместе преподавать, а Джошуа сможет продолжить обучение и подсобит нам с Джеймсом в производстве сидра и в лавке. Если в пути кто-нибудь станет интересоваться, кто вы такие и куда направляетесь, отвечай, что мы только присматриваем за фермой по поручению мистера Триллинга. Та ненависть, которую мне довелось увидеть в глазах бунтовщиков, заставила меня осознать, что покоя нам не дадут. Даже в нашей идиллической местности нас могут ждать поджоги, кражи, разбои, если станет известно, что хозяева фермы – негры.

Там, откуда я родом, меня держали в неволе и считали человеком только на три пятых. Я надеялся, что на Севере все будет иначе… Увы, это пока не так. Трагические события последних дней ясно дают понять, что ни тебя, ни меня – никого из цветных – пока не считают полноценными людьми, а значит, мы и впредь должны бороться за обретение целостности в глазах остальных.

Передай мои самые теплые пожелания своей сестре и Уильяму и, конечно, их детям. Скажи Джошуа, что я горжусь его успехами в географии.

Я живу ради того дня, и, дай Бог, он скоро наступит, когда снова увижу тебя и сына.

Ваш любящий

Чарлз

* * *

Женева вынула письмо из сканера, подняла глаза и пояснила:

– Бунты против призыва в 1863 году во время Гражданской войны. Самые разрушительные в истории США.

– Про тайну он не упоминает, – заметил Райм.

– Про тайну в другом письме. Это я вам показала, чтобы вы поняли, что никакой он не вор.

Райм нахмурился:

– Кража случилась… дай-ка сообразить… через пять лет после письма. Почему ты считаешь, что оно доказывает его невиновность?

– Я имею в виду, что по такому письму его трудно представить вором. Человек, который так пишет, не стал бы обкрадывать фонд образования для бывших рабов.

– Вовсе не обязательно, – просто ответил Райм.

– А по-моему, совершенно ясно. – Девушка снова пробежалась глазами по письму и бережно разгладила лист рукой.

– Что там такое насчет человека на три пятых? – спросил Селлитто.

Райм кое-что помнил из истории, но от всего, что не имело прямого отношения к работе криминалиста, избавлялся как от лишнего груза. Он только покачал головой.

Ясность внесла Женева:

– До Гражданской войны раб считался за три пятых человека для формирования представительства в конгрессе. И не подумайте, что дело здесь в злом заговоре Конфедерации, – правило установили северяне. Они вообще не хотели считать рабов, потому что тогда Южные штаты получили бы в конгрессе численное преимущество. А южане, наоборот, хотели считать рабов за целых людей. Правило «три пятых» стало компромиссным решением.

– Их считали, чтобы набрать представительство, – прокомментировал Том, – но права голоса они не имели.

– Да, все верно, – подтвердила Женева.

– Кстати, то же было и с женщинами, – добавила Сакс.

Райма социальная история Америки сейчас не интересовала.

– Я хотел бы взглянуть на остальные письма. И надо найти экземпляр журнала – «Иллюстрированного еженедельника для цветных». Какой это номер?

– От двадцать третьего июля тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года, – ответила Женева. – Я отыскала его с большим трудом.

– Я постараюсь, – сказал Мэл Купер, и Райм услышал, как его пальцы застучали по клавиатуре компьютера.

Женева снова взглянула на часы:

– Мне правда пора…

– Всем привет, – донесся из прихожей мужской голос. Через секунду показался и сам детектив Роланд Белл в коричневой спортивной куртке, синей рубашке и джинсах. Родом из Северной Каролины, Белл несколько лет назад поличным причинам перебрался в Нью-Йорк. Неторопливость Белла порой бесила городских коллег, однако Райм считал ее следствием не южного воспитания, а дотошности, происходящей из осознания важности своей работы. Белл специализировался на защите свидетелей и прочих потенциальных жертв. Его подразделение не имело официального статуса, но в шутку именовалось «Отрядом специального назначения по спасению задниц свидетелей».

– Роланд, знакомься – Женева Сеттл.

– Приветики, мисс, – протяжно проговорил Белл, пожимая ей руку.

– Телохранители мне не нужны, – твердо заявила Женева.

– Не беспокойся, под ногами мешаться не буду, слово чести, – пообещал Белл. – Невооруженным глазом ты меня не увидишь. – Взгляд в сторону Селлитто: – Так что тут у нас?

Толстяк детектив вкратце изложил все детали. Слушая, Белл не хмурился и не качал головой, однако Райм заметил, как замерли его глаза – знак глубокой озабоченности. Когда Селлитто закончил, на лицо Белла вновь вернулось простодушное выражение. Он стал расспрашивать Женеву о ее привычках и о семье, чтобы решить, как лучше организовать защиту. Та отвечала неохотно, словно скупясь на слова.

Когда он закончил, Женева нетерпеливо сказала:

– Мне правда надо идти. Может меня кто-нибудь подвезти до дома? Я отдам остальные письма Чарлза и побегу в школу.

– Детектив Белл тебя подвезет, – сказал Райм и добавил с усмешкой: – Насчет школы мы вроде бы договорились, что ты возьмешь выходной, а тесты сдашь позже.

– Нет, – отрезала она. – Ни о чем мы не договаривались. Вы сказали только «...сначала покончим с кое-какими вопросами, а там будет видно».

Немногие попрекали Линкольна Райма его же собственными словами, так что ответил он довольно ворчливо:

– Что бы я ни говорил раньше, раз ясно, что за тобой еще могут охотиться, придется тебе посидеть дома. Твоя жизнь в опасности.

– Мистер Райм, я должна сдать тесты сегодня. Пересдачу могут и не назначить.

Женева раздраженно крутила пальцами петлю на джинсах. Какая она все-таки худенькая. Райм подумал, не из тех ли ее родители фанатов здорового питания, которые держат детей на хлопьях с молоком и соевом творожке. Профессора особенно к этому склонны.

– Сейчас я позвоню в школу, – сказала Сакс. – Объясню, что ты попала в неприятную ситуацию и...

– Мне правда надо идти, – негромко проговорила Женева, глядя Райму прямо в глаза. – Сейчас же.

– Просто побудь дома денек-другой, пока мы не узнаем побольше. Или, – добавил криминалист, – пока его не прищучим.

Он рассчитывал, что это прозвучит весело, хотел блеснуть знанием жаргона, но тут же пожалел о своих словах. На самом деле он не был с ней искренен. Исключительно по причине ее возраста. Точно так же малознакомые люди, увидев Райма в коляске, принимались говорить с нарочитым воодушевлением, раздражая его своей подчеркнутой веселостью.

Вот как сейчас он раздражает Женеву.

Девушка сказала:

– Я была бы благодарна, если бы меня подвезли. Хотя могу доехать и на метро. Но если хотите получить письма, надо отправляться сейчас.

Раздосадованный ее упрямством, Райм категорично заявил:

– Должен ответить отказом.

– Можно попросить у вас телефон?

– Зачем?

– Хочу позвонить одному человеку.

– Кому?

– Юристу, про которого я говорила, Уэсли Гоудзу. Он раньше работал на крупную страховую компанию, теперь у него своя консультация в Гарлеме.

– И зачем ты хочешь ему звонить? – поинтересовался Селлитто.

– Затем, чтобы спросить, вправе ли вы не пускать меня на занятия.

– Это ради твоего же блага, – фыркнул Райм.

– Разве не мне решать?

– Нет, твоим родителям или дяде.

– Не им заканчивать школу будущей весной.

Сакс хихикнула, и Райм бросил на нее мрачный взгляд.

– Речь всего о паре деньков, – подключился Белл.

Не удостоив его ответом, Женева продолжила:

– Мистер Гоудз добился освобождения Джона Дэйвида Колсона из тюрьмы Синг-Синг, когда тот уже отсидел десять лет за убийство, которого не совершал. Дважды или трижды возбуждал иски против Нью-Йорка, я имею в виду сам штат, и пока не проиграл ни одного дела. Совсем недавно он вел дело в Верховном суде касательно прав бездомных.

– И тоже выиграл? – скривив рот, спросил Райм.

– Он выигрывает все дела.

– Бред какой-то, – пробормотал Селлитто, рассеянно потирая пятнышко крови у себя на пиджаке. – Ты ведь просто ребенок…

Ошибка.

Женева сверкнула глазами и бросила раздраженно:

– Что, вы мне и позвонить не дадите? Даже заключенные имеют такое право!

Тяжело вздохнув, толстяк детектив указал на телефон. Девушка подошла к аппарату, заглянула в записную книжку и набрала номер.

– Уэсли Гоудз, – вслух проговорил Райм.

Женева склонила набок голову, ожидая, когда на другом конце снимут трубку.

– Учился в Гарварде. Кстати, вел одно дело и против армии. Что-то связанное с правами сексуальных меньшинств. – И дальше уже в трубку: – Могу я поговорить с мистером Гоудзом?.. Вы не передадите ему, что звонила Женева Сеттл? Я оказалась свидетелем преступления, и меня удерживают в полиции. – Она сообщила городской адрес Райма и добавила: – Удерживают против моей воли и…

Райм бросил взгляд на Селлитто. Тот закатил глаза и проговорил:

– Ну хорошо.

– Подождите минуточку. – Женева повернулась к возвышающемуся рядом грузному детективу. – Так можно мне в школу?

– Только чтобы сдать тест.

– Вообще-то у меня их два.

– Хорошо, два теста, черт бы их все побрал. – Селлитто повернулся к Беллу: – Не отходи от нее.

– Ни на шаг. Будьте уверены.

В трубку Женева сказала:

– Передайте мистеру Гоудзу, чтобы не беспокоился. Вопрос, похоже, решен.

Она положила трубку.

– Сначала мне нужны остальные письма, – сказал Райм.

– Договорились. – Женева закинула на плечо школьную сумку.

– Ты, – глядя на Пуласки, рявкнул Селлитто, – поедешь с ними.

– Слушаюсь, сэр.

Когда Женева в сопровождении Белла и новичка вышла за дверь, Сакс, глядя им вслед, рассмеялась:

– Вот уж правда – палец в рот не клади.

– Уэсли Гоудз, – улыбнулся Райм. – Думаю, она его выдумала, а звонила в какую-нибудь службу точного времени. – Он кивнул на доску с записями об уликах: – Так, давайте-ка займемся тем, что у нас есть. Мэл, ты возьмешь на себя ярмарки. И мне нужны результаты по нашим запросам в ВИКАП и НЦИП.[7] Надо опросить городские библиотеки и школы, не интересовался ли у них наш клиент насчет Синглтонов или «Еженедельника для цветных». И еще выясните, кто производит пакеты со смайликами.

– Непростая задача, – отозвался Купер.

– Сама жизнь, знаешь ли, порой непростая задача. Отправьте образцы крови с волокон удавки для сверки по КОДИС.

– А я думал, что ты исключил нападение на сексуальной почве.

КОДИС представляла собой сводную базу данных, в которой собраны образцы ДНК преступников, совершивших сексуальные преступления.

– Мэл, ключевые слова здесь «я предполагаю», а не «уверен на все сто». И еще... – Райм подкатился поближе к доске, чтобы получше рассмотреть фотографии убитого библиотекаря и схему стрельбы, которую начертила Сакс. – Как далеко от жертвы стояла та женщина? – спросил он Селлитто.

– Кто, случайная свидетельница? Ну, не меньше пятнадцати футов в стороне.

– Кому досталась первая пуля?

– Ей.

– И стрелял он кучно? Имею в виду те выстрелы, которыми был убит библиотекарь.

– Да, очень кучно. Стрелять он умеет.

Райм пробормотал:

– Эта женщина не случайная жертва. Он в нее целился.

– То есть как?

Криминалист обратился к лучшему стрелку среди присутствующих:

– Сакс, когда ведешь беглый прицельный огонь, какой выстрел наиболее вероятно окажется самым точным?

– Первый – не надо учитывать фактор отдачи.

После ее слов Райм объяснил:

– Он ранил ее намеренно; целился в один из крупных кровеносных сосудов. Для того чтобы отвлечь как можно больше полицейских и спокойно уйти.

– Господи, – выдохнул Купер.

– Сообщите об этом Беллу, а также Бо Хауману и ребятам из его группы. Объясните им, с кем мы имеем дело: с профи, которому ничего не стоит застрелить постороннего человека, только чтобы отвлечь внимание.

Часть II

Король граффити

Глава 8

Высокий мужчина шел по Гарлему и размышлял о недавнем телефонном разговоре, который его одновременно окрылил, испугал и насторожил. Однако сейчас основным лейтмотивом звучала другая мысль: «Может, дела наконец-то налаживаются?»

Что ж, он давно ждал хоть небольшого толчка, чтобы снова встать на ноги.

Джаксу не очень везло в последнее время. Хорошо, конечно, что больше он не в тюрьме, но два месяца после освобождения выдались беспросветными: сплошная тоска и ни малейшего намека на то, что удача наконец-то плывет в руки. И вот сегодня в делах наметился сдвиг. Телефонный звонок насчет Женевы Сеттл сулил навсегда изменить жизнь.

Зажав в уголке рта сигарету, Джакс шагал по Пятой авеню в сторону парка Сент-Эмброуз и наслаждался свежестью ясного осеннего дня. Не менее приятно было и то, что встречные обходят его стороной. Еще бы – неприветливое лицо, тюремные татуировки. А еще он слегка волочил ногу.

Одет он был как всегда: джинсы, потрепанная куртка армейского образца, грубые рабочие ботинки, заношенные почти до дыр. В кармане лежала солидная пачка денег, в основном двадцатками, нож с роговой рукояткой, сигареты и ключ от квартирки на Сто тридцать шестой улице, где в двух комнатушках имелись только кровать, стол, два стула, купленный с рук компьютер и посуда с распродажи – немногим лучше его недавнего обиталища в исправительном учреждении штата Нью-Йорк.

Джакс остановился и посмотрел по сторонам.

Да, вот и он – тощий, с кожей блекло-коричневого оттенка, на вид – от тридцати пяти до шестидесяти. Человечек стоял, привалившись к проволочной ограде парка. Рядом в пожухлой траве влажно поблескивало горлышко то ли пивной, то ли винной бутылки.

Закуривая очередную сигарету, Джакс подошел и спросил:

– Что, как оно?

Тощий недоуменно моргнул, посмотрел на протянутую ему пачку. Он явно не знал, чего ожидать, но сигарету взял. Сунул в карман.

– Ты Ральф? – продолжил Джакс.

– А ты кто?

– Друг Делайла Маршалла. Сидел с ним в одном блоке.

– С Лайлом? – Тощий немного расслабился, оторвал взгляд от здоровяка, который запросто мог переломить его надвое, и, не отрываясь спиной от сетки, огляделся. – Его выпустили?

Джакс рассмеялся:

– Он всадил четыре пули в башку какому-то засранцу. Да скорее ниггера выберут в президенты, чем Делайла выпустят на свободу!

– Досрочно тоже освобождают! – Своим возмущенным тоном Ральф попытался скрыть, что проверяет Джакса. – Так что там слышно?

– Привет тебе от него. Сказал, что можно к тебе обратиться. За меня он ручается.

– Как же, как же – ручается. Ладно, скажи, что у него за татуировка?

К миниатюрному Ральфику с его миниатюрной бородкой понемногу возвращалась былая бравада, а вопросы он задал еще не все.

– Смотря какая, – сказал Джакс. – Имеешь в виду розу или клинок? И, как я понимаю, у него есть еще одна около члена, хотя вблизи я ее не рассматривал.

Ральф серьезно кивнул.

– Как тебя звать?

– Джаксон. Алонсо Джаксон. Известен я просто как Джакс.

Это был его фирменный тэг. Неужели Ральф впервые о нем слышит? Видимо, да. Обидно.

– Хочешь меня проверить? Валяй, звони Делайлу, только имени моего не называй, сечешь? Скажешь, что Король граффити подходил побазарить.

– Король граффити, – повторил Ральф с явным недоумением. Наверное, думал, что Джакс любит побрызгать кровью, как краской из баллончика. – Может, и спрошу. Посмотрим. Ты, значит, освободился?

– Точно.

– А за что срок мотал?

– Вооруженный грабеж и незаконное ношение. – Потом, понизив голос, добавил: – Сначала шили две четверти, но доказали только грабеж.

Имелась в виду статья сто двадцать пятая пункт двадцать пять УК, предусматривающая наказание за убийство.

– А сейчас ты на воле. Ништяк.

Ну не забавно ли? Сначала Ральф весь трясется, а узнав, что Джакс – любитель порисовать кровью – отмотал срок за вооруженное ограбление, незаконное ношение оружия и покушение на убийство, заметно расслабляется.

Гарлем, мать его! Где еще такое увидишь?

Перед самым освобождением Джакс попросил Делайла помочь со связями на свободе, и тот посоветовал Ральфа. Объяснил, чем этот рахитик может пригодиться. «Он там в каждой бочке затычка, вроде хозяина улицы. Всегда в курсе всего, а если чего и не знает, так быстренько может выяснить».

Затянувшись поглубже, Король граффити решил, что пора перейти к главному.

– Мне надо, чтобы ты кое-что для меня достал, – негромко сказал он.

– Ну да? И чего?

Другими словами – «чего именно тебе надо?» и «что я с этого буду иметь?».

Тоже понятно.

Джакс огляделся. Никого вокруг, только голуби и две округлые ладные доминиканочки в коротких топах и обтягивающих шортах несмотря на прохладу. «Хай, папи», – с улыбкой сказала одна из них Джаксу, проходя мимо. Девушки пересекли улицу и свернули за угол, в свой район. Пятая авеню многие годы была разделительной полосой между Гарлемом черным и Гарлемом испаноговорящим – «эль баррио», так сказать. Пересекаешь Пятую авеню, и ты на «другой стороне». Все вроде бы то же самое, а Гарлем уже не тот.

Джакс провожал их взглядом, пока они не скрылись из вида.

– Твою мать! – Долго же он кантовался в тюрьме.

– А то. – Ральф немного изменил угол наклона к забору и скрестил руки на груди, из-за чего стал похож на египетского фараона.

Джакс помолчал, затем наклонился и шепнул фараончику на ухо:

– Мне нужен ствол.

– Чувак, ты только откинулся, – после короткой паузы отозвался Ральф. – Если тебя обшмонают и найдут пушку, мигом упрячут назад за решетку. Да тебе еще целый год сидеть за ношение, если бы не досрочка. Далось тебе рисковать!

Джакс терпеливо сказал:

– Так сделаешь или нет?

Тощий снова немного подкорректировал свой наклон и посмотрел на Джакса:

– Все путем, чувак, но не знаю, где я там буду тебе чего искать. В смысле – пушку.

– Ну, тогда я не знаю, кому отдать вот это.

Джакс вынул из кармана пачку банкнот, отсчитал несколько двадцаток и протянул их Ральфу. Разумеется, не без оглядки. Здесь, в Гарлеме, у копов брови сразу вверх поползут при виде того, как один чернокожий башляет другому, даже если тот всего лишь жертвует пару баксов местной баптистской церкви.

Но сейчас брови вверх поползли у Ральфа, пока он, глядя на оставшуюся в руке Джакса пачку, засовывал деньги в карман.

– Вижу, с бобами у тебя полный порядок.

– А то. Да и тебе кое-что перепало… это вдобавок к возможности поиметь еще. Удачный у тебя сегодня денек. – Он спрятал пачку обратно в карман.

– Какая пушка нужна? – пробурчал Ральф.

– Небольшая, чтобы легко было спрятать, сечешь?

– Пять сотен.

– Две, дороже и сам найду.

– Не паленая?

Как будто Джаксу нужен был пистолет с отбитым на стволе регистрационным номером.

– А сам как считаешь?

– Тогда хер ты двумя сотнями обойдешься. – Фараончик совсем осмелел. Еще бы: нужного человека, которого ты просишь что-то достать, так просто чикать не резон.

– Три, – предложил Джакс.

– Три с половиной, и по рукам.

Джакс согласился, затем, в очередной раз оглядевшись, сказал Ральфу:

– И еще кое-что. У тебя в школах прихваты есть?

– Смотря о каких школах речь. К тем, что в Квинсе. Бруклине, Бронксе, у меня подхода нет, другое дело школы здесь, на квартале.

Джакс мысленно усмехнулся: «на квартале» – что за дерьмо? Сам он вырос в Гарлеме и никогда больше нигде не бывал, кроме разве армейских казарм и тюремных бараков. Но «на квартале» – так в Гарлеме отродясь не говорили. В каком-нибудь Лос-Анджелесе или Ньюарке такое можно было услышать. Ну может, кое-где в Бруклине. Но Гарлем – совсем другая вселенная. Джакса задело такое отношение Ральфа. Впрочем, тот, наверное, просто насмотрелся тупых фильмов по телевизору.

– Нет, я про местные, – спокойно сказал Джакс.

– Могу прошуршать. – В голосе Ральфа прозвучало сомнение. Неудивительно, если учесть, что едва откинувшийся из тюрьмы уголовник, которому шили сто двадцать пятую, одновременно интересуется пистолетами и школами.

Джакс сунул тощему еще пару двадцаток, чем, похоже, значительно успокоил его совесть.

– Лады, что надо узнать?

Джакс вынул из кармана куртки листок бумаги и протянул его Ральфу. Это была распечатка статьи, которую он скачал с сайта «Нью-Йорк дейли ньюс» из раздела «Обновления горячих новостей».

Постукивая по листку толстым пальцем, Джакс сказал:

– Мне надо найти девчонку. Ту, про которую здесь написано.

Ральф прочитал текст под заголовком: «В центре города застрелен работник музея» – и поднял глаза на Джакса.

– О ней здесь ничего не сказано, ни где живет, ни в какую школу ходит – вообще ноль. Даже имени нет.

– Зовут ее Женева Сеттл. А насчет остального… – Джакс кивнул на карман, куда коротышка спрятал деньги. – За это и плачу.

– Зачем она тебе? – спросил Ральф, перечитывая листок.

Джакс помедлил немного, затем наклонился и поднес губы к уху фараончика.

– Некоторые любят задавать всякие вопросы, что-то вынюхивать и в итоге узнают много такого, чего знать совершенно не обязательно.

Ральф собрался еще что-то спросить, но передумал. Джакс, возможно, говорил про девчонку; с другой стороны, кровавый Король граффити мог иметь в виду, что его уже достали эти вопросы.

– Позвони мне через часок-другой.

Продиктовав Джаксу номер своего мобильного, фараончик оттолкнулся от сетки, выудил из травы под ногами недопитую бутылку и зашагал прочь.

Роланд Белл медленно вел неприметный седан «краун-виктория» через центр Гарлема, где сетевые гиганты – «Патмарк», «Дьюэн Рид», «Попайз», «Макдоналдс» – соседствовали с магазинчиками, в которых можно было обналичить чек, внести коммунальный платеж, прикупить парик из натуральных волос, искусственные косички, образчики африканских промыслов, выпивку, мебель. Некоторые здания стояли в руинах, в других окна и двери были заколочены досками или упрятаны под металлические жалюзи, сплошь покрытые граффити. В стороне от оживленных улиц кучами валялся хлам, у стен домов и в канавах высились залежи мусора, а на пустырях зеленели заросли сорняков. Афиши и рекламные постеры зазывали в театры, дискотеки и на эстрадные представления. Стайками тусовались подростки; одни смотрели на патрульную машину настороженно, другие – откровенно вызывающе.

Но чем дальше Белл, Женева и Пуласки продвигались на запад, тем заметнее менялся городской пейзаж. Заброшенные здания попадались все реже; плакаты на заборах стройплощадок изображали идиллического вида особняки. Квартал, где жила Женева, граничил с парком Морнингсайд и Колумбийским университетом. Выглядел он ухоженно: обсаженные деревьями улицы, чистые тротуары. Даже старые здания казались крепкими и опрятными. Среди припаркованных во дворах машин, пусть и с противоугонами на рулях, попадались «лексусы» и «бумеры».

Женева показала на чистенький четырехэтажный дом с украшенным лепниной фасадом:

– Вот здесь я живу.

Белл остановился двумя подъездами дальше, прямо на проезжей части параллельно ряду стоящих вдоль тротуара машин.

– Гм, детектив, – сказал Рон Пуласки, – по-моему, она имела в виду тот дом.

– Знаю, – ответил Белл. – Однако предпочитаю не привлекать внимания к месту жительства человека, о безопасности которого мы заботимся.

Новичок покивал головой, словно повторяя слова про себя, чтобы получше запомнить. Совсем еще мальчишка, подумал Белл, столько его еще ждет впереди.

– Нас не будет несколько минут, а ты пока поглядывай, как тут дела.

– Так точно, сэр. А что я должен высматривать?

Посвящать новичка в организационные тонкости охраны свидетелей времени не было. Достаточно, чтобы он просто поторчал поблизости, пока они будут в доме.

– Плохих парней, – ответил Белл.

Патрульная машина сопровождения остановилась в указанном Беллом месте – прямо перед ними. Как только Женева отдаст письма, полицейский отвезет их Райму. Через минуту к ним присоединился еще один неприметный «шевроле» с двумя агентами из подразделения по «спасению задниц свидетелей». Они останутся здесь и будут следить за обстановкой вокруг здания. Когда Белл узнал, что преступник для отвлечения внимания стреляет в случайных прохожих, он запросил подкрепление. И людей для задания выбрал сам. Луис Мартинес – спокойный, крепкий на вид детектив, и Барб Линч – молодая женщина-агент, которая хоть и ходила еще в новичках, но обладала отличным чутьем.

Белл проворно выбрался из машины, застегивая спортивную куртку, под которой скрывались два пистолета. Он был неплохим провинциальным полицейским, а перебравшись в Нью-Йорк, показал себя неплохим детективом. Однако по-настоящему в своей стихии он ощущал себя, защищая свидетелей, наделенный талантом сродни охотничьему инстинкту. Он умел не просто выявить очевидное, например, издалека засечь блики оптического прицела, отличить щелчок ствольной коробки от других звуков или заметить, как кто-то следит за свидетелем по отражению в витрине; он мог отличить беспечную походку от нарочито беспечной, разглядеть, что неудачно припаркованный автомобиль стоит

так не случайно. Оценив расположение окон, мог сразу сказать: вот в том спрятался бы снайпер.

Сейчас ничего угрожающего Белл не заметил. Подав Мартинесу и Линч сигнал идти следом, он проводил Женеву к подъезду, представив своим агентам, и отправил их следить за обстановкой у дома. Женева открыла входную дверь с кодовым замком. Вместе с полицейским в форме они вошли внутрь и поднялись на второй этаж. Женева постучалась.

– Дядя Билл, это я.

Дверь открылась. На пороге стоял грузный мужчина лет пятидесяти с россыпью мелких родинок на щеке. Он улыбнулся и кивнул Беллу:

– Рад вас видеть. Я Уильям.

Детектив тоже представился. Они пожали друг другу руки.

– Ну как ты, родная? Ужас какой, что с тобой приключилось.

– Ничего, все хорошо. Вот только полиция будет пока за мной присматривать. Они думают, что тип, который на меня напал, может попытаться снова.

Круглое лицо мужчины озабоченно сморщилось.

– Будь оно все неладно. – Он махнул рукой в сторону телевизора. – Про тебя говорили в новостях.

– Ее назвали по имени? – Белл нахмурил брови.

– Нет, не назвали и не показывали. Потому что несовершеннолетняя.

– И на том спасибо… – Против свободы прессы Роланд Белл, конечно, не возражал, но считал, что иногда немного цензуры не помешает, особенно в том, что касается фамилий и адресов свидетелей. – Вы пока подождите в холле, а я осмотрю квартиру.

– Так точно, сэр.

Белл вошел и огляделся. Входная дверь запиралась на два засова и стальную щеколду. Передние окна выходили на такие же городские дома через улицу. Белл задернул на них все шторы. Кирпичная стена здания, на которую открывался вид из боковых окон квартиры, была глухая – снайперский огонь с той стороны исключался. Тем не менее Белл запер все створки, опустил жалюзи.

Квартира была большая. В коридор выходили две двери: одна в гостиную и другая, дальше по коридору, в помещение, где стояла стиральная машина. Белл проверил замки и вернулся в прихожую.

– Входите, – сказал он хозяевам. – Кажется, все в порядке, только не отпирайте двери и окна и не раздвигайте шторы.

– Есть, сэр, – ответил дядя Уильям.

– Я принесу письма, – сказала Женева и скрылась в направлении спален.

Убедившись, что внутри безопасно, Белл еще раз огляделся. Обстановка показалась ему холодной: белая мебель, все накрыто полиэтиленовой пленкой, много книг, картины, карибские и африканские статуэтки, сервант, заполненный дорогими на вид сервизами и хрусталем, африканские маски. Памятных личных вещей почти не было, как и семейных фото.

У самого Белла по всему дому стояли фотографии родных, в особенности – двух его сыновей и многочисленных племянников из Северной Каролины. Несколько снимков жены. Из уважения к своей новой подружке – Люси Керр (она служила шерифом в родном штате) он убрал те, на которых был снят вместе с женой, оставив только ее с детьми. (Люси, чьих фотографий в доме тоже было немало, заявила, что ценит такое отношение к покойной супруге. А она всегда говорила искренне.)

Белл спросил у дяди Уильяма, не замечал ли тот в последнее время незнакомцев вблизи от дома.

– Нет, сэр, ничего такого не видел.

– А когда должны вернуться ее родители?

– Затрудняюсь ответить, сэр, она всегда сама с ними общается.

Минут через пять Женева вернулась и отдала Беллу конверт с двумя ломкими пожелтевшими листами.

– Вот, держите, – сказала она и после короткой паузы добавила: – Только поаккуратнее с ними, копий у меня нет.

– Ну что вы, мисс, вы плохо знаете мистера Райма – с уликами он обращается бережнее, чем со Святым Граалем.

Женева посмотрела на дядю:

– Из школы я сразу домой. – Повернулась к Беллу: – Я готова, можем ехать.

– Ну-ка, малышка, – сказал дядя Уильям, – я хочу, чтобы ты была вежливой. Помнишь, как я тебя учил: когда обращаешься к офицеру полиции, надо говорить «сэр».

Девушка глянула на него и невозмутимо ответила:

– Помнишь, как говорил отец? Человек должен заслужить, чтобы к нему обращались «сэр».

Дядя Билл рассмеялся:

– Вот вам моя племянница: всегда свое мнение наготове! За что мы ее так и любим. Дай-ка я тебя обниму.

Девушка нехотя позволила себя приобнять. Беллу это было знакомо: его сыновья тоже стеснялись, когда он пытался приласкать их в присутствии посторонних.

Выйдя на площадку, Белл передал полицейскому в форме конверт с письмами.

– Немедленно отвезите Линкольну Райму.

– Есть, сэр.

Полицейский ушел, а Белл связался по рации со своими людьми внизу. Когда те доложили, что на улице все чисто, он проводил Женеву вниз, быстро подвел к машине и усадил на сиденье. Тут же подскочил Пуласки и, открыв дверцу, запрыгнул в салон.

Заводя двигатель, Белл повернулся к девушке и сказал:

– Ах да, мисс, уделите минутку, посмотрите у себя в сумке: не найдется ли для меня какой книги, которая вам сегодня не понадобится.

– Книги?

– Да, какого-нибудь учебника.

Девушка порылась в сумке.

– Вот. «Социология» подойдет? Хотя та еще скукотища.

– Ну, читать я ее не буду. Хочу сделать вид, что заменяю кого-то из учителей.

Женева ухмыльнулась:

– Собираетесь косить под препода? Клево.

– Вот и я о том же. Ладно, а сейчас не желаете ли пристегнуться? Буду очень признателен. И тебя, новичок, это тоже касается.

Глава 9

В базах КОДИС ДНК объекта десять-девять не обнаружили.

Когда прислали фрагменты пуль, извлеченные из тела доктора Бэрри, выяснилось, что они повреждены даже сильнее, чем те, что извлекли из ноги женщины. Проверка этих частиц по базам ИБИС и ДРАГФАЕР результатов также не принесла. Пока никаких зацепок.

Удалось опросить нескольких сотрудников музея. Нет, доктор Бэрри никогда не упоминал, чтобы кто-то еще интересовался «Еженедельником для цветных» от 1868 года. Ничего не прояснили и записи телефонных звонков: все входящие звонки с главного коммутатора перенаправлялись на дополнительные номера кабинетов и никак не фиксировались. Проверка исходящих и входящих звонков на мобильный библиотекаря также ничего не дала.

Купер рассказал все, что узнал от владельца «Трентон пластикс» – одного из крупнейших производителей пластиковых пакетов в стране.

– Еще в шестидесятых один из филиалов компании Государственного страхования наладил выпуск пуговиц-смайликов – для поднятия морального духа сотрудников и в качестве рекламного хода. В семидесятых два брата нарисовали такую же мордашку, дополнив изображение надписью «Будь счастлив», – своего рода альтернатива «значку мира». К тому времени десятки компаний уже тиражировали смайлик на пятидесяти миллионах своих товаров ежегодно.

– В чем смысл этой лекции о поп-культуре? – пробурчал Райм.

– В том, что, если даже у эмблемки существует законный правообладатель, смайлики на пакетах сегодня штампует не один десяток компаний и отследить такую улику попросту невозможно.

И здесь тупик…

Купер, Сакс и Селлитто послали запрос в десятки музеев и библиотек. Только в двух подтвердили, что к ним недавно обращался человек, интересующийся «Иллюстрированным еженедельником для цветных» за июль 1868 года. Новости обнадеживающие, так как вписывались в теорию Райма о том, что на Женеву напали именно из-за журнала. Однако ни в том ни в другом учреждении нужного номера не оказалось, и никто не помнил, как звали звонящего и даже представился ли он. В других местах журнала тоже не отыскалось. Из Музея афроамериканской прессы в Нью-Хейвене сообщили, что раньше у них имелся полный комплект микрофиш, но тот бесследно исчез.

Райм с мрачным видом обдумывал эти новости, когда компьютер издал мелодичный звон и Купер объявил:

– Пришел ответ из ВИКАП.

Щелчком клавиши он вывел текст сообщения на все мониторы в лаборатории. Сакс и Селлитто встали у одного, Райм устроился напротив другого. Сообщение по зашифрованной электронной почте прислал детектив из лаборатории по изучению улик в Квинсе.

Детективу Куперу.

Проанализировав предоставленную Вами информацию с использованием систем ВИКАП и ХИТС,[8] мы выявили два случая, сходных с Вашим.

Случай первый: убийство в Амарилло, штат Техас. Дело под номером 3451-01 (техасские рейнджеры).

Пять лет назад шестидесятисемилетний Чарлз Т. Такер, госслужащий на пенсии, был найден мертвым позади здания торгового ряда недалеко от своего дома. Его ударили сзади по голове тупым тяжелым предметом, предположительно для того, чтобы оглушить, и впоследствии линчевали. На шею жертвы преступник надел петлю, перекинул коней веревки через сук дерева и затянул удавку. Следы царапин на шее указывают, что несколько минут до наступления смерти мужчина оставался жив.

Элементы сходства с рассматриваемым делом:

• Жертву оглушили ударом по голове в области затылка.

• Подозреваемый был обут в прогулочные туфли 11-го размера, вероятнее всего, марки «Басс». Неравномерный износ одной подошвы

предполагает, что правая ступня подозреваемого слегка вывернута наружу.

• Орудие убийства: веревка со следами крови. Волокна хлопковые, соответствуют присланным образцам.

• Мотив преступления сфальсифицирован. Характер убийства замаскирован под ритуальный. Под ногами повешенного по кругу были расставлены свечи, на земле начерчена пентаграмма. Однако изучение личности жертвы и анализ следов преступления позволили сделать вывод, что подозреваемый оставил улики с намерением пустить следствие по ложному следу. Истинные мотивы не установлены.

• Отпечатков пальцев обнаружить не удалось; подозреваемый действовал в латексных перчатках.

Дело не закрыто.

– И… второе? – спросил Райм.

Купер прокрутил страницу.

Случай второй: убийство в Кливленде, штат Огайо. Дело под номером 2002-24554F (полиция штата Огайо).

Три года назад в своей квартире был найден мертвым сорокапятилетний бизнесмен Грегори Тэллис, скончавшийся от огнестрельных ранений.

Элементы сходства с рассматриваемым делом:

• Жертву оглушили несколькими ударами по голове в области затылка.

• Отпечатки обуви подозреваемого идентичны подошвам прогулочных туфель марки «Басс». След правой ноги слегка вывернут наружу.

• Причина смерти: три выстрела в сердце предположительно из пистолета 22-го или 25-го калибра – аналогично данному случаю.

• Отпечатков пальцев преступника обнаружить не удалось; подозреваемый действовал в латексных перчатках.

• Убитый был раздет ниже пояса, в анальное отверстие вставлена бутылка – очевидно, чтобы представить характер преступления как гомосексуальное изнасилование. Криминалист из полиции штата Огайо заключил, что мотив фальсифицирован. Жертва должна была явиться в суд для дачи свидетельских показаний по делу против организованной преступной группы. Проверка банковских транзакций ответчика

показала, что за неделю до убийства подсудимый снял со счета пятьдесят тысяч долларов наличными. Как была потрачена эта сумма, выяснить не удалось. Предположительно деньги выплатили наемному убийце, чтобы убрать Тэллиса.

Дело не закрыто, но приостановлено из-за утери вещественных доказательств.

Утеря вещественных доказательств, Боже правый!.. Райм снова пробежал глазами текст на экране.

– Подброшенные улики для сокрытия истинного мотива. И вот теперь еще одно нападение с якобы ритуальной окраской. – Он кивнул на карту таро. – Удар в область затылка, удушение или расстрел, латексные перчатки, туфли «Басс», дефект правой ступни… Очень может быть, что это наш клиент. Если так, то мы имеем дело с двумя людьми: исполнителем и заказчиком… Ладно, мне нужна вся информация по обоим делам.

Купер сделал несколько звонков. В Техасе пообещали, что свяжутся, как только поднимут дело. Однако детектив из Огайо подтвердил, что запрашиваемые материалы, среди дюжины прочих дел, были утеряны, когда участок переезжал в новое здание. Да, проверить они, конечно, проверят. «Но, – добавил он, – я бы на вашем месте ни на что особенно не рассчитывал». Райм неодобрительно поморщился и велел Куперу с них не слезать.

Через минуту у Купера зазвонил сотовый.

– Алло, слушаю… Да, диктуйте.

Сделав какие-то записи на листочке бумаги, он поблагодарил собеседника и отключился.

– Новости из дорожной полиции насчет крупных шествий и ярмарок, из-за которых приходилось перекрывать уличное движение. Два мероприятия в Квинсе: одно организовано районной ассоциацией, другое – греческим землячеством. А также празднование Дня Колумба в Бруклине и мероприятие в Маленькой Италии. Последнее, на Малберри-стрит, самое масштабное.

– Надо отправить людей во все четыре места, – сказал Райм. – Пусть обойдут все универмаги, где установлены дешевые кассовые аппараты, продаются презервативы, клейкая лента и перочинные ножи, а под покупки выдают пакеты со смайликами. Снабдите их устным описанием

нашего объекта, и пусть попытаются разузнать, не помнит ли его кто из служащих.

Райм смотрел на Селлитто, который стоял, разглядывая что-то на рукаве плаща – очевидно, пятнышко крови после утренней стрельбы около музея. Детектив-толстяк не шевелился, а поскольку он был здесь старшим по званию, то звонить в техобеспечение и патрульную службу полагалось ему. Однако, судя по виду, он вообще не услышал сказанного.

Райм перевел взгляд на Сакс. Та кивнула и позвонила в управление, чтобы выделили людей. Положив трубку, она заметила, что Райм, хмурясь, разглядывает доску с уликами.

– Что-то не так?

Райм молчал, озадаченный тем же вопросом. И вдруг понял: он оказался в положении рыбы, выброшенной на берег…

– Думаю, одним нам здесь не обойтись.

Одна из главных трудностей, с которой сталкивается следователь, – ограниченность своего опыта. Любой криминалист хорош ровно настолько, насколько широки его познания о тех местах, где обитает подозреваемый… во всех аспектах – от геологии, социологии, истории до культурных традиций и основных занятий местного населения.

Линкольн Райм думал о том, как мало знает о мире, в котором живет Женева Сеттл, – Гарлеме. Да, разумеется, статистику он себе представлял. Большинство населения в равных долях составляли афроамериканцы (как давно укоренившиеся, так и вновь прибывающие) и темнокожие или светлокожие латиноамериканцы (главным образом выходцы из Пуэрто-Рико, Доминиканской Республики и Мексики). Дальше по списку шли белые и некоторое количество азиатов. Беднота, наркотики, банды, насилие… хотя пороки процветали в основном в трущобах. В целом же Гарлем был не опаснее некоторых кварталов Бруклина, Бронкса или Ньюарка. Церквей, мечетей, общественных и родительских организаций в Гарлеме насчитывалось больше, чем в других городских районах. Гарлем давно стал центром движения в защиту гражданских прав чернокожих, средоточием «черной» и латиноамериканской культуры. А сейчас там росло новое движение – «за инвестиционное равенство». Полным ходом реализовывались десятки проектов по реконструкции ветхого жилья, инвесторы всех национальностей поспешно вливали в Гарлем свои капиталы, желая воспользоваться бумом на рынке недвижимости.

Но то были лишь сухие факты из «Нью-Йорк таймс», статистика нью-йоркского полицейского управления. Они не подскажут, почему наемный убийца охотится за девочкой из Гарлема.

Райм отдал голосовую команду, и компьютерная программа послушно набрала телефонный номер отделения ФБР в центре Нью-Йорка.

– Делрей слушает.

– Фред, это Линкольн. Нужна помощь.

– Мой добрый сотрудник из Вашингтона тебя не выручил?

– Выручил, еще как. Даже в Мэриленде не отказали.

– Рад слышать. Подожди минутку, надо кое-кого отсюда выпроводить.

Райм несколько раз бывал в офисе Делрея. Чего только не было в берлоге этого высокого худощавого афроамериканца: множество книг (в том числе по философии), вешалки с разнообразной одеждой, которую он надевал на задания (что, правда, в последнее время случалось редко), и здесь же – фэбээровские костюмы от братьев Брукс, белые рубашки и галстуки в полоску. Обычно же Делрей одевался, мягко говоря, странно: спортивные костюмы, свитера, толстовки. Из цветов предпочитал зеленый, синий и желтый. Хорошо хоть шляп не носил – в них он выглядел бы как сутенер из низкобюджетного фильма семидесятых.

Когда Делрей вновь взял трубку, Райм спросил:

– Что там с угрозами по терактам?

– Сегодня утром поступил анонимный звонок насчет израильского консульства. То же, что на прошлой неделе. А мои осведомители ни черта не могут сказать. Ну да ладно, у тебя-то что опять?

– У меня ниточки ведут в Гарлем. Тебе там часто работать приходится?

– Так, иногда прохаживаюсь. Ноя все-таки не энциклопедия – родился и вырос в БК.

– БК?

– Бруклин. Первоначально деревушка Брюкелен – фактория Голландской Вест-Индской компании. Кстати, первый официальный город в штате Нью-Йорк, если тебе интересно. Родина Уолта Уитмена. Но ты ведь не просто поболтать звонишь.

– Ты не мог бы выбраться из своей берлоги и немного пошаркать по улицам?

– Я, конечно, сойду за своего, но многого не обещаю.

– Тут у тебя передо мной одно преимущество.

– Точно-точно – я не разъезжаю в ярко-красном кресле с колесиками.

– Это можешь считать вторым своим преимуществом, – ответил Райм, у которого кожа была светлее волос новичка Пуласки.

От Женевы доставили остальные письма Чарлза Синглтона.

За долгие годы листы пожелтели и стали ломкими. Чтобы не повредить бумагу, Мэл Купер обработал сгибы и складки специальным раствором, затем поместил каждое письмо между тонкими листами из оргстекла.

К нему подошел Селлитто:

– И что там у нас?

Купер вложил первое письмо в сканер и щелкнул кнопкой. По всей комнате на мониторах возникло изображение.

Дражайшая Вайолет!

В предгрозовой тишине этого раннего воскресного утра у меня есть считанные минуты, чтобы набросать тебе несколько строк.

С тех пор как мы, необстрелянные новобранцы, впервые собрались на острове Харта, наш 31-й нью-йоркский полк успел пройти через многое. И сегодня мы выполняем задачу поистине историческую – преследуем самого генерала Роберта Э. Ли с остатками его армии, отступающей после разгрома 2 апреля под Питерсбергом в Виргинии.

Сейчас его тридцатитысячное войско расположилось в самом сердце Конфедерации, и нашему полку в числе других предстоит отрезать ему путь к отступлению. А под натиском наших превосходящих сил, которыми командуют генералы Грант и Шерман, отступать – это все, что ему остается.

В час затишья перед бурей мы собрались на большой ферме. Вокруг – босоногие рабы в простых негритянских одеждах; их взгляды

устремлены на нас. Одни стоят молча и безучастно смотрят, другие не сдерживают своего ликования.

Недавно к нам подъехал командующий и, спешившись, объяснил план сегодняшнего сражения. Потом процитировал по памяти слова мистера Фредерика Дугласа: «Если на чернокожем мундир армии США, на плече у него ружье, а в кармане запасные патроны, кто осмелится не признать, что он заслужил право называться гражданином Соединенных Штатов!»

Командующий добавил, что для него большая честь участвовать вместе с нами в кампании за восстановление единства страны.

31-й грянул такое громкое «Ура!», какого мне еще слышать не доводилось.

И вот, милая, барабанная дробь и грохот орудий уже возвещают о начале битвы. Если строкам, что я пишу, суждено стать последними, знай, что я люблю вас с Джошуа несказанно. Держись покрепче за ферму, не отступай от нашего уговора, что мы только смотрители, но не владельцы, и ни за что не соглашайся ее продавать. Пусть земля в целости перейдет к нашему сыну и его отпрыскам, ибо спрос на ремесла насыщается и затухает, финансовые рынки непостоянны и только земля в нашем мире остается неизменной величиной. Со временем благодаря ферме мы обретем уважение тех, кто нас сегодня презирает. Она останется залогом спасения для наших детей и правнуков.

А теперь, любимая, я должен взять в руки ружье, дабы исполнить данный Богом завет: защитить и сохранить нашу святую отчизну.

Твой вечно любящий

Чарлз.

Аппоматокс, штат Виргиния

9 апреля 1865 г.

Сакс оторвала взгляд от экрана.

– Ну вот, на самом интересном месте…

– Вовсе нет, – сказал Том.

– Как это «нет»?

– Нам ведь известно, что оборону они удержали.

– Откуда?

– Оттуда, что девятого апреля, как раз в тот день, южане капитулировали.

– Курс начальной истории меня сейчас мало интересует, – оборвал их Райм. – Я хочу знать, что там у него за тайна.

– Об этом кое-что здесь, – отозвался Купер, пробежав глазами второе письмо и кладя его на столик сканера.

Дражайшая Вайолет!

Очень скучаю по тебе и Джошуа. Меня весьма ободрила весть, что твоя сестра оправилась от родильной горячки, и я благодарю Господа нашего Иисуса Христа за то, что ты была рядом и помогла ей пережить трудные времена. Однако, думаю, тебе лучше остаться пока в Харрисберге. Положение сейчас опаснее даже, чем во время войны.

За месяц твоего отсутствия многое произошло. С тех пор как я был простым фермером и учителем, жизнь моя изменилась невероятно! Я оказался вовлечен в дела сложные и опасные и вместе с тем, не побоюсь сказать, судьбоносные для всего нашего народа.

Сегодня вечером мы с соратниками вновь соберемся на Холмах Висельника. Место это все больше напоминает осажденный замок. Дни кажутся бесконечными, дорога изматывает. Жизнь моя состоит из тяжелых дневных трудов и тайных походов под покровом ночи. Мне постоянно приходится избегать тех, кто желает нам зла. А таковых немало, и не только среди бывших мятежников. Многие здесь на севере враждебны к нашему делу. В мой адрес часто несутся угрозы, как явные, так и завуалированные.

Сегодня утром меня опять разбудил кошмар. Я не помнил терзавшие меня во сне картины, но, пробудившись, снова заснуть уже не сумел. Лежал не сомкнув глаз до рассвета, размышляя о том, как тяжело хранить тайну. Как же я хочу поделиться ею с остальным миром, однако не сомневаюсь, что последствия, если тайна раскроется, будут весьма трагическими.

Прости меня за этот унылый тон. Я очень скучаю по тебе и сыну и ужасно устал. Завтра, Бог даст, надежды снова окрепнут.

Твой нежно любящий

Чарлз.

3 мая 1867 г.

– Так-так, – задумчиво проговорил Райм. – Что ж за тайна такая? Видимо, она как-то связана со сходками на Холмах Висельника. «Судьбоносные для всего нашего народа» – наверняка речь о гражданских правах. Та же тема затрагивается в первом письме… И какие такие Холмы?

Его взгляд устремился на карту таро.

– Сейчас посмотрю. – Купер защелкал клавишами. Через минуту он объявил: – Так в девятнадцатом веке назывался район в Северном Вест-Сайде. Включал в себя Блумингдейл-роуд и Восемнадцатую улицу с окрестностями. Блумингдейл-роуд позже стала бульваром, а затем Бродвеем. – Он повернулся от экрана к Райму, приподняв одну бровь. – Совсем рядом отсюда.

– Еще что-нибудь есть?

Купер пробежал глазами по веб-сайту исторического общества.

– Да, карта местности от тысяча восемьсот семьдесят второго года.

Он развернул экран к Райму. Район охватывал большую территорию: крупные поместья, принадлежавшие нью-йоркским магнатам и финансистам, сотни домов поменьше.

– Взгляни-ка сюда, Линкольн. – Купер указал на точку рядом с Центральным парком. – Твой дом. То место, где мы сейчас находимся. Тогда здесь было болото.

– Подумать только!

– Единственная другая ссылка – на «Таймс» за прошлый месяц. В статье говорится об открытии нового архива в «Сэнфорд фаундейшн». Это старый особняк на Восемьдесят первой.

Райм представил себе большое здание в викторианском стиле рядом с отелем «Сэнфорд». Готической архитектурой и мрачным видом оно напоминало соседнюю «Дакоту», возле которой был убит Джон Леннон.

Купер продолжил:

– Глава фонда, Уильям Эшбери, выступил на церемонии с речью, заметив, насколько изменился Северный Вест-Сайд с тех пор, как звался Холмами Висельника. Больше ничего конкретного.

Слишком много разрозненных фактов, подумал Райм.

Тут компьютер Купера возвестил о приходе электронной почты. Техник прочитал сообщение и посмотрел на присутствующих:

– Так-так, послушайте-ка вот это… кое-что насчет «Иллюстрированного еженедельника для цветных». Сообщение от куратора колледжа имени Букера Т. Вашингтона в Филадельфии. В их библиотеке имелось единственное в стране полное собрание этого журнала, и…

– «Имелось»? – рявкнул Райм. – «Имелось»… Черт побери!

– На прошлой неделе комнату, где хранилась подшивка, уничтожил пожар.

– Есть информация насчет поджога? – спросила Сакс.

– Похоже на случайное возгорание: взорвалась лампочка, искры попали на бумагу. Никто не пострадал.

– Черта лысого это случайное возгорание! Пожар кто-то устроил!.. А куратор не поделился мыслями, где мы могли бы найти…

– Я как раз собирался сказать.

– Ну так выкладывай!

– В колледже сложилась общая практика сканировать архивные документы и сохранять их в электронных файлах формата pdf.

– Мэл, неужели ты наконец нас порадуешь? Или ты только душу травишь?

Купер несколько раз щелкнул клавишами и указал на экран:

– Вуаля! «Иллюстрированный еженедельник для цветных» от двадцать третьего июля тысяча восемьсот шестьдесят восьмого.

– Надо же! Давай, Мэл, читай. Не терпится узнать, сумел ли все-таки мистер Синглтон выплыть живым.

Купер постучал по клавишам. Спустя секунду он водрузил на переносицу очки, наклонился к экрану и начал:

– Ну что, поехали. Заголовок гласит: «Позор. Преступление вольноотпущенника. Ветеран гражданской войны, Чарлз Синглтон, предает наше общее дело своим вопиющим поступком».

«Во вторник, четырнадцатого июля, уголовным судом Нью-Йорка был выписан ордер на арест Чарлза Синглтона, ветерана Гражданской войны, по обвинению в злоумышленном хищении крупной суммы в золотых монетах, а также других средств из Национального образовательного фонда помощи вольноотпущенникам, находящегося на Двадцать третьей улице в нью-йоркском районе Манхэттен.

Мистер Синглтон сумел проскользнуть сквозь сеть полицейских нарядов, расставленных по всему городу, и, как предполагалось, сбежал в Пенсильванию, где проживает семья его свояченицы.

Однако рано утром во вторник шестнадцатого числа полицейский констебль заметил его идущим в сторону гудзонских доков.

Констебль поднял тревогу, после чего мистер Синглтон бросился бежать, а полицейский пустился в погоню.

Вскоре к преследованию подключились другие защитники правопорядка, а также старьевщики и рабочие-ирландцы, движимые гражданским долгом и надеждой на вознаграждение в пять долларов золотом тому, кто остановит злодея. Путь, который выбрал беглец, пролегал сквозь лабиринты трущоб в районе набережной Гудзона.

Напротив малярной мастерской на Двадцать третьей улице мистер Синглтон споткнулся и потерял равновесие. К нему быстро приближался верховой полицейский; казалось, исход погони предрешен. Однако беглецу удалось вскочить на ноги. Вместо того чтобы мужественно признать вину, он бросился бежать дальше.

На какое-то время он оторвался от преследователей. Но его преимущество оставалось недолгим. Негр-коммивояжер заметил беглеца с порога одного дома и призвал того остановиться во имя торжества справедливости, присовокупив, что осведомлен о преступлении мистера Синглтона, бросающем тень на всех цветных граждан страны. После чего добропорядочный сын своей нации, некто Уокер Лоукс, швырнул в мистера Синглтона кирпич. Однако мистер Синглтон увернулся от запущенного в него снаряда, снова выкрикнул, что невиновен, и устремился дальше.

Благодаря привычке к тяжелой работе вольноотпущенник оказался вынослив и бежал невероятно быстро. Однако мистер Лоукс дал знать о местонахождении беглеца, и другая группа бдительных полицейских преградила ему путь у причалов рядом с Двадцать восьмой улицей, недалеко от конторы буксирщиков. Обессилевший от погони, беглец привалился к рекламному щиту компании „Свифтшур экспресс“. Детектив, капитан полиции Уильям П. Симе, который два последних дня

разыскивал беглеца, направил на мошенника пистолет и приказал ему немедленно сдаться.

То ли решившись на отчаянную попытку избежать правосудия, то ли осознав, что его настигла расплата, и желая покончить с жизнью, мистер Синглтон на глазах у многочисленных свидетелей прыгнул в воды Гудзона. Он что-то кричал, но слов его никто разобрать не сумел».

Райм перебил Купера:

– Это все, что успела прочитать Женева. Что там война! Вот от чего по-настоящему дух захватывает. Слушаем дальше.

– «Беглеца скрыли волны, и все решили, что он погиб. Взяв в одном из соседних доков лодку, трое констеблей начали обыскивать прибрежные воды, дабы удостовериться в смерти нефа. В конце концов его обнаружили. Полуживой, он отчаянно прижимал к груди обломок доски и с наигранным, по мнению многих, исступлением выкрикивал имена сына и жены».

– По крайней мере он выжил, – сказала Сакс. – Женева обрадуется.

– «Его осмотрел хирург, после чего преступника увели. Суд состоялся в прошлый вторник. Было доказано, что Чарлз Синглтон украл банкнот и золота на фантастическую сумму в тридцать тысяч долларов».

– Так я и думал. Мотив – пропавшие деньги, – перебил Райм. – Сколько это по сегодняшним меркам?

Купер уменьшил окно со статьей и, глянув в Интернете, принялся что-то записывать на бумажку. Закончив с расчетами, он поднял глаза.

– На сегодня сумма составила бы около восьмисот тысяч долларов.

Райм крякнул.

– И впрямь фантастическая сумма… Ладно, читай дальше.

– «Швейцар из заведения напротив здания фонда видел, как мистер Синглтон вошел в кабинет с черного хода и через двадцать минут вышел с двумя большими сумками. Вызванный полицией управляющий фонда обнаружил, что при помощи молотка и стамески, похожими нате, какими владел подсудимый, был взломан сейф марки „Экзетер стронгбау“. Орудия взлома позже нашли неподалеку от здания.

Далее были представлены свидетельства, что во время собраний в городском районе Холмы Висельника мистер Синглтон сумел войти в

доверие к таким выдающимся личностям, как Чарлз Самнер, Таддеус Стивенс, Фредерик Дуглас и его сын Льюис Дуглас, якобы для того, чтобы защищать права нашего народа».

– Вот оно – собрания, о которых Чарлз говорит в письме. Значит, дело все-таки касалось гражданских прав. А имена… Должно быть, соратники, о которых говорится в письме. Видно, крупная рыба. Что дальше?

– «Однако, по словам прокурора, мистер Синглтон стремился не защитить права негритянского населения, а подробно узнать о хранящихся в фонде средствах, которыми он мог поживиться».

– Неужели это и была его тайна? – пробормотала Сакс.

– «Во время суда мистер Синглтон хранил молчание. Он заявил только, что не виновен и очень любит жену и сына.

Капитану Симсу удалось отыскать значительную часть украденного. Ходят слухи, что еще несколько тысяч долларов преступник спрятал в тайнике, местонахождение которого раскрыть отказался. При задержании у мистера Синглтона изъяли только сто долларов золотыми монетами».

– Вот тебе и сокровища, – пробурчал Райм. – Жаль, хорошая была теория.

– «Вину подсудимого доказали быстро. Зачитывая приговор, судья призвал его вернуть остаток похищенных средств, но преступник вновь отказался раскрыть местонахождение тайника, утверждая, что не виновен и что деньги, изъятые при задержании, подкинули ему после ареста. Тогда судья постановил конфисковать и продать собственность подсудимого, чтобы, насколько возможно, возместить нанесенный ущерб, а самого преступника приговорил к пяти годам заключения».

Купер отодвинулся от монитора.

– Собственно, вот и все.

– Неужели кому-то понадобилось прибегать к убийству ради того, чтобы скрыть эту историю? – спросила Сакс.

– Хороший вопрос… – Райм уставился в точку на потолке. – Итак, что нам известно о Чарлзе? Учитель и ветеран Гражданской войны. Владел фермой на окраине Нью-Йорка, где возделывал сад. Был арестован и осужден за кражу. Хранил некую тайну, раскрытие которой могло привести к трагическим последствиям. Посещал сходки на Холмах

Висельника. Участвовал в движении за гражданские права, водил дружбу с крупными политиками и правозащитниками своего времени.

Райм подкатился поближе к монитору и посмотрел на экран. Связи между теми событиями и делом по объекту 10-9 он не видел.

У Селлитто зазвонил телефон. Толстяк ответил, и брови его поползли вверх.

– Хорошо, спасибо. – Он отключился, посмотрел на Райма. – Есть!

– Что «есть»? – спросил Райм.

– Одна из команд по опросу свидетелей нашла магазинчик на Малберри-стрит в Маленькой Италии, примерно в половине квартала от места проведения ярмарки в День Колумба. Кассирша запомнила белого мужчину средних лет, который несколько дней назад купил как раз то, что было в наборе насильника. Из-за шапки.

– На нем была шапка?

– Нет, он ее купил. Вязаную спортивную шапочку. Продавщица вспомнила его потому, что он, примеряя, натянул шапку себе налицо. Она заметила это в обзорном зеркале. Решила, что тот замышляет ограбление. Но мужчина шапочку снял, бросил в корзину с остальными вещами, расплатился и вышел.

Не иначе недостающий предмет за пять девяносто пять на кассовом чеке. Хотел убедиться, что подойдет в качестве маски.

– Вероятно, той же шапкой он стер отпечатки. Как его зовут, она знает?

– Нет, но может дать подробное описание.

Сакс оживилась:

– Сейчас сделаем фоторобот, и можно искать. – Она схватила сумочку, однако, дойдя до двери, заметила, что Селлитто рядом нет, и обернулась. – Лон, ты идешь?

Селлитто как будто не слышал. Когда она повторила вопрос, он заморгал и с кривой улыбкой убрал руку от щеки.

– Да, извини. Конечно, пойдем, прищучим ублюдка.

МУЗЕЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Набор насильника:

• Карта таро, двенадцатая в колоде: «Повешенный». Означает духовные поиски.

• Пакет с изображением смайлика.

• Отследить невозможно.

• Перочинный нож.

• Презервативы «Троян».

• Клейкая лента.

• Жасминовый запах.

• Неустановленный предмет стоимостью $5.95. Вероятно, вязаная шапочка.

• Кассовый чек из небольшого универсама в пределах Нью-Йорка.

• Покупка, вероятно, сделана в магазине на Малберри-стрит в Маленькой Италии. Подозреваемого по словесному портрету опознала сотрудница магазина.

Отпечатки пальцев:

• Подозреваемый был в латексных или виниловых перчатках.

• Проверка отпечатков, оставленных на предметах из набора насильника, по базе ИАФИС совпадений не выявила.

Отпечатки принадлежат человеку с маленькими руками, вероятно, женщине-продавцу.

Трасологические следы:

• Хлопчатобумажные волокна со следами человеческой крови. Удавка?

• Производитель не определен.

• Запрос по образцам крови отправлен в КОДИС.

• Совпадений ДНК по КОДИС не выявлено.

• Частицы поп-корна и сахарной ваты со следами собачьей мочи.

• Вероятная связь с карнавалом или уличной ярмаркой. В управлении дорожной полиции запрошена информация о выданных разрешениях.

Получен ответ. Проводится опрос свидетелей вблизи от мест проведения мероприятий.

• Подтвердившееся место мероприятия – район Маленькая Италия.

Орудия преступления:

• Дубинка или ручной снаряд, используемый как оружие в боевых искусствах.

• Пистолет 22-го калибра производства «Норт американ армз», модель «Черная вдова» или «Мини-мастер».

• Самодельные пули с высверленной полостью; заполнены иглами.

Совпадений по базам ИБИС и ДРАГФАЕР не выявлено.

Мотив:

• Не установлен. Изнасилование, очевидно, инсценировано.

• Истинной целью, вероятно, являлась кража микрофиши с выпуском «Иллюстрированного еженедельника для цветных» от 23 июля 1868 года и убийство Ж. Сеттл из-за проявленного ею интереса к статье из этого номера. Мотив не установлен. В статье рассказывалось о Чарлзе Синглтоне, предке потерпевшей (см. ниже).

• По словам убитого библиотекаря, кто-то еще интересовался той же статьей.

• Проверка записей телефонных звонков жертвы на месте работы.

• Результатов не принесла.

• Опрос сотрудников библиотеки касательно лица, интересовавшегося статьей.

• Результатов не принес.

• Поиск копии журнала.

• По сообщениям из некоторых архивов, кто-то еще проявлял интерес к статье. Личность интересующегося установить не удалось. Большинство копий журнала либо пропало, либо уничтожено. Сохранился один экземпляр (см. ниже).

• Заключение: жизнь Ж. Сеттл, вероятно, по-прежнему под угрозой.

Сходные случаи по результатам запроса в ВИКАП и НЦИП.

• Убийство в Амарилло, штат Техас, пять лет назад.

Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как ритуальное, истинный мотив неизвестен).

• Убийство в Огайо три года назад.

Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как сексуальное, но скорее всего носит заказной характер). Утрачены материалы дела.

ПОРТРЕТ ОБЪЕКТА 10-9

• Белый мужчина.

• Рост 6 футов, вес около 180 фунтов.

• Голос непримечательный.

• Симулировал разговор по сотовому, чтобы подобраться к жертве.

• Носит светло-коричневые прогулочные туфли марки «Басс», 11-го размера; куплены не менее 3 лет назад. Правая ступня скошена наружу.

• Сопутствующий жасминовый запах.

• Темные брюки.

• Лыжная шапочка темного цвета.

• Для отвлечения внимания готов стрелять в случайных людей.

• Скорее всего наемный убийца.

ПОРТРЕТ ЗАКАЗЧИКА НАПАДЕНИЯ

• На данный момент информация отсутствует.

ПОРТРЕТ ЧАРЛЗА СИНГЛТОНА

• Бывший раб, предок Ж. Сеттл. Женат, имел одного сына. В подарок от бывшего хозяина получил ферму в штате Нью-Йорк. Работал учителем. Стоял у истоков движения в защиту гражданских прав.

• В 1868 году осужден по обвинению в краже (по архивным материалам на похищенной микрофише).

• По собственному признанию, хранил некую тайну, которая, возможно, имеет отношение к текущему делу. Опасался, что, если тайну предать огласке, случится трагедия.

• Посещал собрания в нью-йоркском районе, ранее известном как Холмы Висельника.

• Возможно, участвовал в рискованных предприятиях.

Приписываемое преступление, по материалам «Иллюстрированного еженедельника для цветных»:

• Арестован детективом Уильямом Симсом по обвинению в краже крупной денежной суммы из нью-йоркского Фонда для вольноотпущенников. По свидетельским показаниям, Чарлза видели выходящим из здания вскоре после того, как был взломан сейф.

Неподалеку найдены принадлежащие ему инструменты – орудия взлома.

Основную часть похищенного удалось вернуть. Приговорен к пяти годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна. Считалось, что Чарлз

использовал свои связи с лидерами движения, чтобы получить доступ к средствам фонда.

Письма Чарлза:

• Письмо первое, адресовано жене.

Тема: бунты против призыва в 1863 году, вспышка ненависти по отношению к чернокожим в штате Нью-Йорк, линчевания, поджоги.

Угроза собственности, принадлежащей чернокожим.

• Письмо второе, адресовано жене.

Написано накануне битвы при Аппоматоксе в конце войны Севера и Юга.

• Письмо третье, адресовано жене.

Чарлз участвует в движении по защите гражданских прав. Получает угрозы. Обеспокоен необходимостью хранить тайну.

Глава 10

В двадцатых годах прошлого века в Нью-Йорке зародилось новое негритянское движение, которое позже назвали Гарлемским Ренессансом.

В этот период возникла целая плеяда выдающихся мыслителей, художников, музыкантов и в особенности писателей, которые изображали жизнь чернокожих не с точки зрения «белой» Америки, а под собственным углом восприятия. В числе представителей этого новаторского течения были интеллектуалы – Маркус Гарви и Уильям Эдуард Беркхарт Дюбуа, писатели – Зора Нил Херстон, Клод Маккей и Каунти Каллен, живописцы – Уильям Г. Джонсон, Джон Т. Биггерс, и, конечно, музыканты – Дюк Эллингтон, Жозефина Бейкер, Уильям Кристофер Хенди, Юби Блейк. Без них невозможно представить себе эпоху.

В пантеоне столь ярких имен трудно кого-нибудь выделить, но если чей-то голос и звучал выразительнее других, то он принадлежал прозаику и поэту Лэнгстону Хьюзу.

Сегодня по всей стране наберется немало связанных с его именем мест, но больше всего он мог бы гордиться четырехэтажным кирпичным зданием на Сто тридцать пятой улице в Гарлеме.

Школу имени Лэнгстона Хьюза не обошли стороной общие проблемы: постоянная нехватка свободных мест и финансирования, отчаянная борьба за то, чтобы найти и удержать хороших учителей… как, впрочем, и учеников. А еще низкая успеваемость, насилие, наркотики, банды, подростковая беременность, злостные прогулы занятий. Но из ее стен выходили также юристы, предприниматели, врачи, ученые, писатели, танцоры, политики и музыканты. Школа могла гордиться своими комарами-чемпионами, десятками кружков и клубов.

Однако для Женевы Сеттл школа Лэнгстона Хьюза была куда большим – источником спасения, островком безмятежности. Когда впереди показались обшарпанные кирпичные стены, тревога и страх, осаждавшие ее после ужасного происшествия в музее, значительно поубавились.

Детектив Белл остановил машину и огляделся. Не заметив ничего подозрительного, он позволил пассажирам выйти наружу. Затем повернулся к новичку, мистеру Пуласки, и кивком указал на угол улицы:

– Жди здесь.

– Слушаюсь, сэр.

– Вам тоже лучше здесь подождать, даже нужно, – сказала Женева.

Белл усмехнулся:

– Я все-таки поболтаюсь рядом, если не возражаешь. И даже если возражаешь, думаю, мы все равно прогуляемся вместе. – Он застегнул куртку, чтобы не видны были пистолеты, и демонстративно приподнял учебник социологии.

Женева только поморщилась, и они направились к школе.

Перед рамкой детектора девушка предъявила пропуск, а детектив Белл незаметно показал охраннику полицейскую бляху и проскользнул рядом, не проходя через детектор. Была перемена перед пятым уроком, который начинался в 11.37. В коридорах толклись множество учеников. Одни направлялись в кафетерий, другие – подышать воздухом на школьный двор или в закусочные на улице. Слышались шутки, заигрывания, обзывания. Кое-где вспыхивали легкие потасовки. В общем, царил настоящий хаос.

– У меня сейчас перерыв на обед, – стараясь перекричать гул голосов, пояснила Женева. – Я хочу посидеть в кафетерии и немного позаниматься. Идите со мной.

Женеву нагнали подружки – Рамона, Шаллет и Дженет – и пристроились рядом. Все трое тоже были прилежными ученицами. Уравновешенные, приветливые, они выделялись хорошим поведением, стремились попасть в список стипендиатов; вероятно, по той же причине они редко держались вместе со всеми и не принадлежали к каким-либо школьным тусовкам. После занятий они шли домой, учились игре на скрипке и фортепьяно по методу Судзуки, участвовали в «группах грамотности», помогали в подготовке конкурсов по правописанию и естествознанию и, разумеется, делали уроки. А учеба требует уединения. (Где-то в душе Женева завидовала девчонкам, у которых была «своя тусовка».) Однако сейчас троица не отставала от нее ни на шаг, засыпая вопросами: «Он тебя лапал?», «Ты видела его член?», «Он возбудился?», «Ты видела, как он натягивал маску?», «Близко он подобрался?»

Они уже все знали – от тех, кто прогулял утренние уроки и видел новости. И хотя в репортажах Женеву не назвали по имени, ни для кого не было секретом, что именно она главное действующее лицо. Очевидно, без Киш не обошлось.

Подошла Марелла, звезда беговой дорожки из ее класса.

– Как дела, подруга? Все ништяк?

– Да.

Одноклассница покосилась на детектива Белла:

– Жен, а чего это коп носится с твоей книжкой?

– Вот его и спроси.

У детектива вырвался неловкий смешок.

«Собираетесь косить под препода? Клево».

Киша Скотт, стоявшая рядом со своей сестрой и несколькими подружками, сделала вид, будто не узнала Женеву, но тут же с наигранным удивлением вновь на нее оглянулась.

– Ну ты и клюшка! Мне бы такую отмазку, я бы заморочиваться не стала, сидела бы дома, сериалы смотрела по ящику. – Киш ухмыльнулась, кивнула в сторону кафетерия: – Ладно, увидимся.

Однако не все вокруг оказались столь же доброжелательными. Когда они были на полпути к кафетерию, из-за спины донеслись голоса:

– Глянь! Звезда теленовостей! И белый козел с ней!

– Блонда!

– Доска – два соска!

Грянул хохот.

Детектив Белл резко обернулся, но юные остряки уже растворились в море свитеров, толстовок, мешковатой джинсы и непокрытых голов (в стенах школы Лэнгстона Хьюза головные уборы были запрещены).

– Ничего, – глядя в пол, процедила Женева. – Просто некоторым не нравится, когда кто-то относится к учебе всерьез. – Она несколько раз удостаивалась звания «Школьник месяца» и за два года учебы в этой школе не пропустила ни одного занятия. Со средним баллом успеваемости в девяносто восемь процентов, она стояла в списке лучших учеников, а прошлой весной ее торжественно приняли в Национальное общество почета. – Просто не обращаю внимания.

Даже такие оскорбительные ярлыки, как «блонда» или «дебби», то есть черная девушка, которая выделывается под белую ее не задевали.

У дверей кафетерия их встретила крупная, приятного вида женщина в темно-лиловом платье. На шее у нее висела карточка советника по вопросам образования. Женщина представилась как миссис Бартон, консультант. Она слышала о случившемся и подошла поинтересоваться, все ли в порядке. Не хочет ли Женева поговорить о происшествии?

«Консультант, ну надо же! Только этого не хватало!» – подумала Женева. У нее сразу испортилось настроение.

– У меня все отлично.

– Ты уверена? Мы могли бы сегодня в полдень назначить встречу.

– Уверена.

– Мне надо поговорить с твоими родителями.

– Их сейчас нет – они в отъезде.

– Ты не одна осталась? – Женщина нахмурила брови.

– Нет, я с дядей.

– А еще мы за ней приглядываем, – прибавил детектив Белл. Женева обратила внимание, что миссис Бартон даже не попросила его предъявить удостоверение – настолько явно он выглядел полицейским.

– И когда должны вернуться родители?

– Уже едут. Они далеко, за границей.

– Тебе сегодня не обязательно было приходить в школу.

– У меня два теста, которые я не хочу пропустить.

Женщина удивленно хмыкнула и сказала, глядя на мистера Белла:

– Я сама так серьезно к школе не относилась. Зря, наверное. – Потом вновь перевела взгляд на девочку: – Может, все-таки пойдешь домой?

– Я столько времени к ним готовилась, – поспешно пробормотала Женева.

– Хорошо. Но потом, думаю, тебе лучше пойти домой и отдохнуть пару деньков. Задания будут тебе присылать.

С этими словами миссис Бартон умчалась разнимать двух повздоривших мальчишек.

Когда женщина скрылась из вида, детектив спросил:

– У вас с ней какие-то разногласия?

– Нет, просто эти консультанты… Вечно в душу хотят залезть.

Белл явно не понял. Да и с чего бы? Ведь это не его мир. Они вошли в кафетерий. Женева кивнула в сторону небольшого коридора, ведущего к женскому туалету.

– Можно мне туда на минутку?

– Да, разумеется. Только придется чуть-чуть подождать.

Он жестом подозвал какую-то преподавательницу и что-то ей нашептал, видимо, объяснил ситуацию. Женщина кивнула, зашла в туалет и почти сразу вернулась.

– Нет, никого.

Белл занял пост у двери.

– Прослежу, чтобы сюда не входил никто из взрослых, – пояснил он.

Женева вошла в туалет и закрыла за собой дверь, радуясь, что может побыть в тишине, вдали от назойливых взглядов, забыть ненадолго об угрозе. Но если раньше она злилась, отрицала происходящее, то теперь в душу начал закрадываться страх.

Она вышла из кабинки, вымыла руки и лицо. Рядом какая-то девушка подправляла перед зеркалом макияж. Старшеклассница, не иначе. Высокая, видная, тонко выщипанные брови, идеальная укладка. Девушка внимательно оглядела Женеву с головы до ног, хотя утренний выпуск новостей здесь был ни при чем. Обычный оценивающий взгляд – в школе без этого не обходится ни минуты. Сверка на соответствие уровню: что на тебе надето, сколько у тебя проколов под пирсинг, золото настоящее или только покрытие, не слишком ли много на тебе побрякушек, аккуратно ли заплетены косички, модные ли на тебе шмотки, не скрываешь ли ты беременность.

Женева предпочитала тратить деньги не на тряпки и косметику, а на книги и поэтому никогда не дотягивала до стандартов.

Да и природа не то чтобы щедро ее одарила. Грудь становилась заметной, только если сделать глубокий вдох, даже лифчик носить незачем. Девчонки из комплекса Делано дразнили Женеву «крысенышем» и частенько говорили о ней в мужском роде. (Особенно обижало, когда кто-нибудь без всякого злого умысла и впрямь принимал ее за мальчишку.) Или взять волосы: густые и жесткие, как металлическая мочалка. На укладку или завивку времени выкроить не получалось. Косички тоже отнимали целую вечность, и хотя Киш могла заплести их бесплатно, с ними Женева выглядела как-то совсем по-детски – словно малышка, которую причесала заботливая мамуля.

«Держи крысеныша! Вон она, вон она! Костлявая сучка!»

Старшеклассница у соседней раковины отвернулась обратно к зеркалу. Красивая и хорошо сложенная, из-под одежды видны бретельки лифчика и узкая полоска трусиков, длинная прямая челка аккуратно зачесана на сторону, кожа на лице гладкая, веки слегка подцвечены фиолетовым. В общем, она воплощала в себе все то, чем Женева Сеттл никогда не была.

Тут входная дверь распахнулась, и сердце у Женевы упало.

Вошла Джонет Монро, тоже старшеклассница. Она была ненамного выше Женевы, но шире в бедрах и крупнее бюстом; плотные округлые плечи, рельефные мышцы. Обе руки в татуировках. Лицо кофейного цвета. Ледяной взгляд – глаза хищно сощурились, узнав Женеву, которая мгновенно посмотрела в сторону.

Джонет была из «крутых». Ходили слухи, что она приторговывает наркотиками, может достать все, что угодно: лед, крэк, героин. А если вовремя с ней не расплатишься, она займется тобой сама, а то и твоей лучшей подругой или даже начнет наезжать на родственников, пока не вернешь должок. В этом году копы уже дважды под локотки выволакивали ее из школы; одному она сумела отвесить пинок между ног.

Женева не смела поднять глаза. Детектив Белл понятия не имел, как опасна Джонет, когда впустил ее в туалет. Все еще с мокрым лицом и руками, Женева направилась к двери.

– Эй, подруга! – Джонет смерила ее холодным взглядом. – Ты, ты. Куда собралась? Стой и не рыпайся.

– Я…

– Заткнись! – Она посмотрела на вторую девушку: – А ты выметайся отсюда на хер.

Модница была тяжелее и выше Джонет, но прихорашиваться перестала и начала медленно собирать косметичку. Дабы совсем не уронить достоинство, она решила ответить:

– Полегче на поворотах.

Джонет молча шагнула к ней. Девушка схватила сумочку и метнулась за дверь, выронив карандаш для губ. Джонет подняла его и сунула себе в карман. Женева снова попыталась проскользнуть к двери, однако Джонет жестом велела ей отойти к стене. А поскольку Женева словно приросла к полу ногами, Джонет схватила ее за руку и стала пинком распахивать двери кабинок, чтобы удостовериться, что они остались одни.

– Чего ты хочешь? – одновременно вызывающе и обреченно прошептала Женева.

– Заткни пасть! – рявкнула Джонет.

Мистер Райм был прав! Тип из библиотеки каким-то образом узнал, где она учится, и нанял Джонет, чтобы ее добить. И надо было сегодня тащиться в школу? Кричи!

И она закричала.

Или только успела открыть рот.

Джонет поняла, что сейчас будет, и мгновенно зажала ей рот.

– Тихо.

Второй рукой она обхватила Женеву за талию и потащила в дальний угол. Женева тщетно вырывалась и жалобно молила:

– Ну пожалуйста…

Свободной рукой Джонет шарила у себя в кармане.

Что она ищет? – мелькнула паническая мысль. Блеснул металл. Нож? Пистолет? Зачем нужны детекторы на входе, если в школу так легко пронести оружие?

Женева взвизгнула и забилась.

Рослая старшеклассница занесла руку.

Нет! Нет!..

Женева вдруг поняла, что смотрит прямо на серебристый полицейский значок.

– Кричать не будешь? – раздраженно спросила Джонет.

– Я…

– Не хочу, чтобы нас было слышно снаружи. Успокоилась?

Женева кивнула, и Джонет ее отпустила.

– Так ты…

– Да-да – коп.

Едва переставляя ноги, Женева отошла в сторону и привалилась к стене. Она тяжело дышала. Джонет направилась к выходу и, приоткрыв дверь, что-то шепнула в щель. Вошел детектив Белл и запер за собой дверь.

– Значит, вы познакомились, – сказал он.

– Вроде того, – ответила Женева. – Она действительно коп?

Детектив объяснил ситуацию:

– Во всех школах работают офицеры полиции. Как правило, молодые женщины, которые делают вид, будто учатся в старших классах. Или… как ты бы выразилась: «косят под старшеклассниц».

– А просто сказать мне об этом было нельзя? – раздраженно бросила Женева.

Джонет обвела взглядом кабинки.

– Я не знала, одни мы здесь или нет. Извини за дикую сцену, я не могла ничего сказать, чтобы случайно себя не выдать. – Она покачала головой. – Надо же было такому случиться именно с тобой – ты одна из хороших. С тобой я хлопот не знала.

– Коп… – недоверчиво прошептала Женева.

Джонет рассмеялась по-девчоночьи высоким голосом.

– Точно!

– Просто невероятно! Никогда бы не догадалась.

– Ты помнишь, как несколько недель назад взяли старшеклассников, которые пронесли в школу пистолеты? – спросил мистер Белл.

Женева кивнула.

– И еще, кажется, какую-то бомбу.

– Собирались устроить новую «Коломбину»,[9] – в своей ленивой манере, растягивая слова, сказал детектив. – Джонет об этом узнала и предотвратила бойню.

– Сама взять я их не могла, иначе бы засветилась, – заметила Джонет, словно бы сожалея, что ей не удалось лично произвести арест. – Ладно, пока ты в школе, я буду за тобой присматривать. Если почувствуешь что-нибудь неладное, подай мне знак.

– Как в банде?

Джонет усмехнулась:

– Жен, ничего личного, но ты и банды – вещи несовместимые. Если ты начнешь давать мне отмашку, думаю, любой сразу почует подвох. Давай ты просто почешешь ухо? Сойдет?

– Вполне.

– Я подойду и начну к тебе приставать. Немного тебя потреплю, но постараюсь вытащить из передряги. Как ты на это смотришь? Бить не буду, может, потолкаю немного.

– Да, все нормально… Слушай, спасибо за все. Я никому про тебя не скажу.

– Я и не сомневалась. – Джонет посмотрела на детектива: – Ну что, пора?

– Самое время.

После этих слов милый и галантный мистер Белл, исказив лицо, закричал:

– Какого хера ты здесь делаешь?

В ответ визгливо:

– Убери от меня свои грязные руки, ублюдок! – Джонет снова входила в роль.

Детектив взял ее под руку и вытолкнул за дверь. Девушка налетела на стену.

– Ах ты козел! Я твою гребаную задницу по судам затаскаю! За жестокое обращение или как там… – Она потирала руку. – Ты не можешь ко мне прикасаться – права не имеешь, ублюдок!

И она стремительно зашагала прочь. Немного обождав, детектив Белл и Женева тоже вышли в зал кафетерия.

– Актриса что надо, – шепнула ему Женева.

– Одна из лучших, – подтвердил он.

– Только, выходит, она вас спалила.

Детектив вернул ей учебник, ухмыльнулся:

– Все равно прикрытие никуда не годилось.

Женева уселась за столик в углу и достала из рюкзака учебник по культуре речи.

– А ты поесть разве не собираешься? – спросил детектив Белл.

– Нет.

– Дядя не дал денег на обед?

– Я в самом деле не голодна.

– Все-таки забыл, да? При всем к нему уважении, отцом он никогда не был – видно сразу. Сейчас я что-нибудь принесу.

– Нет, правда не надо...

– Да я, признаться, и сам проголодался, что твой фермер за целый день в поле. А уж сколько лет прошло, когда я последний раз пробовал индейку по-школьному! Хочу взять себе порцию, так что и тебе заодно прихвачу того же. Молоко будешь?

Женева немного подумала.

– Ну хорошо. Только я потом все верну.

– Обед за счет городского бюджета.

Он отошел и встал в очередь.

Женева собралась почитать учебник и вдруг заметила, что в ее сторону смотрит какой-то парень. Он приветливо помахал рукой. Она обернулась, проверяя, кому адресованы эти знаки внимания, но позади никого не было. У нее вырвался вздох изумления, когда она поняла, что он обращается к ней.

Кевин Чини встал из-за стола, за которым сидел со своими друзьями, и размашистым шагом направился к ней. О Господи! Неужели он правда сюда идет?.. Сам Кевин! Мечта всех девчонок! Совершенные губы, божественное телосложение. В баскетбол он играл так, словно силы тяжести просто не существовало, а двигался, будто танцевал брейк на показательном состязании виртуозов.

Детектив Белл, стоящий в очереди, напрягся, шагнул было к столику, но Женева мотнула головой, показывая, что все в порядке.

В порядке? Все просто ништяк.

* * *

После школы Кевин планировал поступать в университет: коннектикутский или «Дьюк». Рассчитывал получить стипендию по линии Спортивной лиги – он был капитаном баскетбольной команды, которая выиграла прошлогодний межшкольный чемпионат. Хотя стипендию он мог заработать себе и на оценках. Да, возможно, он не питал такой же любви к книгам и школе, как сама Женева, однако тоже числился в лучших учениках. Они немного друг друга знали – вместе посещали курс алгебры в этом семестре, время от времени встречались в холле или на школьном дворе. Случайно, конечно, случайно. Хотя… стоит ли отрицать, что ее всегда тянет туда, где он?

Остальные ребята Женеву просто не замечали, разве отпускали в ее адрес обидные замечания. Но только не Кевин. Он с ней здоровался, заговаривал насчет заданий по алгебре или истории. А иногда просто задерживался поболтать.

На свидания, конечно, не приглашал, зато обращался с ней по-человечески.

Однажды, прошлой весной, даже проводил ее до дома!

Ясный, солнечный день, который она помнила так отчетливо, словно смотрела запись на DVD.

Апрель, двадцать первое.

Обычно Кевин тусовался с фигуристыми «супермоделями». (Иногда даже с Лакишей заигрывал, что Женеву просто бесило, но она прятала ревность за беззаботной улыбкой.)

Что он хотел сейчас?

– Ты как, ничего? – Участливо сдвинув брови, Кевин опустился на побитый хромированный стул рядом с ней и вытянул длинные ноги.

– Да… – От волнения у нее пересохло во рту, голова вдруг стала пустой.

– Я в курсе, что с тобой приключилось. Ну и дела! Типа тебя задушить собирались. Я чуть с ума не сошел.

– Правда?

– Еще бы.

– Да, жуть какая-то.

– Ну, раз у тебя все нормально, я спокоен.

У Женевы вспыхнули щеки. Неужели это говорит Кевин?

– А чего ты в школу пришла? – спросил он. – Сидела бы дома!

– Сегодня тесты. По культуре речи и по алгебре.

Кевин рассмеялся:

– Ну ты даешь! После такого еще и тесты сдавать!

– Да, не могу пропустить.

– А с алгеброй у тебя без проблем?

Тема была несложная. Ничего особенного.

– Вроде да. И тема нетрудная.

– Ясно. Я, в общем, хотел сказать: все говорят, что ты тихоня, а случись с ними такое, они в школу бы носа не показали. Вот это я понимаю – молодец!

От такого комплимента у Женевы перехватило дыхание. Она опустила глаза, пожала плечами.

– Теперь я понимаю, какая ты. Нам надо чаще общаться. Только тебя почти не видно.

– Ну, школа, все дела…

Женева тут же мысленно себя одернула: вовсе не обязательно говорить, как он.

– Хорош по ушам катать, – пошутил Кевин. – Знаю я, что к чему: просто ты дурью торгуешь в БК.

– Я… – У нее чуть не вырвалась какая-то чушь. Она смущенно улыбнулась и потупила глаза на обшарпанный пол. – В Бруклине не торгую, только в Квинсе. У них там с баблом получше.

Жалкий лепет. Даже ладони стали липкими от испарины. Но Кевин громко расхохотался:

– Э-э… все, я догнал. Должно быть, в БК дурью торгует твоя мамаша.

Это могло показаться оскорблением, но на самом деле Кевин просто предлагал ей сыграть в «дюжины». Так эта игра называлась раньше. Сейчас говорили иначе: сыграть в «подколки», то есть обменяться колкостями, оскорблениями. «Подколки» относились к устной негритянской традиции и были частью литературных состязаний, словесным поединком. Серьезные авторы демонстрировали мастерство «подколки» со сцены, хотя в основном этим занимались дома и на школьных дворах, в пиццериях, барах, клубах или просто на улице. Чаще всего «подколки» не отличались оригинальностью. К примеру: «Твоя мамаша такая тупица, что ищет ценники в магазине „Все за один доллар“», «Твоя сестра такая уродина, что ее никто бы не трахнул, даже если бы она была наковальней».

Но приглашение сыграть в «подколки» здесь и сейчас подразумевало отнюдь не состязание в остроумии. По традиции, между собой соперничали либо парень с парнем, либо девушка с девушкой. Когда парень приглашал девушку с ним сыграть, это значило, что он с ней заигрывает.

Как странно. Нужно было подвергнуться нападению, чтобы тебя начали уважать. Говорил же отец: даже самое плохое порой оборачивается чем-то хорошим.

«Ну что же ты, подруга, давай – ответь что-нибудь». Игра, по сути, конечно, очень ребяческая, глупая, но подкалывать Женева умела. Они с Киш и ее сестрой могли этим заниматься часы напролет. «Твоя мамаша такая жирная, что вместо крови у нее соус „Рагу“», «Твоя тачка такая убитая, что из нее уперли только рулевой противоугон»… Но Женева лишь молча улыбалась, чувствуя, как бешено колотится сердце и проступает испарина, и силилась придумать что-нибудь остроумное.

Перед ней сидел сам Кевин Чини! Даже если бы ей хватило духа подколоть его «по мамаше», в голову все равно ничего не шло.

Она уставилась на часы, перевела взгляд на учебник. «Черт возьми, тупица! Ну говори что-нибудь!»

С губ не срывалось ни единого слова. Она ждала, что Кевин вот-вот одарит ее красноречивым взглядом: «Недосуг мне общаться с такими дурами», – поднимется и уйдет. Но нет, он, видимо, решил, что ей просто не до игры из-за передряги, в которую она угодила утром.

– Серьезно, Жен. У тебя голова не одними ди-джеями, косичками и разными там модными фишками занята. Думаю, все дело в том, что у тебя есть мозги, а с умным человеком общаться приятно. Взять хотя бы

моих ребят. – Он кивнул на столик, за которым сидели его дружки. – Народ не шибко продвинутый.

Неожиданно ее осенило. «Ну давай, подруга, лови свой шанс».

– Ага, некоторые из них такие тупые, что если и скажут чего умное, то сразу забудут, как говорить.

– Класс! – Весело хохоча, Кевин протянул руку, и они постучали кулак о кулак. Женеву словно током ударило. Она отчаянно сдерживалась, чтобы не улыбнуться, – в «подколках» это считалось дурной манерой.

Еще не утих веселый сумбур внутри, как она осознала, что, в сущности, он совершенно прав. Часто ли случается поговорить с кем-нибудь умным? С кем-то, кто может тебя выслушать и понять?

Кевин дернул бровью, взглядом указав на детектива Белла, который рассчитывался за еду.

– Я в курсе, что чувак, который косит под препода, на самом деле коп.

– У него это только на лбу не написано, – шепнула Женева.

– Точно. – Кевин рассмеялся. – Я понимаю: он за тобой присматривает, все дела. Но я хочу сказать, что тоже буду. Я и мои ребята. Если увидим что-нибудь подозрительное, дадим ему знать.

Женева ощутила прилив благодарности. Которая быстро сменилась тревогой. Вдруг он или кто-то из его друзей пострадает от того монстра, который на нее напал? Мысль о том, что из-за нее убили доктора Бэрри и ранили ту женщину около музея, по-прежнему тяжелым грузом лежала на сердце. Ей вдруг представилось: Кевин лежит в гробу в похоронном бюро Уильямса – очередная жертва стрельбы на улицах Гарлема.

– Тебе не обязательно рисковать, – сказала она серьезно.

– Понимаю, – ответил Кевин. – Но я так решил. Никто тебя больше не тронет, будь уверена. Ну ладно, я поскакал к своим. Еще увидимся?

– Конечно, – едва выдохнула она, чувствуя, как гулко колотится сердце.

Кевин пошел к своему столу. Женева смотрела, как он удаляется. Разговор ее так взволновал, что внутри все пылало, руки дрожали. «Ну пожалуйста, – пронеслась мысль, – пусть с ним ничего не случится…»

– Мисс?

Она вскинула глаза, моргая от удивления.

Детектив Белл склонился над столом с подносом в руках. Донесся аппетитный запах… Женева и не думала, что так голодна.

– Ты его знаешь? – спросил детектив.

– Да, все в порядке. Мы с ним в одной группе.

– Замечу, мисс, у вас слегка озадаченный вид.

– Ой… ну, не знаю. Наверное.

– Но это никак не связано с тем, что произошло сегодня утром в музее, да? – улыбнулся он.

Женева отвела взгляд, чувствуя, как к лицу приливает кровь. Детектив Белл поставил перед ней дымящуюся тарелку.

– А ну-ка, наляжем. От терзаний души нет средства лучше, чем индейка под соусом. Даже подумываю, не списать ли рецепт.

Глава 11

Кажется, взял все, что нужно.

Томпсон Бойд оглядел предметы, лежащие в корзине для покупок, и направился к кассе. Как все-таки он любил скобяные лавки! Интересно, откуда такая любовь? Может, еще с тех времен, когда отец каждое воскресенье возил его в магазин недалеко от Амарилло, чтобы подобрать инструменты для мастерской, которая находилась в сарайчике за их трейлером.

Или дело в том, что в скобяных лавках инструменты блестят новизной и всегда аккуратно разложены. Краски, клеи, ленты – все по порядку, всегда просто найти.

Все на своих местах, как по инструкции.

Еще ему нравился терпкий запах удобрений, масел и растворителей, который трудно передать на словах, но который легко узнает всякий, кто когда-нибудь бывал в старом хозяйственном магазине.

С инструментами Томпсон обращаться умел, и в этом была заслуга отца. Тот целый день работал на нефтепроводах, буровых вышках и нефтяных качалках, но немало времени проводил и с сыном, прививая ему любовь к труду, терпеливо обучая, как правильно использовать инструмент,

делать замеры, чертить эскизы. Часы напролет Томпсон чинил сломанные вещи, учился превращать дерево, металл и пластик в предметы, которых раньше не существовало. Вместе с отцом они ремонтировали грузовичок или трейлер, латали забор, изготавливали мебель, мастерили для матери и тети подарки: сигаретницу, скалку, стол для разделки мяса. «Не важно, сынок, делаешь ты что-то маленькое или большое, – учил его отец, – к каждой вещи подходить надо с одинаковым мастерством. Одно не может быть лучше или труднее другого; все дело в порядке величины».

Отец был хорошим учителем и гордился тем, что создал его сын. Харт Бойд умер, держа в руках сделанный сыном набор для чистки обуви и деревянную цепочку для ключей с головой индейца, на которой было выжжено слово «Папа».

Уроки мастерства, как оказалось, прошли не зря. Ибо умение убивать – всего лишь умение. Химия или механика не сильно отличаются от плотничьего или малярного дела.

Весь вопрос в порядке величины.

У кассы он расплатился – наличными, разумеется, – поблагодарил продавца, руками в перчатках подхватил пакет и двинулся к выходу, но, не дойдя до двери, остановился и стал разглядывать электрическую газонокосилку в желтых и зеленых тонах. Чем она его так привлекла? Наверное, мысли об отце напомнили ему то далекое время, когда по воскресеньям он косил траву за трейлером, где жила их семья, после чего шел домой и садился с отцом смотреть игру, а мать тем временем что-то пекла на кухне.

Ему вспомнился сладковатый запах выхлопных газов, резкий, как выстрел, щелчок, когда лезвие попадает на камень, швыряя его высоко в воздух, и как от удара немеют руки.

Так же, должно быть, немеет все тело, когда лежишь на земле, умирая от укуса гремучника.

Подошел продавец и что-то сказал. Томпсон вздрогнул.

– Простите?

– Могу дать хорошую скидку. – Мужчина кивнул на газонокосилку.

– Спасибо, не надо.

Томпсон вышел на улицу, пытаясь понять, что на него нашло. Мелькнула тревожная мысль: что, если дело вовсе не в детских воспоминаниях?

Может, машинка просто похожа на маленькую гильотину, эффективное орудие убийства?

Нехорошая мысль. Но никуда от нее не денешься.

Онемение…

Едва слышно насвистывая песенку из своей юности, Томпсон Бойд зашагал по улице, в одной руке держа сумку с покупками, в другой – небольшой портфель, в котором лежали пистолет, дубинка и еще кое-какие орудия его ремесла.

Он направлялся в Маленькую Италию, где после закрытия вчерашней ярмарки полным ходом шла уборка улиц. Заметив сразу несколько патрульных машин, Томпсон насторожился. Двое полицейских о чем-то расспрашивали хозяев фруктового лотка – корейца и его жену. Что тут, интересно, произошло? Дойдя до телефона-автомата, он еще раз проверил автоответчик. Сообщений о местонахождении Женевы пока не поступало. Впрочем, беспокоиться не о чем. Его информатор знает Гарлем как свои пять пальцев, так что это вопрос времени. Скоро Томпсону будет известно, в какую школу она ходит и где живет. Кроме того, ему есть чем заняться: оставалось одно незавершенное дело, которое он начал планировать даже раньше, чем убийство Женевы Сеттл, к тому же не менее важное.

А пожалуй, даже и поважнее.

Кстати, интересное совпадение: оно тоже имело отношение к детям.

У Джакса зазвонил сотовый.

– Да? Слушаю.

– Это Ральф.

– Что, как оно?

Джаксу вдруг стало интересно, не стоит ли сейчас фараончик, привалившись спиной к какому-нибудь забору.

– Поговорил с нашим общим другом?

Имелся в виду, конечно, Делайл Маршалл.

– Ага.

– Ну и… король граффити катит?

– Ага.

– Вот и славно. По делу что-нибудь есть?

– Да, я нашел то, что ты спрашивал. В смысле…

– Подожди, не сейчас. – Не хватало только обсуждать такое по сотовому. Он назвал Ральфу один из перекрестков на Сто шестнадцатой улице. – Встретимся через десять минут.

Джакс отключился и зашагал к назначенному месту. Две женщины в длинных хламидах, сжимающие в руках потрепанные Библии, поспешили отойти в сторону. Джакс не обратил на их косые взгляды никакого внимания.

Он шел неторопливо, прихрамывая на простреленную ногу, дымил сигаретой и наслаждался каждым глотком воздуха. Гарлем… магазины, рестораны, уличные торговцы. Чем здесь только не торговали: ткани из западной Африки, египетские анки, корзины, маски, флаги, силуэтные изображения членов Африканского национального конгресса – черные, зеленые, желтые; разнообразие постеров: Малькольм Экс, Мартин Лютер Кинг, Тина, Тупак, Бьонси, Шак… И множество портретов Джема Мастера Джея, выдающегося рэпера и диджея из группы «Run-D.M.C.», которого несколько лет назад застрелил какой-то подонок.

Воспоминания сыпались со всех сторон. Повернув голову, Джакс увидел закусочную быстрого питания. Ну надо же! Раньше в этом месте находился магазин хозтоваров. Здесь он в пятнадцать совершил первое преступление, с которого и начал свой путь к известности. Потому что стащил не выпивку и не сигареты, не оружие и не деньги, а коробку первосортного «Крилона», который израсходовал в течение следующих суток, отягощая кражу умышленной порчей имущества. Прошелся с баллончиком по Бронксу и Манхэттену, оставляя на стенах фигурную надпись – «Jax 157».

Следующие несколько лет Джакс «бомбил» свой тэг где только мог: на эстакадах, мостах, путепроводах, на стенах и афишных досках, на магазинах, муниципальных и частных автобусах, жилых домах и офисных зданиях. Он даже сумел подписать Рокфеллеровский центр, аккурат у золотой статуи, прежде чем два мордоворота-охранника угостили его ударной дозой слезоточивого газа и резиновых дубинок.

Пять минут без чужого внимания и немного плоской поверхности – вот все, что требовалось юному Алонсо Джаксону, чтобы появилось «Jax 157».

Сын разведенных родителей, он через силу доучивался в школе, терпеть не мог рутинной работы, постоянно попадал в неприятности и находил утешение только в «писательстве» (по единодушному мнению Кита Хэринга, художественных галерей в Сохо и рекламных агентств, граффитисты были не «художниками», а «писателями» – «райтерами»). Одно время он мотался с местной уличной бандой, но потом пересмотрел свой выбор. Как-то раз они тусовались на Сто сороковой улице, когда из проезжавшей тачки открыли огонь. Пиф-паф-бах, и Джимми Стоун, который стоял рядом с ним, повалился на тротуар с двумя дырочками в виске. И все из-за граммового пакетика героина…

На фиг такая радость. И Джакс ушел из банды. В одиночку денег, конечно, много не срубишь, зато безопаснее (если не считать случаев, когда пишешь тэги на подвесном мосту или вагоне метро на полном ходу… Об этом его подвиге слышали даже братки в тюрьме).

Алонсо Джаксон, теперь уже навсегда ставший Джаксом, с головой погрузился в искусство. Начал с того, что просто «бомбил» свой тэг по всему городу. Скоро ему стало ясно, что одним этим, даже если отметишься в каждом районе Нью-Йорка, выше желторотого выскочки в глазах настоящих королей граффити не поднимешься.

Прогуливая уроки, подрабатывая в закусочных, чтобы было на что покупать краску, иногда просто воруя баллоны, он вскоре перешел к крупной форме и достиг мастерства в разрисовке вагона по высоте. В метро он «бомбил» на линии А. Тысячи приезжих попадали из аэропорта Кеннеди в город на поездах, на которых вместо «Добро пожаловать в Большое Яблоко»[10] значилось таинственное «Jax 157».

Когда Джаксу исполнился двадцать один год, он уже дважды разрисовывал вагон по всей длине и вплотную подошел к тому, чтобы расписать целый поезд, – мечта любого короля граффити. Было на его счету и немало «кусков». Джакс не раз пробовал объяснить, что значит «кусок», но все попытки неизменно сводились к словам, что это нечто большее… Такое, от чего дух захватит что у обдолбанного в хлам наркомана, что у воротилы с Уолл-стрит: «Уф! Твою мать! Вот это шедевр!»

Эх, потрясные были деньки. Он – король граффити, в гуще самого мощного негритянского движения со времен гарлемского Ренессанса, имя которому – хип-хоп.

Ренессанс – это, конечно, здорово, но Джакс видел его как явление в первую очередь интеллектуальное, идущее из головы. Хип-хоп, напротив, вырывался из самой души, рождался не в колледжах, не в писательских мансардах, а пробивался с улиц, шел от озлобленных подростков из разбитых семей, от тех, кто ходил по улицам, замусоренным шприцами и забрызганным кровью. Это был грубый крик тех, кому приходилось кричать, чтобы их услышали. В своих четырех проявлениях хип-хоп удовлетворял все запросы: музыку создавали ди-джеи, поэзию – рэперы, танцами занимались брейкдансеры, изобразительное искусство, в которое Джакс вносил свою лепту, было представлено граффитистами.

Да вот же... Он даже остановился, глядя на то место на Сто шестнадцатой, где раньше стоял дешевый универмаг. После знаменитого энергосбоя 1977-го и последовавшего за ним хаоса магазин так и не восстановили; вместо него возникло настоящее чудо: лучший в стране хип-хоп-клуб «Мир Гарлема». На каждом из трех этажей играли свою музыку: трансовую, радикальную, экспрессивную. Брейкеры откалывали финты. Ди-джеи крутили пласты, развлекая забитые под завязку танцполы. Рэперы объяснялись в любви к микрофонам, прокачивая акустическое пространство блатными речевками, которые бились в ритме реального сердца. Именно здесь, в «Мире Гарлема», состоялись первые поединки рэперов. Джаксу довелось увидеть один считающийся самым известным: с участием «Колд краш бразерс» и «Фэнтестик файв»...

«Мир Гарлема», конечно, давно исчез, как исчезли тысячи «бомб» и «кусков», которые написал Джакс, вместе с работами других легендарных «райтеров».

Да, многие оплакивали кончину хип-хопа, вытесненного рэперами-миллионерами, разъезжающими в хромированных «хаммерах», говнюками вроде «Бэд бойз II», белыми мальчиками из пригородов, айподами, Интернетом с его mp3-серверами и спутниковым радио. Все это... ага, вот, кстати, живой пример: к обочине подкатил двухэтажный автобус с туристами. На борту красовалась надпись: «Рэп и хип-хоп-туры. Мы покажем вам настоящий Гарлем!» Пассажиры – пестрая смесь черных, белых и азиатов. До Джакса донеслись обрывки заученной речи водителя: «...а теперь мы поедем в ресторан, где можно отведать настоящую негритянскую кухню».

Но Джаксу не было дела до того, что трубили пустозвоны о закате эпохи. Духовная суть Гарлема осталась нетронутой; ее ничто не могло изменить. Взять, к примеру, «Коттон-клаб», размышлял он, жемчужину джаза и свинга двадцатых. Многие ли знали, что вход туда открыт только для белых (даже такому прославленному жителю Гарлема, как Уильям Кристофер Хенди, одному из величайших композиторов всех времен,

там давали от ворот поворот… несмотря на то что в заведении исполнялась его музыка).

Ну и что? «Коттон-клаб» сгинул к чертовой матери. А Гарлем как был, так и остался. И будет всегда. Эпоха Ренессанса себя изжила, хип-хоп изменился до неузнаваемости. Однако прямо сейчас, на этих самых улицах, зарождалось и набирало ход совершенно новое течение. Джаксу было интересно, во что оно со временем выльется. Сможет ли он увидеть все своими глазами… Ведь если что-то в деле с Женевой Сеттл пойдет не так, он попросту не доживет до этого дня, в лучшем случае через сутки загремит обратно в тюрьму.

«Приятного знакомства с негритянской кухней», – мысленно пожелал он туристам отъезжающего автобуса.

Пройдя по улице еще несколько кварталов, Джакс наконец заметил Ральфа, который, ясное дело, стоял, привалившись спиной к какому-то зданию с заколоченными окнами.

– Привет!

– Ну как?

Джакс не остановился.

– Куда это мы? – Ральф пристроился рядом, стараясь не отставать.

– Хороший денек, грех немного не прогуляться.

– Чего хорошего? Холодина такая…

– Ничего, шевели ногами – согреешься.

Некоторое время они шли; Ральф о чем-то непрестанно стонал, Джакс его не слушал. Он остановился у лотка «Папайя кинг», купил четыре хот-дога и два стаканчика сока, даже не поинтересовавшись у фараончика, голоден ли тот. Да будь он хоть вегетарианец или его наизнанку выворачивает от манго!.. Расплатившись, Джакс зашагал дальше по улице, на ходу передав тощему его обед.

– Погоди хавать. Сейчас отойдем подальше.

Он огляделся. Не заметив никакой слежки, быстрым шагом двинулся дальше. Ральф семенил рядом.

– Ты мне не доверяешь?

– Ага.

– С чего так вдруг?

– С того, что у тебя было время меня заложить.

– Самый денек для пеших прогулок, – ответил Ральф и быстро отхватил кусочек хот-дога.

Пройдя еще с полквартала, Джакс свернул в пустынный переулок и через несколько шагов остановился. Ральф тут же припал спиной к металлической ограде напротив какого-то городского особняка. Джакс съел хот-доги и запил их манговым соком; Ральф расправился со своей порцией.

Двое мойщиков окон или рабочие с соседней стройки на обеденном перерыве. Ничего подозрительного.

– А хот-доги у них что надо! – прокомментировал Ральф.

Покончив с сосисками, Джакс вытер руки о куртку и обыскал Ральфа, сверху донизу прохлопав его по одежде. Похоже, все чисто, «жучков» нет.

– Теперь давай по делу. Что ты там для меня нашел?

– Девчонку – Сеттл. Учится в школе Лэнгстона Хьюза. Знаешь такую?

– Знаю-знаю. Она сейчас там?

– Понятия не имею, ты спрашивал только где – не когда. Но ребята на квартале еще кое-что сказали.

Снова это «на квартале»...

– Говорят, ее ни шаг не отпускают одну... держат на поводке.

– Кто? Копы? – Хотя глупый вопрос – конечно, копы пасут.

– Похоже на то.

Джакс допил сок.

– И... второе?

Ральф вопросительно поднял брови.

– То, о чем я просил.

– А, ну да.

Фараончик огляделся, затем вынул из кармана бумажный пакет и сунул его Джаксу. На ощупь это был небольшой автоматический пистолет. Отлично. Самое то. На дне пакета, позвякивая, перекатывались запасные патроны.

– Ну и?.. – осторожно осведомился Ральф.

– Ну и… – Джакс достал из кармана деньги, отсчитал несколько бумажек и передал Ральфу. Затем наклонился поближе. В нос ударил запах пива, лука и манго. – Так вот, наша сделка состоялась. Если я узнаю, что ты кому-то про нее вякнул, я тебя отыщу и порву от ушей и до самой жопы. Можешь спросить у Делайла. Он тебе скажет, что меня лучше не злить. Усек?

– Так точно, сэр, – едва слышно пробормотал Ральф стаканчику с соком.

– А теперь вали отсюда. Вон туда… и не оглядывайся.

Сам Джакс двинулся в противоположную сторону, на Сто шестнадцатую улицу, где смешался с потоком спешащих по магазинам людей. Он шел, низко опустив голову, но, несмотря на хромоту, довольно быстро… хотя и не настолько, чтобы привлекать внимание.

Чуть дальше по улице, напротив места, где некогда находился «Мир Гарлема», скрипя тормозами, остановился очередной автобус с туристами. Из салона сочился жиденький рэп. Однако кровавому королю граффити было недосуг размышлять о судьбах Гарлема и хип-хопа, как и о собственном уголовном прошлом. Пистолетом он обзавелся; знал, где найти девчонку. Все его мысли сосредоточились на том, сколько времени займет дорога до школы Лэнгстона Хьюза.

Глава 12

Миниатюрная азиатка поглядывала на Сакс с опаской.

Ничего удивительного, если учесть, что вокруг стоят с полдюжины полицейских, каждый в два раза крупнее ее, подумала Сакс. И еще столько же толпятся на тротуаре перед входом.

– Доброе утро, – сказала она женщине. – Мужчина, которого мы ищем… Нам очень важно его найти. Возможно, он опасный преступник.

Эти слова она выговорила, пожалуй, несколько медленнее, чем следовало бы, даже исходя из соображений политкорректности.

Чем, как выяснилось, допустила немалую бестактность.

– Я понимаю, – ответила азиатка на безупречном английском с легким французским акцентом. – И все, что смогла вспомнить, уже рассказала тем другим офицерам. Я не на шутку перепугалась, когда он примеривал шапочку… в смысле, когда натянул ее налицо вроде маски.

– Представляю себе. – Сакс заговорила немного быстрее: – Не будете возражать, если мы снимем у вас отпечатки пальцев?

Необходимо было удостовериться, что отпечатки на кассовом чеке и предметах, найденных на месте происшествия в музее, принадлежат именно ей. Женщина согласилась, и вскоре портативный анализатор подтвердил, что отпечатки полностью совпадают.

– Вы уверены, что не знаете его? – спросила Сакс.

– Абсолютно. Он заходил всего раза два… Хотя, может, и больше. На таких людей не обращаешь внимания. Неприметный: никогда не улыбался, не хмурился, ни одного лишнего слова. В общем, совершенно непримечательный.

Подходящая внешность для убийцы, подумала Сакс.

– А что другие сотрудники?

– Я поговорила со всеми. Никто его не запомнил.

Сакс открыла чемоданчик, убрала в него анализатор и достала переносной компьютер. Спустя минуту система была загружена, и Сакс запустила программу «Электронная идентификация внешности» – EFIT. Раньше фотороботы создавались вручную из набора заготовленных карточек. Техник поэтапно собирал портрет, сверяясь с показаниями свидетеля, чтобы добиться максимального сходства с внешностью подозреваемого. Компьютерная программа выполняла ту же работу, а получившееся изображение отличалось почти фотографической точностью.

Через пять минут у Сакс уже имелся портрет скуластого гладковыбритого белого мужчины лет сорока с темно-русыми волосами. Обычный бизнесмен, подрядчик, служащий среднего возраста, каких в городе миллион.

«Совершенно непримечательный…»

– Вы помните, во что он был одет?

Специальное дополнение к программе позволяло накладывать на изображение подозреваемого любую одежду – вроде того, как меняют наряды на бумажных куклах. Однако женщина помнила только темный плащ.

– Ах да, еще кое-что: кажется, у него был южный акцент.

Кивая, Сакс занесла показания в компьютер. Затем подключила небольшой лазерный принтер, и вскоре на свет появилось не менее двадцати портретов объекта 10-9 формата пять на семь дюймов. Изображение сопровождалось текстовым примечанием, что подозреваемый имеет южный выговор и носит плащ, были также указаны примерные рост и вес и добавлено предупреждение, что преступник опасен. Сакс отдала распечатки седоватому, остриженному под ежик Бо Хауману, бывшему инструктору по тактической подготовке, а ныне главе Подразделения быстрого реагирования, который, в свою очередь, раздал листки своим подчиненным и присутствующим патрульным. Затем он разбил людей на несколько смешанных групп – бойцы из его отряда были лучше вооружены – и отправил их проводить опрос возможных свидетелей в близлежащих кварталах.

Полицейское управление Нью-Йорка выделяло для групп захвата не армейские бронетранспортеры, а обычные автомобили и мини-фургоны. Спецсредства и оборудование возили в неприметном бело-голубом фургоне. Один из таких сейчас стоял напротив магазина в качестве передвижного оперативного штаба.

Сакс и Селлитто облачились в бронежилеты с дополнительной защитой от динамического поражения и тоже направились в Маленькую Италию.

За последние пятнадцать лет район сильно изменился. Некогда это был огромный иммигрантский анклав, где селились рабочие-итальянцы, но под натиском наползавших Чайнатауна с юга и деловых кварталов с северо-запада значительно потерял в размерах. На Малберри-стрит детективы как раз проходили мимо символа этих перемен – здания, где когда-то располагался клуб «Рейвнайт», оплот преступного клана Гамбино во главе с Джоном Готти. Позже заведение было национализировано и превратилось в обыкновенный коммерческий объект на рынке недвижимости.

Выбрав квартал для обхода, детективы приступили к делу. Они представлялись и показывали фоторобот подозреваемого лоточникам на тротуарах, служащим в магазинах, тинейджерам, прогуливающим уроки, пенсионерам на скамейках. Время от времени из рации доносились доклады остальных групп: «У нас ничего… На Гранд ничего,

прием… Вас понял… На Хестер ничего, прием… Перемещаемся на восток…»

Сакс и Селлитто методично отрабатывали выбранный маршрут, и дела у них обстояли не лучше.

Неожиданно сзади раздался резкий хлопок.

У Сакс перехватило дыхание, но не из-за звука, в котором она сразу узнала хлопок неисправного двигателя, а от того, что случилось с Селлитто. Тот шарахнулся в сторону и нырнул за телефонную будку, держа руку на револьвере.

Потом заморгал и, сухо сглотнув, выдавил смешок.

– Долбаные грузовики!

– Да уж, – ответила Сакс.

Ее напарник вытер испарину на лице, и они продолжили обход.

Склонившись над книгой, вдыхая доносящийся из ресторанчика по соседству чесночный запах, Томпсон Бойд сидел у себя на конспиративной квартире в Маленькой Италии и, сверяясь с инструкцией, перебирал купленные предметы.

Некоторые страницы он помечал желтыми квадратиками бумаги и делал на полях записи. Предстояло изучить довольно сложные процедуры, но он не сомневался, что в конце концов во всем разберется. Не важно, берешься ты за что-нибудь сложное или легкое. Если вникать и не торопиться, то в конце концов все выйдет как надо. Так учил его отец.

«Все дело в порядке величины».

Бойд отодвинулся от стола. Комната была обставлена по-спартански – помимо стола имелись только стул, лампа, кровать, маленький телевизор, холодильник и ведро для мусора. Здесь же хранилось кое-что для работы. Оттянув на правом запястье латексную перчатку, Бойд подул в образовавшееся отверстие. Потом то же проделал с левой рукой. (Всегда следует исходить из того, что конспиративную квартиру в какой-то момент придется бросать, и важно не оставить улик.) Резь в глазах целый день не давала ему покоя. Томпсон сощурился, закапал лекарство. Когда боль немного утихла, он закрыл глаза, чуть слышно насвистывая.

Навязчивая мелодия, из фильма «Холодная гора».

За сомкнутыми веками проносились целые эпизоды: солдаты стреляют в солдат, мощный взрыв, штыки…

Щелк.

Картинки исчезли, и зазвучало «Болеро». Бойд не мог с уверенностью сказать, откуда приходит та или иная мелодия. В его голове как будто стоял CD-чейнджер, который запрограммировал кто-то другой. Впрочем, насчет «Болеро» у него имелась одна догадка: это была запись с отцовской пластинки. Отец, крупный мужчина с коротким «ежиком» на голове, то и дело ставил ее на стареньком проигрывателе, когда возился у себя в мастерской.

– Послушай вот этот фрагмент, сынок. Здесь мелодия меняет тональность. Сейчас… сейчас… Вот! Слышал?

Томпсон открыл глаза и вернулся к книге.

Щелк: тема «Болеро» оборвалась, и зазвучала другая: «Время от времени» – песня, которая стала популярной в восьмидесятые благодаря Синди Лопер.

Томпсон Бойд всегда любил музыку и с ранних лет мечтал освоить какой-нибудь инструмент. Мать несколько лет водила его на уроки гитары и флейты, а когда с ней произошел несчастный случай, на занятия мальчика стал отвозить отец, хотя и опаздывал из-за этого на работу. Однако больших высот в музыке Томпсон достичь не сумел. Его толстые короткие пальцы не годились ни для гитарных ладов, ни для клапанов флейты, ни для клавиш фортепьяно, а голоса он не имел вовсе. Свинг, или кантри, или церковный хор – что бы он ни пытался напеть, из горла вырывалось только хриплое карканье. Через год-два он забросил музыку и занялся тем, на что обычно тратят свободное время все мальчишки в таких местах, как Амарилло: сидел дома, строгал у отца в мастерской, гонял в салки, позже в американский футбол, охотился, ухаживал за девчонками, ходил на прогулки.

А любовь к музыке он упрятал туда, куда отправляются все несбывшиеся мечты.

Впрочем, не так уж глубоко; рано или поздно они вновь выплывают на поверхность.

Несколько лет назад в тюрьме именно это и произошло. К нему подошел охранник из блока строгого режима и спросил:

– Это еще что за хрень?

– В каком смысле? – как обычно невозмутимо сказал «серый статист».

– Ну, та песенка, которую ты насвистывал.

– Я что – свистел?

– Спрашиваешь!

– Наверное, машинально, я даже и не заметил.

– Ну ты чудак! А звучало неплохо.

Охранник ушел. Томпсон мысленно рассмеялся. Вот тебе раз! Оказывается, у него все-таки есть инструмент. Больше того, он с ним родился и везде носил с собой.

Томпсон зачастил в тюремную библиотеку и вскоре выяснил, что был прирожденным свистуном. К умению дуть в свистульку, как, например, в ирландских народных ансамблях, это отношения не имело, а было настоящим редким талантом. У большинства людей диапазон свиста весьма ограничен, но одаренные свистуны нередко становятся профессиональными музыкантами – выступают с оркестрами на концертах, снимаются в рекламе, на телевидении и в кино (все, разумеется, знают музыкальную тему из фильма «Мост через реку Квай»). Существовали даже конкурсы свистунов, самым известным из которых был Большой международный чемпионат, на который съезжались десятки исполнителей. Многие профессионалы гастролировали с оркестрами по всему миру и ставили собственные эстрадные номера.

Щелк...

Мелодия в голове сменилась, и Томпсон Бойд принялся выводить новую тихую трель. Он заметил, что слишком далеко отложил пистолет. Плохо – не по инструкции. Придвинул его поближе, снова открыл буклет и продолжил читать. Суть метода он, похоже, ухватил, но, как всегда осваивая что-то новое, намеревался изучить все до последней мелочи, прежде чем приступить к работе.

В микрофон, закрепленный у самых губ, Сакс сказала:

– У нас – ничего, Райм.

– «Ничего»?!

Судя по тому, как он рявкнул, хорошее настроение испарилось бесследно.

– Его никто не видел.

– Где вы?

– Прочесали почти всю Маленькую Италию. Мы с Лоном на юге района, на Кэнал-стрит.

– Черт! – пробормотал Райм.

– Можно… – неожиданно Сакс умолкла. – Что это?

– Что такое? – спросил Райм.

– Подожди минутку. Лон, давай-ка за мной.

Подняв в руке полицейский значок, Амелия пересекла четыре полосы плотного транспортного потока. Остановилась, осматриваясь, затем свернула на Элизабет-стрит – мрачное ущелье жилых многоэтажек, магазинчиков и складских помещений; снова остановилась.

– Чувствуешь запах?

– Запах? – язвительно переспросил Райм.

– Я обращалась к Лону.

– Да, точно, – подал голос Селлитто. – Пахнет очень приятно, только не пойму чем.

Сакс указала на оптовый магазин двумя зданиями дальше по улице, в котором торговали мылом, травами и благовониями. Из его распахнутых дверей доносился резкий цветочный аромат. Жасмин – тот самый запах, который они уловили, когда исследовали «набор насильника», тот самый, который чувствовала Женева в музее.

– Райм, возможно, у нас появилась зацепка. Перезвоню позже.

– Да-да, – сказал щуплый китаец из магазина, глядя на фоторобот объекта 10-9. – Знаю такого – квартирант с верхнего этажа. Хотя вижу его не часто. Что-нибудь натворил?

– Он сейчас у себя?

– Не знаю, не знаю. Кажется, видел его сегодня. Он что-нибудь сделал?

– В какой он квартире?

Мужчина пожал плечами.

Склад компании занимал весь нижний этаж здания, однако в конце тускло освещенного коридора, ведущего мимо двери в комнату охраны, виднелась крутая лестница, которая уходила в темноту наверху. Селлитто достал рацию и настроился на полицейскую волну.

– Мы его вычислили.

– Кто говорит? – рявкнул в ответ голос Хаумана.

– Прошу прощения, говорит Селлитто. Мы на Элизабет-стрит, двумя зданиями южнее пересечения с Кэнал. Свидетели опознали по фотороботу одного из жильцов. Возможно, находится сейчас у себя.

– Всем группам: как поняли? Прием.

Эфир заполнился откликами от остальных групп. Сакс назвалась и передала:

– Приближайтесь, не поднимая шума, и не показывайтесь на Элизабет-стрит. Из его окон улица как на ладони.

– Вас понял, пять-восемь-восемь-пять. Назовите адрес. Я запрошу ордер на штурм квартиры.

Сакс назвала номер улицы.

– Конец связи.

Менее чем через четверть часа группы стояли на позициях, офицеры из бригады наблюдения исследовали здание с помощью биноклей, инфракрасных и акустических сенсоров. Глава технарей доложил результаты осмотра:

– В здании четыре этажа. На первом – склад импортных товаров. Просматриваются квартиры на втором и четвертом этажах. В них люди, азиатские семьи. На втором – пожилая пара, на верхнем – женщина с четырьмя или пятью детьми.

– Что на третьем? – спросил Хауман.

– Окна зашторены, но инфракрасные сканеры подтверждают наличие источника теплового излучения. Вероятно, работающий телевизор или обогреватель. Не исключено, что человек. Также регистрируются звуки. Музыка. И что-то похожее на скрип половиц.

Сакс посмотрела на список жильцов у входа. Строка над кнопкой звонка для третьего этажа была пуста.

Подошел офицер и передал Хауману какой-то листок. Это был подписанный судом штата ордер на обыск, который переслали по факсу в фургон передвижного штаба. Хауман пробежал его глазами, чтобы удостовериться, правильно ли указан адрес, – ошибка при штурме была чревата серьезной ответственностью и могла помешать успешному расследованию дела. Документ оказался в порядке, и Хауман начал инструктаж:

– Разбиваемся на две группы по четыре человека. Первая берет на себя главную лестницу, вторая – пожарную. Для взлома входной двери использовать таран.

Он выбрал восемь человек и разделил их на две группы. Группа А должна была войти через входную дверь, группа Б отправлялась на пожарную лестницу.

Он проинструктировал вторую группу:

– На счет три выбиваете окно и закидываете шумовую гранату с таймером на две секунды.

– Вас понял.

– На счет ноль высаживаете дверь, – сказал он командиру группы А.

Остальных он распределил по другим этажам в качестве групп поддержки.

– Все. По позициям. Пошли, пошли!

Члены группы захвата, среди которых были две женщины, приступили к выполнению задачи. Группа Б отправилась в обход здания к пожарной лестнице, а Сакс и Хауман вместе с офицером, который держал таран, присоединились к группе А.

В обычных обстоятельствах офицер-следователь не допускался к участию в штурме. Но Хауман видел Сакс в деле и хорошо знал, на что та способна. А главное, в группе ей были рады, считали одной из своих, хотя вслух никто бы этого не признал… По крайней мере в глаза. К тому

же иметь рядом одного из лучших стрелков во всем управлении было нелишне.

Сакс же попросту нравилось самой участвовать в задержаниях.

Селлитто вызвался остаться внизу, чтобы следить за обстановкой на улице.

Превозмогая артритную боль в коленях, Сакс вместе с группой поднялась на третий этаж, вплотную подошла к двери и прислушалась. Затем кивнула Хауману.

– Слышу какие-то звуки, – шепотом сказала она.

– Группа Б, доложите готовность, – передал Хауман.

– Мы на позиции, – раздалось у Сакс в наушнике.

Командир обвел взглядом своих людей. Здоровяк, держащий в руках таран – утяжеленную трубу три фута длиной, – кивнул. Один из бойцов присел на корточки и взялся за ручку, чтобы проверить, заперта ли дверь.

Шепотом Хауман начал отсчет.

– Пять… четыре… три…

Тишина. Сейчас они должны были услышать звон бьющегося стекла и следом – взрыв шумовой фанаты. Ничего.

Здесь тоже происходило что-то непонятное. Офицера, который держался за ручку, трясло крупной дрожью; он стонал.

Господи, пронеслось в голове у Сакс. У парня припадок. Боец спецподразделения страдает эпилепсией? Какого черта? Как его взяли в спецназ с таким-то здоровьем?

– Что случилось? – шепотом обратился к нему Хауман.

Парень не ответил. Его судороги усилились; глаза закатились, так что были видны только белки.

– Группа Б, доложите обстановку. Что там у вас? Прием.

– Первый, окно закрыто деревянным щитом, – ответил командир второй группы. – Не можем забросить фанату. Статус Альфы? Прием.

Офицер у двери почти висел на дверной ручке, вцепившись в нее одной рукой, его по-прежнему били судороги. Хауман негодующе прошептал:

– Мы теряем время! Уберите его с дороги и высаживайте дверь. Выполняйте!

Один из бойцов группы обхватил того, что сидел у двери. И его тоже стало трясти.

Остальные попятились.

– Что за хрень… – успел пробормотать один из них.

В эту секунду у держащегося за ручку бойца вспыхнули волосы на голове.

– Дверь под током! – Хауман показал на металлическую пластину перед дверью. В старых домах такие пластины часто используются как заплаты для дощатых полов, а объект 10-9 устроил с ее помощью электрическую ловушку, в которую сейчас угодили двое спецназовцев, замкнув собой цепь высокого напряжения.

У первого на голове, на бровях, на тыльной стороне кистей плясали язычки пламени, затем огонь перекинулся на воротник. Второй был без сознания, его сильно трясло.

– Господи Иисусе! – вырвалось у кого-то.

Хауман бросил автомат одному из стоящих поблизости, схватил в руки таран и с размаху ударил им по запястью держащегося за ручку офицера, вероятно, переломав тому не одну кость. Однако от удара пальцы сорвались с ручки, и цепь разомкнулась. Как только полицейские рухнули на пол, Сакс бросилась сбивать пламя. В воздухе стоял тошнотворный запах паленых волос и горелого мяса.

Двое из группы поддержки занялись реанимацией пострадавших коллег, а один из бойцов группы захвата, раскачав таран, высадил дверь. Полицейские ворвались в квартиру с оружием наготове. Сакс вошла следом.

Через пять секунд стало ясно, что в квартире никого нет.

Глава 13

Во Хауман передал по рации:

– Группа Б, группа Б, мы вошли. Подозреваемый не обнаружен. Спускайтесь и прочешите переулок. Имейте в виду: он может быть рядом. Может напасть как на гражданских, так и на полицейских.

На столе горела лампа, сиденье стула было еще теплым. На столе стоял маленький телевизор, нечеткая картинка на экране показывала лестничную площадку перед входной дверью. Он установил камеру наблюдения снаружи и видел, как подошла группа. Ушел меньше минуты назад, но как? Окно около пожарной лестницы закрывал большой лист фанеры. На втором окне фанеры не было, однако от него до земли тридцать футов.

– Он точно здесь был. Как, черт возьми, он сумел уйти?

Ответ ждать пришлось не долго.

– Вот, посмотрите, – сказал один из людей Хаумана, заглядывая под кровать.

Когда кушетку отодвинули, в стене обнаружилась дыра, достаточно большая, чтобы через нее можно было проползти. Преступник заранее отбил штукатурку и разобрал кирпичную кладку в обеих стенах. Увидев на мониторе штурмовую группу у себя за дверью, он проскользнул в лаз и оказался в примыкающем здании.

Хауман отправил несколько человек проверять крышу и соседние улочки, остальным приказал взять под наблюдение все входы во второе здание.

– Кто-то должен войти через лаз, – сказал он.

– Я пойду, сэр, – вызвался низенький офицер.

Но громоздкий бронежилет не позволял протиснуться даже ему.

– У меня получится, – сказала Сакс. Она была гораздо худее всех остальных. – Но я должна быть уверена, что здесь ничего не тронут – предстоит собирать улики.

– Вас понял. Мы поможем вам влезть, потом освободим квартиру.

Хауман приказал отодвинуть кровать подальше от стены. Сакс встала на колени, посветила в дыру фонариком. По ту сторону виднелись переходные мостки – очевидно, какой-то склад или цех. От помещения ее отделяло четыре фута узкого пространства лаза.

– Дерьмо! – тихо выругалась Амелия Сакс – женщина, которой ничего не стоило разогнать машину до ста шестидесяти миль в час или один на один вести перестрелку с загнанным в угол преступником. Но при одной мысли, что придется ползти сквозь эту щель, ее парализовала клаустрофобия.

Как лучше? Вперед головой или вперед ногами?

Вдох.

Головой вперед, конечно, страшнее, зато безопаснее. По крайней мере будет несколько запасных секунд на то, чтобы засечь беглеца, прежде чем он начнет стрелять. Она посмотрела в тесную темноту лаза. Глубокий вдох и… держа в руке пистолет, Амелия поползла в проем.

«Да что, черт возьми, со мной такое?» Лон Селлитто стоял напротив склада рядом с магазином импортных благовоний, вход в который должен был охранять. Он напряженно наблюдал за дверью и окнами, ожидая увидеть ускользнувшего от группы преступника, и молился, чтобы тот выскочил прямо на него.

И… чтобы этого не случилось.

Что, черт возьми, со мной происходит?

За годы службы Селлитто неоднократно вступал в рукопашные схватки, обезоруживал обдолбанных наркоманов, однажды даже стащил самоубийцу с крыши Флэтирон-билдинг – тогда от смерти его отделяла только узкая декоративная кромка. Да, он переживал всякое, но всегда быстро оправлялся. Ничто еще так не выбивало его из колеи, как смерть Бэрри. Конечно, не шутка – попасть на линию огня, но дело в другом. Он оказался рядом с человеком в минуту его смерти. Даже сейчас из головы не шел голос библиотекаря, его последние в жизни слова: «Вообще-то я не видел на самом деле…»

…А еще звук, с которым пули пробили грудную клетку.

Такие тихие, едва уловимые удары. Ничего подобного Селлитто прежде слышать не приходилось. Его передернуло, к горлу подкатила тошнота.

И еще взгляд… Карие глаза библиотекаря смотрели прямо в глаза Селлитто. В долю секунды в них промелькнули удивление, боль, затем… пустота. Ничего более странного Селлитто в жизни не видел. Единственное описание, которое приходило на ум: одно мгновение в его

глазах было что-то осмысленное и настоящее, а в следующее, еще до того как тело начало оседать, не было уже ничего.

Селлитто застыл, не в силах оторвать взгляд от бездушной куклы у своих ног, хотя четко осознавал, что должен бежать за убийцей. Медикам пришлось буквально оттолкнуть его, чтобы добраться до Бэрри, сам Селлитто не мог даже пошелохнуться.

Позже, когда настала пора звонить родственникам Бэрри, он вновь не смог себя переломить. За годы службы Селлитто сделал немало таких звонков и знал, что они никогда не даются легко. Однако сегодня это было просто выше его сил. Он ляпнул какую-то дурацкую отговорку насчет телефона – испугался, что разрыдается… чего за годы работы в полиции с ним еще не бывало.

Сейчас, слушая радиопереговоры о том, что преступника взять не удалось, он слышал только стук пуль.

Дьявол! Как же хочется пойти домой.

Посидеть на крыльце рядом с Рейчел, потягивая пивко. Нет, рановато для пива. Тогда кофе. Или пиво уже в самый раз? Может, стаканчик виски? Хотелось просто сидеть на крыльце, смотреть на траву, на деревья… о чем-нибудь говорить. Или молчать… главное, чтобы она была рядом. Неожиданно ему вспомнился сын-подросток, который жил сейчас у его прежней жены. Селлитто не звонил парнишке уже дня три-четыре. Надо будет обязательно позвонить.

Он…

Какого черта! Селлитто вдруг понял, что стоит посреди Элизабет-стрит, повернувшись спиной к зданию, с которого не должен сводить глаз, а мысли его витают где-то далеко. Господи Боже, что ты делаешь? Где-то поблизости разгуливает убийца, а ты сны наяву смотришь! Может, он сейчас затаился вон в том переулке или еще где, как утром…

Селлитто обернулся, присел и стал напряженно вглядываться в грязные зашторенные окна. Убийца мог находиться за любым из них. Выстрел: иглы взрывают плоть, веером расходятся по телу. Селлитто вздрогнул и отступил в пространство между двумя фургонами. Потом осторожно высунулся и начал поглядывать то на дверь, то на чернеющие окна.

Однако видел он вовсе не их. Он снова смотрел прямо в карие глаза библиотекаря, стоящего в нескольких футах спереди.

«Вообще-то я…»

Живое превращается в неживое.

Эти глаза…

Он вытер о брюки взмокшую ладонь, убеждая себя, что в излишней потливости виноват бронежилет. Что за погода?! В такую жару кого угодно пот прошибет.

– Не вижу его, прием, – передала Сакс.

– Повтори, – прозвучал сквозь помехи голос Хаумана.

– Никаких признаков того, что он здесь, прием.

Складское помещение, через которое уходил объект, представляло собой большое открытое пространство, которое рассекалось на части только переходными мостками. На полу были поддоны с бутылками оливкового масла и банками томатной пасты в толстой целлофановой пленке. Мосток, на котором она стояла, тянулся вдоль стен по всему периметру на высоте тридцати футов от пола – точно на уровне квартиры подозреваемого в соседнем здании. Склад, по-видимому, использовался редко. Освещение не работало, но сквозь грязные окна под потолком проникало достаточно света.

Полы были чисто подметены – никаких следов, по которым можно было бы определить, куда направился подозреваемый. Внизу, кроме главного входа и ворот на погрузочную платформу, в боковой стене виднелись еще две двери: одна с надписью «Туалет», вторая – никак не помеченная.

Сакс медленно продвигалась вперед, водя перед собой зажатым в одной руке «глоком», в другой – фонариком. Убедившись, что на мостках и открытом пространстве внизу все чисто, она доложила об этом Хауману. Бойцы группы захвата выбили дверь со стороны загрузочного пандуса и рассредоточились по территории склада. Теперь, когда прибыло подкрепление, Амелия вздохнула с облегчением. Она указала на двери в стене, и остальные начали стягиваться на позицию.

В наушниках раздался голос Хаумана:

– Мы активно опрашиваем свидетелей на прилегающей территории. Объекта никто не видел. Возможно, он все еще в здании, прием.

Не повышая голоса, Сакс подтвердила переданную информацию и спустилась с мостков к группе захвата.

– На счет «три», – шепотом сказала она, указав на дверь туалета.

Кивки. Один из бойцов ткнул пальцем себе в грудь, но Сакс покачала головой, давая понять, что войдет первой. Ее разбирала злость из-за того, что объект ушел у них из-под носа, что держал «набор насильника» в пакетике со смайликом, что стрелял в невинного человека, только чтобы отвлечь внимание. Ей очень хотелось задержать его лично.

На ней, разумеется, был защитный бронежилет, однако из головы не выходили мысли, что случится, если пули, начиненные иголками, попадут в лицо.

Или в горло.

Она подняла руку с одним распрямленным пальцем: «Раз…»

«Входи быстро, пригнувшись, палец на спусковом крючке с минимальным ходом для выстрела».

«Девочка, ты хорошо подумала?»

В голове возник образ Линкольна Райма.

«Два…»

Его сменил образ отца, лежащего на смертном одре, который напутствовал ее своей философией жизни: «Запомни, Эйми, тебя труднее достать, когда ты в движении».

Тогда… не стоять!

«Три».

Легкий кивок. Один из членов группы ударом ноги распахнул дверь – за металлические ручки голыми руками никто больше браться не собирался. Пригнувшись, Сакс нырнула внутрь. Луч фонарика метнулся по стенам, быстро обежал темную клетушку.

Никого.

Амелия вышла и встала напротив второй двери. Здесь предстояло повторить такую же процедуру.

Удар ногой на счет «три», и дверь с треском ввалилась внутрь.

Пистолет с фонариком были наготове. В голове мелькнуло: «Кто сказал, что будет легко, а, братишка?» Прямо перед ней длинная лестница вела в кромешную темноту. Сакс заметила, что у ступенек нет задних стенок.

Значит, если объект стоит сзади за лестницей, он может стрелять по лодыжкам, по икрам, по спинам, когда они начнут спуск.

– Темно, – сказала она шепотом.

Мужчины выключили фонари, прикрепленные к стволам автоматов. Сакс вошла первой, стараясь не думать о боли в коленях, дважды чуть не оступившись на незакрепленных досках. Следом за ней спускались еще четверо бойцов группы.

– Занять круговую оборону, – шепнула она, сознавая, что формально командование ей никто не передавал.

Участники группы подчинились беспрекословно. Касаясь друг друга плечами, они образовали нечто вроде квадрата, чтобы каждому достался свой сектор пространства.

– Свет!

Подвальчик залило ярким сиянием мощных галогенных фонарей, стволы методично искали цели.

Ничего угрожающего, никаких звуков, кроме разве оглушительного стука сердца.

Своего собственного, подумала Сакс.

Отопительная печь, трубы, емкости для мазута, не меньше тысячи пустых бутылок из-под пива; кучи мусора… с полдюжины раздраженных крыс.

Двое бойцов поворошили вонючие мешки с мусором, но преступника в подвале, очевидно, не было.

Сакс доложила об этом Хауману. Тот ответил, что снаружи объект тоже пока не засекли, затем отдал приказ сходиться у передвижного штаба и оттуда развернуть опрос свидетелей на прилегающей территории. Сакс между тем предстояло осмотреть квартиру, собрать улики… и всем без исключения надлежало помнить, что убийца может быть рядом.

«…смотри в оба».

Вздохнув, Сакс убрала пистолет в кобуру и повернула к ступенькам, затем остановилась. Подняться по лестнице – сущий кошмар для ее разболевшихся ног, а ведь потом снова придется спускаться, только уже подругой. Проще воспользоваться одной короткой лестницей, ведущей отсюда прямо на улицу.

Иногда без поблажки себе любимой просто не обойтись, подумала она, направляясь к ближайшему выходу.

Вниманием Селлитто целиком завладело одно окно.

По рации он слышал, что склад зачищен, но сомнения не отпускали: во все ли уголки-закоулки они смогли заглянуть? Все-таки утром около музея преступника проморгали, что позволило ему подойти на расстояние выстрела.

Вон то окно – дальнее справа на втором этаже… Селлитто показалось, что за ним пару раз мелькнула какая-то тень.

Может, просто ветер? А может, кто-то пытался приоткрыть раму?

Или прицеливался?

Иголки…

Селлитто вздрогнул и отступил за фургон.

– Эй, – окликнул он одного из бойцов спецгруппы, который только что вышел из магазинчика. – Взгляни-ка, ничего не видишь вон в том окне?

– В котором?

– Вон в том.

Селлитто чуть-чуть высунулся из своего укрытия, указав на чернеющий стеклянный квадрат.

– Нет, ничего. Ты что, не слышал – здание зачищено.

Селлитто высунулся чуть дальше и с дрожью уставился на окно. Вдруг на самой границе поля зрения что-то мелькнуло, скрипнула дверь. В холодных лучах солнца блеснул металл. Убийца!

– О Боже! – выдохнул Селлитто и потянулся за пистолетом, одновременно пригибаясь и разворачиваясь к тому месту, где сверкнули блики. Но вместо того чтобы удержать указательный палец на спусковой скобе, как предписано для таких случаев по инструкции, он запаниковал.

В следующее мгновение грянул выстрел. Пуля пошла по траектории, оканчивающейся как раз в том месте, где из подвальной двери склада на улицу показалась Амелия Сакс.

Глава 14

В нескольких кварталах от конспиративной квартиры, у перехода на углу Кэнал и Шестой, Томпсон Бойд ждал, когда на светофоре загорится зеленый сигнал. Он перевел дух и отер взмокшее от пота лицо.

Ни потрясения, ни испуга он не испытывал, а запыхался и вспотел из-за того, что быстро бежал, уходя от облавы. Однако ему было любопытно, как они сумели его найти. Он всегда проверял, нет ли за ним хвоста. Скорее всего дело в оставленных где-то уликах. Да, очень возможно: та женщина в белом, которая проводила осмотр библиотечного зала и напомнила ему гремучника, пришла вместе с группой захвата. Что же такого она нашла в музее? Что-нибудь в «наборе насильника»? Какие-то микроскопические частицы с обуви или одежды?

С подобным профессионализмом он еще не сталкивался. Глядя на поток транспорта, Томпсон вспоминал побег. Когда на лестничной площадке показалась полиция, он сгреб покупки в пакет, схватил пистолет с кейсом и щелкнул включателем, подающим ток на дверную ручку. Затем прополз сквозь заготовленный в стене лаз и оказался в соседнем здании. Оттуда выбрался на крышу, повернул к южной оконечности улицы и, спустившись вниз по пожарной лестнице, бросился бежать по заранее намеченному и не раз отработанному маршруту.

Сейчас он стоял, затерявшись в толпе, у пересечения Кэнал и Шестой, ждал, когда загорится зеленый свет, и слушал, как воют сирены патрульных машин, брошенных на его поиски. Лицо было бесстрастным, руки не дрожали. Ни злости, ни паники. Правильно. Он не раз убеждался: многие профессиональные киллеры попадались на том, что теряли самообладание и заваливались на самом невинном вопросе. Либо так, либо они начинали метаться во время работы, оставляли улики или свидетелей. Страх, любовь, злость – любые эмоции всегда приводят к ошибке. От них надо дистанцироваться…

Онеметь…

Увидев, как по Шестой авеню приближается несколько полицейских машин, Томпсон схватился за пистолет, спрятанный в кармане плаща. Не сбрасывая скорости, автомобили свернули на Кэнал. На него устроили настоящую облаву. Неудивительно – в полиции Нью-Йорка за то, что кто-то живьем поджарил одного из их сотрудников, по головке не погладят (правда, Томпсон считал, что коп поплатился за собственную неосторожность).

В трех кварталах от него, резко затормозив, остановилась патрульная машина, и в голове звоночком пропело легкое беспокойство.

Полицейские вышли и начали опрашивать прохожих на улице. Затем к тротуару подкатила вторая машина, всего в двух сотнях футов от того места, где он стоял. Они постепенно приближались. Его автомобиль был припаркован на набережной Гудзона, всего в пяти минутах ходьбы. Надо было срочно туда попасть, а на светофоре по-прежнему горел красный.

Над улицей разносился вой еще нескольких приближающихся сирен.

Томпсон огляделся. Люди вокруг пялились на полицейские машины и людей в форме. Надо было придумать что-то для отвода глаз, чтобы, не привлекая внимания, перейти улицу. Хоть что-нибудь… Просто на пару минут отвлечь внимание – поджечь мусор в урне, ударить машину, чтобы сработала сигнализация, разбить бутылку… Есть еще идеи? Он посмотрел влево и увидел большой пассажирский автобус, приближающийся по Шестой авеню к перекрестку, у которого толпились пешеходы.

Томпсон Бойд принял решение. Он придвинулся поближе к краю дороги и встал позади изящной молоденькой азиатки. Хватило легкого толчка в спину, чтобы она оказалась на пути перед автобусом. Резко обернувшись с раскрытым от удивления ртом, девушка соскользнула с бордюра на проезжую часть.

– Она упала! Держите ее! – выкрикнул Томпсон.

Вопль оборвался, когда боковое зеркало автобуса ударило ей в голову и плечо, кувырком швырнув тело вдоль тротуара. На одно из окон автобуса и стоящих поблизости людей брызнула кровь. Визг тормозов смешался с женским визгом в толпе.

Автобус пошел юзом и, перегородив движение, замер посреди Кэнал-стрит, где ему предстояло остаться, пока не закончится расследование происшествия. Конечно, пожар в мусорной урне, разбившаяся бутылка, вой автосигнализации – что-то из этого могло и сработать. Но Томпсону показалось, что убить девушку будет куда надежней.

Движение на улице застопорилось, и две полицейские машины, которые приближались по Шестой авеню, оказались отрезаны.

Томпсон неспешно пересек проезжую часть, оставив за спиной растущую толпу. Некоторые плакали, некоторые кричали. Кто-то просто в немом изумлении смотрел на окровавленное тело. Невидящие глаза девушки были устремлены вверх. Никто, кажется, не сомневался, что эта трагедия – всего лишь нелепый несчастный случай.

Со всех сторон к месту аварии сбегались люди, многие принялись звонить в Службу спасения – царила полная неразбериха. Томпсон невозмутимо шел через улицу, петляя между застывшими на месте машинами. Про азиатку он уже забыл и теперь размышлял о делах более важных. Одной конспиративной квартиры он лишился, но по крайней мере успел забрать оружие, покупки, сделанные в скобяной лавке, и книгу с инструкциями. В квартире не осталось ничего, что могло бы вывести полицию на его след или указать на заказчика. Даже та женщина в белом не сможет ничего раскопать.

Томпсон остановился у таксофона и набрал номер автоответчика, где его ждали хорошие новости. Он узнал, что Женева Сеттл учится в школе Лэнгстона Хьюза в Гарлеме. Еще, как оказалось, ее охраняет полиция, что, впрочем, не удивляло. Скоро станут известны другие подробности – возможно, ее домашний адрес. Если повезет, девчонку застрелят без его участия, и делу конец.

Повесив трубку, Томпсон Бойд продолжил путь и вскоре пришел к трехлетнему «бьюику» скучно-синего цвета, непримечательному автомобилю как раз для «серого статиста». Он влился в дорожный потоки, далеко обогнув затор на месте аварии, направился к мосту на Пятьдесят девятой улице. Все его мысли сосредоточились на том новом, что он узнал за последний час, читая книгу с вклеенными на страницы бумажными квадратиками. Он уже представлял, как воспользуется приобретенными умениями.

– Не знаю… не знаю, что сказать.

Совершенно несчастный, Лон Селлитто снизу вверх смотрел на капитана, которого поспешно прислали из управления, как только начальство услышало об инциденте. Селлитто сидел на бордюре: волосы взъерошены, живот перевалился через ремень, в просветах между пуговицами проглядывает розовая кожа, носки потертых ботинок раскинуты в разные стороны.

– Что произошло?

Капитан, лысеющий крупный афроамериканец, держал револьвер Селлитто немного в стороне от себя, предварительно откинув и разрядив барабан, – все, как предписывает инструкция, когда из служебного пистолета был произведен случайный выстрел.

Селлитто заглянул здоровяку в глаза:

– Я облажался.

Капитан кивнул и повернулся к Амелии:

– С вами все в порядке?

Сакс пожала плечами:

– Пустяки. Пуля ушла далеко в сторону.

Селлитто видел, что от капитана не укрылось ее напускное спокойствие, желание подчеркнуть незначительность происшедшего. От того, что она пытается его выгородить, толстяк поник еще больше.

– Но вы были на линии огня, – сказал капитан.

– Да ничего…

– Вы были на линии огня?

– Так точно, сэр, – ответила Сакс.

Пуля тридцать восьмого калибра прошла в каких-то трех футах от нее. Селлитто это знал. Знала и Сакс.

«…далеко в сторону».

Капитан посмотрел на здание склада.

– Если бы этого не произошло, преступнику все равно удалось бы уйти?

– Да, однозначно, – ответил ему Бо Хауман.

– Уверены, что к побегу инцидент отношения не имеет? Все равно об этом станет известно.

Командир спецгруппы кивнул.

– Похоже, объект выбрался на крышу и направился к северной или южной оконечности улицы. Южной скорее всего. Выстрел, – он кивнул на револьвер Селлитто, – прозвучал после того, как все соседние здания были зачищены.

«Что со мной?» – вновь подумал Селлитто.

– Почему вы достали оружие? – спросил капитан.

– Не ожидал, что кто-то появится из подвальной двери.

– А из радиообмена вы не слышали, что здание зачищено?

Небольшая пауза, затем:

– Нет, пропустил.

Последний раз Лон Селлитто солгал начальству, чтобы прикрыть новичка, который нарушил инструкцию, пытаясь спасти жертву похищения. То была ложь с благой целью. Сейчас же он врал, чтобы спасти собственную задницу, и слова прозвучали, словно в горле застряла кость.

Капитан оглядел место происшествия. Вокруг толклись несколько полицейских из группы захвата. На Селлитто никто не смотрел, словно им было за него стыдно.

– Пострадавших нет, серьезный ущерб имуществу не причинен. Рапорт я составлю, однако передачу вопроса в комиссию по разбору рекомендовать не буду.

Селлитто мысленно вздохнул. В том, что касалось ущерба профессиональной репутации, от комиссии по разбору непроизвольного применения оружия до расследования Службой собственной безопасности был всего один шаг, и, даже если тебя оправдают, репутация останется запятнанной очень надолго… если не навсегда.

– Нет желания взять маленький отпуск? – спросил капитан.

– Нет, сэр, – твердо ответил Селлитто.

После того что случилось, ничего хуже бездействия нельзя было себе представить. Он знал, что тогда начнет комплексовать, объедаться нездоровой пищей, срываться на окружающих. (Он до сих пор со стыдом вспоминал, как шарахнулся, когда «стрельнул» неисправный двигатель.)

– Не знаю, не знаю…

Капитан имел все полномочия на время отстранить Селлитто от служебных обязанностей. Он даже хотел спросить мнение Сакс, но обращаться к ней с этим вопросом не следовало. Она была начинающим детективом, ниже по статусу. И тем не менее капитан колебался с решением, явно предоставляя ей возможность высказаться самой. Вероятно, ожидал от нее что-нибудь вроде «Лон, а это хорошая мысль» или «Не бойся, мы управимся без тебя».

Но Сакс промолчала, чем, как все понимали, выразила Селлитто поддержку.

– Я слышал, сегодня утром у вас на глазах застрелили свидетеля? Это имеет какое-то отношение к делу? – спросил капитан.

Да… нет… Дьявол!

– Затрудняюсь ответить.

Капитан снова задумался. Что бы ни говорили про «шишек» из управления, о жизни на улице и как она влияет на обычных копов, они там знали не понаслышке.

– Ладно, от дел отстранять не буду. Но обязательно сходите к психологу.

У Селлитто загорелось лицо – ну вот, дождался, к психиатру направляют. Однако вслух он сказал:

– Разумеется. Немедленно запишусь на прием.

– Хорошо. И держите меня в курсе ваших успехов.

– Так точно, сэр. Спасибо.

Капитан отдал ему револьвер и вместе с Во Хауманом вернулся к командному пункту, а Сакс и Селлитто направились к только что прибывшему фургону с экспертным оборудованием.

– Амелия…

– Забудь, Лон. Что случилось, то случилось. Попасть под дружественный огонь не такая уж редкость.

По статистике у полицейского вероятность оказаться подстреленным кем-нибудь из своих была выше, чем пострадать от пули преступника.

Селлитто потряс головой.

– Просто… – Он не нашелся чем закончить.

Какое-то время они шли молча. Наконец Сакс сказала:

– Вот что, Лон. Ты знаешь, шило в мешке не утаишь, но от меня никто ничего не услышит.

Поскольку Райм не имел выхода на полицейскую частоту, узнать об инциденте он мог только от них самих.

– Я ни на что такое и не рассчитывал.

– Конечно, – сказала Сакс. – Просто ставлю тебя в известность, как буду действовать.

И она принялась выгружать оборудование.

– Спасибо, – глухим голосом отозвался Селлитто и тут же поймал себя на том, что левой рукой потирает невидимую кровавую метку на щеке.

– Однако негусто, Райм.

– Подробнее, – прозвучал голос в наушнике.

В белом костюме из «тайвека» Сакс обходила по сетке крошечную квартиру. По обстановке было понятно, что квартира конспиративная – такие имелись у большинства профессиональных киллеров. Они служили в качестве «базы» недалеко от места планируемого убийства или как укрытие, если срывалось дело.

– Что там внутри? – спросил Райм.

– Кушетка, голый стол, стул. Лампа. Телевизор, который подключен к камере наблюдения, установленной на лестничной площадке. Система «Видео-Тект», но наклейки с серийными номерами счищены, так что, когда и где он ее купил, сказать невозможно. Я нашла провода и включатель для электроловушки, которую он смонтировал на двери. Электростатические отпечатки обуви соответствуют подошвам туфель марки «Басс». Я проверила все, что можно, на отпечатки пальцев, ни одного не нашла. Носить перчатки даже в собственной конуре! Да что с ним такое?

Райм поделился соображениями:

– Кроме того, что он чертовски предусмотрителен? Вероятно, он не очень дорожил этим местом, знал, что рано или поздно придется его бросать. Эх, найти бы хоть один отпечаток. Определенно где-то он раньше уже засвечивался, и скорее всего не раз.

– Я нашла колоду таро, без ценников и ярлыков. В пачке недостает только одной карты: двенадцатой – той, что он оставил в музее. Пока все, буду искать дальше.

Она продолжала ходить по сетке, хотя квартира была небольшая и ее можно было оглядеть, не сходя с места. Вскоре Сакс обнаружила спрятанную улику. Проходя мимо кушетки, она заметила, что из-под подушки выглядывает белая полоска – сложенный лист бумаги.

– Нашла кое-что. Карта улицы, на которой находится Музей афроамериканской истории. Очень детальная – отмечены все прилегающие переулки, входы и выходы из зданий, разгрузочные зоны, парковочные места, гидранты, люки, телефонные будки. Да он настоящий педант!

Не многие киллеры подходят к делу с такой тщательностью.

– На бумаге есть какие-то пятна и крошки коричневатого цвета. – Сакс понюхала. – Чеснок. Крошки от еды. – Она положила карту в целлофановый пакет и продолжила поиск. – Нашла несколько волокон, похожих на те, что у нас уже есть. Полагаю, от хлопчатобумажной веревки. Еще немного пыли и грязи. Вот, собственно, и все находки.

– Как бы хотелось взглянуть самому, – сказал Райм затихающим голосом.

– Райм?

– Пытаюсь представить себе обстановку, – прошептал он в ответ, потом помолчал и спросил: – Что на столе?

– Ничего нет. Я уже…

– Я не имел в виду, что на нем лежит. Я хочу знать, есть ли на поверхности чернильные пятна, рисунки, зарубки, круги от кофейных чашек. Если наш объект не соблаговолил оставить даже счета за электричество, нам придется довольствоваться тем, что найдем сами, – сказал Райм язвительно.

Очевидно, хорошее настроение улетучилось окончательно.

Сакс внимательно осмотрела поверхность стола.

– Да, есть пятна. Еще мелкие и глубокие царапины.

– Стол деревянный?

– Да.

– Возьми образцы. Сделай несколько соскобов ножом.

Из набора инструментов Сакс извлекла скальпель, который, как и его собратья из хирургической операционной, был стерилизован и запакован в бумагу и целлофан. Она аккуратно соскоблила с поверхности стола несколько чешуек и разложила образцы по пакетикам.

Опустив глаза, боковым зрением она заметила, как у края стола что-то блеснуло, и повернула голову.

– Райм, вижу капли какой-то прозрачной жидкости.

– Прежде чем взять образцы, воспользуйся «Миражом» – сбрызни одну из капель вторым номером. Этот парень – большой любитель разных смертоносных игрушек.

«Мираж текнолоджис» производит удобную в использовании систему для выявления взрывоопасных веществ. С помощью «экспрей-два» определяются вещества группы Б, к которой относится и крайне неустойчивая форма жидкого нитроглицерина. Одной капли этого вещества достаточно, чтобы при детонации оторвало кисть руки.

Сакс обрызгала образец спреем. Если жидкость взрывоопасная, она окрасится в розовый цвет.

Никаких изменений. На всякий случай Сакс побрызгала ту же каплю спреем номер три. Этот анализ показал бы присутствие нитратов вообще – ключевого элемента в составе взрывных веществ.

– Результат отрицательный, Райм.

Она собрала вторую каплю в стеклянную пробирку и плотно ее закупорила.

– Думаю, что искать больше нечего.

– Хорошо, Сакс. Вези все сюда. Надо хоть что-нибудь выяснить, чтобы получить над ним преимущество. Если он с такой легкостью сумел уйти от группы захвата, значит, и до Женевы скоро доберется.

Глава 15

Она сдала первый тест.

Влегкую.

Двадцать четыре задания, и все без единой ошибки – Женева Сеттл знала это точно. А письменное задание сделала на семи страницах, хотя требовалось только четыре.

Она взахлеб рассказывала детективу Беллу, как хорошо справилась, а он только кивал – делал вид, будто слушает, а на самом деле следил за окружающей обстановкой. Во всяком случае, с его лица не сходила улыбка, и Женева не очень возражала против такого притворства. Как ни

странно, ей было приятно вот так чесать языком: о том, какую уловку учитель ввернул в письменное задание, как Линет Томпкинс пробормотала «Господи!», когда поняла, что выучила не ту тему. Вряд ли ее болтовня была бы интересна кому-нибудь, кроме Киш.

Теперь предстояло справиться с тестом по алгебре. Не самый любимый предмет, но материалом она владела, готовилась основательно и уравнения щелкала без труда.

– Подруга! – Лакиша пристроилась рядом. – Во черт! – Она округлила глаза. – Тебя чуть не пришлепнули, а тебе и заботы нет.

– Хватит жвачкой щелкать – бьет, как кнутом.

Но Киш пропустила замечание мимо ушей.

– У тебя уже высший балл. На фига тебе эти тесты?

– Без этих тестов не было бы и высшего балла.

Киш с неодобрением посмотрела на мистера Белла:

– А вам, если хотите знать, сейчас надо искать того мудака, который чуть не пришил мою подругу.

– Этим много кто уже занимается.

– Много – это сколько? И где они этим занимаются?

– Киш! – шепнула подруге Женева.

Мистер Белл только улыбнулся:

– Да много кто. Щелк, щелк.

– Ну, как сдала «мировую цивилизацию»? – спросила Женева.

– Нет в мире никакой цивилизации. Мир – это полная жопа.

– Ты ведь не прогуляла?

– Я же тебе слово дала. Все пучком, подруга, я постаралась. Думаю, сделала на «удовлетворительно». Может быть, даже на «хорошо».

Они дошли до пересечения коридоров, и Лакиша повернула налево.

– Ладно, увидимся. Звякни мне вечерком.

– Договорились.

Глядя, как ее подруга рассекает по коридору, Женева мысленно усмехнулась. Внешне Киш ничем не отличалась от остальных «сестренок» – те же броские прикиды, убийственные ногти, тугие косички, дешевая бижутерия; она была не прочь поколбаситься под музыку, могла запросто кинуться в драку, не пасовала перед крутыми девчонками и носила с собой нож. Изредка выступала в роли диджея на школьных дискотеках… и даже в некоторых клубах, где вышибалы на входе предпочитали сквозь пальцы смотреть на ее возраст.

Однако образ девчонки из гетто был только маской. Если внимательно прислушаться к Киш, то сказать, что уличный сленг для нее родной, было уже нельзя. В этом она походила на чернокожих эстрадных артистов, которые умело копируют гарлемский диалект, но заваливаются на грамматике.

Или вот еще. Девчонки из местных тусовок часто хвалились, что таскают товары из магазина. Киш никогда этим не занималась, может, стащила разок лак для ногтей и упаковку косичек, и все. Даже не покупала с рук бижутерию, если не была уверена, что ее не сняли с какого-нибудь туриста. А замечая в подъезде подозрительных типов в дни, когда разносят социальные выплаты или пенсии, не задумываясь доставала мобильник и звонила в 911.

На жизнь Киш зарабатывала сама: дома делала на продажу косички, четыре дня в неделю дежурила за стойкой в ресторане (тоже на Манхэттене, но в паре миль южнее Гарлема – чтобы не наткнуться на знакомых из своего района, что могло бросить тень на ее репутацию диджей-дивы со Сто двадцать четвертой улицы). Заработанными деньгами распоряжалась бережно, часть откладывала на нужды семьи.

Был еще один аспект, по которому Киш не походила на своих гарлемских сверстников. Они с Женевой заключили негласное соглашение, так называемый союз одиноких сестер. В том смысле, что никакого секса. (Конечно, подурачиться, пофлиртовать – это можно, но, как выразилась одна из подруг Женевы: «Парням в мои трусики ход закрыт».) Девушки строго держались пакта, хотя почти все их сверстницы в школе Лэнгстона Хьюза уже пару лет спали с парнями.

В Гарлеме девушки делились на две категории, а определяющей разницей служила детская коляска: одни, прогуливаясь по улицам, толкали ее перед собой, у других ее не было. И не важно, читаешь ты Нтозаке Шанге или Сильвию Платт, а то и вовсе читать не умеешь, носишь модную оранжевую майку и наращенные косички или белую блузку с плиссированной юбочкой, – если ты обзавелась коляской с

младенцем, считай, что села на поезд, идущий в другом направлении. Конечно, ребенок не обязательно означал конец учебы или карьеры, но все-таки скорее да, чем нет. «Колясочницам» вряд ли приходилось рассчитывать на светлое будущее.

Женева поставила себе четкую цель: при первой возможности вырваться из Гарлема, получить степень в Бостоне или Нью-Хейвене – и дальше, куда-нибудь в Англию, Италию, Францию. Все, что могло расстроить эти планы, та же беременность например, было попросту неприемлемо. Лакиша страстью к высшему образованию не пылала, но амбиции у нее тоже имелись. Она собиралась окончить какой-нибудь бизнес-колледж и взять Гарлем штурмом, прочно обосноваться в нью-йоркских деловых кругах.

Именно эти общие взгляды и делали двух, казалось бы, столь разных девушек подругами. Но, как обычно бывает в подобных случаях, четкое определение тому, что их связывало, подобрать было сложно. Как однажды сказала Киш: «Да фигня все это, подруга. Главное – результат».

Верно подмечено.

Дойдя с Женевой до кабинета математики, детектив Белл встал у стены рядом с дверью.

– Я постою здесь. Когда закончится тест, жди в кабинете, а я подгоню машину к главному выходу.

Женева кивнула, затем, потоптавшись на месте, снова повернулась к нему:

– Я хотела кое-что сказать, детектив…

– Что именно?

– Я знаю: меня иногда бывает трудно переубедить. Упертая, как выразились бы некоторые, хотя чаще меня называют просто занудой. И все же… хочу вас поблагодарить за то, что вы делаете ради меня.

– Такая уж у меня работа, мисс. Кроме того, половина из тех, кого мне приходится защищать, не стоят и того, что у них под ногами. А достойного человека оберегать вдвойне приятно. Желаю удачи на все двадцать четыре задания.

Женева удивленно моргнула.

– Вы слушали, что я рассказывала? А мне казалось, вы все пропускаете мимо ушей.

– Конечно, я слушал, просто одновременно отслеживал обстановку. Хотя, признаться, два дела сразу – это для меня потолок. Ну, удачи. Я буду за дверью.

– А я обязательно верну деньги за обед.

– А я повторю, что обед за счет городской казны.

– Только деньги вы отдали свои, а чек не взяли.

– А вы, барышня, к тому же весьма наблюдательны.

В классе Женева увидела Кевина Чини, который стоял у дальней стены в компании друзей. Заметив ее, он просиял улыбкой и зашагал к ней. Все до единой девчонки следили за ним, не отрывая глаз, а когда поняли, куда он направляется, на их лицах отразилось недоумение, сменившееся потрясением.

Что, в голове не укладывается? Так-то!

Женева опустила глаза, чувствуя, как горят щеки.

– Привет, подруга. – Кевин подошел совсем близко, она ощущала запах его лосьона. Что, интересно, за бренд? Можно будет узнать, когда у него день рождения, и подарить ему такой.

– Привет… – Голос дрожал, она откашлялась и повторила: – Привет.

Ее триумф перед классом состоялся, и такое вряд ли забудется. Но сейчас она снова могла думать лишь об одном: нельзя допустить, чтобы он из-за нее пострадал. Надо ему сказать, что быть рядом с ней сейчас опасно. Шутки в сторону. Ну давай же, объясни, что ты за него беспокоишься.

Однако прежде чем она успела открыть рот, Кевин сказал:

– Давай отойдем вон туда. – Он кивнул на дальний угол комнаты. – У меня кое-что для тебя есть.

«Для меня»? Глубокий вздох, и она пошла следом.

– Вот, держи. Подарок.

Кевин сунул ей в руку какой-то предмет из черной пластмассы. Что это? Мобильник? Пейджер? Но в школу такие вещи приносить было запрещено. И все же сердце отчаянно колотилось, она гадала, что такой подарок мог означать. Может, чтобы вызвать его в случае нападения? Или чтобы он сам мог ее найти?

– Клево, – сказала она, разглядывая предмет у себя в руках. Теперь она поняла, что это не телефон и не пейджер, а одна из тех штуковин-органайзеров, вроде наладонника.

– Там все: игрушки, Интернет, электронная почта. Соединение беспроводное.

– Спасибо. Только… Кевин, похоже, это вещь дорогая. Даже не знаю…

– Не бери в голову, отработаешь.

Женева подняла на него глаза:

– Как это – отработаю?

– Короче, ничего сложного. Мы с кентами уже все опробовали. У меня точно такой же. – Он похлопал по карману рубахи. – И между ними установлена связь. Главное помни, лучше держать его между ног, под юбкой. Так будет удобнее. Учителя под юбками проверять не станут – за такое можно в суд угодить. Дальше, значит, жмешь единицу, потом нажимаешь пробел и набираешь номер ответа, сечешь?

– Номер ответа?

– Слушай, дальше самое важное. Надо нажать эту кнопочку, чтобы отправить сообщение мне. Видишь, на ней есть значок антенны? Если не нажать, сообщение не уйдет. Дальше жмешь двойку, набираешь ответ.

– Я не понимаю…

Кевин рассмеялся, удивляясь ее наивности.

– А ты как думала? У нас с тобой договор: я прикрываю твою задницу на улице, а ты мою – в классе.

И вдруг, словно ей дали пощечину, она все поняла и впилась в него взглядом.

– Так ты собираешься жульничать?

У Кевина помрачнело лицо.

– Хорош всякую чушь молоть! Тем более вслух. – Он огляделся.

– Ты просто шутишь, да?

– Шучу? Нет, подруга. Ты мне поможешь.

Не вопрос – приказ.

Ей вдруг показалось, что она вот-вот задохнется или ее стошнит.

– Не надо. – Она протянула органайзер.

– Да что с тобой такое? Ты не первая, кто будет мне помогать.

– Алисия… – шепотом произнесла Женева, медленно качая головой. Ей вспомнилась девушка, с которой они вместе ходили на алгебру, Алисия Гудвин, очень умная, в математике настоящий ас. Недавно вся ее семья переехала в Джерси. С Кевином они были не разлей вода. Так вот, значит, в чем дело: лишившись напарницы, Кевин начал искать ей замену и остановил выбор на Женеве, которая училась лучше своей предшественницы, но была далеко не такая красотка.

Внутри заклокотали обида и злость. Даже утреннее нападение в музее не вызывало такого негодования. По крайней мере тот человек в маске не притворялся ее другом.

Иуда!

– Иметь целый табун подружек, которые скидывают тебе правильные ответы… Какой бы у тебя был без них средний балл? – гневно сказала Женева.

– Я не тупица какой-нибудь, ясно? – зло прошептал Кевин. – Просто мне не обязательно учить всю эту херню. Мой талант – игра в мяч, и мне этого на жизнь хватит. Для всех лучше, если я буду тренироваться, а не голову себе забивать.

– «Для всех»! – Женева язвительно усмехнулась. – Значит, вот откуда твои оценки – ты их крадешь. То же самое, что срывать золотые цепочки у туристов на Таймс-сквер.

– Эй, подруга, следи за базаром, – угрожающе прошипел он.

– Не буду я тебе помогать, – пробормотала Женева.

Кевин улыбнулся и посмотрел на нее из-под приопущенных век.

– Да за мной не заржавеет, подруга. Можешь приходить ко мне, когда захочешь, отдеру по высшему классу. Могу даже и полизать, сечешь? Я в этом плане себе цену знаю – не пожалеешь.

– Убирайся к черту! – выкрикнула она. Все, кто был рядом, теперь обернулись на них.

– Слушай меня, – прорычал Кевин, больно схватив ее за руку. – У тебя задница – как у десятилетней сыкухи, а выпендрежа – как у какой-нибудь белой принцессы. Думаешь, ты лучше других? Да такой лохушке, как ты, и выбирать-то не из кого. Где ты лучше меня найдешь?

От такого оскорбления у Женевы на секунду перехватило дыхание.

– Какой же ты мерзкий!

– Ладно, подруга, понятно. Пусть ты фригидная, такое тоже бывает. Тогда я тебе заплачу. Сколько надо? Сотню? Две? Бабки у меня есть. Давай, скажи свою цену – я должен сдать этот тест.

– Тогда сам и учи, – огрызнулась она, швырнув ему органайзер.

Кевин поймал его одной рукой, а другой дернул ее к себе.

– Кевин?.. – раздался строгий мужской голос.

– Зараза… – раздраженно прошипел он, на секунду зажмурился, потом выпустил ее руку.

Подошел мистер Абрамс, учитель алгебры, и забрал у Кевина органайзер.

– Что это такое?

– Он хотел, чтобы я помогла ему жульничать, – сказала Женева.

– Да она попросту долбанутая. Это ее штука. Она…

– Значит, так, сейчас мы с тобой идем ко мне в кабинет, – прервал его мистер Абрамс.

Кевин сверлил ее ледяным взглядом, она отвечала ему тем же.

– Женева, с тобой все в порядке? – спросил учитель.

Она потерла руку в том месте, где Кевин ее схватил. Затем кивнула:

– Да. Только можно мне на пару минут в туалет?

– Конечно, сходи. – Мистер Абрамс повернулся к затихшему классу: – Перед началом теста будет десять минут на повторение.

Затем он вывел Кевина через заднюю дверь в коридор. В классе немедленно застрекотали разговоры, словно кто-то резко включил на телевизоре звук. Немного подождав, Женева тоже покинула кабинет.

Оказавшись за дверью, она посмотрела в сторону мистера Белла, который стоял, скрестив руки на груди, у передней двери. Ее он не видел. Сделав пару шагов, Женева затерялась в толпе спешащих по классам учеников.

Однако направилась она не в туалет, а к выходу на школьный двор, где сейчас не было ни души. Распахивая двери, Женева думала, что никому не позволит увидеть себя в слезах.

Это она! И всего в какой-то сотне футов, не больше.

Сердце у Джакса ёкнуло, когда он увидел Женеву Сеттл в школьном дворе.

Король граффити почти час стоял у выхода из переулка на другой стороне улицы, но на такую удачу даже и не рассчитывал – девушка была совершенно одна. Джакс огляделся по сторонам. Перед школой была припаркована неприметная полицейская тачка, в которой сидел один коп, но от машины до девушки достаточно далеко, да и коп смотрел в противоположную сторону, а если бы даже обернулся, то все равно не смог бы ее увидеть. Все гораздо проще, чем он думал.

«Тогда нечего здесь стоять, шевели задницей».

Джакс вытащил из кармана черную косынку и натянул ее на голову, прикрыв короткие волосы. Затем осторожно вышел из укрытия, на минуту задержался у старенького фургона, чтобы получше оглядеть школьную площадку (она сильно напоминала ему тюремный двор; конечно, без ограждения из колючей проволоки и сторожевых вышек). Он решил, что перейдет улицу здесь, под прикрытием тягача с длинным прицепом, который стоял у обочины с незаглушенным двигателем. Так он успеет подобраться к ней на расстояние двадцати пяти футов, прежде чем она или коп его заметят. А этого более чем достаточно.

После всего, что с ней случилось, она, конечно, будет напугана, и если заметит его, то скорее всего бросится убегать, зовя на помощь.

«Не торопись, аккуратно».

Но действовать надо сейчас, другой такой же возможности не представится.

Джакс направился к девушке, осторожно ступая хромой ногой, чтобы не выдать своего приближения шелестом палых листьев.

Глава 16

Неужели с парнями всегда так? Неужели им всегда чего-то от тебя надо? Кевину требовался ее интеллект. А если бы она была сложена, как Лакиша, и он бы повелся на ее формы, расстроилась бы она?

Нет! Это другое, это вполне нормально. Школьные психологи много говорят о сексуальных домогательствах – о том, как сказать нет; о том, как себя вести, если парень не отстает.

Но она ни разу не слышала и слова о том, что делать, если кто-то посягает на твои мозги.

«Черт! Черт! Черт!»

Скрипнув зубами, Женева вытерла слезы и смахнула их с кончиков пальцев.

Забудь о нем! Он просто тупой говнюк! Тест – вот что сейчас главное.

«Производная от икс в степени эн равна...»

Какое-то движение слева. Женева повернула голову, щурясь от яркого солнца, и заметила фигуру на другой стороне улицы в тени здания. Какой-то человек с косынкой на голове и темно-зеленой куртке. Он шел по направлению к школьному двору, затем скрылся за фургоном. В голове тут же пронеслась паническая мысль: «Это тот человек из библиотеки!» Нет, этот чернокожий. Немного расслабившись, она глянула на часы. Пора возвращаться в класс. Вот только...

В отчаянии Женева представила, как на нее теперь будут смотреть – дружки Кевина, бросающие убийственные взгляды; крутые девчонки, смеющиеся ей в лицо.

«Гноби ее! Гноби костлявую сучку!»

К черту! Плевать, что они там думают. Тест – вот что имеет сейчас значение.

«Производная от икс в степени эн равна эн на икс в степени эн минус один...»

Она направилась к боковой двери, размышляя, отстранят ли теперь Кевина от занятий. Может быть, исключат? Так ему и надо.

«Производная от икс...»

Со стороны улицы позади нее донесся звук шагов. Женева обернулась. Солнце светило прямо в глаза, и она не могла никого разглядеть. Вдруг к ней подкрадывается тот чернокожий в зеленой куртке?

Шаги стихли. Женева отвернулась и пошла дальше, стараясь не думать ни о чем, кроме математических формул.

«...равна эн на икс в степени эн минус один...»

В ту же секунду за спиной снова послышались шаги, будто совсем рядом кто-то сорвался на бег. Она приложила ко лбу ладонь, прикрываясь от слепящего солнца.

Вдруг крик детектива Белла:

– Женева! Не двигайся!

Он и еще кто-то – да, Рон Пуласки – бежали в ее сторону.

– Что случилось? Зачем ты вышла из здания?

– Я только...

Рядом, визжа тормозами, остановились три полицейские машины. Детектив Белл, щурясь против солнца, смотрел в сторону большого грузовика.

– Пуласки! Вон он! Быстро за ним!

Все следили за удаляющейся фигурой в зеленой куртке. Человек бежал прочь по переулку, слегка припадая на одну ногу.

– Вижу. Понял.

Пуласки бросился догонять. Протиснулся между прутьями ворот и вслед за беглецом скрылся в переулке. На школьном дворе появились человек шесть полицейских, которые рассредоточились вокруг Женевы и детектива.

– Что происходит? – спросила она.

Детектив Белл поспешно повел ее к полицейским машинам, на ходу объясняя, что получил сообщение от агента Делрея из ФБР, который сотрудничаете мистером Раймом. По своим каналам Делрей узнал, что утром в Гарлеме кто-то наводил о Женеве справки, расспрашивал, в

какой школе она учится и где живет. По описанию это афроамериканец, одетый в армейскую куртку темно-зеленого цвета, который несколько лет отсидел в тюрьме за убийство. И он только что обзавелся оружием. Поскольку напавший на нее в музее мужчина был белым и не очень хорошо знал Гарлем, мистер Райм заключил, что убийца решил подключить сообщника, хорошо знающего район.

Детектив Белл сразу же направился в класс, чтобы увести Женеву, но ее там не оказалось. Однако Джонет Монро, которой поручили за ней приглядывать, видела, как Женева вышла из класса через заднюю дверь.

– А сейчас я должен немедленно отвезти вас к мистеру Райму.

– Как же мой тест? Я…

– Больше никаких тестов и никаких занятий, пока не возьмем преступника, – отрезал детектив Белл. – А теперь, мисс, прошу за мной.

Негодуя из-за предательства Кевина, из-за того, что угодила во весь этот переплет, Женева протестующе скрестила руки на груди.

– Я должна сдать тест.

– Женева, ты не представляешь, каким упрямым я могу быть. Моя цель – сохранить тебе жизнь, и если для этого понадобится взять тебя на руки и отнести в машину, будь уверена, именно так я и сделаю.

Его глаза, которые раньше казались такими добрыми, теперь смотрели неумолимо.

– Хорошо, – пробормотала она.

Пока они шли к машине, детектив ни секунды не переставал вертеть головой, всматриваясь в глубокие тени. Женева заметила, что одну руку он держит рядом с рукояткой пистолета.

Вскоре их догнал белобрысый Пуласки.

– Я его потерял, – переведя дыхание, выпалил он. – Сожалею.

Вздох от мистера Белла.

– Описать можешь?

– Черный, рост шесть футов, плотного телосложения. Хромает. На голове черная косынка. Усов и бороды не заметил. Лет около сорока.

– Женева, ты можешь что-то добавить?

Девушка угрюмо мотнула головой.

– Ладно, поехали отсюда, – сказал Белл, когда они подошли к его «форду».

Она забралась на заднее сиденье, Пуласки занял место рядом с ней. Белл направился к водительской дверце. С озабоченной гримасой на лице к ним подскочила школьный консультант миссис Бартон.

– Детектив, что стряслось?

– Мы забираем Женеву. Возможно, кто-то только что пытался к ней подобраться.

Хмурясь, грузная женщина огляделась.

– Он был здесь?

– Не знаю. Я говорю – вероятно. Но лучше свести риск к минимуму. – Затем добавил: – Мы считаем, что пять минут назад он был здесь. Чернокожий мужчина. Одет в зеленую куртку армейского образца, голова покрыта косынкой. Гладко выбрит, хромает на одну ногу. Его видели на другой стороне школьного двора, около того большого фургона. Не могли бы вы расспросить учеников и других учителей, знают ли они этого человека?

– Да, разумеется.

Затем он попросил ее проверить, не засняла ли мужчину какая-нибудь из камер слежения, после чего они обменялись телефонными номерами. Детектив скользнул за руль и завел двигатель.

– Всем пристегнуться. Мы не на экскурсию отправляемся.

Едва Женева успела защелкнуть ремень, как детектив вдавил педаль газа в пол, и «форд» сорвался с места, унося их сквозь путаницу гарлемских улиц, все дальше от школы Лэнгстона Хьюза – последнего оплота разума и спокойствия.

Пока Амелия Сакс и Лон Селлитто раскладывали улики, собранные в квартире на Элизабет-стрит, Райм размышлял о сообщнике объекта 10-9, который почти сумел подобраться к Женеве в школе.

Существовала вероятность, что объект 10-9 использовал его исключительно для наблюдения за Женевой, хотя, принимая во внимание «послужной список» сообщника и тот факт, что он был вооружен, выводы напрашивались самые мрачные. Райм надеялся, что здоровяк оставил какие-нибудь следы; увы, группа по сбору улик внимательно обследовала место и ничего не нашла. Офицеры группы опроса также не нашли ни одного свидетеля. Вероятно…

– Привет, Линкольн, – раздался мужской голос.

Райм испуганно вскинул глаза и увидел рядом человека лет сорока пяти. Широкие плечи, короткая шапочка седых волос с падающей на лоб челкой, одет в дорогой темно-серый костюм.

– Доктор? Не слышал вашего звонка.

– А я не звонил. Встретил на крыльце Тома, он меня впустил.

Роберт Шерман, физиотерапевт Райма, заведовал клиникой, специализировавшейся на пациентах с повреждениями спинного мозга. Именно он разработал для Райма терапевтическую программу, включающую велотренажер, локомоторную дорожку, а также акватерапию и комплекс традиционных физических упражнений, с которыми Райму помогал Том.

Доктор обменялся приветствием с Сакс, затем не без любопытства обозрел царящую в лаборатории бурную деятельность. С терапевтической точки зрения было правильно, что Райм не сидит без дела – доктору это понравилось. Он не раз говорил, что активное участие пациента в работе закаляет волю и поддерживает стремление к выздоровлению (и с некоторой язвительностью советовал Райму избегать ситуаций, как во время одного недавнего расследования, когда Райм едва не сгорел).

Доктор был талантлив, приветлив и чертовски умен. Однако сейчас, когда стало известно, что за Женевой охотятся два вооруженных бандита, Райму было не до него, и доктор получил холодный прием.

– Мне сообщили из регистратуры, что вы отменили сегодняшний визит. Я подумал, не стряслось ли чего.

Мог бы просто позвонить, подумал Райм. Но по телефону нельзя надавить так, как при личной встрече.

И Шерман вовсю на него давил. Он хотел знать, приносит ли терапевтический курс пользу, что отражало не только заботу о пациенте,

но и желание скорее получить новые данные для своей исследовательской работы.

– У меня все отлично, – сказал Райм. – Вот только что свалилось новое дело. – Он кивнул на доску с таблицей, которую Шерман тут же принялся разглядывать.

Из дверного проема высунулся Том.

– Доктор, хотите кофе или содовой? – спросил он.

– Не будем отнимать у доктора его драгоценное время, – сказал Райм. – Теперь, когда он убедился, что со мной все в порядке, я уверен, он захочет…

– Дело? – спросил Шерман, не отрывая от доски взгляда.

После недолгой паузы Райм раздраженно ответил:

– Да, очень серьезное. По улицам разгуливает очень опасный преступник, и мы как раз пытались его поймать, когда заявились вы.

Райм не собирался идти на попятную и за грубость извиняться не стал. Однако доктора и невропатологи, которые имеют дело с криминалистами, хорошо знают, чего ожидать от таких пациентов: раздражительности, неприятия, резких слов. Так что Шерман только изучающе посмотрел на Райма.

– Спасибо, Том, мне ничего не нужно. Надолго я не задержусь.

– Вы уверены? – Том кивнул на Райма. – А его не слушайте.

– Да, все в порядке.

Тем не менее уходить доктор явно не спешил, скорее наоборот – подтянул к себе стул и уселся поближе к Райму.

Сакс посмотрела на Райма, который ответил ей бесстрастным взглядом и повернулся к доктору. Тот придвинул стул еще ближе и, подавшись вперед, шепотом произнес:

– Линкольн, ты уже целый месяц затягиваешь с обследованием.

– С работой совсем закрутился. Мы сейчас расследуем одновременно четыре случая, а теперь уже и все пять. Случаи просто поразительные, уникальные в своем роде.

Он рассчитывал, что доктор заинтересуется, начнет задавать вопросы и разговор повернет в новое русло.

Шерман, разумеется, не купился на уловку. Докторов, которые лечат криминалистов, так запросто с толку не сбить.

– Позвольте-ка мне кое-что сказать, – начал Шерман.

«Как будто я могу этому помешать», – подумал Райм.

– Ни один мой пациент еще не занимался с такой самоотдачей, как вы. И я догадываюсь, почему вы оттягиваете с обследованием. Боитесь узнать, что от занятий нет никакого толку. Я прав?

– Нет. Просто я очень занят.

Шерман продолжил как ни в чем не бывало, словно не слышал Райма:

– Я уверен, что мы обнаружим значительные улучшения как в общем состоянии, так и в функциональном плане.

У Райма родилась мысль, что слушать врачей порой так же невыносимо, как копов.

– Надеюсь, что так. Но если даже и нет, поверьте, для меня это большого значения не имеет. У меня увеличилась мышечная масса, плотность костей, улучшилось состояние легких и сердца. А на большее я не рассчитываю – какие уж там двигательные функции.

Шерман смерил его взглядом.

– Правда?

– Разумеется. – Райм огляделся и, понизив голос, добавил: – Все равно никакие упражнения на ноги меня не поставят.

– Да.

– Тогда к чему мне, скажем, незначительное улучшение в мизинце левой ноги? Не вижу смысла. Я просто буду тренироваться, поддерживать себя в форме, а лет через пять-десять, когда вы придумаете что-нибудь новенькое, вроде трансплантации или клонирования, я буду готов снова пойти на своих двоих.

Шерман улыбнулся, хлопнул Райма рукой по колену, чего тот, впрочем, совершенно не ощутил. Затем покивал:

– Рад вашему настрою, Линкольн. Не люблю, когда пациенты сдаются. Им подавай большие победы и скорое выздоровление. Они знать ничего не хотят о том, что в этой войне большая победа достается только множеством маленьких.

– Думаю, я свою победу уже одержал.

Доктор встал.

– И все-таки я настаиваю на сканировании. Нам необходимы самые последние данные.

– Как только разгребусь с делами.

– Что ж, хорошо. – Шерман направился к выходу. – И желаю удачи.

– Будем надеяться на лучшее, – весело сказал Райм.

Как только поборник мелких побед исчез за дверью, Райм повернулся к доске с записями.

Сакс ответила на телефонный звонок, выслушала молча, положила трубку.

– Звонил Бо Хауман. Насчет тех ребят из группы захвата, которых ударило током. У первого сильные ожоги, но жить будет. Второго уже отпустили.

– Слава Богу! – с облегчением воскликнул Селлитто. – Представить только, каково им пришлось. – Он на секунду прикрыл глаза. – Ожоги. А запах! Господи! У него даже волосы все сгорели… Надо будет что-то ему послать. Нет, лучше я сам отнесу. Может, цветы? Думаете, он обрадуется цветам?

Очень нехарактерная реакция для Селлитто… как, впрочем, и все его сегодняшнее поведение. Служба в полиции связана со смертельным риском, и каждый принимает эту данность по-своему. Кто-то скажет: «Слава Богу, что жив остался», перекрестится и, может быть, заглянет в ближайшую церковь. Селлитто обычно отмечал такие известия кивком и сразу возвращался к работе. Но чтобы такое…

– Не знаю, – ответил Райм.

«Цветы?!»

Послышался голос Мэла Купера:

– Линкольн, у меня на проводе капитан Нед Сили.

Мэл разговаривал с техасскими рейнджерами насчет убийства в Амарилло, которое, по информации из ВИКАП, имело сходство с инцидентом в музее.

– Дай на громкую связь.

Купер включил динамики, и Райм сказал:

– Алло, капитан?

– Да, сэр, – раздался тянущий гласные голос. – Мистер Райм?

– Он самый.

– Ваш сотрудник запрашивал информацию по делу Чарли Такера. Я тут кое-чего откопал, хотя не особенно много. Думаете, у вас тот же человек?

Способ совершения преступления напоминает наш случай. Совпадает и марка обуви, и даже износ подошвы. Преступник подбросил ложные улики, чтобы сбить нас с толку, аналогично тому, как были оставлены свечи и оккультные знаки на месте убийства Такера. И кстати, у нашего клиента южный выговор. Еще одно похожее убийство, уже заказного характера, произошло несколько лет назад в штате Огайо.

– Значит, вы думаете, кто-то нанял этого парня, чтобы убить Такера?

– Возможно. Что он был за человек?

– Такер? Только вышел на пенсию, работал в департаменте исполнения наказаний – это наше местное исправительное заведение. Счастливый брак, внуки, никогда никаких проблем. В церковь ходил регулярно.

Райм нахмурил брови.

– А кем он служил в тюрьме?

– Охранником в колонии строгого режима в Амарилло… М-м… думаете, кто-то из заключенных нанял киллера, чтобы рассчитаться с Такером за какие-нибудь грешки? Жестокое обращение или вроде того?

– Вполне вероятно, – сказал Райм. – Жалобы на него поступали?

– В нашем деле таких сведений нет. С этим вам лучше обратиться к тюремной администрации.

Райм записал имя начальника тюрьмы, в которой работал Такер.

– Благодарю, капитан.

– Пустяки. Вам всего хорошего.

Спустя несколько минут Райм уже звонил начальнику северотехасской исправительной колонии строгого режима Джею-Ти Бьюшампу. Он представился сотрудником нью-йоркского управления полиции.

– Добрый день, сэр, зовите меня Джей-Ти, – ответил начальник.

– Хорошо, Джей-Ти. – И Райм изложил ему ситуацию.

– Чарли Такер? Конечно, помню такого – охранник, которого убили. Линчевали, кажется, или что-то вроде. Меня тогда здесь еще не было. Такер вышел на пенсию незадолго до того, как я перевелся из Хьюстона. Сейчас, не кладите трубку, достану его личное дело… Вот, нашел. Нет, кроме одного случая, формальных жалоб на него не поступало. Один заключенный жаловался, что Такер к нему придирается.

– Похоже, что это и есть наш парень, – сказал Райм.

– Да, только того заключенного через неделю казнили, а Чарли убили годом позже.

– Может быть, Такер обижал еще кого-то из заключенных и тот с ним поквитался?

– Возможно. Но… нанимать профессионала? Слишком уж изощренно для нашего контингента.

Райм был склонен согласиться.

– Тогда, возможно, убил его сам заключенный. Освободился, выследил Такера, а потом обставил все как ритуальное убийство. Вы не могли бы поговорить с другими охранниками или с кем-то из персонала? Наш клиент – белый мужчина, ему за сорок, среднего телосложения, светло-каштановые волосы. Вероятно, отбывал срок за преступление, связанное с насилием. Освободился или сбежал…

– Побег исключается – от нас не убежишь.

– Хорошо, значит, кто-то из освободившихся незадолго до того, как был убит Такер. Вот, собственно, все, что мы пока знаем. Ах да, и еще: он хорошо разбирается в оружии и отлично стреляет.

– Ну, это вряд ли поможет. Здесь же Техас. – В трубке раздался смешок.

Райм продолжил:

– Мы составили его фоторобот, сейчас отправим вам копию. Нельзя ли сравнить это изображение с фотографиями тех, кто освобождался примерно в тот период?

– Да, сэр, присылайте. Подключу свою секретаршу, у нее глаз наметанный. Но это займет какое-то время – через нас прошла целая уйма народу.

Он продиктовал свой электронный адрес, и разговор окончился.

Как только Райм положил трубку, прибыли Женева, Белл и Пуласки.

Белл рассказал о неудачной попытке перехватить сообщника около школы, однако сумел дополнить описание преступника некоторыми деталями. И еще, по его словам, кто-то должен был опросить школьников и учителей, а также найти пленку с камеры наблюдения. Если, конечно, подозреваемый попал в объектив.

– Не дали мне сдать последний тест, – обиженно сообщила Женева. Как будто Райм в этом виноват. Что-что, а на нервы действовать она умела. Но ответил Райм сдержанно:

– У меня есть новости, которые, думаю, тебя заинтересуют. Твой предок остался жив после прыжка в Гудзон.

– Правда?

Ее лицо озарилось, и она принялась увлеченно читать распечатку статьи из журнала за тысяча восемьсот шестьдесят восьмой год. Потом нахмурила брови.

– Его здесь так изображают, словно он и правда злодей, с самого начала только и думал о краже. Но он таким не был, точно. – Она подняла голову. – И отсюда не ясно, что с ним случилось потом, освободили его или нет.

– Мы продолжаем искать информацию.

Компьютер издал мелодичный сигнал, и Мэл уставился на экран.

– Возможно, как раз сейчас что-то узнаем. Пришел ответ из Амхерста, от преподавательницы, у которой свой веб-сайт по афроамериканской истории. Я отправил ей запрос по поводу Чарлза Синглтона.

– Читай.

– «Выдержки из дневника Фредерика Дугласа».

– Не напомните, кто он такой? – спросил Пуласки. – Хотя, наверное, стыдно не знать. Все-таки есть улица, названная в его честь, и все такое.

Женева сказала:

– Бывший раб. Аболиционист и лидер движения в защиту гражданских прав, живший в девятнадцатом веке. А еще писатель и лектор.

Новичок залился румянцем.

Купер наклонился к экрану и начал читать:

«Третье мая тысяча восемьсот шестьдесят шестого года. Очередная встреча на Холмах Висельника…»

– Ага, – перебил Райм, – снова наш таинственный район.

Слово «висельник» напомнило ему о карте таро с подвешенным за ногу человеком. Он посмотрел на карту, затем снова сосредоточился на том, что читал Купер.

«…обсудить наши усилия по продвижению Четырнадцатой поправки. Я и еще ряд представителей цветного сообщества Нью-Йорка встретились с достопочтенным губернатором Фентоном, сенаторами Гаррисом, Граймсом и Фессенденом, конгрессменами Стивенсом и Уошберном, а также демократом Эндрю Т. Роджерсом, который на поверку оказался не столь пристрастным, как мы опасались.

Собрание началось с пламенного обращения губернатора Фентона, после чего мы весьма продолжительно обсуждали с членами комитета черновые варианты поправки. (Мистер Чарлз Синглтон особенно красноречиво и убедительно высказывался в защиту того, что поправка должна гарантировать одинаковое право голоса для всех граждан, как белых, так и цветных, как мужчин, так и женщин. Члены комитета отнеслись к его доводам с большим вниманием.) Дебаты велись до глубокой ночи».

Женева читала текст из-за плеча Купера.

– «…особенно красноречиво и убедительно», – прошептала она. – И он хотел, чтобы женщины тоже могли голосовать.

– Вот еще одна запись, – сказал Купер.

«Двадцать пятое июня тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года. Я обеспокоен слишком медленным продвижением дела. С момента представления Четырнадцатой поправки на ратификацию прошел уже год. В двадцати двух штатах она была одобрена без промедления. Для принятия требуется поддержка еще шести, но мы встречаем упорное сопротивление.

Уиллард Фиш, Чарлз Синглтон и Элайджа Уокер сейчас объезжают те штаты, где еще не определились с решением. Они убеждают тамошних законодателей проголосовать за принятие поправки, однако на каждом шагу сталкиваются с непониманием. Сколько было принесено жертв, а наша цель по-прежнему не достигнута... Неужели нашей победе суждено оказаться пирровой? Каждый день я умоляю Бога о том, чтобы наши усилия не пропали втуне».

Купер отвернулся от экрана.

– Вот и все.

– Значит, Чарлз сотрудничал с Дугласом. Судя по всему, они были друзьями.

Или не были, подумал Райм. Что, если написанное в журнальной статье – правда? Что, если он действительно втерся к ним в доверие лишь для того, чтобы подобраться к деньгам?

Хотя Линкольн Райм всегда стремился только к истине, ему вдруг захотелось, чтобы Чарлз Синглтон все-таки не совершал того преступления.

Глядя на доску с записями по делу, он видел больше вопросов, чем ответов.

– Женева, можешь позвонить своей тете и спросить, не нашла ли она других писем Чарлза?

Девушка позвонила женщине, с которой жила ее тетя Лили. На звонок никто не ответил, и она оставила сообщение с просьбой позвонить на номер Райма. Затем набрала другой номер, и у нее засияли глаза.

– Мам! Ты дома?

Слава Богу, подумал Райм. Наконец-то вернулись родители.

Но через секунду лицо девушки сделалось хмурым.

– Нет?.. Что случилось?.. Когда?

Женева рассказала матери последние новости, заверила ее, что находится под охраной полиции, затем передала трубку Беллу. Тот обсудил сложившуюся ситуацию, после чего вернул трубку Женеве. Девушка попрощалась с родителями и нехотя положила трубку.

Белл пояснил:

– Застряли в Лондоне: их рейс отменили, а на сегодня больше ничего нет. Вылетят завтра первым же самолетом. Посадка в Бостоне, оттуда – ближайшим рейсом в Нью-Йорк.

Женева пожала плечами, но по ее глазам Райм заметил, что она разочарована.

– Мне лучше поехать домой. Надо готовить проекты для школы.

Белл связался с группами наблюдения, затем с дядей Женевы и доложил, что обстановка спокойная.

– В школу завтра не побежишь?

Женева замялась, затем скривила лицо. Неужели снова придется с ней препираться?

Вдруг кто-то заговорил. Это был новичок Пуласки.

– Вообще-то, Женева, дело теперь не только в тебе. Если бы тот парень в армейской куртке подобрался поближе и открыл огонь, то могли пострадать или даже погибнуть другие ученики. А если он повторит попытку, когда ты будешь в толпе около школы?

Судя по лицу, Женева вспомнила про доктора Бэрри. «Значит, он умер из-за меня».

– Конечно, – тихо произнесла она. – Я буду сидеть дома.

Белл одобрительно ей кивнул, с благодарностью посмотрев на новичка.

Затем вместе с Пуласки они увели Женеву, а остальные занялись уликами, собранными на конспиративной квартире объекта.

Райм был расстроен тем, как мало удалось найти. На схеме улицы с Музеем афроамериканской истории, которую Сакс нашла под подушкой в квартире подозреваемого, отпечатков не обнаружилось. Бумага была самая обычная, какую продают во всех магазинах канцтоваров, чернила – дешевые, не отследить. Переулки и здания на другой стороне улицы были изображены в деталях – возможные маршруты ухода, как

предположил Райм. Но Сакс уже обыскала все отмеченные на схеме здания, а следственная бригада опросила сотрудников алмазной биржи и остальных указанных на плане зданий как потенциальных свидетелей.

Найденные волокна были, по общему мнению, от удавки.

Купер исследовал кусочек бумаги с помощью хромато-масс-спектрометра и обнаружил только следы чистого углерода.

– Уголь с ярмарочной жаровни? – вслух спросил он.

– Возможно, – ответил Райм. – Или он сжигал какие-то улики. Занеси это в нашу таблицу. Может, позже обнаружатся какие-то связи.

Пятна и крошки на карте оказались следами от еды: йогурт, молотый нут, чеснок и кукурузное масло.

– Фалафель, – предположил Том, повар-гурман. – Ближневосточное блюдо. Часто сдабривают йогуртом. Кстати, весьма недурственно.

– И продается на каждом углу, – кисло заметил Райм. – В одном Манхэттене сотни две мест, где им торгуют. Еще хоть что-то есть у нас?

Возвращаясь с захвата, Селлитто и Сакс заехали в компанию, которая сдавала квартиры в здании на Элизабет-стрит. Секретарь в офисе сказала, что некий мужчина внес трехмесячный аванс наличными плюс залог в сумме двухмесячной платы. (К сожалению наличность израсходовали, поэтому отпечатки снимать было не с чего.) В договоре стояло имя: «Билли Тодд Хэммил», прежнее место жительства – Флорида. Внешне мужчина походил на составленный Сакс фоторобот, но на нем была бейсбольная кепка и очки. Секретарь подтвердила, что он говорил с южным акцентом.

Поиск по базам данных выявил 173 совпадения с именем «Билли Тодд Хэммил» по всей стране за последние пять лет. Ни одного белого мужчины в возрасте между тридцатью пятью и пятидесятью в Нью-Йорке. Четверо имели судимости, трое по-прежнему находились в заключении, один умер шесть лет назад.

– Он взял первое имя, какое пришло на ум, – пробормотал Райм, затем изучающе посмотрел на сгенерированное компьютером изображение.

«Кто же ты, объект 10-9? И главное – где нам тебя искать?»

– Мэл, отправь-ка его портрет Джею-Ти.

– Кому-кому?

– Нашему доблестному тюремщику в Амарилло. – Он кивнул на картинку. – Все равно я склоняюсь к мысли, что наш парень – бывший заключенный, у которого был зуб на охранника.

– Понял.

Отправив сообщение, Купер взял образец жидкости, найденной Сакс в квартире объекта, аккуратно открыл пробирку и приготовил для анализа на спектрометре.

Через некоторое время на экране появились результаты.

– Что-то новенькое, такого набора я не припоминаю. Поливиниловый спирт, повидон, бензалконий хлорид, декстроза, хлористый калий, вода, гидрокарбонат натрия, хлорид натрия…

– И снова соль, – вставил Райм. – На этот раз обошлось без поп-корна.

– Цитрат и фосфат натрия. И еще парочка похожих названий.

– Полная тарабарщина. – Селлитто пожал плечами и направился через холл в сторону туалета.

– Есть какие-нибудь догадки? – Купер кивнул на список химических соединений.

Райм покачал головой.

– Что-нибудь в нашей базе?

– Ничего похожего.

– Пошлите запрос в Вашингтон.

– Уже делаю.

Купер отправил полученные результаты в лабораторию ФБР, затем принялся за последнюю улику, которую привезла Сакс, – соскобленные с пятен на поверхности стола деревянные чешуйки. Он приготовил образец для анализа.

Пока они дожидались результатов, Райм внимательно просматривал таблицу с уликами. Разглядывая записи, он краем глаза уловил какое-то движение и испуганно повернулся. Но с той стороны в лаборатории никого не было. Что же тогда он увидел?

Он снова заметил движение и понял, что это отражение в стеклянной панели шкафа. Лон Селлитто стоял в холле, очевидно, не подозревая, что его кто-то видит. Быстрыми движениями он упражнялся выхватывать из кобуры пистолет. Райм не мог разглядеть его лица, но чувствовал, что детектив сильно расстроен.

Это еще что за номер?

Райм поймал взгляд Сакс и кивнул в сторону холла. Она придвинулась к дверному проему и осторожно выглянула. Селлитто несколько раз повторил свой трюк, после чего потряс головой и скривил лицо. Сакс только пожала плечами. Потренировавшись еще три-четыре минуты, он наконец убрал пистолет, зашел в уборную и, не закрывая дверь, спустил в унитазе воду. Через секунду он вернулся в лабораторию.

– Господи, Линк, когда ты наконец сменишь сантехнику? Мне казалось, что желтый с черным вышли из моды еще в семидесятые.

– Видишь ли, Лон, я не часто устраиваю приемы в туалете.

Толстяк рассмеялся, но как-то чересчур громко.

Чем бы там ни терзался Селлитто, Райм мгновенно обо всем забыл, когда на мониторе появились результаты анализа образцов, взятых с поверхности стола в конспиративной квартире преступника. Его лицо помрачнело. Вещество, оставившее пятна на столе, оказалось чистейшей серной кислотой – открытие, которое подействовало на Райма особенно удручающе. Во-первых, как улика ценности это не представляло: серную кислоту можно купить где угодно.

Однако тревогу вызывало другое: это было, пожалуй, одно из самых опасных веществ, имеющихся в свободной продаже.

Хватило бы совсем небольшого количества, чтобы в считанные секунды убить или обезобразить человека.

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА НА ЭЛИЗАБЕТ-СТРИТ

• Электрическая ловушка на входной двери.

• Отпечатков пальцев не обнаружено.

• Камера наблюдения и монитор. Отследить невозможно.

• Колода таро. Не хватает двенадцатой карты. Отследить невозможно.

• Карта-схема улицы с музеем, где было совершено нападение на Ж. Сеттл, а также здания На противоположной стороне улицы.

Трасологические следы:

• Фалафель и йогурт.

• На поверхности стола обнаружены следы серной кислоты.

• Прозрачная жидкость; не взрывоопасная. Образцы отправлены в лабораторию ФБР.

• Хлопчатобумажные волокна от веревки. Удавка?

• В бумаге обнаружены следы чистого углерода.

• Квартира за наличную плату была сдана в аренду Билли Тодду Хэммилу.

Подпадает под описание объекта 10-9, однако связей с реальными людьми по фамилии Хэммил не выявлено.

МУЗЕЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Набор насильника:

• Карта таро, двенадцатая в колоде: «Повешенный». Означает духовные поиски.

• Пакетик с изображением смайлика.

• Отследить невозможно.

• Перочинный нож.

• Презервативы «Троян».

• Клейкая лента.

• Жасминовый запах.

• Неустановленный предмет стоимостью $5.95. Вероятно, вязаная шапочка.

• Кассовый чек, отбитый в небольшом универсаме в пределах Нью-Йорк-Сити.

• Покупка, вероятно, сделана в магазине на Малберри-стрит в Маленькой Италии. Подозреваемого по словесному портрету опознала сотрудница магазина.

Отпечатки пальцев:

• Подозреваемый действовал в латексных или виниловых перчатках.

• Проверка отпечатков, оставленных на предметах из набора насильника, по базе ИАФИС совпадений не выявила. Отпечатки принадлежат человеку с маленькими руками, вероятно, продавщице.

Трасологические следы:

• Хлопчатобумажные волокна со следами человеческой крови. Удавка?

• Запрос по образцам крови отправлен в КОДИС.

• Совпадений ДНК по КОДИС не выявлено.

• Частицы поп-корна и сахарной ваты со следами собачьей мочи.

Орудия преступления:

• Дубинка или ручной снаряд, используемый как оружие в боевых искусствах.

• Пистолет 22-го калибра производства «Норт американ армз», модель «Черная вдова» или «Мини-мастер».

• Самодельные пули с высверленной полостью; заполнены иглами.

Совпадений по базам ИБИС и ДРАГФАЕР не выявлено.

Мотив:

• Не установлен. Изнасилование, очевидно, инсценировано.

• Истинной целью, вероятно, являлись кража микрофиши с выпуском «Иллюстрированного еженедельника для цветных» от 23 июля 1868 года и убийство Ж. Сеттл из-за проявленного ею интереса к статье из этого номера. Мотив не установлен. В статье рассказывалось о Чарлзе Синглтоне, предке потерпевшей (см. ниже).

• По словам убитого библиотекаря, кто-то еще интересовался той же статьей.

• Проверка записей телефонных звонков жертвы на месте работы.

• Результатов не дала.

• Опрос сотрудников библиотеки насчет лица, интересовавшегося статьей.

• Результатов не дал.

• Поиск копии журнала.

• По сообщениям из некоторых архивов, кто-то еще проявлял интерес к статье. Личность интересующегося установить невозможно. Большинство копий журнала либо пропало, либо уничтожено. Сохранился один экземпляр (см. ниже).

• Заключение: жизнь Ж. Сеттл, вероятно, по-прежнему под угрозой.

Сходные случаи по результатам запроса ВИКАП и НИИП

• Убийство в Амарилло, штат Техас, пять лет назад. Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как ритуальное, но истинный мотив неизвестен).

• Убитый – пенсионер, бывший тюремный охранник.

• Фоторобот подозреваемого отправлен для опознания в техасскую тюрьму.

• Убийство в Огайо три года назад.

Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как сексуальное, но скорее всего носит заказной характер). Утрачены материалы дела.

ПОРТРЕТ ОБЪЕКТА 10-9

• Белый мужчина.

• Рост 6 футов, вес около 180 фунтов.

• Среднего возраста.

• Голос непримечательный.

• Симулировал разговор по сотовому, чтобы подобраться к жертве.

• Носит светло-коричневые прогулочные туфли марки «Басс», 11-го размера; куплены не менее 3 лет назад. Правая ступня скошена наружу.

• Сопутствующий жасминовый запах.

• Темные брюки.

• Лыжная шапочка темного цвета.

• Для отвлечения внимания готов стрелять в случайных людей.

• Скорее всего наемный убийца.

• Вероятно, бывший заключенный в тюрьме Амарилло, штат Техас.

• Имеет южный говор.

• Короткая аккуратная стрижка, гладко выбритое лицо.

• Внешность непримечательная.

• По некоторым свидетельствам, носит темный плащ.

ПОРТРЕТ ЗАКАЗЧИКА

• На данный момент информация отсутствует.

ПОРТРЕТ СООБЩНИКА ОБЪЕКТА 10-9

• Чернокожий мужчина.

• Возраст между тридцатью и сорока годами.

• Рост: шесть футов.

• Плотного телосложения.

• Одет в армейскую куртку зеленого цвета.

• Судим.

• Хромает.

• Вооружен.

• Гладко выбрит.

• Темная косынка на голове.

• Ожидаются дополнительные свидетельские показания, а также возможные записи с камер видеонаблюдения.

ПОРТРЕТ ЧАРЛЗА СИНГЛТОНА

• Бывший раб, предок Ж. Сеттл. Женат, имел одного сына. Имел сад в штате Нью-Йорк, полученный в подарок от бывшего хозяина. Работал учителем. Стоял у истоков движения в защиту гражданских прав.

• В 1868 году обвинен в краже (по архивным материалам на похищенной микропленке).

• По собственному признанию, хранил некую тайну, которая, возможно, имеет отношение к текущему делу. Опасался, что, если тайну предать огласке, случится трагедия.

• Посещал собрания в нью-йоркском районе, ранее известном как Холмы Висельника.

• Возможно, участвовал в рискованных предприятиях.

• Вместе с Фредериком Дугласом и другими активистами содействовал принятию Четырнадцатой поправки к Конституции.

Приписываемое преступление, по материалам «Иллюстрированного еженедельника для цветных»:

• Арестован детективом Уильямом Симсом по обвинению в краже крупной денежной суммы из нью-йоркского Фонда для вольноотпущенных. По свидетельским показаниям, Чарлза видели выходящим из здания вскоре после того, как был взломан сейф. Неподалеку были найдены принадлежащие ему инструменты – орудия взлома.

Основную часть похищенного удалось вернуть. Приговорен к пяти годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна. Считалось, что Чарлз использовал свои связи с лидерами движения, чтобы получить доступ к средствам фонда.

Письма Чарлза:

• Письмо первое, адресовано жене.

Тема: Бунты против призыва в 1863 году, вспышка ненависти по отношению к чернокожим в штате Нью-Йорк, линчевания, поджоги.

Угроза собственности, принадлежащей чернокожим.

• Письмо второе, адресовано жене.

Написано накануне битвы при Аппоматоксе в конце Гражданской войны.

• Письмо третье, адресовано жене.

Чарлз участвует в движении по защите гражданских прав. Получает угрозы. Обеспокоен необходимостью хранить свою тайну.

Глава 17

Держа в руках кейс и сумку с покупками, Томпсон Бойд шел по улочке в Квинсе. Неожиданно он остановился и сделал вид, будто разглядывает газету за стеклом торгового автомата. Немного наклонив голову, словно озабоченный положением дел в мире, он бросил взгляд за спину.

Слежки не было; на «серого статиста» никто не смотрел.

Впрочем, хвоста он и не ожидал, однако привык сводить риск к минимуму. Если твоя профессия – смерть, всегда надо быть начеку; а после того, как его чуть не взяла на Элизабет-стрит та женщина в белом, Томпсон стал проявлять еще большую осторожность.

«Один поцелуй смерти, сынок, – и ты мертвец».

Он вернулся назад и осторожно заглянул за угол. Никто поспешно не нырнул в подворотню, никто резко не отвернулся.

Томпсон повернулся и пошел туда, куда направлялся ранее.

Он посмотрел на часы: как раз время связи. Дойдя до ближайшей телефонной будки, набрал номер. Раздался один гудок, затем голос:

– Алло?

– Это я.

Некоторое время оба собеседника обменивались малозначащими фразами – своего рода шпионский обмен паролями, – каждый должен был убедиться, что разговаривает именно с тем, кем нужно. Томпсон старался не тянуть гласные, его собеседник также изменил голос. Распознаватель «отпечатка голоса» так, конечно, не проведешь, но все-таки хоть какая-то маскировка.

Клиент наверняка знал о неудавшейся попытке, местные телеканалы уже раструбили о происшествии. Голос в трубке спросил:

– Насколько все плохо?

Слегка запрокинув голову, Бойд закапал в глаза мурин. Облегченно моргая, голосом таким же стылым, как и его душа, он сказал:

– Ну, вы же понимаете, чем мы занимаемся. Здесь все, как и в остальной жизни. На сто процентов гладко ничего не проходит. Девчонка меня перехитрила.

– Школьница?

– Все просто: у нее хорошие рефлексы. В Гарлеме ей приходится жить по законам джунглей.

На мгновение Томпсон пожалел о своем замечании, которое собеседник мог расценить как расистский выпад, хотя имелось в виду только то, что она из неблагополучного района. Томпсон Бойд был лишен всяческих предубеждений, таким его воспитали родители. Он знал людей разных рас, из разных кругов и судил о них только по их поведению, а не по цвету кожи. И его клиентами, и его жертвами были белые, черные, арабы, азиаты и латиноамериканцы. Разницы между ними он не видел. Те, кто его нанимал, всегда прятали глаза, нервничали. Те, кто погибал от его руки, перед смертью выказывали различную степень достоинства

вперемешку со страхом, какой бы национальности ни были. Он продолжил:

– Да, получилось неудачно. Однако вероятность такого исхода исключить было нельзя. И за ней присматривают опытные профессионалы, теперь нам известно точно. Так что мы пересмотрим план и сделаем все как надо. В следующий раз она не уйдет. Я подключил человека, который хорошо знает Гарлем. Мы уже знаем, в какой школе она учится, и скоро выясним, где живет. Поверьте мне, у нас все под контролем.

– Я буду проверять сообщения, – сказал его собеседник и отключился. Разговор продолжался не больше трех минут – предел для Томпсона Бойда.

«По инструкции…»

Он повесил трубку. Об отпечатках можно было не беспокоиться – на его руках были кожаные перчатки. Томпсон зашагал дальше. По восточной стороне улицы тянулись симпатичные одноэтажные домики, по западной – невысокие многоквартирки. Старый район. Дети возвращались из школы. За окнами домохозяйки, не отходя от плиты или гладильной доски, смотрели по телевизору «мыльные оперы» и дневные ток-шоу. Район словно застыл в эре пятидесятых. Томпсону вспомнилось далекое детство.

Его жизнь до тюрьмы, до того, как чувства онемели, словно после ампутации… или после укуса гремучника.

В квартале впереди он заметил беловолосую девочку в школьной форме, которая подходила к домику, выкрашенному в бежевый цвет. Глядя, как она поднимается по бетонным ступеням, достает из портфеля ключ, отпирает дверь, он почувствовал, как сердце на секунду-другую ускорило ход.

Томпсон направился к тому же дому, который выглядел не менее, а может, и чуть более ухоженным, чем соседние. В маленьком дворике виднелась фигурка, выкрашенная в политкорректных тонах, и несколько керамических ланей, мирно пасущихся на желтой траве лужайки. Вглядываясь в окна, он медленно прошел мимо и направился дальше по тротуару к концу квартала. Резкий порыв ветра качнул сумку в его руке, и внутри звякнули банки. Эй-ей, осторожно, подумал он, подтягивая ручки.

Дойдя до конца квартала, он повернулся и посмотрел назад. Какой-то мужчина совершал пробежку, женщина парковала машину у тротуара,

недалеко, на подъездной дорожке, стучал баскетбольным мячом мальчишка. На Томпсона никто внимания не обращал.

Томпсон Бойд зашагал назад, к дому с бежевыми стенами.

В своем бунгало в Квинсе Джин Старк сказала дочери:

– Брит, не бросай ранец в прихожей. Неси к себе в комнату.

– Мам, – со вздохом протянула десятилетняя школьница. Откинув со лба копну золотистых волос, она повесила форменную курточку на крючок и с недовольным стоном взяла с пола тяжелый рюкзак.

– Домашней работы сегодня много? – спросила ее миловидная мать, женщина лет тридцати пяти, с копной вьющихся темных волос, которые сегодня были перехвачены на затылке розовой резинкой.

– Ничего не задали, – ответила Бритни.

– Совсем ничего?

– Да, совсем.

– Когда я то же самое слышала от тебя в последний раз, домашнее задание было, – напомнила она дочери.

– Нет, не домашнее задание, а небольшой докладик. Так – сделать пару вырезок из журнала.

– Это было задание для школы, которое надо было выполнить дома, значит – домашнее задание.

– Да, но сегодня совсем ничего не задали.

Джин чувствовала, что девочка врет. Одна бровь у нее вопросительно приподнялась.

– Ну, просто надо принести с собой что-нибудь итальянское... и немного про это рассказать. Как бы ко Дню Колумба. А ты знаешь, что он был итальянцем? Я раньше думала, что он испанец или вроде того.

Джин, матери двоих детей, этот факт оказался известен. Она окончила среднюю школу и была дипломированной медсестрой. Могла бы работать, если бы захотела, но ее сожитель-коммивояжер хорошо

зарабатывал и был только рад оставлять за ней заботы по дому, походы по магазинам с подругами и обязанности по воспитанию дочерей.

Одна из таких обязанностей состояла в том, чтобы следить за выполнением домашних заданий, какую бы форму они ни принимали, включая небольшие докладики.

– И все?

– Ну, ма-а-ам…

– Правда?

– Ага.

– Не «ага», а «да». И что ты собираешься отнести?

– Не знаю. Может, что-нибудь из гастронома Баррини. А ты знаешь, что Колумб… ну как бы все время ошибался? Думал, что нашел Азию, а не Америку. Трижды сюда приплывал, но так ничего и не понял.

– Неужели?

– Ага… в смысле – да.

Бритни скрылась в своей комнате.

Джин вернулась на кухню, размышляя, что этот факт от нее ускользнул. Колумб действительно считал, что оказался в Японии или Китае? Она обваляла куриные кусочки в муке, обмакнула в яйцо и начала воображать, что они всей семьей отправились в путешествие по Азии; в голове замелькали картинки из телепередач. Девочки были бы в полном восторге. Может… И тут ее взгляд случайно упал на окно. Сквозь непрозрачную занавеску она заметила силуэт мужчины, который, сбавляя шаг, подходил к крыльцу.

Она насторожилась. Ее сожитель, который работал на компанию, производящую компьютерные детали по правительственным заказам, возбудил в ней настоящую паранойю. Всегда будь начеку, если увидишь каких-нибудь незнакомцев, говорил он. Если заметишь, что кто-то, проезжая мимо дома, сбрасывает скорость или проявляет странное внимание к детям… немедленно скажи мне. Не так давно они гуляли в парке недалеко от дома, девочки качались на качелях, когда проезжающая мимо машина сбавила ход и водитель в темных очках выглянул из окна на детей. Ее приятель дико занервничал и настоял на том, чтобы все немедленно вернулись домой.

– Шпионы, – пояснил он.

– Как это?

– Ну, не ЦРУ, конечно. Промышленный шпионаж – люди, подосланные конкурентами. Наша компания в прошлом году заработала больше шести миллиардов, и немалая заслуга в этом принадлежит мне. Так вот, есть люди, которым очень хотелось бы выяснить все, что мне известно о рынках сбыта.

– Неужели компании занимаются такими вещами? – спросила Джин.

– Никогда не знаешь, чего можно ожидать от людей, – ответил он.

И Джин Старк, у которой в руке стояла металлическая спица, в том месте, где год назад бутылкой из-под виски ей раскололи кость, подумала: «Что верно, то верно».

Вытирая о фартук руки, она подошла к окну и, слегка отодвинув штору, выглянула на улицу.

Человек, похоже, ушел.

«Все, остынь, хватит себя накручивать. Просто…»

Так, постой-ка… Она заметила какое-то движение. И на крыльце, кажется, виднелся уголок сумки – пакет для покупок. Незнакомец стоял у самой двери!

Что происходит?

Звонить бой-френду?

Вызывать полицейских?

Но они смогут прибыть не раньше чем через десять минут.

– Мам, там кто-то пришел, – крикнула Бритни.

Джин поспешно направилась к порогу.

– Не выходи из комнаты, Брит. Я сама посмотрю.

Но девочка уже открывала входную дверь.

– Брит, нет! – вскрикнула Джин.

– Спасибо, детка, – дружелюбно, чуть растягивая слова, сказал Томпсон Бойд, переступая порог. В руке он держал сумку, которую она заметила на крыльце.

– Ну ты меня и напугал! – сказала Джин, обнимая его.

Он ответил ей поцелуем.

– Никак не мог найти свои ключи.

– Что-то ты рано сегодня.

Томпсон поморщился.

– Переговоры с утра не заладились. Перенесли на завтра. Вот я и решил, что лучше пойду домой и займусь кое-чем полезным.

На звук голосов прибежала Люси, вторая, восьмилетняя, дочь Джин.

– Томми! Будем смотреть «Судью Джуди»?

– Не сегодня.

– М-м… ну пожалуйста… А что в сумке?

– Работа, которую надо сделать. И мне понадобится ваша помощь. – Он опустил сумку на пол и одарил обеих девочек торжественным взглядом. – Готовы помочь?

– Я – да! – сказала Люси.

Бритни промолчала, но лишь потому, что не хотела поддакивать младшей сестренке. Ей явно тоже не терпелось помочь.

– После того как мы отложили встречу, я сразу пошел и кое-что прикупил. Все утро читал, что к чему.

Томпсон опустил руки в сумку и принялся вынимать банки с краской, губки, ролики и малярные кисти. Затем, приподняв руку, показал книжку, из которой во все стороны торчали желтые листики для записей. Надпись на обложке гласила: «Ремонт своими руками. Том 3: Украшаем детскую».

– Томми! Это для наших комнат? – восхищенно сказала Бритни.

– Ага… – протянул он. – Нам с мамой слоненок Дамбо в спальне наверняка ни к чему.

– Ты собираешься рисовать нам Дамбо? – Люси нахмурилась. – Не хочу Дамбо.

Бритни тоже была против.

– Тогда сделаю, кого выберете сами.

– Чур, я первая! – Люси вырвала книжку у него из рук.

– Нет, я!

– Сейчас все вместе посмотрим, – сказал Томпсон. – Только повешу плащ и унесу кейс.

Он направился в комнату, служившую ему кабинетом.

Джин Старк вернулась на кухню, размышляя о том, что, несмотря на его бесконечные разъезды и мнительность, связанную с ответственной работой, несмотря на то что ни радость, ни грусть как будто не шли у него от сердца и что любовник он в общем-то никудышный, ей очень повезло с мужчиной.

Уходя от погони, Джакс проскочил переулок, нырнул в подвернувшееся такси и велел водителю гнать вперед.

«Десять баксов сверху, если успеешь проскочить вон тот светофор».

Через пять минут он попросил таксиста ехать назад объездным путем и вскоре вышел недалеко от школы.

Ему здорово повезло, что он сумел оторваться. Копы, очевидно, всерьез решили никого не подпускать к девочке. Настораживало и то, что его будто специально там поджидали. Неужели Ральф все-таки настучал?

Что ж, впредь надо действовать осмотрительнее. Здесь как в тюрьме – прежде чем сделать ход, надо выяснить все до мелочей.

И Джакс знал, где искать информацию.

Городские мужчины любят сбиваться в компании, будь то молодежь или старики, черные, белые или латиносы и в каком бы районе они ни жили. В Гарлеме они собираются в церквях, барах, рэп- и джаз-клубах, в кафе и гостиных, на скамейках в парке или на ступенях зданий; летом – на крыльце перед домом и на пожарных лестницах, зимой – вокруг баков с горящим мусором. А еще – в парикмахерских, как в том фильме,

который он видел несколько лет назад. (Своим именем «Алонсо» Джакс был обязан бывшему рабу из Джорджии Алонсо Хендерсону, который разбогател, создав сеть недорогих парикмахерских. Отец Джакса надеялся, что сыну таким образом передастся частичка напористости и таланта этого человека, но, как оказалось, напрасно.)

Однако излюбленным местом сбора для жителей Гарлема служат баскетбольные площадки.

Ясное дело, туда идут, чтобы поиграть в мяч, но не только. Там собираются, чтобы просто почесать языком, порешать мировые проблемы, поговорить об относительных достоинствах женщин, обсудить спортивные новости, подурачиться и порисоваться – современная версия старой «черной» традиции, когда рассказчик травит байку от лица мистического персонажа вроде ушлого Стэголи[11] или кочегара с «Титаника», который сумел спастись, вплавь добравшись до спасительной шлюпки.

Джакс нашел ближайший к школе Лэнгстона Хьюза парк с баскетбольными площадками, где, несмотря на осеннюю прохладу и низкое солнце, было полно народу. Он неторопливо подошел к той, что была ближе всех, снял армейскую куртку – его приметы наверняка уже передали всем патрулям, – вывернул ее наизнанку и перебросил через руку. Привалившись к сетке, он закурил – ни дать ни взять фараончик Ральф, только покрупнее. Затем стянул с головы косынку и провел пятерней по волосам.

Как раз вовремя. По улице напротив площадки медленно прокатила полицейская тачка. Джакс даже не пошевелился. Ничего так не притягивает внимания копов, как неожиданная попытка уйти (его не один десяток раз останавливали за подобное «преступление»). На площадке несколько подростков демонстрировали чудеса ловкости и еще около дюжины таких же ребят наблюдали за их игрой. Джакс тоже стоял и смотрел, как потертый коричневый мяч ударяется в землю, затем с небольшим запозданием доносится звук удара, как сцепляются руки, сталкиваются тела, как мяч плавно взмывает к щиту.

Когда патрульный автомобиль исчез из вида, Джакс оттолкнулся от сетки, подошел к столпившимся на краю площадки зрителям и оценивающе их оглядел. Нет, не уличная шпана, не малолетние головорезы – обычные подростки из соседних дворов: с татуировками или без, обвешанные цепочками или с одним скромным крестом на шее, с добрыми намерениями или с дурными. Одни рисовались перед

девчонками, другие выделывались перед малышней… развлекались, курили, просто были подростками.

Глядя на них, Джакс затосковал. Ему всегда хотелось иметь большую семью, чему, как и многим другим мечтам, не суждено было сбыться. Одного ребенка у него забрали в приют, другого он потерял. Однажды в январе, много лет назад, подружка сообщила ему, что беременна. Он страшно обрадовался. В марте у нее начались какие-то боли, и они обратились в бесплатную клинику – другие им были не по карману. Прождав несколько часов в грязном переполненном приемном покое, они все-таки попали к врачу, но к тому времени у нее уже произошел выкидыш.

Джакс накинулся на врача и чуть не сделал из него отбивную.

– Я не виноват, – оправдывался коротышка-индус, корчась на полу у каталки. – Муниципалитет урезал нам финансирование.

Джакса накрыла волна глухой ярости и отчаяния. Он хотел кому-нибудь отомстить, положить этому конец, чтобы такое не повторилось. Его не утешили слова доктора, что по крайней мере удалось спасти женщину, чего могло не случиться, если бы прошел очередной план сокращений бюджета на медобслуживание неимущих.

Как это сволочное правительство может так поступать с людьми? Разве не должны городские власти и власти штата заботиться о благополучии граждан? Зачем они тогда все нужны? Как они допускают, чтобы умирали младенцы?

Ни врач, ни полицейские, которые в ту ночь выводили его из больницы, закованного в наручники, не были расположены отвечать на вопросы.

Скорбь и жгучая ненависть, которые всколыхнуло это воспоминание, только укрепили Джакса в решимости поскорее совершить задуманное.

С мрачным лицом он оглядел собравшихся на площадке мальчишек, затем кивнул тому, в котором угадал вожака. На парне были шорты, кроссовки и спортивный свитер. На голове стрижка «гамби»: короткие волосы с одной стороны, плавно восходящие к высокому валику на другой. Парень оглядел Джакса с ног до головы.

– Чего надо, дедуля?

Несколько человек грубо загоготали.

«Дедуля».

Когда-то в Гарлеме, как, впрочем, наверное, везде, возраст внушал уважение. Сегодня взрослые могли нарваться лишь на насмешки. Какой-нибудь крутой парень на месте Джакса сейчас вытащил бы припрятанную в ботинке пушку и заставил бы наглого сопляка поскакать козликом. Но те годы, что Джакс провел на улицах и в тюрьме, добавили ему зрелости, и он понимал, что этим ничего не добьешься. Он посмеялся со всеми, словно оценил шутку, потом сказал шепотом:

– Как насчет бабла?

– Хочешь, чтобы тебе дали бабок?

– Хочу тебе немного подкинуть, засранец. Если это тебя, конечно, интересует.

Джакс постучал по карману, где лежала скатанная в толстый рулончик пачка денег.

– Я ничего не продаю.

– А мне и не надо ничего из того, о чем ты подумал. Пойдем прогуляемся.

Парень кивнул, и они начали удаляться от площадки. Джакс почувствовал на себе изучающий взгляд. Мальчишка заметил, что Джакс прихрамывает, – походка подстреленного, конечно, но с таким же успехом это могла быть походка крутого гангстера. Потом он посмотрел Джаксу в глаза, холодные и уверенные, на рельефные мышцы, тюремную татуировку, возможно, думая, что с таким лучше не связываться. У настоящих гангстеров имелись и «Калашниковы», и «узи», и «хаммеры», и не меньше десятка головорезов на поводке. Настоящие гангстеры убирали свидетелей и конкурентов, используя двенадцатилетних подростков, потому что тех по закону нельзя на всю жизнь упечь за решетку – не то что когда тебе уже семнадцать или восемнадцать.

Настоящий гангстер может запросто изувечить тебя за то, что ты назвал его «дедулей».

Мальчишка начал проявлять беспокойство:

– Чего тебе надо-то? Куда мы идем?

– Да вот, почти и пришли. Просто хотелось поговорить без лишних ушей. – Джакс остановился за стеной из кустов. Мальчишка испуганно огляделся, и Джакс хохотнул. – Спокойно, парень, не собираюсь я тебя мочить.

Мальчишка тоже хохотнул, но это был нервный смешок.

– Все пучком.

– Мне надо узнать адресок кое-кого из школы Лэнгстона Хьюза. Ты тоже там учишься?

– Ага, мы почти все оттуда. – Паренек кивнул в сторону баскетбольной площадки.

– Я ищу девчонку, которая сегодня была в новостях.

– А, эту… Женеву? Ту, которая видела, как кого-то пришили? Стерва-отличница?

– Она что, правда отличница?

– Ага, шибко умная.

– Где живет?

Парень помолчал, раздумывая, сомневаясь. Не вломят ли ему за вопрос, который его волновал? Решил, что не вломят.

– Ты, кажется, говорил что-то насчет бабок?

Джакс сунул ему пару бумажек.

– Я лично эту сучку не знаю, но могу свести кое с кем, кто в курсе. Мой дружбан, Кевин зовут. Ну что, позвонить ему, чтобы пришел?

– Звони.

Паренек достал из кармана маленький, как игрушка, сотовый.

– Привет, это я – Вилли… На площадке… Ага. Слушай, тут один тип с баблом спрашивает про твою сучку… Женеву Сеттл… Эй, да остынь ты. Шучу я, не вкуриваешь, что ли?.. Конечно. Так вот этот тип…

Джакс вырвал телефон из руки Вилли и поднес к уху:

– Плачу две сотни за ее адрес.

Тишина.

– Наличными? – спросил Кевин.

– Нет, – рявкнул Джакс, – кредитной картой! «Американ экспресс» подойдет? Само собой наличными!

– Я скоро подойду на площадку. Деньги у тебя при себе?

– Ага, бок о бок с моим верным «кольтом», если тебе интересно.

– Все пучком, чувак, я просто спрашиваю.

– Хорошо, я пока тут постою. – Джакс, с ухмылкой глядя на потерявшего крутизну Вилли, отключился и бросил телефон пареньку. Потом вернулся к площадке, привалился к сетке и стал наблюдать за игрой.

Минут через десять появился Кевин. В отличие от Вилли он был настоящий плейбой: статный, высокий, самоуверенный; походил на какого-то актера, которого Джакс никак не мог вспомнить. Чтобы показать, какой он крутой и что не горит особым желанием поскорее сорвать какие-то там две сотни – и, конечно, чтобы порисоваться перед девчонками, – сразу к Джаксу не подошел. Потерся среди своих, похлопал по плечу пару друзей. Несколько раз бросил: «Йо-йо, брат», затем вышел на площадку, перехватил мяч и сделал два впечатляющих заброса.

Да, с мячом он управляться умел.

Наконец Кевин размашисто подошел и оглядел Джакса с ног до головы. Потому что это первое, что делают, когда на твою территорию заходит чужой, будь то площадка для игры в баскетбол, бар или салон Алонсо Хендерсона. Кевин пытался определить, где у Джакса припрятан ствол, есть ли на самом деле с собой деньги, что он вообще за птица.

– Сразу скажи, сколько еще будешь давить косяка, а то я уже заскучал, – сказал ему Джакс.

Кевин не улыбнулся.

– Где бабки?

Джакс протянул ему деньги.

– Где девчонка?

– Пошли, я покажу.

– Нет, только адрес.

– Ты меня испугался, что ли?

– Только адрес, – не отводя взгляда, повторил Джакс.

Кевин ухмыльнулся:

– Чувак, адреса я не знаю, но знаю ее конуру. Провожал ее до дома прошлой весной. Могу только показать.

Джакс кивнул.

Как ни странно, Кевин повел его на юго-запад района. Джаксу казалось, что девушка живет в одном из «плохих кварталов» – к северу отсюда, у реки Гарлем, или восточнее. Там, куда они шли, местность, конечно, изысканностью не отличалась, но улочки выглядели опрятными, многие здания, похоже, отремонтировали, полным ходом шло строительство новых домов.

Оглядывая ухоженный вид по сторонам, Джакс сдвинул брови.

– Ты уверен, что мы оба имеем в виду Женеву Сеттл?

– Та самая сучка, про которую ты и спрашивал. К ней я тебя и веду… Слышь, чувак, а травка или лед тебя не интересует?

– Нет.

– Точно? Могу продать.

– Такой молодой, а со слухом уже беда.

Кевин пожал плечами.

Они дошли до квартала у парка Морнингсайд. Рядом, на скалистом холме, располагался Колумбийский университет. Когда-то давно Джакс часто «бомбил» там свой тэг.

Повернув за угол, оба резко остановились.

– Шухер, – прошептал Кевин.

Напротив старенького здания у цепочки припаркованных машин стоял неприметный полицейский седан.

– Ее хата в том доме? У которого машина стоит?

– Нет. Ее – двумя зданиями ближе к нам. Вон тот.

Дом был старый, но выглядел превосходно: недавно покрашен, ящики с цветами на окнах, все чистенько. Красивые занавески.

– Собираешься вломить этой сучке? – Кевин снова смерил Джакса взглядом.

– Что я там собираюсь – это мое дело.

– Конечно, конечно, твое дело… – сказал Кевин вполголоса. – Я почему спрашиваю: если ей вломят, это одно, а если с ней случится чего похуже, я буду в курсе, кто это сделал. И наверняка найдутся люди, которые захотят со мной об этом поговорить. Так я вот думаю: у тебя с собой столько капусты… если мне еще немного обломится, я мог бы забыть, что вообще тебя видел.

За свою жизнь Джакс повидал немало: был королем граффити, служил в Ираке во время «Бури в пустыне», встречал немало гангстеров как в тюрьме, так и на свободе, под пули опять-таки попадал… Определенно в этом безумном переменчивом мире только одна истина оставалась незыблемой: какой бы тупости ты от людей ни ждал, казалось, они всегда были только рады превзойти твои ожидания.

В следующее мгновение Джакс левой рукой схватил парня за воротник, а правой двинул его в живот… третий, четвертый, пятый раз подряд…

– Бля… – только и сумел выдавить тот.

Так избивают в тюрьме – ни секунды на передышку. Еще раз, еще и еще…

Джакс разжал руку, и парень с болезненным стоном кувыркнулся на землю. Нарочито неспешно, как игрок в бейсбол, выбирающий биту, Джакс наклонился и вытащил из носка пистолет. Охваченный ужасом, Кевин беспомощно наблюдал, как Джакс передернул затвор и несколько раз обмотал дуло косынкой. Как говорил Делайл Маршалл, более надежного и дешевого способа приглушить звук выстрела еще не изобрели.

Глава 18

Вечером того дня, в девятнадцать часов тридцать минут, Томпсон Бойд закончил рисовать мультяшного медвежонка на стене в комнате Люси. Он отступил на шаг и оценил проделанную работу. Все точно по инструкции, неудивительно, что медведь вышел очень неплохо. Его первый в жизни опыт, если не считать уроков рисования в школе. Вот

почему он так старательно изучал книгу в конспиративной квартире на Элизабет-стрит.

Девочки были в восторге. Наверное, ему следовало гордиться, но в душе ничего не откликалось. Нет так нет. Выйдя в гостиную, он проверил сотовый.

– Сообщение пришло, – с рассеянным видом сказал он и набрал номер. – Привет, это Томпсон. Как дела? Ты звонил?

Джин бросила на него взгляд, затем снова отвернулась к раковине.

– Нет, шутишь, что ли? – Он усмехнулся. Для человека, который никогда не смеялся, вышло вполне правдоподобно. Конечно, в библиотеке он тоже издал смешок, когда хотел успокоить девчонку, но получилось не очень. Аккуратнее, не переигрывай. – Вот это облом! – сказал он в молчащую трубку. – Конечно. Надеюсь, не надолго? Завтра снова переговоры, да, те, что перенесли… Ладно, дай мне десять минут. Скоро буду.

Он захлопнул мобильник и посмотрел на Джин:

– Верн у Джоуи. Колесо проколол.

Верной Гарбер некогда существовал в реальности. Томпсон убил его несколько лет назад, но поскольку знал свою жертву до смерти, превратил Верна в вымышленного друга, якобы живущего в соседнем квартале. Как некогда Верн настоящий, Верн вымышленный ездил на «супре», жил с подругой по имени Рени и любил травить байки про жизнь на речных доках, про мясной магазин и район, где обитал. Томпсон знал о Берне еще много чего и старался не забывать деталей. (Если уж врать, то уверенно и не упуская подробностей.)

– Наехал на разбитую пивную бутылку.

– Сам-то не пострадал? – спросила Джин.

– Нет, как раз парковался. Этот олух не знает, как открутить гайки на колесе.

Живой или мертвый – Верн Гарбер слыл бездельником и неумехой.

Томпсон отнес кисточку с ведром в ванну, открыл воду и поставил в раковину отмокать. Затем накинул куртку.

– Не заскочишь на обратном пути в магазин? Нужно купить двухпроцентного молока.

– Кварту?

– Да, хватит.

– И еще карамелек! – закричала Люси.

– С каким вкусом?

– Виноградные.

– Ясно. Тебе, Брит?

– Вишневые! – Она как будто опомнилась и быстро добавила: – Пожалуйста.

– Вишня, виноград, молоко. – Томпсон по очереди указал на каждую из заказчиц.

Он вышел из дома и отправился через Квинс, петляя с одной улицы на другую, оглядываясь время от времени, чтобы проверить, нет ли хвоста. Втягивал в легкие холодный воздух и уже теплым выдыхал его в форме тихой мелодии: песни Селин Дион из «Титаника».

Сказав Джин, что собирается отлучиться, он внимательно за ней наблюдал. Ее тревога насчет Верна казалась неподдельной, никаких подозрений. И это при том, что Томпсон собирался на встречу с человеком, которого она ни разу не видела. Сегодня он шел выручать друга. Иногда говорил, что хочет сделать ставку на тотализаторе. Или повидаться с ребятами за кружечкой пива. На одной и той же лжи он никогда не зацикливался.

Его худенькая, с черными локонами подруга никогда особо не интересовалась ни его отлучками, ни выдуманной работой по продаже компьютеров, которая отнимает так много времени; не вдавалась в детали, почему его занятие настолько секретное, что кабинет приходится держать на замке. Она была сообразительна и умна, что далеко не одно и то же, а любая сообразительная и умная женщина на ее месте добивалась бы большей открытости. Но только не Джин Старк.

Он познакомился с ней несколько лет назад в «Астории», когда залег на дно после убийства наркоторговца в Ньюарке. Они сидели за соседними столиками, и он попросил передать ему кетчуп, но, заметив, что у нее сломана рука, извинился. Спросил, все ли в порядке и что случилось. Она уклонилась от ответа, но разговор поддержала.

Вскоре они стали встречаться. В конце концов правда о сломанной руке все-таки выплыла, и как-то раз в выходной Томпсон нанес визит ее

прежнему мужу. Спустя некоторое время Джин сказала, что произошло чудо: ее бывший уехал из города и даже перестал звонить, хотя прежде не реже раза в неделю, напившись, терроризировал девочек по телефону, на чем свет стоит понося их мамашу.

Еще через месяц Томпсон перебрался к ним жить.

Джин и ее дочерей такое положение дел вполне устраивало. Еще бы: в их жизни появился мужчина, который на них не кричал, не порывался побить ремнем, платил за квартиру и домой приходил вовремя – чего еще в жизни нужно! (Тюрьма научила Томпсона не ставить высоких планок.)

Это устраивало их, устраивало его – человека, у которого есть жена или подруга с детьми, заподозрить всегда труднее, чем одиночку.

Однако была и другая причина, более важная, чем простая необходимость обеспечить себе прикрытие и домашний уют. Томпсон Бойд ждал. Ждал, когда возвратится то, чего ему так давно не хватало, верил, что такая женщина, как Джин Старк, нетребовательная и без лишних иллюзий, поможет вновь обрести утерянное.

Томпсон Бойд ждал, когда к нему вернется способность чувствовать, как восстанавливается кровообращение в затекшей ноге.

У него сохранилось много воспоминаний о детстве в Техасе: образы родителей и тети Сандры, двоюродных братьев и школьных друзей. Вот он смотрит по телевизору игру футбольной команды Техасского университета; сидит за дешевым электроорганом, нажимая кнопки аккордов-трезвучий, а его тетка или отец старательно, насколько позволяют толстые пальцы (наследственная черта всей семьи), выводят мелодию; напевает «Вперед, воители Христа», «Повяжи желтую ленту» или тему из «Зеленых беретов»; играет «в червы»; учится работать с инструментами в уютной мастерской отца; идет вместе с ним по пустыне, любуясь закатом, с интересом разглядывая пласты застывшей лавы, наблюдая за койотами, за гремучниками, чьи движения как музыка, а укусы несут мгновенную смерть.

Он помнил ежедневные домашние ритуалы: как мать собирала ему бутерброды, загорала на солнце, выметала из двери трейлера вездесущую пустынную пыль, сидела во дворе с подругами на алюминиевом табурете; как отец коллекционировал виниловые пластинки, проводил выходные с сыном, а в будни работал на буровых; помнил, как по пятницам они ездили в кафе «Золотой свет», что на 66-м шоссе, за «харлибургерами» и чипсами, и как гремел в машине техасский свинг.

Нет, тогда Томпсон Бойд еще чувствовал.

Даже в тяжелые времена, когда июньский смерч сорвал и унес их трейлер, лишил его мать руки и чуть не лишил жизни, когда по северному Техасу, как пыльная буря из Оклахомы, прокатилась волна увольнений и отец потерял работу, даже тогда Томпсон не знал равнодушия.

И уж точно не оставило его равнодушным то, как мать всхлипнула и закусила губу, когда какой-то мальчишка на улице в Амарилло обозвал ее однорукой. Томпсон выследил наглеца и навсегда отбил у него охоту смеяться над кем бы то ни было.

Затем настали годы тюрьмы. Именно там, в провонявших лизолом бараках, его чувства незаметно сковало оцепенение. Оцепенение настолько глубокое, что у него даже не шевельнулось сердце, когда пришла весть, что родителей вместе с тетей сбил грузовик, водитель которого уснул за рулем. Уцелел только набор для чистки обуви, который Томпсон смастерил отцу на сорокалетие. Уже после тюрьмы, выследив бывшего охранника Чарли Такера, Томпсон совершенно безучастно наблюдал за его предсмертной агонией: как от затянутой на шее петли багровеет лицо, как тот отчаянно пытается ухватить руками веревку.

Он ничего не чувствовал ни когда смотрел, как безжизненное тело охранника, медленно вращаясь, покачивается на веревке, ни когда расставлял на земле под его ногами свечи, чтобы представить убийство делом рук какого-нибудь психопата-сатаниста, ни когда, распрямившись, заглянул в остекленевшие глаза.

Онемение…

И все же Томпсон считал, что сможет себе помочь. Ничего сложного, все равно что починить дверь в ванную или укрепить расшатавшиеся перила. (И то и другое – всего лишь задачи, вся разница в порядке величины.) Джин и девочки помогут чувствам вернуться, надо только следовать распорядку, делать то, что делают все нормальные люди – те, которые чувствуют: раскрашивать стены в комнатах у детей, смотреть вместе с ними их любимый телесериал, устраивать в парке по выходным семейные пикники… приносить им то, чего они просят: «вишня, виноград, молоко, вишня, виноград, молоко». Можно от случая к случаю и крепкое словцо пропустить. Потому что люди ругаются, когда злятся, а кто злится, тот чувствует.

Этим же объяснялась его привычка насвистывать. Он считал, что музыка поможет ему вновь стать таким, каким он был до тюрьмы. Люди, которым нравится музыка, не безразличны. Люди, которые могут

красиво свистеть, способны на чувства. У таких людей, конечно, должна быть семья. Такого человека можно остановить на улице и дружески с ним поговорить, ему можно запросто предложить чипсы или вместе послушать музыку… Что скажешь, сынок, не правда ли, эти ребята здорово играют?

Надо только все делать по правилам, и онемение отступит, чувства вернутся сами собой.

Но давало ли это желаемый эффект? Программа, призванная возвратить чувствительность, – свист, ругательства, смех, проговаривание того, что следует повторять… «вишня, виноград, молоко»? Пожалуй что да. Ему вспомнилась женщина в белом костюме, ее размеренный ритм – туда-сюда, туда-сюда. Он мог бы сказать, не покривив душой, что ему нравилось за ней наблюдать. Он даже почувствовал легкое удовольствие. Очень неплохо.

Нет, погоди.

– Даже очень неплохо, твою мать, – пробормотал он шепотом.

Вот так. То, что надо.

Может, стоит снова попробовать секс? Обычно раз в месяц, с утра, у него получалось, но, если честно, к сексу он был равнодушен. А если нет настроения, то и виагра не поможет.

Томпсон немного подумал. И все-таки надо попробовать, выждать еще пару деньков и снова попробовать с Джин. От этой мысли ему стало как-то неловко. Ну да попытка – не пытка. К тому же неплохой тест на чувствительность. Да, непременно надо попробовать, проверить, есть ли прогресс.

«Вишня, виноград, молоко…»

Томпсон остановился у таксофона напротив греческого ресторанчика. Набрав номер голосовой почты, он ввел код доступа и прослушал новое сообщение. В нем говорилось, что в школе почти представилась возможность убить Женеву, но вокруг было слишком много полиции. Далее упоминался ее адрес на Сто восемнадцатой улице и что неподалеку от ее дома, иногда меняя позицию, дежурят две машины: патрульная и еще одна без опознавательных знаков. Рядом с девушкой все время находятся от одного до трех офицеров полиции.

Томпсон запомнил адрес, затем стер сообщение и пошел дальше, пока не оказался у шестиэтажного жилого дома, даже более ветхого, чем домик

Джин. Обогнув здание, Томпсон вошел через черный ход и поднялся по лестнице к своей главной конспиративной квартире. Войдя и заперев за собой дверь, он отключил систему защиты.

Здесь было немного уютнее, чем на Элизабет-стрит. Стены были отделаны светлой филенкой, явно очень старательно, имелся даже ковер, который пах так, как таким коврам и полагается пахнуть, мебели было явно больше – с полдюжины разных предметов. Квартира напоминала Томпсону комнату отдыха, которую они вместе с отцом по выходным пристраивали к своему бунгало в Техасе взамен унесенного смерчем трейлера.

Из большого шкафа для утвари он осторожно извлек две банки и перенес их на стол, насвистывая мелодию из «Покахонтас». Девочки были просто без ума от этого фильма. Открыв ящик с инструментами, натянул толстые резиновые перчатки, надел маску и защитные очки, затем принялся собирать устройство, которое завтра должно будет убить Женеву и всех, кто окажется с ней поблизости.

Щелк…

Мелодия в голове сменилась. Вместо темы из диснеевского фильма теперь звучала мелодия Боба Дилана «Молодой навсегда».

Закончив с адской машинкой, он внимательно ее оглядел и остался доволен. Убрал инструменты и вещи, прошел в ванную, снял перчатки и три раза вымыл руки. Свист постепенно стих, когда Томпсон вновь принялся прокручивать в голове сегодняшнюю мантру: «Вишня, виноград, молоко… Вишня, виноград, молоко…»

Он ни на минуту не переставал готовиться к тому дню, когда к нему вернется чувствительность.

* * *

– Ну что, мисс, как дела?

– Все в порядке, детектив.

Мистер Белл стоял на пороге комнаты, оглядывая заваленную учебниками и тетрадями кровать.

– Ого! Должен признать, расслабиться ты себе и правда не позволяешь.

Женева пожала плечами.

– Я сейчас ухожу домой, сыновья уже заждались.

– У вас сыновья?

– Да, двое. Может быть, познакомлю когда-нибудь. Если захочешь, конечно.

– С радостью, – сказала Женева, а про себя подумала, что этого никогда не случится. – Они сейчас дома с вашей женой?

– Сейчас они у моих родителей. Моя жена умерла.

От этих слов у Женевы кольнуло в сердце. За ними чувствовалась настоящая боль… хотя, как ни странно, внешне детектив свои эмоции не проявил. Казалось, будто он много и часто тренировался произносить эти слова без слез.

– Сожалею.

– Ничего, уже несколько лет прошло.

Женева понимающе кивнула.

– А где офицер Пуласки?

– Ушел домой. У него есть дочь, и скоро ожидается пополнение.

– Мальчик или девочка?

– Если честно, затрудняюсь сказать. Завтра он с раннего утра будет здесь, тогда мы его и спросим. Твой дядя в соседней комнате, и мисс Линч сегодня заночует у вас.

– Барб?

– Ага.

– Она славная. Рассказывала мне про своих собак и про некоторые телешоу. – Женева кивнула на учебники: – А у меня времени на телевизор не остается.

Детектив Белл рассмеялся:

– Определенно моим ребятам не помешало бы немного вашего влияния, мисс. Обязательно вас познакомлю. Ну ладно, если что, сразу зови Барб. – Он помедлил. – Даже если просто кошмар приснится. Я понимаю, одному, без родителей, иногда бывает не по себе.

– Я не боюсь оставаться одна.

– Не сомневаюсь. И все же, если понадобится, кричи. Для этого мы и здесь. – Он подошел к окну, выглянул, отодвинув одну занавеску, проверил, заперто ли окно, вернул штору на место. – Спокойной ночи, мисс. Беспокоиться не о чем. Мы обязательно поймаем этого парня. А лучше мистера Райма и его людей тут никто не справится.

– Спокойной ночи.

Ну наконец-то – уходит. Может, конечно, он действовал из лучших побуждений, но Женеве не нравилось, когда с ней так сюсюкают, и без лишнего напоминания о пережитом ужасе она тоже бы обошлась.

Собрав разбросанные по кровати книги, она аккуратной стопкой сложила их у двери. Если придется поспешно уходить из квартиры, то можно будет найти их без света, чтобы забрать с собой. Она всегда их так складывала перед тем, как лечь спать.

Пошарив в сумке рукой, Женева нащупала высушенный цветок, который ей подарила фокусница Кара. Некоторое время она рассматривала фиалку, затем вложила ее в книгу, лежащую на вершине стопки.

Сходила в ванную, умылась, почистила зубы, после чего тщательно вытерла перламутровую раковину, вспоминая с улыбкой, какой бардак царит в туалете у Киш. На обратном пути, в коридоре, она встретила Барб Линч, и та пожелала ей спокойной ночи. Вернувшись в спальню, Женева заперла дверь, затем, поколебавшись немного, чувствуя себя дурой, взяла стул и подперла спинкой дверную ручку. Переоделась в шорты с линялой футболкой, легла на кровать и выключила свет. Возмущенная, встревоженная, минут двадцать она пролежала на спине, думая о своей матери, потом об отце, потом о Киш.

Когда перед глазами начал всплывать образ Кевина Чини, Женева немедленно вымела его из головы.

Наконец мысли вновь привели ее к предку, Чарлзу Синглтону.

Как он бежит, бежит, бежит… Прыжок в Гудзон.

Его тайна… Что заставило его так всем рисковать?

Как же сильно он, должно быть, любил жену и сына!

Но в мысли упорно вторгался образ того ужасного человека, который напал на нее утром. О да, полицейским она и вида не подала, как сильно напугана… Натянутая налицо шапочка, глухой тяжелый удар, когда дубинка врезалась в манекен, шаги за спиной. А теперь еще тот второй – черный мужчина с пистолетом во дворе школы.

От таких воспоминаний сон сняло как рукой.

Женева открыла глаза и уставилась в темноту перед собой, вспоминая другую бессонную ночь, когда ей было семь лет. Она встала с кровати, пришла в гостиную и включила телевизор. Минут десять смотрела какой-то дурацкий комедийный сериал, и тут в комнату вошел отец.

– Ты что здесь? Зачем тебе это смотреть? – Он щурился и моргал от яркого света.

– Просто не спится.

– Тогда лучше почитай что-нибудь.

– Нет желания.

– Тогда я сам тебе почитаю. – Он подошел к книжным полкам. – Вот, тебе понравится, лучше книги я не читал.

Отец уселся в кресло, которое застонало и заскрипело под его весом, и Женева посмотрела на хлипкую книжицу в его руках, но названия разглядеть не смогла.

– Удобно устроилась? – спросил отец.

– Ага. – Она растянулась на диване.

– Закрой глаза.

– Не хочу.

– Так будет легче все себе представлять.

– Ну ладно. А что…

– Тсс.

– Ладно.

Книга называлась «Убить пересмешника». В течение следующей недели чтения перед сном превратились для них в ритуал.

Женеве казалось тогда, что лучше на свете книги нет, а к тому времени она успела прочесть или выслушать не так уж и мало. Она просто влюбилась в главных героев: овдовевшего, но невозмутимого, с несгибаемой волей отца; брата с сестрой (Женева всегда хотела иметь

брата или сестру). Да и сама история, повествующая о мужестве перед лицом ненависти и тупости, завораживала.

История, написанная Харпер Ли, надолго врезалась в память. Забавно, когда ей было одиннадцать, она решила ее перечитать и открыла для себя много нового, а снова сняв книгу с полки в четырнадцать, поняла еще больше. В прошлом году, перечитав ее в очередной раз, она написала по ней доклад по английскому языку. На «отлично».

«Убить пересмешника» сейчас находилась в числе других книг у двери, приготовленных к немедленной эвакуации в случае пожара. Женева не расставалась с ней, даже когда не читала. Именно в эту книгу она вложила сухую фиалку – подаренный Карой талисман.

Но сегодня Женева выбрала из стопки другую: «Оливер Твист» Чарлза Диккенса. Улеглась на кровать, поставила книжку себе на грудь и открыла страницу, заложенную сплюснутой соломинкой (она никогда не загибала страницы, даже в дешевых изданиях с мягкой обложкой). Начала читать. Поначалу каждый скрип в стенах заставлял ее вздрагивать, то и дело всплывал образ человека с натянутой на лицо шапочкой. Но вскоре история поглотила ее внимание целиком. А еще около часа спустя ее веки налились тяжестью, и она погрузилась в сон, убаюканная не поцелуем матери или голосом отца, шепчущего молитву, а плавными переливами слов далекого незнакомца.

Глава 19

– Пора ложиться.

– Что? – Райм оторвал взгляд от монитора.

– Спать, – сказал Том. Он выглядел настороженным – иногда без большой перепалки детектива от работы было не оторвать.

Однако сейчас Райм спорить не стал.

– Да, спать.

Он чувствовал себя измотанным и подавленным. Когда появился Том, он читал сообщение от Джея-Ти Бьюшампа, начальника тюрьмы в Амарилло. В письме говорилось, что в подведомственном Джею-Ти учреждении фоторобот объекта 10-9 никто не узнал.

Райм надиктовал короткий ответ, поблагодарив адресата за помощь, и выключил компьютер.

– Сейчас, всего один звонок, и я сам запрыгну в постель, – сказал он Тому.

– Тогда я немножечко разомнусь, – ответил помощник. – Встретимся наверху.

Амелия уехала ночевать домой. Ей надо было проведать мать, которая жила недалеко от нее и последнее время хворала. Кажется, что-то с сердцем. Сакс часто оставалась ночевать у Райма, но у нее была своя квартира в Бруклине, где по соседству жили родственники и друзья. (Как, например, та женщина из патрульного экипажа, которая утром привезла к Райму девушек – Дженнифер Робинсон.) Иногда Сакс просто хотелось побыть одной, как и самому Райму, и такие отношения устраивали обоих.

Райм набрал номер, обменялся несколькими словами с матерью Сакс, пожелал ей скорейшего выздоровления. Затем трубку взяла Амелия. Райм сообщил ей последние новости по делу.

– С тобой все в порядке? – спросила Сакс. – У тебя какой-то озабоченный голос.

– Просто устал.

– Тогда отправляйся спать.

– Ты тоже. Приятных сновидений.

– Хорошо, Райм. Целую.

– И я тебя.

Отключившись, он подкатил кресло к доске с записями.

Однако сейчас аккуратные строчки, сделанные рукой Тома, его не интересовали. Он устремил взгляд на распечатку с картой таро, той самой двенадцатой, которая изображала повешенного. Перечитав текст, поясняющий значение карты, посмотрел на умиротворенное, перевернутое вниз лицо. Затем развернул коляску, подкатился к кабинке лифта, который связывал лабораторию со спальней на втором этаже, отдал голосовую команду и поднялся наверх.

Мысли о карте не шли из головы. Как и Кара, Райм не верил в паранормальные явления. Однако его поразило, что карта с изображением виселицы оказалась одной из улик по делу, в котором слово «висельник», возможно, играло не последнюю роль. Криминалисты обязаны досконально знать о любых способах смерти, и

Райм, разумеется, хорошо представлял, что происходит, когда вешают человека: петля затягивается высоко на шее, у самого основания черепа. (Фактической причиной смерти при повешении было удушение, но не из-за того, что веревка сдавливала дыхательные пути, а потому, что нарушался нейронный канал, передающий сигналы от мозга к легким.) То же самое чуть было не произошло с ним самим во время несчастного случая, когда он проводил осмотр в подземке несколько лет назад.

Холмы Висельника… «Повешенный»…

Самым значимым в таком совпадении представлялось смысловое толкование: «Появление этой карты указывает на духовный поиск, который ведет к принятию решения, переходному периоду, смене жизненного пути. Часто карта предрекает подчинение обстоятельствам, отказ от борьбы, смирение с тем, что есть. Если она выпадает вам при гадании, следует прислушаться к своему внутреннему Я, пусть даже внутренний голос на первый взгляд противоречит здравому смыслу».

Забавно, если учесть, что в последнее время, еще до появления объекта 10-9 и гадальной карты, поисков на его долю пришлось немало… а сейчас ему предстояло принять решение.

«Смена жизненного пути»…

Не задерживаясь в спальне, он проехал в смежную комнату, «процедурную», где не одну сотню часов тренировался по программе доктора Шермана.

Остановившись на пороге, Райм уставился на тренажеры в полутьме комнаты: эргометрический велосипед, локомоторная дорожка. Затем опустил взгляд на правую руку, пристегнутую ремешком к мягкому подлокотнику «Штормовой стрелы».

«Решение»…

«Ну давай, попытайся. Прямо сейчас. Попробую пошевелить пальцами».

Тяжело дыша, он сосредоточился на правой руке. Ничего…

Плечи сразу поникли, и он уставился в комнату перед собой. Все эти изнурительные тренировки… Да, благодаря им у него увеличилась плотность костей и мышечная масса, улучшилось кровообращение, снизились риск инфекций и вероятность нервно-сосудистой дисрефлексии.

Однако истинный смысл всей физиотерапии сводился к тому, что доктора обозначают туманным словосочетанием «функциональное

преимущество». Другими словами, в его понимании, чувствительность и способность двигаться.

Именно то, от чего он так отрекался во время сегодняшнего разговора с Шерманом.

Говоря откровенно, он просто соврал. В глубине же души, там, куда никто не мог заглянуть, он жаждал знать только одно: есть ли от бесконечных мучений в спортзале хоть какой-нибудь толк? Возвращается ли чувствительность? Сможет ли он заставить годами неиспользуемые мышцы вновь сокращаться? Сможет ли повернуть ручку настройки на микроскопе, чтобы разглядеть волосок? Сможет ли почувствовать руку Амелии в своей ладони?

Возможно, с чувствительностью дела обстоят не так уж и плохо. Но паралитики с травмами такой тяжести постоянно живут в океане фантомных болей и ложных ощущений, которые возникают в мозгу словно ради того, чтобы посмеиваться и дразнить. Иногда кажется, что по коже ползает муха, хотя никакой мухи нет. Или опускаешь глаза и вдруг понимаешь, что пролил на себя горячий кофе и в месте ожога кожа почти отслаивается. Тем не менее Райм был уверен, что немного чувствительности отвоевать ему удалось.

Что до главного приза – способности двигаться... Для больного с повреждением спинного мозга нет более заветной цели.

Райм снова уставился на свою правую руку, ту, которой со времени несчастного случая так ни разу и не смог шевельнуть.

Прямо сейчас, не откладывая, можно получить простой и однозначный ответ. Фантомные боли, ложные ощущения – к черту все! Только да или нет. И не нужны никакие магнитно-резонансные сканеры, измерители динамического сопротивления или что там еще для таких случаев приберегают врачи. Надо только послать к мышцам крохотный импульс и посмотреть, что получится.

Если сигнал доберется до цели, пальцы согнутся. Что в его случае было бы равносильно побитию мирового рекорда по прыжкам в длину.

Или сигнал натолкнется на цепочку омертвевших нейронов и угаснет, не дойдя до цели.

Да или нет?

Райм считал себя человеком стойким как физически, так и морально. Раньше, до несчастного случая, он с готовностью шел на все, что

требовал от него долг. Как-то вдвоем с напарником они сдерживали около сорока беснующихся мародеров, которые норовили ворваться в помещение магазина, где только что произошла перестрелка. В другой раз всего в пятидесяти футах от засевшего в укрытии преступника, который палил по нему из пистолета, он прочесывал место происшествия в поисках улик, которые могли указать на местонахождение похищенного ребенка. А однажды, не побоявшись рискнуть карьерой, арестовал чиновника старше его по званию, который, позируя перед прессой, затаптывал следы преступления.

Но сейчас храбрость ему изменила.

Словно оцепенев, он буравил свою правую руку взглядом.

Да или нет?

Если он попробует согнуть палец и у него не получится, если не сможет добиться даже одной из маленьких побед, о которых говорит Шерман, значит, для него все кончено.

Волной нахлынет депрессия, и в конце концов снова придется звонить врачу… но не Шерману, а специалистам совсем в другой области – сторонникам эвтаназии из общества «Лета». Несколько лет назад Райм уже пытался покончить с собой, но тогда он был гораздо беспомощнее, чем сейчас. У него не было всех этих компьютеров, телефонов, систем, исполняющих голосовые команды. По иронии судьбы теперь, когда жизнь его стала комфортнее, он получил средства довести свой замысел до конца. Новый доктор оставит какие-нибудь таблетки или оружие в пределах его досягаемости.

Конечно, несколько лет назад у него почти не было близких людей. Сегодня, узнав, что он свел счеты с жизнью, Амелия будет просто раздавлена. Однако в их отношениях любовь и смерть всегда шли рука об руку. Коп до мозга костей, Сакс часто на задержании первой врывалась в квартиру подозреваемого, хотя этого никто от нее не требовал. Ее награждали за доблесть, проявленную при вооруженных арестах; на машине она носилась, забывая про тормоза; поговаривали даже, что она имеет склонность к самоубийству.

Что до Райма, когда они встретились, во время расследования одного очень сложного дела несколько лет назад, связанного со смертельной опасностью и насилием, он сознательно пошел на смертельный риск, и Сакс сумела это понять.

Том тоже вынужден будет смириться. (На первом же собеседовании Райм сообщил своему новому помощнику: «Я скорее всего на этом свете надолго не задержусь. Чек советую обналичивать сразу по получении».)

Тем не менее больно было думать, каким ударом окажется для них его смерть. Не говоря уже о том, что останутся нераскрытыми преступления, погибнут невинные люди.

Вот почему Райм тянул с обследованием. Если улучшений не обнаружится, он переступит черту.

Да?..

«Часто карта предрекает подчинение обстоятельствам, отказ от борьбы, смирение с тем, что есть».

Или нет?

«Если она выпадает вам при гадании, следует прислушаться к своему внутреннему Я».

И тут Линкольн Райм принял решение. Он отступится. Прекратит тренировки, забудет об операции на спинном мозге.

В конце концов, если нет надежды, то ее нельзя потерять. Он прожил достойную жизнь. Пусть и не идеально, но в целом довольно сносно. Да, он примет то, что ему суждено принять, смирится с тем, с чем не хотел мириться Чарлз Синглтон – неполноценностью своего существования. Останется человеком на три пятых.

Смирится, насколько сможет.

С помощью безымянного пальца левой руки Райм развернул коляску и покатился обратно к спальне. Из дверей навстречу ему появился Том.

– Ну что, в постель?

– Всенепременно, – ответил Райм.

Часть III

Холмы висельника

СРЕДА, 9 ОКТЯБРЯ

Глава 20

Ровно в восемь утра Томпсон Бойд выгнал машину из гаража рядом с домом Джин, где оставил ее вчера после того, как ушел от облавы на Элизабет-стрит. Выехав на запруженные улицы, он направился в сторону моста Квинсборо и, оказавшись в Манхэттене, повернул к Гарлему.

Томпсон остановился в двух кварталах от дома, где жила Женева. Из оружия у него с собой были пистолет двадцать второго калибра производства «Норт американ армз» и дубинка. В сумке сегодня лежали не руководства по оформлению интерьеров, а устройство, которое он собрал прошлым вечером и сейчас нес с большой осторожностью, неторопливо шагая по тротуару к дому Женевы. Несколько раз он осматривался по сторонам, стараясь не привлекать внимания. Вокруг спешили по своим делам люди. Белых и черных здесь было примерно поровну, многие в деловых костюмах – очевидно, шли на работу. Студенты направлялись к университету: велосипеды, рюкзаки, бородки… Ничего подозрительного.

Томпсон Бойд остановился у края тротуара и внимательно оглядел дом, в котором жила девушка.

Около соседнего дома стоял неприметный автомобиль «краун-виктория». Неглупо с их стороны. За углом около гидранта – еще одна машина без полицейских знаков. Томпсону почудилось какое-то движение на крыше соседнего дома. Снайпер? Может, и нет, но кто-то там определенно был, и скорее всего полицейский. Да, этим делом они занялись всерьез.

«Серый статист» повернулся и пошел назад к своей машине, сел за руль и завел двигатель. Придется запастись терпением. Нападать на нее здесь слишком рискованно, лучше подождать более удобного случая. Из приемника послышались первые аккорды песни Харри Чапена «Кошка в колыбели». Томпсон выключил радио, но мелодия не прервалась. Он продолжал тихо ее насвистывать, не сбиваясь с темпа и без единой фальшивой ноты.

Двоюродная бабушка сумела кое-что отыскать.

В квартире Женевы Роланд Белл ответил на звонок Линкольна Райма, который сообщил, что тетя отца Женевы Лили Холл нашла несколько коробок со старыми бумагами, сувенирами и прочими вещами. Сказать, есть там что-то для них полезное или нет, она не могла – зрение уже не то, но коробки под завязку набиты бумагами. Будут ли полицейские и Женева их разбирать?

Райм хотел, чтобы их немедленно забрали и привезли, но женщина отказалась наотрез – сказала, что отдаст их только лично внучатой племяннице, а больше никому.

– Даже полиции? – спросил Белл.

– Полиции в особенности, – ответил ему Райм.

В разговор вмешалась Амелия:

– Думаю, она просто хочет повидаться с племянницей.

– Ну да, понятно.

Белл нисколько не удивился, когда Женева сказала, что будет рада навестить бабушку. Куда проще охранять людей, которые и носа не решатся показать на улицу, а предпочтут засесть за компьютерную игру или толстую книжку. Усадил такого в комнату где-нибудь в глубине здания, где ни окон, ни соседей, ни лестниц на крышу, – и заказывай целый день пиццу или китайскую еду.

Но Женева Сеттл отличалась от всех, кого ему до сих пор доводилось охранять.

«Могу я поговорить с мистером Гоудзом?.. Я оказалась свидетелем преступления, и меня удерживают в полиции. Удерживают против моей воли и…»

Из соображений безопасности детектив распорядился, чтобы к дому прислали две машины. Одну, с Женевой и Пуласки, он поведет сам, в другой будут Луис Мартинес и Барб Линч. Еще один полицейский автомобиль с офицером в форме останется у дома Женевы дожидаться их возвращения.

Пока подгоняли вторую машину, Белл спросил у Женевы, есть ли новости от родителей. Девушка ответила, что сейчас они в аэропорту Хитроу, ждут ближайшего рейса.

Белл, сам отец двоих сыновей, мог бы много чего сказать в адрес родителей, которые бросают дочь на попечение дядьки, а сами отправляются за океан. (Особенно с таким дядькой. Даже денег на ленч не дал. Что за безответственность?) Белл хоть и был отцом-одиночкой, целый день проводил на работе, но по утрам успевал накормить детей завтраком, собрать им ленч и почти каждый вечер сам готовил ужин, пусть его стряпня и не отличалась изысканностью.

Однако его задачей было следить, чтобы Женева Сеттл осталась жива, а не отпускать замечания по поводу нерадивых родителей. Выбросив из головы все посторонние мысли, он вышел на улицу и быстрым внимательным взглядом окинул фасады, окна и крыши соседних домов, стоящие поблизости автомобили.

Перед подъездом остановилась полицейская машина, прибывшая сменить пост. Мартинес и Линч ушли к своему «шевроле», припаркованному за углом.

Белл сказал в рацию:

– Все чисто. Выводи ее.

Появился Пуласки и быстро провел Женеву к машине Белла. Он запрыгнул на заднее сиденье рядом с девушкой, а Белл уселся за руль. На большой скорости машины пересекли Гарлем и вскоре подъехали к старой многоэтажке неподалеку от Пятой.

Здесь обитали в основном пуэрториканцы и доминиканцы, а также выходцы из Гаити, Боливии, Эквадора, Ямайки и стран Центральной Америки – как черные, так и белые. Существовали небольшие анклавы иммигрантов новой волны из Сенегала, Либерии и стран Центральной Африки. Большинство преступлений на почве ненависти совершалось между коренным населением и иммигрантами, а не по расовым или национальным признакам.

Так уж устроен мир, с грустью подумал Белл.

Детектив остановил машину у дома, который указала Женева, и стал ждать, пока офицеры из второго автомобиля проверят улицу. Луис Мартинес показал «все чисто», и они вместе проводили Женеву в подъезд.

Здание было ветхим, внутри стоял запах пива и несвежего мяса. Женеву все это явно смущало. Снова, как в школе, она предложила подождать ее внизу, но без особой надежды, словно и не ожидая другого ответа, кроме: «Я все-таки лучше побуду рядом».

На втором этаже она постучала в одну из дверей.

– Кто там? – раздался из-за двери старческий голос.

– Это Женева. Я пришла к тете Лили.

Звякнули дверные цепочки, откинулись два засова. Дверь открылась. Осторожно выглянула худенькая женщина в линялом платье.

– Доброе утро, миссис Уоткинс, – сказала девушка.

– Здравствуй, дорогая. Тетя в гостиной. – Снова сомнительный взгляд в сторону детектива.

– Это мой друг.

– Он тебе друг?

– Да, друг, – ответила Женева.

Судя по выражению ее лица, женщина не очень-то одобряла, что девушка проводит время в компании мужчины, который в три раза ее старше. Пусть даже и полицейского.

– Роланд Белл, мэм. – Он показал удостоверение.

– Лили что-то упоминала про полицию, – с некоторой тревогой ответила женщина. Белл продолжал молча улыбаться. Женщина повторила: – Она сейчас в гостиной.

Бабушка Женевы оказалась пожилой сухонькой старушкой в розовом платье. Когда они вошли, она не отрываясь смотрела на экран телевизора сквозь большие толстые очки. Оглядев внучку, она расплылась в улыбке:

– Женева, дорогая моя. Ну как ты? Кто это там с тобой?

– Роланд Белл, мэм, рад познакомиться.

– А я Лили Холл. Так это вы интересуетесь Чарлзом?

– Совершенно верно.

– К сожалению, я о нем мало что знаю. Уже все рассказала Женеве: обзавелся фермой, потом угодил под арест – вот все, что я слышала. Не знаю даже, попал он в тюрьму или нет.

– Да, тетушка, похоже, попал. Но что с ним случилось потом, мы не знаем и хотим это выяснить.

Позади женщины, на стене в цветистых обоях с потеками, висели три фотографии: Мартин Лютер Кинг, Джон Ф. Кеннеди и знаменитое изображение Жаклин Кеннеди в трауре с сыном Джоном и дочерью Кэролайн.

– Вон там все, что я сумела найти. – Старушка кивнула на три большие картонные коробки с бумагами, пыльными книгами и предметами из дерева и пластмассы. Они стояли напротив кофейного столика, одна ножка которого была сломана и перемотана клейкой лентой. Женева склонилась над самой большой коробкой и начала ее разбирать.

Некоторое время Лили за ней наблюдала, затем произнесла:

– Иногда я его чувствую.

– Вы – что?.. – спросил Белл.

– Его – Чарлза. Чувствую, как и другие души. Чувствую души? Дома, в Северной Каролине, Беллу нередко приходилось такое слышать.

– Не упокоился он – вот что я чувствую, – пояснила бабушка.

– Ну, даже не знаю, что на это сказать, – с улыбкой ответила внучка.

Что верно, то верно, подумал Белл, Женева не походила на тех, кто верит в призраков и сверхъестественное. Однако сам детектив однозначного мнения на сей счет не имел.

– Ну что ж, может быть, то, чем мы сейчас занимаемся, принесет ему некоторое успокоение.

– Знаете, – старушка поправила очки, – если вас действительно так интересует Чарлз, то у нас и еще кое-какая родня найдется. Женева, помнишь кузена твоего отца из Мэдисона и его жену Руби? Можно было бы ему позвонить и порасспрашивать. Или Дженни-Луис из Мемфиса. Да я бы сама позвонила, только у меня нет своего телефона. – Короткий взгляд в сторону старенького телефонного аппарата, восседающего на телевизионной подставке у двери в кухню; мрачное выражение на лице – красноречивое свидетельство препираний с хозяйкой квартиры. – А телефонные карточки очень уж дорогие.

– Ну, мы могли бы им позвонить, тетушка.

– Да я и сама была бы не прочь перекинуться парой слов, давненько уже не разговаривали. Плохо, когда родственники так далеко.

Белл сунул руку в карман джинсов.

– Мэм, раз уж мы с Женевой занимаемся этим делом, позвольте я оплачу вам карточку.

– Нет. – Голос Женевы. – Я сама.

– Не обязательно…

– Я оплачу, – решительно заявила Женева.

Белл убрал деньги в карман, а девушка протянула старухе двадцатку.

С благоговением разглядывая банкноту, ее двоюродная бабушка сказала:

– Сегодня же куплю себе карточку и позвоню.

– Если узнаешь что-нибудь новое, – сказала Женева, – перезвони нам по тому номеру, на который звонила раньше.

– А с чего полиция так заинтересовалась Чарлзом? Он вот уж сто лет как в могиле.

Женева перехватила взгляд Белла. Старушка не знала, что ее внучатой племяннице угрожает опасность, и Женева не собиралась ее просвещать.

– Они помогают мне доказать, что Чарлз не совершал того, в чем его обвинили, – сказала Женева.

– Неужели? После стольких-то лет?

Белл сомневался, что старуха им поверит. Его собственная тетка, примерно тех же лет, была очень проницательна. Тем не менее Лили Холл сказала:

– Весьма любезно с вашей стороны. Белла, давай-ка сделаем гостям кофе и какао для Женевы.

Роланд Белл, раздвинув занавески, выглянул на улицу, а Женева тем временем снова принялась разбирать коробки.

Двое мальчишек на скейтбордах гоняли по высокому парапету кирпичного особняка, демонстрируя полное пренебрежение к силе тяжести и школьному расписанию.

На крыльце другого дома чернокожая женщина поливала ярко-красную герань, не тронутую недавними заморозками.

На пустующем клочке земли по соседству, рядом с ржавым остовом стиральной машины, по-хозяйски копалась белка.

А чуть дальше по Сто двадцать третьей улице, рядом с адвентистской церковью, где дорога начинает круто забирать вверх к мосту Трайборо, трое полицейских внимательно оглядывали близлежащие улицы и обветшалый особняк напротив. Двое, мужчина и женщина, были одеты в гражданское; еще один, офицер в форме, патрулировал боковой переулок, вышагивая туда-сюда, словно новобранец, назначенный в караул.

За всем этим наблюдал Томпсон Бойд, который прибыл сюда, следуя за полицейским эскортом Женевы Сеттл от ее дома. Он стоял в заколоченном здании через улицу, несколькими домами западнее, и выглядывал сквозь щели в изуродованном граффити рекламном плакате.

Непонятно, зачем им понадобилось вывозить ее из квартиры. Не по инструкции. Впрочем, это уже их проблемы.

Томпсон взвесил ситуацию.

Вероятно, всего лишь внеплановая кратковременная отлучка, адресный рейд, так сказать. Даже машины оставили на дороге, у всех на виду. Надо действовать. И быстро, чтобы не упустить возможность.

Томпсон покинул свое укрытие через черный ход и обогнул квартал, по пути задержавшись в винной лавке, чтобы купить сигарет. Пробравшись в переулок с задней стороны дома, он осторожно поставил на асфальт сумку, спрятался за кучей мусорных мешков и стал наблюдать за светловолосым новобранцем, патрулирующим переулок, считая его шаги: «Раз, два...»

На «тринадцати» молодой коп дошел до задней стены здания и повернул назад. Очевидно, ему достался обширный участок для патрулирования: он должен был прикрывать весь переулок от фасада до тыла здания и следить за окнами в доме напротив.

На «двенадцати» полицейский достиг тротуара перед домом, развернулся и двинулся в обратном направлении.

«Раз, два, три...»

Путь назад занял у него двенадцать шагов. Затем он обернулся и снова зашагал в сторону улицы, на этот раз отмерив тринадцать.

Следующий марш-бросок составил одиннадцать, а обратный – двенадцать.

Не идеально, но погрешность в пределах нормы. Новобранец будет к нему спиной в течение как минимум одиннадцати шагов – достаточно, чтобы проскользнуть за угол. Затем еще одиннадцать шагов ожидания, и можно его встречать.

Томпсон натянул на лицо шапочку.

Полицейский как раз повернулся и вновь направился в сторону улицы.

В ту же секунду Томпсон покинул свое укрытие и бросился к заднему углу дома, считая про себя: «...три, четыре, пять, шесть...»

В мягких туфлях марки «Басс» Томпсон бежал бесшумно, не сводя глаз со спины новобранца, и тот ни разу не оглянулся. Киллер достиг цели на счет «восемь», привалился к стене и перевел дыхание. Затем повернулся лицом к переулку, где скоро должен был появиться коп.

«Одиннадцать». Новобранец сейчас поравняется с фасадом, развернется и начнет обратный ход. «Раз, два, три...»

Томпсон Бойд затаил дыхание.

«Шесть, семь...»

Томпсон Бойд покрепче перехватил дубинку.

«Девять, десять, одиннадцать...»

Послышался скрип подошв на старых булыжниках мостовой.

Томпсон шагнул навстречу, взмахнул дубинкой... молниеносно, как атакующий гремучник. Он успел заметить, как на лице новобранца отобразился неподдельный испуг; услышал свист рассекаемого воздуха и вздох изумления, оборвавшийся вместе с ударом, который пришелся копу точно в лоб. Новобранец упал на колени, из его горла вырвалось невнятное бульканье. Очередной удар пришелся ему по темени.

Полицейский рухнул лицом на землю, и Томпсон поволок бесчувственное тело за угол, где их никто уже не увидит.

Когда раздался выстрел, Роланд Белл подскочил к окну и осторожно выглянул из-за шторы. Расстегнул куртку, достал рацию. Вытаращившая глаза подруга тети Лили спросила:

– Господи, что происходит?

Однако детектив не обратил на нее внимания. Двоюродная бабка Женевы тоже молча уставилась на огромный пистолет в его набедренной кобуре.

– Это Белл, – сказал он в микрофон. – Что там у вас?

Послышался запыхавшийся голос Мартинеса:

– Выстрел. У задней стороны здания. Там Пуласки.

Барб пошла проверять.

– Пуласки, – сказал в микрофон Белл. – Отвечай.

Тишина.

– Пуласки!

– Господи! Да что же это такое? – потребовала ответа перепуганная тетя Лили.

Белл поднял палец и сказал в рацию:

– Доложить, где находитесь.

– Я по-прежнему на крыльце у входа, – отозвался Мартинес. – От Барб пока ничего.

– Переместись в центр коридора на первом этаже, следи за дверью черного хода. Я бы на его месте вошел именно там. Но контролировать надо обе входные двери.

– Понял.

Белл повернулся к Женеве и двум пожилым женщинам:

– Мы уходим. Прямо сейчас.

– Но…

– Сейчас, мисс. Если понадобится, я вынесу вас на руках, но так мы будем более уязвимы.

Наконец отозвалась Барб Линч:

– Пуласки лежит.

Она передала кодовое сообщение 10–13, означающее, что офицеру полиции требуется помощь, и вызвала «скорую».

– Что с черным ходом? – передал Белл.

– Дверь заперта.

– Оставайся на месте, прикрывай переулок сзади. Я вывожу Женеву.

– Пошли, – сказал он девушке.

– Я их не оставлю, – без обычного упрямства ответила Женева, кивнув в сторону женщин.

– Сейчас же говорите, что здесь происходит, – сердито глядя на Белла, потребовала тетя Лили.

– Это дело полиции. Возможно, кто-то хочет причинить вред Женеве. Вам надо уйти из квартиры. У вас есть соседи, у которых вы могли бы временно посидеть?

– Но…

– Я вынужден настоять, мэм. Так есть или нет? Отвечайте.

Женщины испуганно переглянулись.

– Думаю, Энн-Мари, – ответила тетя Лили. – Ее квартира дальше по коридору.

Белл подошел к входной двери и осторожно выглянул. Коридор снаружи зиял пустотой.

– Хорошо. Сейчас. Пошли.

Женщины быстро прошмыгнули по коридору и постучались в одну из квартир. Дверь открылась, до Белла донеслись приглушенные голоса, затем показалось лицо пожилой негритянки. Все вместе женщины скрылись внутри, дверь захлопнулась, послышались звяканье цепочек и щелчки замков. Детектив с девушкой начали быстро спускаться по лестнице.

Белл останавливался на каждой площадке и проверял нижние уровни.

Женева следовала молча, стиснув зубы.

В вестибюле они остановились. Детектив жестом показал Женеве, чтобы она держалась в темноте у него за спиной.

– Луис? – позвал он.

– На этом этаже все чисто. По крайней мере пока, – донесся из темноты хриплый шепот Мартинеса.

Из рации послышался спокойный голос Барб:

– Пуласки жив. В руке зажат пистолет. Не хватает одного патрона – тот выстрел, что мы слышали. Не видно, чтобы он куда-то попал.

– Что говорит?

– Он без сознания.

Тогда возможно, что объект уже сделал ноги, подумал Белл.

Или это какая-нибудь уловка. Может быть, безопаснее дожидаться подкрепления здесь? Ответ напрашивался сам собой. Однако... главное: верный ли это ответ, если исходить из планов убийцы?

Белл принял решение.

– Луис, я вывожу Женеву. Сейчас. Нужна твоя помощь.

– Я рядом, босс.

Томпсон Бойд вновь находился в выгоревшем здании через дорогу от дома, в котором скрылись полицейские с Женевой. Пока все шло по плану.

Вырубив новобранца, он извлек из обоймы его «глока» патрон, резинкой примотал к нему сигарету, сделав своеобразный запал, поджег и оставил импровизированную петарду в переулке. Затем вложил пистолет в руку оглушенного парня.

Стянув с лица шапочку, по соседнему переулку выбрался на улицу. Когда сигарета догорела до капсюля и прозвучал выстрел, двое полицейских в штатском скрылись из вида. Томпсон подбежал к машине, в которой привезли Женеву. У него была монтировка, однако машина оказалась незапертой. Он осторожно извлек из сумки несколько предметов, которые приготовил накануне вечером, собрал их в устройство, подложил его под водительское сиденье и осторожно захлопнул дверцу.

Устройство было весьма простым: низкая широкая банка с серной кислотой и установленный внутри ее короткий стеклянный подсвечник, на котором сверху лежал шарик из фольги с несколькими столовыми ложками порошкообразного цианида. При малейшем движении машины шарик упадет в кислоту, которая растворит фольгу, а затем и яд. Салон заполнится смертоносным газом и подействует на пассажиров, прежде чем кто-то из них успеет открыть окно или дверь. И очень скоро они будут мертвы или необратимо пострадает их мозг.

Томпсон приник глазом к щели между рекламным щитом и тем, что осталось от фасадной стены здания. На крыльце он увидел детектива с каштановыми волосами – похоже, главу группы. Рядом стоял офицер в штатском, а между ними – девушка.

Все трое на минуту замерли на крыльце, пока детектив осматривал улицу, крыши, машины и переулки.

В правой руке коп держал пистолет, в левой – ключи. Они собирались садиться в машину смерти.

Отлично.

Томпсон Бойд повернулся и быстро покинул здание. Теперь надо было уходить отсюда как можно дальше. К месту подтягивалось подкрепление, вой сирен становился все громче. Выходя через заднюю дверь здания, Томпсон услышал, как завелся двигатель, затем раздался и визг покрышек.

«Дышите глубже», – мысленно пожелал им Томпсон, и на то у него были причины. Две причины. Прежде всего ему, конечно же, хотелось покончить с трудным делом. Но был и другой мотив. Смерть от паров цианида крайне мучительна. Быстрой и безболезненной смерти им мог желать человек, который способен чувствовать. Тот, чью душу не сковывает онемение.

«Вишня, виноград, молоко…»

«Дышите глубже».

* * *

Бешеный стук двигателя дробью отдавался в руках, ногах и спине. Амелия Сакс на скорости шестьдесят миль в час гнала в испанский Гарлем.

Она была у Райма, когда пришло сообщение: Пуласки ранен, киллер установил в машину Белла какое-то смертоносное устройство. Амелия

тут же сбежала вниз, завела свой красный «камаро» 1969 года выпуска и поспешила к месту происшествия.

На зеленый она с ревом проносилась сквозь перекрестки, на красный сбрасывала скорость до тридцати: взгляд налево, направо, сцепление, полный газ!

Через десять минут под визг колес она вырулила на встречную полосу Восточной Сто двадцать третьей улицы, едва не зацепив небольшой грузовик. Впереди она увидела мигалки карет «скорой помощи» и три патрульных автомобиля местного участка. Человек десять полицейских в форме и несколько бойцов спецназа перебежками двигались по тротуару, осторожно, словно солдаты на передовой.

«Не расслабляться…»

Резко затормозив, Сакс выпрыгнула из машины, одновременно оглядывая соседние переулки и пустые окна, ища малейшие признаки присутствия киллера, любителя начинять пули иголками. Держа на виду жетон, она нырнула в переулок, где над Пуласки работала бригада медиков. Новобранца перевернули на спину, освободив ему дыхательные пути. Жив по крайней мере, хотя весь в крови и лицо сильно опухло.

Судя по всему, киллер напал на него неожиданно, из засады. Пуласки находился слишком близко к стене здания и отреагировать на внезапное нападение не успел. Когда патрулируешь тротуары и переулки, всегда следует держаться центральной линии, чтобы никто не мог застать тебя врасплох, выскочив из-за угла.

«Ты не знал…»

Вот только останется ли он жив, чтобы усвоить этот урок?

– Ну как?

Один из медиков поднял на нее глаза:

– Трудно сказать. – Затем напарнику: – Все, забираем его. Начали.

Они уложили Пуласки на носилки и быстро понесли к машине, а Сакс тем временем выпроводила всех с места нападения, чтобы поискать хоть какие-нибудь оставшиеся улики. Затем вернулась к выходу из переулка и облачилась в белый костюм из тайвека.

Она как раз застегнула молнию, когда к ней подошел сержант из местных:

– Вы Сакс, так? Она кивнула.

– Преступника не засекли?

– Нет, никаких следов. Вы будете проводить осмотр места происшествия?

– Да.

– На машину детектива Белла взглянуть хотите?

– Разумеется.

Сакс тут же двинулась к стоящему неподалеку автомобилю.

– Подождите. – Сержант протянул ей противогаз.

– Неужели настолько плохо?

Мужчина натянул маску, и сквозь слой толстой резины Сакс услышала тревожный голос:

– Идите за мной.

Глава 21

Под прикрытием группы спецназа двое полицейских саперного подразделения возились в машине Роланда Белла. Они были не в обычных саперских костюмах, а в полной экипировке для защиты от биохимического поражения.

В своем тонком костюме из тайвека Амелия отошла на десять шагов назад.

– Что там, Сакс? – раздался голос Райма. Амелия подскочила от неожиданности, затем убавила громкость. Ее рация была подключена к наушникам в противогазной маске.

– Близко я не смотрела. Саперы все еще обезвреживают устройство – цианид с кислотой.

– Вероятно, серная кислота, следы которой мы нашли у него на столе, – предположил Райм.

Взрывники медленно извлекли из машины самодельное приспособление из стекла и фольги, упаковали компоненты в специальные контейнеры для транспортировки опасных материалов.

В наушниках раздался голос одного из саперов:

– Детектив Сакс, устройство обезврежено. Можете отгонять машину, только не снимайте маску, пока будете ехать. Газа в салоне нет, но пары кислоты могут представлять опасность.

– Хорошо, спасибо.

Она направилась к машине.

В наушниках сквозь потрескивание вновь раздался голос Райма:

– Одну минутку… – И после короткой паузы: – Сакс, они в безопасности. В участке.

– Отлично.

Под «они» подразумевались намеченные жертвы отравления: Роланд Белл и Женева Сеттл. Они оказались на волосок от смерти. В последний миг Белл заподозрил неладное. Барб Линч обнаружила Пуласки с зажатым в руке оружием. Странно: даже если преступник решил не забирать пистолет, он должен был хотя бы отшвырнуть его в сторону. Возможно, он сам каким-то образом произвел выстрел, а пистолет оставил специально, чтобы думали, будто стрелял новобранец. Цель? Отвлечь остальных полицейских от позиций у фасада здания.

А для чего? Ответ очевиден: чтобы они оставили без присмотра машины.

«Краун-виктория» Белла была не заперта, а значит, преступник мог установить внутри взрывное устройство. Поэтому Белл взял ключи от машины, на которой приехали Мартинес и Линч, и на ней увез Женеву, распорядившись, чтобы никто не подходил к «форду», пока его не проверит саперная группа. Прибывшие на место саперы обследовали днище и салон машины с помощью оптоволоконных камер и обнаружили устройство под водительским сиденьем.

Сейчас Сакс изучала все: машину, подходы к ней, переулок, в котором напали на Пуласки. Ей удалось найти отпечатки подошв прогулочных туфель «Басс» и еще одно самодельное устройство: гильза из пистолета Пуласки, к которой резинкой была примотана зажженная сигарета. Преступник оставил устройство в переулке, а сам пробрался к фасаду здания. Когда прозвучал «выстрел», офицеры побежали к задней стороне дома, тем самым дав ему возможность установить «адскую машину» в автомобиль Белла.

«Чертовски умно», – с мрачным восхищением подумала Сакс.

Никаких признаков того, что где-то поблизости находился или находится сообщник – черный мужчина в армейской куртке, – она не видела.

Снова надев защитную маску, Сакс обследовала стеклянные части самого устройства, но ни отпечатков, ни других следов на них, естественно, не было. Может, цианид или кислота дадут какие-то ниточки. Угрюмым голосом Сакс доложила о результатах осмотра Райму.

– Где ты осматривала? – спросил он.

– Ну… машину и переулок вокруг того места, где был найден Пуласки. Также входы и выходы из переулка и улицу на том участке, где убийца приближался к машине.

Райм некоторое время молча обдумывал ее ответ. Сакс было не по себе. Что она упустила?

– Ну что думаешь, Райм?

– Ты все сделала по инструкции, Сакс. Осмотрела везде, где надо. А ты учла общую картину?

– Глава вторая из твоей книги.

– Замечательно. Хоть кто-то ее читал. Однако ты сделала то, о чем я спросил?

Райм всегда настаивал, чтобы следователь взглянул на место преступления в целом с учетом конкретного случая. В своей книге по криминологии он приводил пример реального убийства, совершенного в Гринич-Виллидж. Первичным местом преступления была квартира, где нашли задушенного мужчину. Вторичным – пожарная лестница, по которой ушел убийца. И только на третьем месте, там, где никто не стал бы искать, Райм обнаружил картонную книжечку спичек с отпечатками пальцев преступника: в гей-баре в трех кварталах от дома жертвы. Никому бы не пришло в голову там искать, однако в квартире убитого Райм нашел видеокассеты с гей-порнографией. Опрос в ближайшем гей-баре выявил бармена, который узнал жертву и вспомнил, что тот выпивал с каким-то мужчиной вечером накануне убийства. Отпечатки, снятые с книжечки спичек, которая лежала на стойке, где сидели мужчины, вывел следствие на убийцу.

– Так, Сакс, давай поразмыслим. Он составляет свой импровизированный, но детальный план действий, чтобы отвлечь наших людей и спрятать устройство в машине Белла. Значит, он должен

был знать расстановку действующих лиц и что они делают. О чем это нам говорит?

Сакс еще раз внимательно оглядела улицу.

– О том, что он наблюдал.

– Правильно, Сакс, молодец. И откуда он мог наблюдать?

– Наилучший обзор открывается с противоположной стороны улицы. Но он мог быть в любом из десятков зданий.

– Верно. Но Гарлем – местность весьма специфическая, так?

– Я…

– Понимаешь, о чем я?

– Не совсем.

– Семьи, Сакс. Люди в Гарлеме живут семьями, большими родственными кланами. Это не территория для одиночек-яппи. Посторонний в доме не останется незамеченным, как и любой, кто украдкой шныряет по подъездам и переулкам. Хорошее слово – шныряет, да? Им все и сказано.

– К чему ты клонишь, Райм?

К нему явно вернулось доброе расположение духа, но Амелию раздражало, что его больше интересует головоломка, чем шансы Пуласки прийти в себя или то, что Роланд Белл и Женева Сеттл едва не погибли.

– Это не квартира и не крыша – люди Роланда всегда держат их под присмотром. Есть какое-то другое место, откуда он наблюдал, Сакс. Где, по-твоему, оно может быть?

Амелия уже снова просматривала улицу…

– Заброшенное здание с большим рекламным щитом. Сплошь покрытое граффити и объявлениями. Иду проверять.

Тщательно оглядевшись, но не обнаружив никаких признаков преступника, она пересекла улицу и вышла к задней стороне дома. Какой-то выгоревший склад, судя по всему. Пол был покрыт слоем пыли – отличное поле для отпечатков ног. Как и следовало ожидать, она сразу же увидела следы прогулочных туфель «Басс», оставленные объектом

10-9. Сакс натянула на носки башмаков своего спецкостюма резиновые манжеты – придуманный Раймом прием, который позволял следователю отличить свои отпечатки от отпечатков ног подозреваемого. Затем, с «глоком» на изготовку, пошла вперед, в глубь здания.

Следуя вдоль цепочки следов к фасаду дома, Сакс время от времени замирала на месте, прислушиваясь. Пару раз она уловила легкое клацанье, которое, впрочем, было типичным звуковым фоном нью-йоркских трущоб, – нарушителем тишины, как она сразу же догадалась, была крыса.

Дойдя до передней стены, она выглянула сквозь щель между фанерными панелями щита, с того места, где стоял сам преступник, и… да – отсюда открывался отличный обзор. Она вернулась к машине, принесла кое-какое оборудование, после чего обработала стены ультрафиолетовым спреем и подсветила их трубкой с источником спектрального света.

Однако ничего, кроме отпечатков латексных перчаток, не увидела.

Она доложила о результатах Райму, затем добавила:

– Я соберу образцы для трасологической экспертизы с того места, где он стоял, но здесь мало что есть. Он не оставляет следов.

– Серьезный профессионал, – вздохнул Райм. – Каждый раз, как мы, казалось бы, обходим его на шаг, он уже обошел нас на два. Что ж, Сакс, вези сюда, что сумеешь наскрести. Будем разбираться.

* * *

Дожидаясь возвращения Сакс, Райм и Селлитто приняли решение: несмотря на то что объект 10-9, вероятно, ушел с последнего места преступления, двоюродную бабку Женевы, Лили Холл, вместе с ее подругой на время переселят в гостиницу.

Пуласки находился в отделении интенсивной терапии и в сознание пока не пришел. Будет он жить или нет, врачи сказать не могли. Услышав эту новость по телефону в лаборатории Райма, Селлитто в сердцах бросил трубку.

– Твою мать! Совсем еще новичок. Дернул же меня черт назначить его в группу Белла. Сам должен был ехать.

Странное замечание.

– Лон, но у тебя не тот чин, – сказал Райм. – Когда ты последний раз ходил в охранниках? Двадцать лет назад?

Но толстяк не унимался:

– Бросить его в самое пекло, вот идиот!

Пальцы снова вернулись к невидимому пятну на щеке. Он выглядел раздраженным и каким-то особенно мятым, хотя одет был как всегда: светлая рубашка, темный костюм. Райм подумал, сменил ли Селлитто одежду после вчерашнего. Похоже, что нет. Да, точно – на рукаве пиджака виднелось пятнышко крови… Словно специально надел ту же одежду как напоминание.

В дверь позвонили.

Через минуту из прихожей вернулся Том в сопровождении долговязого мужчины. Бледная кожа, плохая осанка, давно не стриженная борода, вьющиеся каштановые волосы. Одет он был в светло-коричневую вельветовую куртку и коричневые брюки.

Вошедший обежал взглядом лабораторию и сухо, без улыбки спросил:

– Женева Сеттл здесь?

– Вы кто? – полюбопытствовал Селлитто.

– Уэсли Гоудз.

Значит, тот самый юрист-терминатор. Райма слегка удивило, что он оказался реальным лицом. Селлитто, проверив у него документы, кивнул.

Длинные пальцы мужчины то и дело поправляли очки с толстыми линзами в проволочной оправе, подергивали длинную бороду, глаза не задерживались ни на ком дольше секунды. Постоянно скачущим взглядом он напомнил Райму подругу Женевы – любительницу щелкать жвачкой Лакишу Скотт.

Адвокат передал Тому свою визитку, которую тот показал Райму. Гоудз оказался директором корпорации юридических услуг Центрального Гарлема, аффилированной с Американским союзом защиты гражданских свобод. Внизу мелким шрифтом сообщалось, что он имеет право вести адвокатскую практику в штате Нью-Йорк, представлять интересы клиентов в окружных судах Нью-Йорка и Вашингтона, округ Колумбия, а также в Верховном суде США.

В ответ на вопросительные взгляды Райма и Селлитто он сказал:

– Меня не было в городе. Сегодня, вернувшись в офис, я узнал, что вчера мне звонила Женева. Вроде она оказалась свидетелем преступления. Просто решил проверить, что с ней.

– С ней все в порядке, – сказал Райм. – На нее несколько раз покушались, но сейчас она под круглосуточной охраной.

– Ее удерживают здесь? Против воли?

– Нет, никто ее не удерживает, – твердо заявил Райм. – Она у себя дома.

– Со своими родителями?

– С дядей.

– Что, собственно, произошло? – спросил суровый юрист. Его взгляд бегал по комнате, перескакивая с одного лица на другое, скользя по доске с записями, оборудованию, путанице проводов.

Райму, как всегда, было не по душе обсуждать с посторонним детали текущего дела, но адвокат мог знать что-то полезное.

– Мы считаем, что кого-то всерьез озаботила тема исследования, которое Женева ведет в рамках школьного проекта. О своем предке. Она вам что-нибудь про это упоминала?

– Ах это. Кажется, что-то насчет бывшего раба?

– Совершенно верно.

– Благодаря этому мы и познакомились. На прошлой неделе она пришла ко мне в офис и спросила, не знаю ли я, где можно достать архивные записи о преступлениях в Нью-Йорке времен девятнадцатого столетия. Я дал ей кое-какие старые книги, но найти судебные записи, относящиеся к тому времени, сейчас почти невозможно. Так что помочь я ей не сумел. – Сухопарый юрист вздернул одну бровь. – Она даже хотела заплатить мне за потраченное время. Такого далеко не от всех клиентов дождешься.

Снова обежав глазами лабораторию, Гоудз, похоже, удостоверился, что его не обманывают.

– Скоро вы поймаете злоумышленника?

– У нас есть несколько ниточек, – ответил Райм уклончиво.

– Ну что ж, передайте Женеве, что я заходил. И если я ей понадоблюсь, пусть звонит в любое время. – Он кивнул на свою визитку и удалился.

Мэл Купер усмехнулся.

– Ставлю сотню баксов, что он и пятнистую неясыть в суде представлял.

– С таких станется, – пробормотал Райм. – Ладно, хватит болтать, ну-ка, все быстро за работу!

Через двадцать минут приехали Белл и Женева. Они принесли коробку с документами и другими вещами из квартиры бабушки Женевы.

Райм сообщил, что заходил Уэсли Гоудз.

– Проверить, все ли со мной в порядке? Я же говорила, он хороший адвокат. Если мне придется с кем-то судиться, обязательно найму его.

«Юрсила массового уничтожения...» Неся собранные на месте происшествия улики, вошла Амелия Сакс, кивнула Женеве и остальным.

– Так-так, давайте-ка взглянем, что там у нас, – нетерпеливо сказал Райм.

Сигарета, которую объект 10-9 использовал в качестве запала для имитации выстрела, была марки «Мерит». Такие продавались везде, и отследить покупку было невозможно. Сигарету зажгли, но не курили, по крайней мере отпечатков зубов или следов слюны на фильтре не обнаружилось. Это скорее всего означало, что объект не курит. И разумеется, отпечатков пальцев он на ней не оставил. Ничего примечательного не было и в резинке, которой сигарету прикрепили к патрону. В цианиде не нашлось никаких маркеров, позволивших бы определить производителя. Кислоту тоже можно было купить где угодно. Устройство, обнаруженное в машине Белла, состояло из предметов, какие есть в каждом доме: стеклянной банки, фольги и стеклянного подсвечника.

В заброшенном здании, из которого киллер наблюдал за улицей, Сакс обнаружила следы той же таинственной жидкости, какую нашла в квартире на Элизабет-стрит. (Райм с нетерпением ожидал результатов ее анализа из лаборатории ФБР.) Еще Сакс нашла несколько крохотных чешуек оранжевой краски, какой покрывают предупреждающие знаки и ограждения вокруг ремонтируемых участков дороги, стройплощадок или домов под снос. В их принадлежности объекту 10-9 она не сомневалась, так как нашла их в двух разных местах рядом с отпечатками его обуви и больше нигде во всем заброшенном складе. Райм

предположил, что преступник маскировался под строителя, дорожного ремонтника или коммунальщика. А может, и в самом деле работал кем-нибудь из них.

Тем временем Сакс и Женева разбирали коробку с семейными реликвиями. Внутри лежали десятки старых книг, журналов, документов, обрывков, записок, рецептов, сувениров, открыток.

И, как оказалось, один пожелтевший бумажный лист, исписанный рукой Чарлза Синглтона. Почерк явно принадлежал ему, но выглядел не таким изящным, как в остальных письмах.

Вполне понятно, если принять во внимание обстоятельства.

Сакс начала читать вслух:

«Пятнадцатое июля тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года».

– На следующий день после кражи из фонда вольноотпущенников, – заметил Райм. – Продолжай.

«Вайолет, это просто безумие! Насколько я в силах судить, все, что со мной сейчас происходит, – часть плана, направленного на то, чтобы оболгать меня в глазах соратников в нашей общей борьбе за свободу.

Сегодня мне стало известно, где искать справедливость, и ближе к вечеру, вооружившись своим верным „кольтом“, я отправился в „Поттерс-Филд“. Однако мое предприятие окончилось катастрофой, и теперь моя единственная надежда на спасение навсегда погребена под толстым слоем земли.

Этой ночью мне придется скрываться от полицейских, которые разыскивают меня повсюду, а завтра утром я проберусь в Нью-Джерси. Тебе и Джошуа тоже надо бежать – боюсь, как бы месть негодяев не обрушилась на вас. Встречай меня завтра в полдень на причале Джона Стивенса в Нью-Джерси. Вместе мы отправимся в Пенсильванию, если твоя сестра и ее муж согласятся нас приютить.

В доме над конюшней, где я сейчас таюсь, живет человек, который, кажется, искренне посочувствовал моему несчастью. Он заверил меня, что обязательно доставит тебе эту записку».

Сакс подняла глаза.

– Здесь что-то перечеркнуто, не могу разобрать. Дальше:

«Уже стемнело. Я голоден и измотан, терзаюсь, подобно Иову. И все же слезы мои, следы от которых, милая, ты видишь на этой бумаге, происходят не от душевной боли, а от раскаяния в том, какие несчастья я на всех нас навлек. Все из-за этой проклятой тайны! Раструби я о ней на каждом углу, возможно, злосчастья обошли бы нас стороной. Но сейчас уже ничего не исправить. Умоляю, прости меня за мой эгоизм и оказавшееся столь губительным замалчивание правды».

Сакс подняла голову:

– Подписано просто: «Чарлз».

А на следующее утро, вспомнил Райм, была погоня и арест, о которых Женева читала в журнале.

– Единственная надежда? «Навсегда погребена под толстым слоем земли». – Райм снова пробежал глазами письмо, которое Сакс держала перед ним в руках. – Ничего конкретного насчет тайны… И что, интересно, произошло в «Поттерс-Филд»? Это ведь кладбище, где хоронят бедняков и бродяг?

Купер поискал в Интернете. Через несколько секунд он сообщил, что городское кладбище для нуждающихся находится на острове Харта около Бронкса. Тогда остров был военной базой, а кладбище появилось незадолго до того, как Чарлз, вооружившись «кольтом», отправился туда со своей миссией.

– Военная база? – хмуря брови, переспросил Райм. Ему что-то смутно вспомнилось. – Покажите мне остальные письма.

Купер вывел их на экран.

– Вот: там формировали дивизию, в которой служил Чарлз. Интересно, есть ли здесь связь? Что-нибудь еще по этому кладбищу?

Купер повернулся к монитору.

– Нет.

Райм просмотрел доску с записями.

– Чем он, черт возьми, там занимался? Холмы Висельника, кладбище, Фредерик Дуглас, гражданские права, конгрессмены, политики, Четырнадцатая поправка… Какая между всем этим связь? – После продолжительной паузы он добавил: – Давайте-ка пригласим эксперта.

– Разве есть эксперты лучше тебя, Линкольн?

– Я имею в виду не научную криминалистику, Мэл, – ответил Райм. – Речь об истории. Существует несколько дисциплин, в которых я не знаток.

Глава 22

Профессор Ричард Тауб Матерс был высок и сухопар, кожа темная, с красноватым отливом. На голове, как дань былой моде, короткая стрижка в стиле «афро», скромная манера держаться. Одет он был вполне по-профессорски: твидовый пиджак и галстук-бабочка (не хватало только традиционных замшевых заплат на локтях).

Он кивнул Райму, дважды мельком глянув на его коляску, с остальными поздоровался за руку.

Райм время от времени читал лекции по криминологии в местных колледжах, и в таких крупных университетах был гостем не частым. Однако один знакомый профессор порекомендовал ему Матерса, который сам по себе был целый университет. Профессор юриспруденции, Матерс преподавал уголовное, конституционное и гражданское право, вел спецкурсы для аспирантов, читал лекции по афроамериканской истории для старшекурсников.

Матерс внимательно выслушал рассказ Райма о Чарлзе Синглтоне: его участии в движении в защиту гражданских прав, о тайне, о том, как против него, вероятно, сфабриковали дело. Затем Райм поведал о том, что произошло с Женевой.

Профессор потрясенно заморгал.

– Тебя пытались убить?

Женева молча кивнула. Райм посмотрел на Сакс:

– Покажи ему письма Чарлза.

Матерс расстегнул пиджак, надел стильные очки в тонкой оправе. Неторопливо, внимательно прочитал все письма Чарлза Синглтона, кивая время от времени и один раз едва заметно улыбнувшись. Закончив изучение, он снова бегло их просмотрел.

– Удивительный человек. Вольноотпущенник, фермер, служил в Тридцать первом негритянском полку, участвовал в битве при Аппоматоксе.

Он снова принялся перечитывать письма, и Райм едва сдержался, чтобы его не поторопить. Наконец профессор снял очки, протер салфеткой стекла и сказал задумчиво:

– Значит, он участвовал в принятии Четырнадцатой поправки? Интересная получается картина.

Стараясь не выказывать своего нетерпения, Райм спросил:

– Да. И что за картина?

– Я имею в виду полемику, разумеется.

Райму хотелось схватить профессора за лацканы и прикрикнуть, чтобы тот немного поторопился. Вместо этого он только небрежно нахмурил брови.

– Какую еще полемику?

– Небольшой исторический экскурс? – предложил Матерс.

Райм вздохнул:

– Начинайте.

– Конституция Соединенных Штатов – документ, который учреждает американское правительство: институт президентства, конгресс и Верховный суд. Она также предписывает, как мы должны поступать, и имеет приоритет над остальными законами.

Так вот, нам, жителям этой страны, всегда хотелось иметь равновесие: с одной стороны – достаточно сильное правительство, которое защищает нас от внешних угроз и управляет нашей жизнью, с другой – чтобы оно не превратилось в средство угнетения. Когда отцы-основатели перечитали Конституцию, уже после принятия, она показалась им слишком суровой, в том смысле, что допускала возможность возникновения диктаторского правительства. Поэтому было принято десять поправок – так называемый «Билль о правах», – из которых первые восемь наиболее значимы. В них излагаются основные права, защищающие граждан от притеснения со стороны федеральной власти. Например: ФБР не имеет права вас арестовать без веского основания; конгресс не вправе отбирать у вас дом для строительства федеральной дороги, не выплатив компенсацию; вы вправе рассчитывать на справедливый и беспристрастный суд, где решения выносят независимые присяжные; вас нельзя подвергать жестоким и необычным наказаниям и так далее. Однако заметили, какое здесь ключевое слово?

Райму показалось, что профессор их экзаменует, но Матерс продолжил, прежде чем кто-нибудь успел ответить:

– «Федеральный». Жизнью каждого американца управляют два разных правительства: федеральное правительство в Вашингтоне и правительство штата, в котором живет гражданин. «Билль о правах» ограничивает только то, что может сделать нам федеральное правительство: конгресс и федеральные службы, такие как ФБР и ДЕА,[12] но фактически никак не защищает от посягательств на права человека со стороны правительств штатов. А именно законы штата в первую очередь влияют на нашу жизнь. Большинство уголовных дел, общественные учреждения, вождение автомобиля, внутренние отношения, права наследования, гражданские иски – все это относится к юрисдикции штатов.

Пока, надеюсь, понятно? Конституция и «Билль о правах» защищают нас только от Вашингтона, но не от посягательств со стороны Нью-Йорка или Оклахомы.

Райм кивнул.

Долговязый профессор устроился на лабораторный табурет, покосился на чашку Петри с зеленой плесенью и продолжил:

– Теперь давайте обратимся к шестидесятым годам восемнадцатого столетия. Выступавший за сохранение рабства Юг проиграл войну, и мы приняли Тринадцатую поправку, запрещающую рабство. Целостность страны была восстановлена, принудительный труд стал вне закона, и… наступило царство гармонии и свободы. Верно? – Он усмехнулся: – Как бы не так. Отменить рабство оказалось мало. Даже на Севере после войны отношение к чернокожим только ухудшилось, потому что за их свободу погибли столько молодых парней. Законодатели в штатах приняли сотни дискриминационных законов – нефам запретили голосовать, занимать государственные посты, иметь частную собственность, появляться в публичных местах, давать свидетельские показания в суде… Для многих жизнь осталась не лучше, чем во времена рабства.

Но следует помнить, что все эти законы принимались на уровне штатов, «Билль о правах» не мог этому помешать. Тогда в конгрессе решили, что гражданам необходима защита от местных правительств. Тогда и была предложена Четырнадцатая поправка. – Матерс посмотрел на компьютерный монитор. – Не возражаете, если я воспользуюсь Интернетом?

– Пожалуйста, – ответил Райм.

Профессор набрал запрос в поисковике «Альта виста» и через секунду скачал какой-то текст. Вырезал из него фрагмент и скопировал в отдельное окно. На всех мониторах в лаборатории появилось:

Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один из штатов не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона.

– Это отрывок из первой статьи поправки, – прокомментировал он. – В нем значительно ограничивается влияние штата на своих граждан. В другой части, которую я опустил, штатам рекомендуется предоставлять чернокожим, точнее, чернокожим мужчинам, право голоса. Пока все ясно?

– За мыслью следим, – ответила Сакс.

– Далее, собственно процедура принятия. Поправка к Конституции должна быть одобрена конгрессом в Вашингтоне, а затем тремя четвертями всех штатов. Конгресс утвердил Четырнадцатую поправку весной тысяча восемьсот шестьдесят шестого года и направил ее для ратификации штатам. Двумя годами позже она была наконец одобрена необходимым количеством штатов. Однако с тех пор то и дело слышатся голоса, что процедура принятия и ратификации была осуществлена ненадлежащим образом. Это и есть та полемика, на которую я ссылался. Многие полагают, что поправка недействительна.

Райм нахмурился:

– Правда? И что же, по их словам, было не так с принятием?

– Приводились разные аргументы. Несколько штатов, проголосовавших в защиту поправки, позже отозвали свое согласие, но конгресс их проигнорировал. Некоторые утверждают, что она была ненадлежащим образом представлена и одобрена Вашингтоном. Также высказывались заявления, что в законодательных органах штатов имели место подтасовка результатов голосования, подкуп и даже запугивание.

– Запугивание? – Сакс кивнула на письма. – Чарлз об этом упоминал.

Матерс начал объяснять:

– Политическая жизнь тогда отличалась от сегодняшней. То была эра, когда Дж. П. Морган сколотил собственную маленькую армию, чтобы

разобраться с наемными войсками своих конкурентов – Дж. Гоулда и Джима Фиска – в споре за обладание железнодорожной компанией. А полиция и правительство даже пальцем не пошевелили – преспокойно наблюдали за происходящим.

Также следует понимать, что Четырнадцатая поправка подняла бурю эмоций: страна едва не рассыпалась, погибли полмиллиона – столько же, сколько мы потеряли во всех остальных войнах, вместе взятых. Не будь Четырнадцатой поправки, южане могли бы получить большинство в конгрессе и вновь расколоть страну. Возможно, опять началась бы война.

Взмахом руки Матерс указывал на лежащие перед ним письма.

– Ваш мистер Синглтон, очевидно, был в числе тех, кто отправился убеждать местных законодателей голосовать в защиту поправки. Что, если он натолкнулся на доказательства, сводящие на нет ее легитимность? Подобная тайна определенно могла бы его тяготить.

– Тогда, возможно, – вслух предположил Райм, – какая-то группа лоббистов, ратующих за принятие, сфабриковала дело о краже, чтобы дискредитировать Чарлза. Так что даже реши он все рассказать, ему бы все равно никто не поверил.

– Разумеется, это не могли быть крупные фигуры вроде Фредерика Дугласа, Стивенса или Самнера. Впрочем, политиков, желающих скорейшего принятия поправки и готовых ради этого на все, тогда было немало. – Профессор повернулся к Женеве: – Что объясняет, почему этой юной леди сейчас угрожает опасность.

– Каким образом? – спросил Райм. Историческое обоснование он уяснил хорошо, однако более широкие последствия оказались не столь очевидными.

Ответ прозвучал от Тома:

– Достаточно раскрыть газету.

– В каком смысле? – рявкнул Райм.

Матерс объяснил:

– В газетах ежедневно рассказывается о том, какое влияние Четырнадцатая поправка оказывает на нашу жизнь. Прямо об этом может не упоминаться, однако она остается главным оружием в арсенале наших гражданских прав. Сама ее формулировка весьма расплывчата. К примеру, что значит «надлежащая правовая процедура»? А «равная

защита закона»? Или «привилегии и льготы»? Разумеется, расплывчатость была внесена намеренно, для того чтобы конгресс и Верховный суд могли создавать новые механизмы защиты, адаптированные к обстоятельствам каждого следующего поколения.

Из этих нескольких слов вышли сотни разных законов, касающихся далеко не только расовой дискриминации. Поправку использовали для отмены дискриминационного налогообложения, для защиты бездомных и труда несовершеннолетних, для гарантирования малоимущим основной медицинской помощи. Она лежит в основе равноправия сексуальных меньшинств, ежегодно на ней строятся тысячи дел по правам заключенных. Вероятно, наиболее обсуждаемым стало использование поправки для отстаивания права женщин на аборты.

Без Четырнадцатой поправки правительства штатов могли бы приравнять докторов, делающих аборты, к убийцам, заслуживающим смертной казни. А сегодня, после одиннадцатого сентября, именно Четырнадцатая поправка не позволяет штатам проводить повальные аресты мусульман и держать их в заключении столько, сколько понадобится полиции. – Его лицо застыло в глубокой озабоченности. – Если благодаря тому, что узнал Чарлз Синглтон, Четырнадцатая поправка будет признана недействительной, свободе, как мы ее себе представляем, придет конец.

– Но допустим, он действительно нашел тому доказательства и поправка действительно не имеет законной силы, – заговорила Сакс, – ее можно попросту снова ратифицировать… Разве нет?

Профессор иронически усмехнулся:

– Ничего подобного. Все современные исследователи сходятся в одном: Четырнадцатая поправка была принята в единственный возможный для этого момент нашей истории. Если Верховный суд признает ее недействительной… ну, несколько законов мы сможем восстановить, но главное оружие, защищающее гражданские права и свободы, будет утрачено навсегда.

– Если это мотив, то кто может стоять за нападением на Женеву? – спросил Райм. – Кого мы должны искать?

Матерс покачал головой:

– Ну, список бесконечен. Десятки тысяч людей заинтересованы в том, чтобы поправка оставалась в силе. По политическим убеждениям они могут быть как радикалы, так и либералы. По признакам расовой или сексуальной ориентации – члены меньшинств. Защитники социальных

программ, медицинских гарантий малоимущим, прав на аборты, прав гомосексуалистов, прав заключенных, прав рабочих… Мы считаем экстремистами правых религиозных фанатиков, матерей, кладущих своих детей на подъездные дороги к абортариям, или тех, кто устраивает взрывы в государственных учреждениях. Но убивать ради принципов могут не только они. В Европе теракты устраивали в основном левые радикалы. Боюсь, не могу предложить ни малейшей догадки.

– Нам требуется как-то сузить круг подозреваемых, – сказала Сакс.

Райм медленно кивал, размышляя, что им следует сосредоточиться на поимке объекта 10-9 и надеяться, что он выведет их на того, кто его нанял. Или найти улики, указывающие на заказчика. Однако он интуитивно чувствовал, что все это тоже важная информация. Если ответа нельзя найти в настоящем, следует обратиться к прошлому.

– Очевидно, заказчику убийства больше нашего известно о событиях тысяча восемьсот шестьдесят восьмого. Если мы выясним, что именно узнал Чарлз, что предпринял, его тайну, правду о краже, у нас появятся зацепки. Мне нужно больше информации о Нью-Йорке того времени: о Холмах Висельника, о кладбище «Поттерс-Филд» – все, что можно узнать. – В голове промелькнуло какое-то воспоминание, и он сосредоточенно сдвинул брови, затем сказал Куперу: – Когда ты в первый раз делал поисковый запрос о Холмах Висельника, то нашел статью о «Сэнфорд фаундейшн».

– Да, точно.

– Она осталась в компьютере?

Мэл Купер всегда все сохранял. Сейчас он вывел статью из «Таймс» на монитор:

– Вот, пожалуйста.

Из статьи Райм узнал, что «Сэнфорд фаундейшн» располагает обширным архивом по истории Северного Вест-Сайда.

– Позвоните тамошнему директору, Уильяму Эшбери, скажите, что нам надо поискать кое-что в его библиотеке, – распорядился он.

– Сейчас сделаю. – Купер снял трубку и после недолгого разговора доложил: – Сказали, что будут рады помочь. Эшбери лично отведет нас к смотрителю архива.

– Кому-то надо туда съездить. – Райм, приподняв бровь, посмотрел на Сакс.

– «Кому-то»? Не помню, чтобы я вытянула счастливую соломинку.

И кто, по ее мнению, должен этим заняться? Пуласки в больнице, Белл со своей командой охраняет Женеву, Купер – технарь-лаборант, Селлитто здесь старший по званию, ему не пристало заниматься скучными мелочами.

– Не бывает мелких мест преступления, бывают мелкие следователи, – укорил ее Райм.

– Как смешно, – кисло ответила Сакс, затем накинула куртку и взяла сумочку.

– Да, и еще, – сказал Райм уже серьезно.

Амелия вопросительно приподняла бровь.

– Нам известно, что мы для него цель. «Мы» – то есть полицейские.

– Не забывай про оранжевую краску, смотри, нет ли поблизости строителей или дорожников… Хотя, зная его, надо за всеми приглядывать.

– Поняла. – Сакс записала адрес «Сэнфорд фаундейшн» и вышла.

После ее ухода профессор Матерс снова просмотрел письма и остальные бумаги, затем вернул их Куперу. Посмотрел на Женеву:

– Когда мне было столько, сколько сейчас тебе, в школах афроамериканскую историю не проходили. Интересно, что там. Курс на два полугодия?

Женева нахмурилась:

– Афроамериканская история? Нет такого предмета в моей программе.

– А по какой дисциплине ты пишешь доклад?

– По языку.

– Вот как? Значит, «черная» история будет на следующий год?

Девушка на секунду замешкалась, затем сказала:

– Я вообще отказалась от этого предмета.

– В самом деле?

Видимо, в тоне профессора Женева уловила нотки укоризны.

– Этот предмет оценивается только как зачет-незачет. Надо всего лишь прослушать курс. Мне такой предмет в аттестате не нужен.

– Ну и вреда в этом тоже нет.

– А какой смысл? – резко спросила она. – Сколько раз можно это выслушивать?.. Дело «Амистада», торговцы живым товаром, Джон Браун, законы Джима Кроу, «Браун против министерства образования», Мартин Лютер Кинг, Малькольм Икс…[13] – Она замолкла.

С беспристрастностью профессионального лектора Матерс спросил:

– Всего лишь занудный скулеж о прошлом?

Поколебавшись, Женева кивнула:

– Думаю, да, можно и так сказать. В смысле: на дворе двадцать первый век – пора двигаться дальше. Битвы остались в прошлом.

Профессор улыбнулся, посмотрел на Райма:

– Ну что ж, удачи вам. Дайте мне знать, если еще смогу быть вам полезен.

– Обязательно.

Сухопарый профессор направился к выходу. У двери он обернулся:

– Да, и еще, Женева…

– Что?

– Никогда не задумывалась? Я, как человек, успевший пожить несколько дольше твоего, иногда задаюсь вопросом, на самом ли деле битвы остались в прошлом? – Он кивнул на доску с таблицей и письма Чарлза. – Может быть, просто стало труднее распознать врага?

Глава 23

«А знаешь, Райм, места преступления бывают мелкими.

Я это знаю, потому что передо мной сейчас именно такое».

Амелия Сакс стояла на Западной Восемьдесят второй улице, недалеко от Бродвея, напротив впечатляющего особняка «Хайрам Сэнфорд»,

большого мрачного здания в викторианском стиле, в котором размещался фонд Сэнфорда. Облик исторического Нью-Йорка дополнялся окружающими строениями: неподалеку от особняка, которому было больше ста лет, находился Музей искусств, тысяча девятьсот десятого года постройки, и целый ряд красивых старинных домов напротив. Сакс чувствовала себя неуютно и без убийц в заляпанных оранжевой краской спецовках – к зданию фонда примыкал зловещего вида «Сэнфорд отель» (по слухам, «Ребенка Розмари» изначально задумывалось снимать именно в нем).

С карнизов на Сакс, словно в презрении к ее заданию, взирали уродливые горгульи.

Внутри ей объяснили, как найти человека, с которым Мэл Купер недавно беседовал по телефону, – Уильяма Эшбери, директора фонда и одного из руководителей банка «Сэнфорд банк энд траст», которому и принадлежала благотворительная организация. Элегантный мужчина средних лет, Эшбери встретил ее с видом изумленного возбуждения.

– Полицейских в этих стенах еще не было. Вы первый… простите, первая.

Он как будто расстроился, когда Сакс уклончиво объяснила, что хотела бы посмотреть только кое-какие архивные материалы, касающиеся истории района, а вовсе не собиралась устраивать здесь засаду или проводить секретную операцию.

Эшбери был только рад помочь ей порыться в архивах и библиотеке, но лично сопровождать не мог. История в отличие от финансов, недвижимости и налогового права лежала за гранью его компетенции.

– Я вообще-то банкир, – доверительно сообщил он, как будто она сама не догадалась по его виду: темный костюм, белая рубашка, галстук в полоску – и по разложенным аккуратными стопками непостижимым таблицам и документам.

Пятнадцатью минутами позже Сакс поручили смотрителю – молодому человеку в твидовом костюме, который темными коридорами повел ее в полуподвальное архивное помещение. Сакс показала ему фоторобот объекта 10-9, полагая, что тот в поисках статьи о Чарлзе Синглтоне мог наведаться и сюда. Смотритель его не узнал и не смог припомнить, чтобы кто-то интересовался «Иллюстрированным еженедельником для цветных». Он показал на стеллажи с бумагами, и вскоре Сакс, раздраженная и измотанная, уже сидела на жестком стуле в тесной, как фоб, кабинке в окружении множества книг, журналов, распечаток, географических карт и рисунков.

Для поиска информации она использовала тот же метод, которому учил ее Райм для исследования мест преступлений: сперва оценить весь объем работы, составить разумный план и только потом приступать к исследованию. Для начала она рассортировала весь материал в четыре стопки: общая информация, история Вест-Сайда и Холмов Висельника, тема гражданских прав середины девятнадцатого столетия и «Поттерс-Филд». Первым делом Сакс принялась за материалы о кладбище. Прочитав все до последней страницы, она нашла подтверждение тому, что полк, в котором служил Чарлз Синглтон, действительно формировался на острове Харта, узнала о том, как появилось кладбище, как быстро расширялось, особенно во время эпидемий холеры и гриппа, когда по всей территории высокими штабелями громоздились дешевые дощатые гробы, которые не успевали закапывать.

Подробности завораживающие, но бесполезные.

Сакс начала читать материалы по гражданским правам. Просмотрев умопомрачительное количество информации, в том числе о полемике вокруг Четырнадцатой поправки, она не нашла ничего подтверждающего гипотезу профессора Матерса. В номере «Нью-Йорк таймс» от тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года попалась статья о том, что Фредерик Дуглас и другие видные деятели нанесли визит в некую церковь на Холмах Висельника. Позже Дуглас сказал репортеру, что встречался там с несколькими борцами за скорейшее принятие поправки. Впрочем, все это было известно из писем Чарлза. Его имя нигде не встречалось. В одном месте Сакс наткнулась на упоминание какой-то длинной статьи в «Нью-Йорк сан» о бывших рабах и вольноотпущенниках, которые содействовали Дугласу, однако самого номера в архивах не оказалось.

Сакс продолжала читать страницу за страницей, иногда застывая в сомнениях, что пропустила те несколько самых важных строк, которые могли бы пролить свет на их расследование. Не раз она возвращалась на один-два абзаца, которые только пробегала глазами, и перечитывала текст внимательнее. Она потягивалась, ерзала, скребла ноготь о ноготь, яростно чесала голову… затем с новым рвением принималась за документы. Стол вокруг был завален горами материалов, но на блокнотном листе по-прежнему не было ни одной записи.

Начав читать об истории Нью-Йорка, Сакс узнала много нового о Холмах Висельника. То было одно из первых поселений в пределах Северного Вест-Сайда, по сути самостоятельных деревень вроде Манхэттенвиля и Вандеуотер-Хайтс (теперешнего Морнингсайда). Оно простиралось от современного Бродвея до реки Гудзон к западу и от Семьдесят второй до Восемьдесят шестой улицы в северном направлении. Название

восходило еще ко временам колонистов-голландцев, которые поставили в центре своего поселения виселицу. Похоже, когда землю выкупили англичане, на этом месте еще долго продолжали казнить ведьм, преступников и мятежных рабов.

В тысяча восемьсот одиннадцатом году планировщики разбили Манхэттен на кварталы, хотя на протяжении еще пятидесяти лет эту сетку в районе Холмов Висельника (как и в остальной части города) можно было увидеть лишь на бумаге. В начале девятнадцатого столетия местность представляла собой путаницу проселочных дорог, пустых полей, лесов, бедняцких трущоб, фабрик и сухих доков. Было здесь и несколько богатых имений. К середине века район Холмов Висельника приобрел то многоликое разнообразие, какое отображала карта, не так давно найденная Мэлом Купером: крупные имения бок о бок с рабочими бараками и усадьбами поскромнее. По мере того как разрастался город, с юга на район наползали трущобы, кишащие бандами, а в Холмах Висельника Уильям «Босс» Твид, такой же пронырливый, как уличные воришки, только крупнее пошибом, раскручивал маховики коррумпированной политической машины демократов из «Таммани-Холл». (Твид был одержим желанием выжать максимальную выгоду из градозастройки; стандартная махинация по продаже городу крошечного участка земли приносила ему до шести тысяч долларов при реальной стоимости меньше тридцати пяти.)

Сегодня на этом месте располагались лучшие кварталы Северного Вест-Сайда, красивейшие и богатейшие в городе. Стоимость месячной аренды квартир здесь достигала нескольких тысяч долларов. (И, как раздраженно напомнила себе Амелия Сакс, застрявшая на своем «мелком месте преступления», на нынешних Холмах Висельника нашли приют лучшие рестораны; она с утра ничего не ела.)

Клубок истории разматывался, но ничего по делу не попадалось. Черт! Ей бы сейчас анализировать улики, собранные на месте преступления, или, еще лучше, прочесывать улицы вокруг конспиративной квартиры объекта, ища указания на то, где он живет и как его зовут.

О чем, черт побери, только Райм думает?

Наконец она добралась до последней книги в стопке. Пять сотен страниц, по ее оценке (глаз уже был наметан). Оказалось пятьсот четыре. Судя по содержанию, ничего решающего для ее поиска внутри не было. Сакс принялась листать страницы, но вскоре почувствовала, что ее терпение кончилось. Она швырнула книгу на стол, встала, потерла глаза и потянулась. Из-за давящей атмосферы архивов, расположенных на глубине двух этажей под землей, начала сказываться клаустрофобия. Возможно, здание и отремонтировали только в прошлом месяце, но

основание особняка, включая эти подвалы, осталось нетронутым. Низкие потолки, каменные колонны и стены только усиливали ощущение замкнутого пространства.

Хорошего мало, но еще хуже было сидеть. Амелия Сакс терпеть не могла сидеть на одном месте.

«Тебя труднее достать, когда ты в движении…»

«Значит, не бывает мелких мест преступлений, так, Райм?»

Она направилась к выходу.

Но у самой двери задержалась, посмотрела назад, на заваленный бумагами стол. Всего несколько строк в какой-то из этих пылящихся книг, пожелтевших газет могут решить, останется Женева Сеттл жива или умрет… От них может зависеть жизнь других невинных людей.

В голове прозвучал голос Райма: «Когда обходишь место преступления по сетке, то осматриваешь его один раз, затем другой и, закончив, начинаешь осматривать снова. Закончив осмотр в очередной раз, начинаешь сначала. И когда…»

Ее взгляд остановился на той последней книге, на которую у нее не хватило терпения. Сакс вздохнула, вернулась за стол, придвинула книгу и принялась как следует просматривать текст. Затем пролистала вклейку с фотографиями в середине.

Что оказалось весьма мудрым решением.

Амелия просто застыла, уставившись на фотографию Восточной Восьмидесятой улицы, снятую в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году. Затем рассмеялась, прочитав подпись и текст на противоположной странице; отстегнула с ремня сотовый телефон и нажала цифру 1 быстрого вызова.

– Я нашла «Поттерс-Филд», Райм.

– Мы знаем, где это находится, – рявкнул он в микрофон. – Остров на…

– Я о другом.

– Еще одно кладбище?

– Нет, не кладбище. Я говорю о таверне на Холмах Висельника.

– Таверна? Интересно.

– У меня перед глазами фотография, или… как это называется – дагерротип? Бар с вывеской «Поттерс-Филд» находился на Западной Восьмидесятой улице.

Значит, мы ошибались, подумал Райм. Решающая встреча Чарлза Синглтона могла состоятся вовсе не на острове Харта.

– И чем дальше, тем интереснее: таверна сгорела дотла. Подозревался поджог. Злоумышленник и мотивы не установлены.

– Поправь меня, если ошибусь: пожар случился в тот день, когда туда направился Чарлз, чтобы… как он сказал? «…Искать справедливость»?

– Все верно: пятнадцатого июля.

«…Навсегда погребена под толстым слоем земли».

– Про него или про таверну еще что-нибудь есть?

– Пока нет.

– Продолжай копать.

– Обязательно.

Они разъединились.

Разговор шел через громкую связь, и Женева все слышала.

– Вы думаете, что это Чарлз сжег бар? – со злостью спросила она.

– Не обязательно. Однако поджог часто устраивают, чтобы уничтожить вещественные доказательства. Возможно, в этом и был план Чарлза – уничтожить какие-то улики, имеющие отношение к ограблению фонда.

– Ну вы посмотрите на его письма… Он говорит, что кражу подстроили, чтобы его опорочить. Вы по-прежнему полагаете, что он виновен? – спокойным, твердым голосом сказала Женева, сверля Райма взглядом.

Криминалист ответил, не отводя глаз:

– Думаю, нет.

Девушка кивнула и едва заметно улыбнулась. Затем взглянула на свои видавшие виды часы:

– Мне надо домой.

Белл опасался, что преступник уже узнал адрес Женевы, и распорядился устроить для нее конспиративную квартиру. До вечера, когда квартира будет готова, ему со своей командой придется проявлять усиленную бдительность.

Женева собрала со стола письма Чарлза.

– Их придется на время оставить здесь, – сказал Райм.

– Оставить? Как улики?

– До тех пор, пока мы не разберемся в происходящем.

Женева неуверенно посмотрела на письма.

– С ними ничего не случится.

– Хорошо. – Она передала их Мэлу Куперу.

– Хочешь, сделаю тебе копии? – сказал он, глядя на ее встревоженное лицо.

Женева как будто смутилась.

– Да, можно. Просто… ну вы понимаете, они вроде семейных реликвий.

– Все понятно.

Он сделал ксерокопии и отдал ей. Девушка аккуратно сложила листки, спрятала к себе в сумочку.

У Белла зазвонил сотовый, он ответил и, послушав недолго, сказал:

– Отлично! Как можно скорее везите сюда. Очень признателен. – Он продиктовал адрес Райма и отключился. – Звонили из школы. Нашлась запись с камеры наблюдения на то время, когда соучастник объекта едва не подобрался к Женеве на школьном дворе. Сейчас привезут.

– Бог ты мой! – с кислой гримасой выговорил Райм. – Хотите сказать, у нас появилась реальная зацепка? Которой меньше ста лет?

Белл взял рацию и по шифрованному каналу сообщил Луису Мартинесу о дальнейших планах. Затем связался с Барб Линч, которая дежурила на улице у дома Женевы. Та доложила, что на улице все чисто.

Наконец Белл щелкнул по кнопке громкоговорителя на телефоне и позвонил Женеве домой, проверить, на месте ли ее дядя.

– Как она? – спросил дядя Уильям.

– В полном порядке. Мы скоро вернемся. У вас все нормально?

– Так точно, сэр, все хорошо.

– Родители не звонили?

– Ее старики? Ах да, звонил мой брат, они в аэропорту – снова какая-то задержка. Но скоро должны будут вылететь.

Раньше Райм сам часто летал в Лондон на консультации со Скотланд-Ярдом и другими европейскими полицейскими ведомствами. Путешествовать за океан было не сложнее, чем слетать в Чикаго или Калифорнию. Теперь, после одиннадцатого сентября, все изменилось. Добро пожаловать в новый мир международных авиаперевозок. Его злило, что родители девушки так долго не могут добраться домой. Она, конечно, взрослая не по годам, но все равно ребенок, и ей лучше быть рядом со старшими.

Из рации Белла послышался треск, и сквозь статические помехи донесся голос Мартинеса:

– Босс, я на месте. Машина у входа, дверь открыта.

Белл выключил приемник и повернулся к Женеве:

– Мисс, выходим, как будете готовы.

* * *

– Вот, держи.

Эти слова Джон Эрл Уилсон адресовал Томпсону Бойду, сидевшему в отдельной кабинке ресторанчика на Брод-стрит в центре Манхэттена.

Худощавый белый парень в бежевых джинсах не первой свежести протянул Бойду сумку.

Уилсон уселся напротив. Бойд разглядывал содержимое сумки. Внутри была большая коробка из-под источника бесперебойного питания, рядом с ней – пакет с надписью «Данкин Донатс», хотя сейчас в нем лежали явно не пончики. Уилсон любил использовать упаковку из-под фаст-фуда – вощеная бумага хорошо защищала от сырости.

– Перекусим? – спросил Уилсон, глядя на проплывающую мимо тарелку салата. Он был голоден. Они с Бойдом часто встречались в кафе и

ресторанчиках, но вместе никогда не обедали. Больше всего Уилсон любил пиццу и содовую, ел в одиночестве в своей однокомнатной квартирке, под завязку набитой инструментами, проводами и компьютерными чипами. Неужели Бойд за все услуги не угостит его хоть каким-нибудь сандвичем?

– Через минуту-две я ухожу, – ответил киллер.

На столе перед ним стояла тарелка с недоеденным кебабом. Уилсон надеялся, что Бойд предложит остатки ему, но тот лишь улыбнулся официантке, которая подошла, чтобы забрать тарелку. Улыбающийся Бойд! Что-то новенькое. Хотя, надо признать, от такой улыбочки мурашки по коже.

– Тяжелая, а? – спросил Уилсон, взглядом указывая на сумку.

– Да.

– Думаю, ты оценишь.

Он гордился тем, что умел делать, и сухость Бойда его раздражала.

– Ну что, как продвигается дело?

– Продвигается.

– Все нормально?

– Есть небольшие заминки. Вот почему… – Не договорив, Бойд кивнул на сумку. Он принялся насвистывать, попытался подобрать мелодию из динамика наверху. Какая-то причудливая этническая музыка: что-то индийское или пакистанское. Тем не менее Бойд сумел попасть в такт. Что-что, а убивать и свистеть он умел.

Официантка с грохотом уронила в мойку поднос с тарелками. Когда посетители повернули на звук головы, Уилсон почувствовал легкое постукивание по ноге под столиком. Нащупав конверт, он быстро сунул его в карман расклешенных джинсов. Для пяти тысяч долларов конверт казался на удивление тощим, но Уилсон знал: там вся сумма до последнего цента. В этом Бойду было не отказать: он всегда платил аккуратно.

Прошло несколько секунд.

Значит, есть вместе они снова не будут. Остается только сидеть и глотать слюну, пока Бойд попивает свой чай… При том, что «через минуту-две» ему надо идти.

Что за дела?

Вопрос задавать не пришлось. Посмотрев в окно, Бойд проследил взглядом за битым белым фургончиком, который, сбросив скорость, повернул в переулок, ведущий к задней стороне здания. Уилсон успел заметить водителя: щуплый мужчина, смуглый и с бородой.

Бойд не отрывал от машины глаз. Когда она скрылась за углом, он встал и поднял тяжелую сумку. Оставил на столе деньги, чтобы расплатиться по счету, кивнул Уилсону и пошел к двери. Остановился, посмотрел назад.

– Я тебя поблагодарил?

Уилсон удивленно моргнул:

– Ты… Что-что?

– Я тебя поблагодарил? – Он кивнул на сумку у себя в руке.

– А-а, нет.

Чтобы Томпсон Бойд улыбался да еще и благодарил… Не иначе крышу снесло от полнолуния.

– Я очень тебе признателен, – сказал киллер. – В смысле за весь твой труд. Серьезно.

Слова прозвучали наигранно, как у плохого актера.

Затем, что было не менее удивительно, он подмигнул на прощание официантке, вышел на оживленную улицу и свернул в переулок, ведущий к задней стороне здания.

Глава 24

На Сто восемнадцатой улице Роланд Белл плавно остановил новый «форд» напротив дома Женевы.

Со своего наблюдательного поста, из «шевроле», в котором Белл вез Женеву от дома ее двоюродной тетки, Барб Линч кивком подала ему знак. Он быстро провел Женеву в подъезд, поднялся по лестнице до квартиры. Открыл дядя Уильям; он обнял племянницу и пожал Беллу руку, благодаря за то, что о ней так беспокоятся, после чего вышел, сказав, что ему нужно в магазин.

Женева ушла к себе в комнату. Заглянув туда, Белл увидел, что девушка сидит на кровати и что-то ищет в открытой сумке.

– Мисс, я могу быть как-то полезен? Есть не хочется?

– Нет, я порядком устала, – сказала Женева. – Пожалуй, займусь сейчас уроками, может, немного вздремну.

– Верная мысль. После всего, что вам пришлось пережить.

– Как офицер Пуласки? – спросила Женева.

– Я недавно разговаривал с его начальником: по-прежнему без сознания. Врачи не могут сказать, что с ним будет. К сожалению, другими вестями порадовать не могу. Я собираюсь попозже его проведать.

Девушка достала какую-то книгу и протянула ее Беллу:

– Передадите ему от меня?

Детектив взял книгу.

– Разумеется, обязательно… Только вот… не знаю… Даже если он и очнется, вряд ли будет в состоянии сам читать.

– Будем надеяться на лучшее. Если он очнется, может, кто-нибудь ему почитает. Ему это может помочь. Ну знаете, послушать историю. И еще скажите ему или его родным, что внутри есть талисман на удачу.

– Вы очень добры, мисс.

Белл закрыл дверь и прошел в гостиную. Позвонил сыновьям и сказал, что скоро будет дома. Потом связался со своими людьми на всех постах, которые доложили, что все спокойно.

Усевшись в гостиной, он стал дожидаться дядю Женевы, надеясь, что тот купит побольше продуктов: его бедную племянницу явно не мешало подкормить.

Алонсо Джаксон медленно продвигался к дому Женевы Сеттл по узеньким переулкам, зажатым между городскими домами Западного Гарлема.

Однако сейчас он был не Джакс-заключенный с походкой подстреленного, не кровавый король граффити из Гарлема прежних

дней, а безымянный придурковатый бродяга в затертых джинсах и сером свитере с украденной из универмага тележкой, набитой туго свернутыми газетами и пустыми банками из мусорного бака. Он не рассчитывал, что кто-то купится на такую уловку, увидев его вблизи, – для заурядного уличного бомжа Джакс выглядел слишком уж чистым. Но ему и не требовалось одурачивать всех подряд, только некоторых, например, тех копов, что стерегли Женеву.

Из одного переулка через дорогу – в другой. До задней двери дома, который показал ему этот засранец – Кевин Чини, оставалось около трех кварталов ходу. Приличное место, черт бы его побрал. На душе снова стало дерьмово, вернулись горькие воспоминания о собственных рухнувших планах обзавестись семьей.

«Сэр, я должен с вами поговорить. Мне жаль, но ваш мальчик… Нам не удалось его спасти». – «Мальчик?» – «Я сожалею, сэр. Мы сделали все возможное, уверяю вас, но…» – «У меня мог быть сын…»

Он выбросил эти мысли из головы. То и дело выравнивая тележку, которую все время уводило влево, иногда бормоча что-то себе под нос, Джакс медленно, но верно шел вперед. Вот будет прикол, если его загребут за краденую тележку. Хотя, если подумать, ничего веселого тут нет. Придерутся к тебе из-за такой вот мелочи, а там и пушку найдут. Дальше – пробьют по компьютеру, и… глазом моргнуть не успеешь, как снова загремишь в тюрягу. Снова в «Буффало», а то и куда похуже.

Грох, грох… Маневрировать по замусоренным тротуарам с тележкой на разбитом колесе – врагу не пожелаешь. Но подобраться к приличному дому в зажиточной части Гарлема можно только по задним дворам. Маячить на тротуаре у парадного входа – значит сразу вызвать подозрение, катить же свои пожитки в тележке по переулку – не такая уж невидаль. От богатых остается больше мусора, да и качеством он здесь получше будет. Нормальный бродяга скорее направится промышлять в Западный Гарлем, чем в центральный.

«Далеко еще?»

Джакс – бездомный бродяга – поднял голову и прищурился, оценивая расстояние. Всего два квартала. Почти на месте, почти дошел.

У него где-то свербело.

Для таких пациентов, как Линкольн Райм, это могло иметь буквальный смысл. В шее, плечах и голове чувствительность сохранилась –

остаточные тактильные ощущения, без которых он был бы рад обойтись. Невозможность дотянуться до места, где чешется, для паралитика сущее наказание.

Но сейчас его донимало не физическое ощущение.

Что-то было не так. Только что именно?

Том задал ему какой-то вопрос, но Райм не отозвался.

– Линкольн?

– Не видишь – я думаю.

– Нет, конечно. Этот процесс происходит внутри, – парировал его помощник.

– Тогда помолчи. «Что же не так?»

Очередной беглый взгляд: таблицы с уликами, словесное описание, письма, вырезки, странное выражение лица «Повешенного»… Но свербящее беспокойство как будто не вяжется ни с одной из улик.

А следовательно, не стоит принимать его во внимание. Надо вернуться к…

Райм слегка наклонил голову. Почти ухватился за мысль, но она все-таки ускользнула.

Какая-то нестыковка – чьи-то слова, сказанные накануне, не вязались с другими.

И вдруг:

– Ах ты, черт побери! – вырвалось у него. – Дядя!

– Что такое? – спросил Мэл Купер.

– Господи, дядя Женевы!

– А что с ним?

– Женева говорила, что он приходится братом ее матери.

– Ну и?

– Когда мы последний раз говорили с ним по телефону, он сказал, что разговаривал с братом.

– Ну, он, вероятно, так назвал своего зятя; вроде муж сестры для него как брат.

– Когда говорят о своем зяте, то так всегда его и называют… Компьютер, набрать номер – абонент Белл.

Зазвонил сотовый, и Роланд мгновенно, на первой же ноте, нажал кнопку ответа – эта мелодия означала, что вызов пришел с домашнего номера Линкольна Райма.

– Говорит Белл.

– Роланд, ты у Женевы?

– Да.

– Меня с твоего сотового никто рядом с тобой не услышит?

– Нет. Говори, я слушаю.

Детектив машинально откинул борт пиджака и расстегнул ремешок кобуры, в котором покоился больший из двух его пистолетов. Ни голос, ни рука не дрогнули, хотя сердце на пару ударов в секунду ускорило темп.

– Где Женева?

– У себя в комнате.

– А дядя?

– Не знаю. Ушел в магазин.

– Послушай. Он прокололся. Сказал, что он брат ее отца. Она говорила, что он брат ее матери.

– Черт! Он самозванец!

– Найди Женеву и оставайся с ней рядом, пока мы с этим не разберемся. Я сейчас направлю к вам еще пару машин.

Белл мигом очутился у комнаты девушки. Постучал в дверь, но ответа не последовало.

Чувствуя, как быстро заколотилось сердце, он выхватил из кобуры «беретту».

– Женева!

Тишина.

– Роланд, – раздался из трубки голос Райма, – что там происходит?

– Одну секунду.

Припадая в полуприседе, детектив распахнул дверь и с пистолетом на изготовку ворвался внутрь.

Комната оказалась пуста, Женева Сеттл исчезла.

Глава 25

– Центральный, код десять два девять, вероятное похищение. – В своей спокойной манере, чуть растягивая слова, Белл еще раз повторил тревожное сообщение и назвал адрес. Затем добавил: – Жертва – чернокожая девушка шестнадцати лет. Рост – пять футов два дюйма, вес – около сотни фунтов. Подозреваемый – чернокожий мужчина невысокого роста, от сорока до сорока пяти лет, короткая стрижка.

– Вас понял. Выслано подкрепление. Конец.

Белл пристегнул рацию на ремень, послал Линч и Мартинеса тщательно проверить все здание, а сам поспешил вниз. За улицей напротив дома должна была следить Линч, Мартинес вел наблюдение с крыши. Но в их задачу входило высматривать людей, похожих на объект 10-9 и его сообщника, которые приближались бы к зданию, а не удалялись от него. Мартинес вспомнил, что тремя минутами ранее, кажется, видел девушку и мужчину, который мог быть дядей Женевы. Они направлялись от дома, и он не придал этому значения.

Белл внимательно оглядел улицу, но заметил только нескольких людей в деловых костюмах. Свернул за угол, пробежал по переулку и увидел бездомного, толкающего перед собой магазинную тележку. Белл решил, что через минуту обязательно расспросит его, не видел ли тот девушку, а пока надо было заняться другими возможными свидетелями – рядом несколько девочек прыгали через скакалку.

– Эй!

Веревка остановилась и обвисла, головы повернулись к нему.

– Всем привет. Я офицер полиции, ищу девушку-подростка. Она чернокожая, худенькая, коротко стриженная. С ней, вероятно, пожилой мужчина.

Издалека, приближаясь, донеслись звуки сирен – к району стягивались дополнительные патрули.

– А жетон у вас есть? – спросила одна из девочек.

Стараясь не выдавать тревоги, Белл улыбнулся и показал им жетон.

– Ух ты!

– Да, видели мы их, – сказала одна миловидная кроха. – Они шли вон по той улице и свернули направо.

– Не, налево.

– Не, ты же не смотрела.

– Я смотрела. Мистер, а у вас пистолет есть?

Белл бросился к улице, которую указали девочки. В квартале от него с обочины по правую руку выехала какая-то машина. Детектив сорвал с ремня рацию и передал:

– Экипажам, выехавшим на код десять два девять, по Сто семнадцатой улице на запад движется темно-бордовый седан. Задержать и проверить. Повторяю: мы ищем чернокожую девушку шестнадцати лет. Подозреваемый – черный мужчина сорока лет. Действовать осторожно, может быть вооружен.

– Семь-семь-два принял, мы почти на месте… Да, видим объект. Сейчас остановим.

– Семь-семь-два, вас понял.

Белл увидел, как к седану, сигналя фарами, приближается патрульный автомобиль. Седан резко затормозил. Белл побежал в их сторону. Полицейский из патрульной машины подошел к водительской дверце седана и наклонился, держа руку на рукоятке служебного пистолета.

«Пожалуйста, пусть это будут они».

Офицер махнул рукой, и машина двинулась дальше.

Белл мысленно чертыхнулся и подбежал к патрульному.

– Детектив.

– Не они?

– Нет, сэр. За рулем чернокожая женщина лет тридцати. Одна.

Белл направил экипаж патрулировать прилегающие улицы с юга, остальным велел держать другие направления. Оглядевшись, он бросился бежать по выбранной наугад улице. Зазвонил сотовый.

– Белл слушает.

Линкольн Райм спросил, как развивается ситуация.

– Ее никто не видел. Но, Линкольн, я не пойму, как Женева может не знать родного дядю?

– Ну, мне в голову приходит несколько вероятных сценариев, по которым злоумышленник мог совершить подмену. Или дядя с ним в сговоре. Не знаю. Но что-то здесь явно не так. Его манера говорить – не очень-то он похож на профессорского брата. В нем явно чувствуется уличное воспитание.

– Да, верно… Мне надо связаться с командой. Перезвоню позже.

Белл отключился и вызвал по рации подчиненных.

– Луис? Барб? Отзовитесь. Нашли что-нибудь?

Барб сообщила, что никто из опрошенных ею людей на Сто восемнадцатой не видел ни девушки, ни ее дяди. Мартинес доложил, что в общих помещениях дома их нет, а также нет никаких признаков взлома или посторонних.

– Ты далеко? – спросил он.

– В квартале к востоку и двигаюсь дальше. Дополнительные патрульные экипажи прочесывают улицы. Давайте один ко мне, второй остается прикрывать квартиру.

– Понял.

– Конец связи.

Белл пересек улицу, посмотрел налево и снова заметил бомжа, который, бросив на него взгляд, нагнулся и поскреб себе щиколотку. Белл пошел к нему, чтобы спросить, не видел ли он чего.

В этот момент где-то хлопнула дверца машины. Завелся двигатель. Впереди!.. Белл побежал. Нет – справа.

Он побежал быстрее. В следующую секунду он увидел, как от бордюра отъезжает серый помятый «додж». Машина начала набирать скорость, но резко затормозила, когда впереди на перекресток медленно выехал патрульный экипаж. Водитель «доджа» включил задний ход и прямо через бордюр попятился с улицы на пустырь, пытаясь скрыться из вида. Беллу показалось, что в салоне он разглядел двоих… Они! Женева и мужчина, который выдавал себя за ее дядю. Машина заметно дернулась, когда водитель включил первую передачу.

Белл схватил рацию и приказал всем экипажам блокировать улицу с обеих сторон.

Однако патрульный за рулем ближайшей машины вместо ого, чтобы перекрыть выезд на перекресток, вывернул на улицу. Дав задний ход, «дядя» на полном газу описал по пустырю руг и нырнул за дома в переулок. Белл потерял его из виду и что было сил побежал к тому месту, где последний раз видел «додж», на ходу передавая патрульным распоряжение оцепить квартал.

У входа в переулок Белл посмотрел направо – как раз вовремя, чтобы заметить исчезающий за углом задний бампер. Он бросился следом, вынимая из кобуры «беретту», на полном ходу повернул за угол. И замер на месте.

Визжа покрышками, «додж» задом несся прямо на него, пытаясь уйти от патрульной машины.

Не двигаясь с места, Белл поднял пистолет. Он увидел панический взгляд «дяди», лицо Женевы с раскрытым в немом крике ртом. Но стрелять было нельзя. Полицейская машина находилась прямо за «доджем». Даже если удастся поразить цель, пули в усиленной оболочке прошьют похитителя и автомобиль насквозь и могут попасть в патрульных.

Белл рванул в сторону, поскользнулся и со стоном упал на бок – прямо под колеса «доджа». Он попытался отползти на безопасное расстояние, однако машина двигалась слишком быстро.

Но… но что это?

Похититель ударил по тормозам. Машина, визжа резиной, замерла в каких-то пяти футах от Белла. Дверцы распахнулись, и Женева с «дядей» выскочили наружу. Мужчина прокричал:

– Вы целы? Вы целы?

– Детектив Белл? – хмуря брови, сказала Женева. Наклонилась, помогая ему подняться.

Морщась от боли, Белл направил пистолет на «дядю»:

– Даже не думай пошевельнуться.

Мужчина заморгал и нахмурился.

– Лечь на землю! Руки в стороны!

– Детектив Белл… – начала Женева.

– Минуточку, мисс.

«Дядя» подчинился. Белл надел на него наручники. По переулку к ним уже бежали патрульные.

– Обыскать его.

– Слушаюсь, сэр.

– Послушайте, сэр, вы ничего не понимаете, – подал голос «дядя».

– Тихо! – оборвал его Белл и повел Женеву к ближайшему дверному проему, чтобы убрать ее из зоны обстрела с соседних крыш.

– Роланд!

К ним бежала Барб Линч.

Белл привалился спиной к кирпичной стене, переводя дыхание. Повернув голову влево, он снова увидел того бомжа, которого уже замечал раньше. Бродяга с тревогой глянул на полицейских, развернулся и побрел в обратную сторону. Белл отвернулся.

– Вовсе не обязательно его так, – сказала ему Женева, кивая на «дядю» в наручниках.

– Но он ведь тебе не дядя, – понемногу успокаиваясь, сказал Белл. – Да?

– Да.

– Куда он только что пытался тебя увезти?

Девушка опустила глаза, ее лицо приняло грустное выражение.

– Женева, – строго сказал Белл, – это очень серьезно. Объясни, что происходит.

– Я сама попросила его кое-куда меня отвезти.

– Куда именно? Она потупилась.

– На работу. Мне нельзя пропустить смену.

Она распахнула куртку, под которой обнаружилась форма «Макдоналдса». Табличка с именем на груди весело сообщала: «Привет! Меня зовут Жен».

Глава 26

– В чем там дело? – спросил Линкольн Райм. Он выглядел озабоченным, но, несмотря на переполох, вызванный ее исчезновением, упрека в его голосе не было.

Женева сидела на стуле рядом с ним, на первом этаже его городского особняка. Тут же, скрестив руки на груди, стояла Сакс. Она только вернулась, неся с собой большую кипу материалов из архивов «Сэнфорд фаундейшн», где ей удалось сделать настоящее открытие касательно «Поттерс-Филд».

Сейчас документы покоились на столе около Райма, на время забытые в свете новой неожиданной драмы.

Девушка с вызовом уставилась Райму в глаза:

– Я ему заплатила, чтобы он сыграл роль моего дяди.

– А как же твои родители?

– У меня их нет.

– У тебя…

– …нет родителей, – снова процедила она.

– Продолжай, – мягко сказала Сакс.

Помолчав немного, девушка начала:

– Когда мне было десять, отец нас бросил – меня и маму. Уехал в Чикаго с другой женщиной и там женился, завел себе новую семью. Как я переживала! Мне было так больно и тяжело! Но в глубине души я

все-таки его не винила. Наша жизнь была настоящим кошмаром: мама подсела на крэк и не могла уже завязать. Начались ссоры и драки… Она начинала первая. Отец пытался ей помочь, а ее это бесило. Чтобы покупать наркотики, она воровала из магазинов. – Женева не отрываясь смотрела Райму в глаза. – А еще она уходила к подругам, и они приглашали к себе мужчин – ну, вы сами понимаете для чего. Отец обо всем знал. Думаю, он просто терпел сколько мог, а потом не выдержал и уехал. – Она тяжело вздохнула и продолжила: – Потом мама заболела: у нее был ВИЧ, а лекарства она никакого не принимала и вскоре умерла. Я какое-то время жила у ее сестры в Бронксе, но потом та уехала к себе в Алабаму, а меня оставила с тетей Лили. У нее денег тоже не было, ее отовсюду выселяли, так что приходилось жить у знакомых – вот как сейчас. Я для нее была только лишней обузой. Однажды я договорилась с управляющим одного особняка, где мама когда-то подрабатывала уборкой. Он позволил мне поселиться в подвале – за плату. Там у меня есть кушетка, старенький комод, микроволновка и книжный шкаф. В почтовом адресе я указываю номер его квартиры.

– Я заметил, что тебе было не очень уютно в той квартире. Кому она принадлежит?

– Одной престарелой паре. Полгода они живут здесь, а на осень и зиму уезжают в Южную Каролину. Вилли хранит запасной ключ. – После паузы она добавила: – Я оплачу счет за электроэнергию и куплю пиво и все остальное, что Вилли съел или выпил.

– Об этом можешь не беспокоиться.

– Нет, не могу, – отрезала Женева.

– А с кем тогда я разговаривал по телефону вместо твоей матери? – спросил Белл.

– Простите, – вздохнула Женева. – Это была Лакиша. Я попросила ее изобразить мою маму. Она еще та актриса.

– Меня одурачить ей удалось. – Белл ухмыльнулся, думая о том, как умело его надули.

– А твоя речь? – сказал Райм. – Ты говоришь вполне как дочка профессора.

Женева переключилась на уличный сленг:

– В смысле – зубами не лязгаю, как вешалки из местной тусовки? – Она зло усмехнулась: – Я шлифую свой стандартный английский с семи или

восьми лет. – Ее лицо погрустнело. – То хорошее, что сумел привить мне отец, – любовь к книгам и чтению. Он, бывало, сам мне на ночь читал.

– Мы можем его найти и…

– Нет! – почти прохрипела Женева. – Не хочу иметь с ним ничего общего. В любом случае у него сейчас есть свои дети, о которых надо заботиться. И я ему не нужна.

– И никто даже не догадывался, что ты бездомная? – спросила Сакс.

– С какой стати? Я ни разу не обращалась в Службу соцзащиты, не просила продовольственные купоны, так что сотрудники социальной службы ко мне не наведывались. Я даже не записывалась на бесплатное питание в школе, иначе бы засветилась. На школьных документах подделала подписи своих родителей, и у меня есть ящик голосовой почты. С этим тоже Киш помогла: надиктовала приветственное сообщение как будто голосом моей матери.

– И даже в школе никто ничего не заподозрил?

– Иногда спрашивали, почему никто из родителей не появляется на собраниях, но большого значения этому не придавали, потому что у меня по всем предметам только «отлично». Нет заявлений в органы соцзащиты, хорошая успеваемость, в полицию не попадала… Если ты не доставляешь хлопот, тебя никто не замечает. – Она рассмеялась. – Знаете книгу Ральфа Эллисона «Человек-невидимка»? Только это не тот фантастический фильм. Книга о том, что значит быть черным в Америке, быть невидимкой. Так вот, я и есть невидимка.

Теперь все встало на свои места: поношенная одежда, дешевенькие часы – совсем не то, чем баловали бы дочурку родители-ученые. Государственная, а не частная школа. Ее подруга – тусовщица Киш – не компания, разумеется, для дочери профессора из солидного колледжа.

Райм покивал.

– Значит, родителям в Англию ты вчера не звонила. А управляющего домом попросила притвориться, что он твой дядя?

– И он согласился… за дополнительное вознаграждение, да. Он предложил мне пожить у него, но ведь это же чепуха. Понимаете, о чем я? Я предложила использовать квартиру Рейнольдсов, пока они все равно в отъезде. Уговорила его снять табличку с их фамилией с почтового ящика.

– Он мне с самого начала показался сомнительным родственником, – сказал Белл.

Женева только усмехнулась в ответ.

– Ну а когда родители так бы и не появились, как бы ты это нам объяснила?

– Не знаю. – Ее голос дрогнул, и на мгновение она предстала беззащитным, растерянным ребенком. Но это выражение быстро исчезло. – Мне приходилось все время импровизировать. Помните, когда я вчера убежала за письмами Чарлза? – Она устремила взгляд на Белла, и тот кивнул. – Я вышла из квартиры через заднюю дверь и спустилась в подвал. Там они у меня и лежали.

– У тебя есть хоть кто-то из родни в Нью-Йорке? – спросила Сакс. – Кроме двоюродной бабушки?

– Никого у меня нету… – В ее глазах сверкнул неподдельный ужас, которого Райм раньше за ней не замечал. И вызвал его не страх перед киллером, а сорвавшееся с языка неграмотное словцо. Она покачала головой. – Нет, больше никого.

– Почему ты не хочешь обратиться в Службу социальной защиты? – спросил Селлитто. – Она для того и существует.

А Белл добавил:

– Ты больше, чем кто-либо, имеешь на это право.

Девушка нахмурилась, ее темные глаза потемнели еще больше.

– Бесплатно я ничего не беру. – Она потрясла головой. – И вообще, заявится ко мне социальный работник и увидит, как я живу, и меня сразу сошлют к тетке в Алабаму. Она живет в деревне с населением в триста человек. Представляете, какое образование я там получу? Или затолкают в приют, в комнатушку с четырьмя оторвами: хип-хоп на полную громкость двадцать четыре часа в сутки, по воскресеньям насильно в церковь… – Она поежилась.

– Поэтому ты пошла работать? – Райм оглядел ее униформу.

– Поэтому и пошла. Меня свели с одним парнем, который подделывает водительские права. По ним мне все восемнадцать. – Она хохотнула. – Знаю, что на вид мне и близко столько не дашь. Но на моей нынешней работе менеджер – белый старик, он и не понял, сколько мне лет. Там я до сих пор и работаю, ни разу свою смену не пропустила. До сего дня. –

Вздох. – Когда босс узнает, ему придется меня уволить. Черт! А я на этой неделе и второго места лишилась.

– Ты работала в двух местах?

Девушка кивнула.

– Оттирала граффити. В Гарлеме сейчас все обновляется, чуть ли не на каждом шагу. Большие страховые компании или конторы по торговле недвижимостью ремонтируют старое жилье, а потом сдают его за приличные деньги. Строители нанимают подростков, чтобы отскабливать со стен художества. Хороший заработок. Только меня уволили.

– Из-за твоего несовершеннолетия? – спросила Сакс.

– Нет. Я увидела, как рабочие – три белых здоровяка, которые работают на какую-то риелторскую фирму – травят стариков, которые в том доме всю жизнь прожили. Я сказала им прекратить, иначе позвоню в полицию… – Женева дернула плечами. – И меня уволили. В полицию я все-таки позвонила, только там это никого не интересовало… Делай после этого добрые дела.

– Поэтому ты отказалась от помощи миссис Бартон, школьного консультанта, – заключил Белл.

– Узнай она, что мне негде жить… бац, и меня отправят в приют. – Она поежилась. – Мне совсем чуть-чуть оставалось! Каких-то полтора года, и я подалась бы в Гарвард. И тут появляется этот тип и пускает все под откос!

Женева подошла к таблице, в которой были сведены известные факты о жизни Чарлза Синглтона.

– Вот почему я о нем писала. Должна была доказать себе, что он невиновен. Мне хотелось, чтобы он оказался порядочным человеком, хорошим мужем и отцом. А какие замечательные он писал письма! Каким чудесным языком! Даже почерк у него очень красивый. А еще он был героем войны Севера и Юга, учил детей и спасал сирот от бунтовщиков. У меня вдруг появился родственник – по-настоящему добропорядочный, умный, знакомый с известными людьми. Мне очень хотелось иметь такого, достойного восхищения, не то что отец и мать…

В дверном проеме показалась голова Луиса Мартинеса.

– Он чист. Имя и адрес соответствуют названным. Задержаний и судимостей не имеет.

Мартинес проверил подставного дядю. Райм и Белл на слово доверять никому больше не собирались.

– Тебе, наверное, очень одиноко, – сказала Сакс.

Женева помолчала, прежде чем ответить.

– Отец иногда водил меня с собой в церковь, до того как сбежал, и я помню один госпел, наш любимый: «Некогда умирать». Вот и у меня так же: мне просто некогда быть одинокой.

Но Райм изучил Женеву достаточно хорошо – она блефовала.

– Значит, у тебя тоже есть тайна, как и у твоего предка. А кто в нее посвящен?

– Киш, управляющий домом, его жена – вот и все. – Девушка с вызовом уставилась на Райма. – Собираетесь меня сдать?

– Но ты не можешь жить сама по себе, – сказала Сакс.

– Жила ведь два года, – бросила в ответ Женева. – У меня есть книги, школа. Большего мне и не нужно.

– Но...

– Если вы меня выдадите, вся моя жизнь рухнет. – Затем очень тихо добавила: – Я прошу.

На мгновение повисла тишина. Сакс и Селлитто посмотрели на Райма – единственного среди присутствующих, кого не связывали ни городское начальство, ни полицейский регламент. И он сказал:

– С решениями можно пока не спешить. У нас и так хлопот полон рот – сначала надо взять киллера. Только я считаю, что ты должна остаться здесь, а не на конспиративной квартире. – Он посмотрел на Тома: – Думаю, комната у нас наверху найдется, да, Том?

– Еще бы не найтись!

– Я правда бы лучше... – начала Женева.

Улыбаясь, Райм не дал ей закончить:

– На этот раз вынужден настоять.

– Но моя работа... Я не могу позволить себе ее потерять.

– Об этом я позабочусь.

Райм попросил у нее номер, позвонил менеджеру в «Макдоналдс» и в общих словах объяснил, что на Женеву было совершено нападение и несколько дней она не сможет выходить на работу. Начальник выразил искреннюю обеспокоенность и сказал, что Женева – их самый добросовестный работник; пусть не выходит столько, сколько надо, и не беспокоится насчет своего места. Они будут ждать ее возвращения.

– Она наша лучшая сотрудница, – звучал из громкоговорителя его голос. – Такая молоденькая, а ответственности больше, чем у тех, кто вдвое старше. Таких людей поискать.

Райм и Женева обменялись улыбками.

Тут позвонили в дверь. Белл и Сакс мгновенно посерьезнели и потянулись к оружию. Райм заметил, что Селлитто все еще напуган; он опустил взгляд на пистолет, но рукой не шевельнул. Его пальцы легонько потирали кожу на щеке, словно пытаясь вызвать джинна, который унял бы тревогу на душе.

В дверях показался Том и обратился к Беллу:

– Пришла некая миссис Бартон из школы. У нее с собой какая-то запись с камеры наблюдения.

Женева испуганно замотала головой.

– Нет, – прошептала она.

– Пригласи ее к нам, – распорядился Райм.

В комнату вошла крупная негритянка в лиловом платье. Белл представил ее присутствующим. Она кивнула каждому по отдельности. Как большинство консультантов, которых Райму доводилось встречать, женщина не выказала никакой реакции, заметив его недееспособность.

– Здравствуй, Женева, – сказала она.

Девушка кивнула. Ее лицо застыло в неподвижную маску. Райм хорошо представлял себе ход ее мыслей, ту угрозу, которую для нее олицетворяет миссис Бартон, – алабамское захолустье или детский приют.

– Как твои дела? – продолжила женщина.

– Хорошо, спасибо, – с несвойственным ей почтением отозвалась девушка.

– Тебе, наверно, туго приходится, – сказала миссис Бартон.

– Бывало полегче.

Женева старательно хохотнула. Получилось искусственно. Бросив на женщину взгляд, она тут же отвела глаза в сторону. Бартон сказала:

– Я поговорила с десятком людей насчет того мужчины, который ошивался вчера у школы. Только двое или трое вспомнили, что кого-то видели. Описать его никто не сумел, не считая того, что он цветной, одет в куртку армейского покроя и поношенные рабочие ботинки.

– Кое-что новенькое, – вставил Райм. – Про ботинки.

Том добавил на доску новую запись.

– А вот кассета из нашей службы охраны.

Женщина передала Куперу стандартную бытовую видеокассету, и тот включил просмотр.

Райм подкатился к самому экрану и вгляделся в картинку, чувствуя, как от натуги напряглись шейные мышцы.

Пользы от записи было не много. Камера охватывала только школьный двор, а не прилегающие тротуары и улицы. У самого края кадра можно было разглядеть нечеткие фигуры прохожих. Без особой надежды на то, что удастся вытянуть из нее что-то полезное, Райм велел Куперу отправить кассету в лабораторию в Квинсе для цифровой обработки. Техник заполнил форму доверенности на передачу улики, упаковал кассету и вызвал машину.

Белл поблагодарил миссис Бартон за содействие.

– Все, что в наших силах. – Она помолчала, оглядывая девушку. – Да, Женева, мне очень надо встретиться с твоими родителями.

– С моими родителями?

Бартон медленно кивнула.

– Должна сказать, я разговаривала с несколькими учениками и учителями, и почти все сказали, что твои родители не особенно интересуются школьной жизнью. Никто их даже не видел.

– У меня отличная успеваемость.

– Ну, это мне хорошо известно. Мы очень довольны твоей успешной учебой, Женева. Но суть школы – во взаимодействии родителей и детей. Мне хотелось бы с ними поговорить. У них есть сотовые?

Женева оцепенела.

Повисла давящая тишина, которую нарушил голос Линкольна Райма:

– Должен открыть вам правду.

Женева опустила глаза, стиснула кулаки. Глядя на миссис Бартон, Райм сказал:

– Я только что говорил по телефону с ее отцом. Все, кто был в комнате, уставились на него.

– Так они вернулись?

– Нет, и не вернутся в ближайшее время.

– Как?

– Я сам попросил их не приезжать.

– Да? Почему? – Бартон нахмурилась.

– Я так решил. Чтобы обезопасить Женеву. Спросите хотя бы у Роланда Белла… – Райм бросил на детектива короткий взгляд, и каролинец кивнул – вполне уверенно для человека, не имеющего ни малейшего представления о том, что происходит. – Иногда, организуя защиту свидетелей, нам приходится изолировать их от семей.

– Я о таком не слышала.

– Иначе, – продолжал сочинять Райм, – преступник может использовать родственников жертвы, чтобы выманить ее в удобное для себя место.

Бартон кивнула:

– Логично.

– Роланд, как это у вас называется? – Райм снова одарил Белла взглядом, затем сам предложил ответ: – Изоляция зависимых лиц… Кажется, так?

– ИЗЛ, – кивая, подтвердил Белл. – Именно так и называется. Очень серьезная методика.

– Что ж, спасибо за объяснение, – сказала консультант. – Но твой дядя будет за тобой присматривать?

На этот раз ответил Селлитто:

– Нет, мы считаем, что Женеве лучше пока оставаться здесь.

– В отношении ее дяди мы также решили использовать ИЗЛ, – пояснил Роланд. Из уст полицейского-южанина, с его тягучим произношением, сомнительное заявление прозвучало особенно правдоподобно. – Хотим вывести его из поля зрения.

Бартон приняла все за чистую монету – Райм видел это по выражению ее лица.

Женщина повернулась к Женеве:

– Ну что же, когда все закончится, пусть они обязательно мне позвонят. Ты, похоже, справляешься с ситуацией, но стресс не проходит бесследно. Мы соберемся и все вместе обсудим некоторые вопросы. – Затем, улыбнувшись, добавила: – Нет такой беды, которую нельзя было бы исправить.

Изречение, которое наверняка было запечатлено на табличке или на кофейной кружке в ее кабинете.

– Наверное, – уклончиво сказала Женева. – Там посмотрим.

Когда женщина ушла, девушка повернулась к Райму:

– Не знаю, что и сказать. Я вам так благодарна!

– Я главным образом исходил из собственных интересов, – смущенно пробормотал Райм. – Не могу же я каждый раз, когда у нас возникнет к тебе вопрос, звонить в Службу защиты детства и искать тебя по приютам.

Женева рассмеялась:

– Прикидывайтесь сколько хотите. Все равно спасибо.

Она подошла к Беллу и объяснила, какие книги, одежду и прочие вещи надо забрать для нее из подвала на Сто восемнадцатой улице. Детектив сказал, что взыщет со лже-дяди те деньги, которые она ему заплатила.

– Он ничего не отдаст, – сказала Женева. – Вы его плохо знаете.

Улыбнувшись, Белл добродушно сказал:

– О да, отдаст все до цента. – Из уст человека с пистолетом это прозвучало вполне убедительно.

Женева позвонила Лакише и сказала, что временно остается у Райма, потом отправилась вслед за Томом в комнату для гостей.

Селлитто спросил:

– Эта женщина-консультант, что, если она узнает, а, Линк?

– Узнает о чем?

– Ну-у-у, к примеру, что ты наврал про родителей Женевы, выдумал какие-то полицейские процедуры? Как это ты залепил? ИЗН?

– ИЗЛ, – поправил его Белл.

– А что она мне сделает? – прорычал Райм. – После уроков оставит? – Он резко кивнул на доску с таблицей: – Может, вернемся наконец к работе? По улицам разгуливает убийца, и у него есть сообщник. И еще заказчик, который их нанял. Припоминаете? Я хотел бы выяснить, кто они, черт возьми, такие, хотя бы в ближайшее десятилетие.

Сакс перешла к столу и начала разбирать папки и копии материалов, которые Уильям Эшбери разрешил ей взять из библиотеки фонда – этого «мелкого места преступления».

– Здесь в основном материалы о Холмах Висельника: карты, рисунки, статьи. Еще кое-что о «Поттерс-Филд», – сказала она.

Она по одному передала документы Куперу, который выбрал несколько рисунков и карт района Холмы Висельника и клейкой лентой прилепил их на доску. Райм сосредоточенно их рассматривал, пока Сакс выкладывала то, что ей удалось раскопать. Подойдя к доске, она кончиком пальца ткнула в двухэтажное здание на одном из рисунков:

– Таверна «Поттерс-Филд» находилась как раз вот здесь. – Она пробежала глазами несколько документов. – Похоже, репутация у заведения была дурная, там ошивались всяческие аферисты вроде Джима Фиска, Босса Твида и политиков из «Таммани-Холл».

– Вот видишь, Сакс, какими полезными могут оказаться «мелкие места преступлений»? Ты теперь просто кладезь ценнейшей информации.

Амелия бросила на него наигранно-грозный взгляд, затем взяла в руки лист ксерокопии:

– Вот статья о пожаре. Здесь говорится, что в ночь, когда сгорела «Поттерс-Филд», свидетели слышали взрыв, донесшийся из подвала таверны, и почти сразу все заведение охватил огонь. Подозревался поджог, но никого не арестовали. Обошлось без жертв.

– Зачем Чарлз туда ходил? – вслух размышлял Райм. – Что имел в виду, говоря о справедливости? И что там «навсегда погребено под толстым слоем земли»? Какой-нибудь ключ к разгадке? Какие-то улики, клочок документа, который помог бы ответить на вопрос, кто желает смерти Женеве Сеттл?

Селлитто помотал головой:

– Да, жаль, что это случилось сто сорок лет назад. Сейчас там ничего не осталось.

Райм посмотрел на Сакс. Та перехватила его взгляд, и ее губы изогнулись в улыбке.

Глава 27

– В некотором смысле вам повезло, – объяснял Дэвид Ю, молодой инженер муниципальной службы с колючей прической на голове.

– Нам бы не помешало, – сказала Амелия Сакс. – Немного везения, имею в виду.

Разговор происходил на Западной Восьмидесятой улице, в полуквартале от парка «Риверсайд». Сакс и ее собеседник стояли перед трехэтажным особняком, неподалеку расположился мини-фургон с оборудованием для осмотра мест преступлений, а чуть в стороне – подруга Амелии из отдела К9, Гейл Дэвис, с псом по кличке Вегас. На службе в полиции в основном состояли немецкие и бельгийские овчарки, а в саперных подразделениях использовали лабрадоров-ретриверов. Вегас, однако, был бриар – французская овчарка с длинным послужным списком. Кроме острого нюха, бриары известны поразительным чутьем на угрозы для человека и домашнего скота. Райм и Сакс рассудили, что при расследовании дела стосорокалетней давности в дополнение к высокотехнологичным штучкам пригодятся и более традиционные методы.

Инженер Ю кивнул на здание, которое возвели на месте сгоревшей таверны «Поттерс-Филд». На угловом камне стояла дата: 1879.

– В то время для постройки такого здания дно котлована не закрывали бетонными плитами. Обычно по периметру выкапывали канаву,

заливали ее бетоном и клали стены. Такой фундамент образовывал несущее основание, а пол в подвале оставался земляным. С тех пор строительные нормы изменились. Примерно с начала века дно котлована начали бетонировать, хотя и не для того, чтобы усилить несущее основание, просто из соображений санитарии. Так что строители вряд ли стали бы углублять котлован.

– То есть в этом и есть наше везение: что бы там ни зарыли в середине девятнадцатого века, оно, вероятней всего, никуда и не делось? – спросила Сакс.

«Навсегда погребена...»

– Точно.

– Зато теперь над ним слой бетона...

– Наверняка.

– Какой толщины? Фут или около того?

– Думаю, меньше.

Сакс не торопясь обогнула здание. Грязное и невзрачное на вид, но квартиры в нем наверняка сдают тысячи по четыре в месяц. В задней стене имелся служебный вход, ведущий в подвальное помещение.

Она почти вышла обратно к фасаду, когда зазвонил сотовый.

– Детектив Сакс слушает.

Звонил Лон Селлитто. Он нашел владельца здания, который жил всего в нескольких кварталах и сейчас направлялся к ним, чтобы впустить их в подвал. Через секунду позвонил Райм, и Амелия пересказала ему все, что узнала от Ю.

– Повезет – не повезет, – с нотками раздражения в голосе сказал он. – Я направил к вам группу технического наблюдения с ультразвуковыми сканерами и ПРЛ.

В этот момент приехал хозяин – невысокий мужчина с лысиной на макушке, одетый в костюм и белую рубашку с расстегнутым воротничком. Сакс вкратце объяснила, что им необходимо осмотреть подвал здания. Хозяин подозрительно оглядел ее с ног до головы, затем отпер служебный вход, отошел в сторону и, скрестив на груди руки, застыл на месте около Вегаса. Собаке, похоже, он не очень понравился.

К дому подъехал «шевроле-блейзер», из которого высадились спецы бригады технаблюдения. Офицеры этого подразделения представляют собой смешанную породу людей – полицейские, инженеры и ученые в одном лице. Они обеспечивают поддержку тактических подразделений, обнаруживая подозреваемых и жертв с помощью средств оптического наблюдения, ночного видения, инфракрасных визоров, направленных микрофонов и прочей спецтехники. Поприветствовав офицеров из бригады по сбору улик, они выгрузили из машины побитые черные чемоданы, очень похожие на те, в каких хранилось оборудование Сакс. Хозяин здания наблюдал за ними с угрюмой гримасой.

В сопровождении Сакс и хозяина группа спустилась в сырой холодный подвал, из которого тянуло плесенью и мазутом. Оказавшись внизу, технари подключили к переносным компьютерам датчики, похожие на щетки от пылесосов.

– Всю площадь? – обратился один из них к Сакс.

– Да.

– Зданию от этого ущерба не будет? – спросил хозяин.

– Никакого, сэр, – ответил ему кто-то из технарей.

Затем они приступили к работе. Сначала было решено использовать ПРЛ – подповерхностный радиолокатор. Это устройство излучает радиоволны, а затем улавливает отраженный сигнал, наподобие обычного радара на корабле или самолете. Вся разница в том, что ПРЛ способен видеть сквозь слой земли и щебенки. Его сигнал распространяется со скоростью света и в отличие от ультразвукового сканера не требует контакта с поверхностью, чтобы получить отклик.

В течение часа техники сканировали бетонное покрытие пола, щелкая кнопками и делая какие-то записи. Сакс тем временем стояла в сторонке, стараясь не притоптывать от нетерпения, так как опасалась, что своими движениями наведет помехи.

Обследовав пол радаром, технари изучили изображения на мониторе, затем вновь исследовали пол – на этот раз ультразвуковым сенсором, прикладывая его к бетонной плите в тех зонах, которые наметили после первого прохода.

Покончив с этим, они подозвали Сакс и Ю к компьютеру и показали несколько изображений: темно-серые пятна и полосы, рядом с которыми в рамках стояли какие-то непостижимые цифровые и буквенные обозначения.

– В основном только то, что и следовало ожидать под зданием старой постройки: булыжники, слои щебенки, гнезда гнилой древесины. Вот фрагмент канализационного коллектора. – Технарь указал пальцем в угол экрана.

– Здесь должна пролегать запасная дренажная ветка, запитанная на главный коллектор водосточной канализации, который, в свою очередь, выходит в Гудзон, – сказал Ю. – Видимо, это она и есть.

Хозяин здания вытянул шею, заглядывая ему через плечо.

– Можно вас попросить? – проворчала Сакс.

Мужчина нехотя отступил назад.

Техник утвердительно кивнул.

– Но вот тут… – Он постукал по изображению в районе задней стены. – Импульс фиксируется, а сигнатуры нет.

– Как-как?

– Когда компьютер получает отраженный сигнал, который ему известен, он предлагает возможные варианты того, что это может быть. Но здесь – ни одного совпадения.

Сакс видела только более светлую область на темном фоне.

– Так что мы прошлись ультразвуком и получили вот это.

Его напарник набрал на клавиатуре команду. Возникло другое окно с более светлой и четкой картинкой: нечто кольцеобразной формы с округлым матовым объектом внутри, от которого тянулась какая-то нить. Кольцо под маленьким кругом было заполнено чем-то похожим на кучу палок или досок. Вроде какого-то сундука, развалившегося от старости.

– Диаметр внешнего кольца около двадцати четырех дюймов, – сказал офицер. – Внутреннее представляет собой трехмерный объект шаровидной формы, восемь-девять дюймов в диаметре.

– Насколько он глубоко?

– Толщина бетонного перекрытия около семи дюймов и еще шесть – восемь футов земли.

– Где именно это лежит?

Техник переместил взгляд с экрана компьютера на пол, снова посмотрел на экран, затем подошел к задней стене и мелком отметил место рядом с входной дверью. Предмет находился у самой стены. Те, кто ее возводил, промахнулись всего на несколько дюймов.

– Думаю, это колодец или резервуар. Возможно, вытяжная труба.

– Что нам потребуется, чтобы взломать бетонное перекрытие? – спросила у Ю Сакс.

– Мое разрешение, – ответил за инженера хозяин дома. – И вы его не получите. Никто здесь ничего не взломает.

– Сэр, – терпеливо сказала Сакс, – это дело полиции.

– Что бы там ни было, принадлежит оно мне.

– О праве собственности в данном случае речь не идет. Предмет, возможно, имеет отношение к текущему расследованию.

– Ну что же, тогда предъявите ордер. Я сам юрист, и никому здесь свой пол взламывать не позволю.

– Но нам действительно очень важно знать, что это такое.

– Важно? Почему?

– Этот предмет имеет отношение к делу некоторой давности.

– Некоторой давности? – Хозяин тут же ухватился за слабое место. – Что значит «некоторой»?

Очевидно, юристом он был неплохим. Такому соврешь, потом проблем не оберешься.

– Сто сорок лет, ни много ни мало.

– Какое же это «расследование»? – Мужчина рассмеялся. – Для канала «Дискавери», что ли? Никаких отбойников здесь не будет.

– А вы не хотите оказать нам содействие, сэр?

– Сначала предъявите ордер. Я вправе не оказывать никакого содействия, пока меня не вынудят по закону.

– Тогда это уже не содействие, а? – огрызнулась Сакс, затем набрала номер Райма.

– Что там у вас? – послышался голос в трубке.

Сакс вкратце рассказала о том, что удалось найти.

– Значит, старый сундук в колодце или резервуар под сгоревшим зданием… Лучшего места для тайника и представить сложно. – Райм попросил офицеров из группы наблюдения прислать ему полученные изображения по электронной почте.

– Так, Сакс, картинки передо мной, – после некоторой паузы сказал он. – Пока никаких соображений.

Амелия сообщила ему о несознательном гражданине.

– Я буду настаивать на своем, – услышав ее слова, подтвердил юрист. – Если надо, поговорю с судьей. В магистратуре я всех знаю лично, у меня там хорошие отношения.

Из трубки Сакс слышала, как Райм обсуждает ситуацию с Селлитто. Когда он вновь обратился к ней, особого воодушевления в его голосе не чувствовалось.

– Лон попробует получить ордер, но на это уйдет время. Он вообще-то даже не уверен, что судья для такого случая подпишет бумаги.

– Как бы двинуть ему хорошенько, – пробормотала Сакс, затем повернулась к хозяину здания: – Мы полностью восстановим ваш пол.

– Но здание заселено, жильцы начнут жаловаться. К тому же ремонтом потом придется заниматься мне, а не вам.

Сакс раздраженно отмахнулась, размышляя, что неплохо было бы его арестовать за… не важно – за что-нибудь, и раздолбить чертову плиту, чего бы это ни стоило. Сколько времени уйдет на получение ордера? Не иначе как целая вечность.

У нее снова зазвонил сотовый, и она приняла вызов.

– Сакс, – сказал Райм, – а тот парнишка-инженер еще там?

– Дэвид? Да, рядом стоит.

– Есть вопрос.

– Какой?

– Спроси у него, кто владелец прилегающего переулка.

В данном конкретном случае ответ был такой: город. Владения юриста ограничивались периметром здания.

– Скажи инженерам, – ответил Райм, – пусть подгонят технику к стене снаружи, выкопают яму, а потом пророют тоннель под стену. Нормально?

Отойдя подальше от хозяина дома, Сакс переадресовала вопрос Ю.

– Да, это можно, – ответил тот. – Если выкопать узкий проход, то опасности для здания никакой.

«Узкий, – подумала клаустрофоб Сакс. – Как раз для меня…»

Отключив телефон, она обратилась к инженеру:

– Хорошо, нам понадобится… – Она нахмурилась. – Как называются эти штуки с большим черпаком на рычаге? – Ее знания транспортных средств, чья максимальная скорость не превышала десяти миль в час, были весьма ограниченны.

– Экскаватор с обратной лопатой?

– Да, кажется, то, что надо. Как быстро можно его сюда подогнать?

– Полчаса.

Умоляющий взгляд в ею сторону:

– А за десять минут?

– Посмотрим, что можно сделать.

Через двадцать минут, сигналя и медленно пятясь, к зданию подкатил экскаватор. Скрывать задуманное больше возможности не было. Хозяин двинулся навстречу машине, махая руками.

– Вы собрались копать с наружной стороны дома! На это у вас тоже нет права. Моя собственность простирается от небес до центра земли – так говорит закон!

– Видите ли, сэр, – ответил ему щуплый муниципальный работник Ю. – Под зданием пролегает часть подземной городской инфраструктуры, к которой нам полагается иметь полный доступ. О чем, я уверен, вы прекрасно осведомлены.

– Но эта чертова инфраструктура находится в пределах моей собственности!

– Не думаю.

– Посмотрите, все здесь на экране. – Он указал на компьютер… как раз в тот момент, когда монитор погас.

– Ой, – сказал офицер, который его только что незаметно выключил. – Чертова штука все время ломается.

Юрист одарил его грозным взглядом и повернулся к Ю:

– Нет никакой городской инфраструктуры там, где вы собираетесь копать.

Ю пожал плечами:

– Ну, как вы знаете, когда кто-то оспаривает месторасположение элементов городской инфраструктуры, тот сам и добивается судебного распоряжения для отмены работ. Позвоните своим друзьям в магистратуру. И знаете что, сэр? Советую вам поторопиться, потому что ждать мы не собираемся.

– Но…

– Начинай! – распорядился Ю.

– Это что, правда? – шепнула ему Сакс. – Насчет доступа к канализации?

– Понятия не имею.

– Спасибо.

Машина начала копать. Через десять минут работы под руководством технарей из команды наблюдения в земле появилась узкая яма четыре фута шириной и десять – глубиной. Фундамент здания заканчивался на глубине шести футов, ниже тянулась стена темной земли и глины. Сакс предстояло спуститься на дно траншеи и сделать горизонтальный подкоп около восемнадцати дюймов длиной, чтобы добраться до резервуара или колодца. Облачившись в костюм из тайвека, надев на голову шлем с фонарем на макушке, Сакс вызвала Райма по рации, не зная, будет ли сотовый брать сигнал на дне ямы.

– Я готова, – сообщила она.

Подошла Гейл Дэвис из отдела К9, ведя с собой Вегаса. Собака до предела натянула поводок, царапая лапами края траншеи.

– Там что-то есть, – сказала Дэвис.

«Как будто мне без того не весело», – подумала Сакс, глядя на обеспокоенную морду собаки.

– Что это за шум, Сакс? – Голос Райма в наушнике.

– Здесь Гейл. Ее собака что-то учуяла.

– Что-то конкретное? – спросила Сакс у Дэвис.

– Может быть что угодно.

Вегас зарычал и поскреб лапой ногу Сакс. Дэвис рассказывала ей еще об одном таланте бриаров, который использовали на передовой для сортировки тяжелораненых: бриары определяли, кто выживет, а кто нет. У Сакс мелькнула мысль, не поспешил ли Вегас списывать ее на тот свет.

– Далеко не отходи, – сказала она Дэвис, не сдержав нервного смешка. – На случай если потребуется меня выкапывать.

Ю вызвался спуститься вниз (к изумлению Амелии Сакс, он обожал всяческие туннели и пещеры). Она ответила отказом. Все-таки это было место преступления, пусть и стосорокалетней давности, и шарообразный предмет в сундуке следовало изъять и сохранить надлежащим образом.

Рабочие опустили в траншею лестницу, и Сакс, вздохнув, заглянула вниз.

– Ну как? – спросил Ю.

– Нормально, – бодро ответила Сакс и начала спускаться, отмечая про себя, что чувство клаустрофобии, испытанное ею в «Сэнфорд фаундейшн», не идет с этим ни в какое сравнение. Оказавшись на дне, она взяла кирку и лопату, которые дал ей Ю, и начала копать.

Потея, дрожа от накатывающей волнами паники, она рыла и рыла, с каждой вынутой лопатой земли представляя себе, как нора обваливается…

«Навсегда погребена под толстым слоем земли…»

– Что там видно, Сакс? – вызвал по рации Райм.

– Песок, земля, черви, несколько консервных банок, булыжники.

Она углубилась на фут за стену здания, затем на два.

Наконец лопата, звякнув, уперлась во что-то твердое. Сакс соскребла землю и поняла, что смотрит на закругленную кирпичную стену очень старой и грубой кладки.

– Есть кое-что. Стенка резервуара.

С боковин туннеля стекло несколько струек земли. Даже пробежавшая по ногам крыса не напугала бы Сакс сильнее. В голове мгновенно возникла картинка, как земля засыпает ее со всех сторон, не позволяя шевельнуться, сдавливает грудь, забивает нос, рот… Она захлебывается, тонет в песке…

«Так, стоп, подруга, расслабься». Она сделала несколько глубоких вдохов, еще немного отгребла от стены. Колени засыпал новый поток земли.

– Может, установить подпорки? – крикнула она Ю.

– Что? – отозвался по рации Райм.

– Я разговариваю с инженером.

– Туннель должен выдержать, – прокричал в ответ Ю. – Земля влажная, не обвалится.

«Должен»?

– Если хотите, то можно и сделать, – продолжал инженер, но на постройку опорной конструкции уйдет несколько часов.

– Тогда забудьте, – прокричала в ответ Сакс, затем произнесла в микрофон: – Линкольн?

Тишина.

И вдруг ее словно ударило – она поняла, что назвала Райма по имени. Хотя им обоим суеверие было чуждо, оба всегда придерживались одного правила: не обращаться друг к другу по имени во время работы.

Заминка с его стороны ясно давала понять, что он тоже заметил оговорку.

– Слушаю, говори, – наконец сказал он.

Со стенки тоннеля снова осыпалась струйка сухой земли с камешками, застучав по плечам и шее. Сакс отскочила назад, ловя ртом воздух, думая, что обваливаются стены.

– Сакс? Что там с тобой?

Она осмотрелась: нет, стенки держатся.

– Все в порядке.

Амелия продолжила отгребать землю от закругленной кладки резервуара, киркой выбивая из кирпичей застывший раствор.

– Есть какие-нибудь новые мысли насчет того, что там внутри? – спросила она у Райма.

Вопрос задавался исключительно для того, чтобы слышать его голос.

«Шарообразный предмет с хвостиком».

– Нет, ничего нового.

Резкий удар киркой, один кирпич вывалился наружу… Второй. Через дыру из колодца высыпалась земля, покрыв ей колени.

Черт!

И снова кирпичи, песок, галька, земля. Сакс сделала паузу, расчистила тяжелую насыпь перед коленями и вновь принялась за работу.

– Ну как там у тебя? – спросил Райм.

– Пока держусь, – спокойно сказала Сакс, затем вынула из кладки еще несколько кирпичей. Повернув голову, направила луч фонаря в разобранное отверстие и увидела стену из черной земли, пепла, угольков и щепок.

Она начала ковырять сухой слежавшийся грунт внутри резервуара. Черт, вот уж это держаться точно не будет, подумала она, глядя, как из дыры потекли струйки сыпучей коричневой почвы.

– Сакс! – прокричал Райм. – Стоп!

У нее перехватило дыхание.

– Что та…

– Я только что еще раз перечитал статью о пожаре. Там говорится о взрыве в подвале таверны. В те времена фанаты представляли собой шары с запальным шнуром. Чарлз, должно быть, принес с собой две штуки. Это и есть тот предмет в колодце! Ты сейчас рядом с уцелевшим зарядом, который, возможно, не менее взрывоопасен, чем нитроглицерин. Вот что учуяла ваша собака – взрывчатку! Уходи оттуда немедленно!

Сакс ухватилась за край отверстия, пытаясь опереться на него, чтобы встать на ноги.

Кирпич, за который она держалась, неожиданно вывалился, и она опрокинулась на спину, а из колодца хлынула лавина сухой земли, быстро заполняя тоннель. Булыжники, камни, земля, прибывая, тут же погребли ее затекшие от сидения ноги и стали быстро приближаться к груди и лицу.

Амелия закричала, отчаянно пытаясь подняться, но уже не могла – поток дошел до ее рук.

– Сак… – Голос Райма неожиданно оборвался, когда провод наушников вырвало из гнезда рации.

Поток земли продолжал низвергаться, все сильнее сковывая ее тело.

Сакс снова вскрикнула, когда из дыры в стене потоком земли вынесло шар, который вплотную подкатился к ее обездвиженному телу.

* * *

Джакс оказался на чужой территории.

Гарлем был для него далеко как географически, так и мысленно. Позади остались пустыри, заваленные пустыми бутылками, уличные киоски, выцветшие под дождем и солнцем постеры с рекламой щелока «Красный дьявол», которым чернокожие юноши распрямляли кудряшки в эпоху Малькольма Икса; остались подростки-рэперы и ударные сессии на пустых бочках в парке Маркуса Гарви, лотки, с которых торговали игрушками, сандалиями, побрякушками и гобеленами «кенте»; новостройки и автобусы с туристами.

Сейчас он был в одном из немногих мест, где ему никогда не приходилось «бомбить» свой тэг «Джакс-157», – на Сентрал-парк-уэст.

Он стоял и смотрел на дом, в который вошла Женева Сеттл.

После событий в переулке недалеко от ее дома на Сто восемнадцатой улице, когда копы остановили машину, в которой тот старикан куда-то повез Женеву, Джакс поймал такси и проследил за патрульными экипажами до этого места. Он никак не мог понять, что это задом: перед входом стояли две патрульные машины, а с тротуара на крыльцо поднимался пандус, какие устанавливают рядом с крыльцом для инвалидов в колясках.

Неторопливо, прихрамывая, он бродил за деревьями парка напротив и поглядывал на дом. Что ей там делать?

Он пытался разглядеть что-нибудь в окнах, но они все оказались зашторены.

К дому подъехала другая машина, «краун-виктория» – излюбленная марка у полицейских. Из нее появились два копа, неся с собой дешевенький чемодан, обмотанный клейкой лентой, и коробки с книгами. Джакс решил, что это вещи Женевы. Значит, будет здесь жить… усиливают охрану, уныло подумал он.

Затем вышел к самой кромке кустарника, чтобы попробовать заглянуть внутрь, когда откроется входная дверь, но в этот момент по улице медленно проехала еще одна патрульная машина. Коп, который сидел внутри, как будто внимательно вглядывался в заросли парка, одновременно наблюдая за тротуаром. Джакс запомнил номер дома, повернулся и скрылся за деревьями, направившись на север в сторону Гарлема.

Чувствуя пушку, заткнутую под носок, вспоминая о своем надзирателе в двух сотнях миль отсюда, который, возможно, как раз планирует нанести визит в его квартирку в Буффало, Джакс вдруг вспомнил вопрос тощего фараончика: «А стоит ли дело такого риска?»

Сейчас, возвращаясь к себе, он решил это обдумать.

А стоило ли ему рисковать тогда, двадцать лет назад? Балансировать на узеньком стальном уступе железнодорожного моста в тридцати футах над потоком машин, несущихся по распростершемуся под ним шоссе? И все только ради того, чтобы «бомбануть» тэг.

Или тогда, шесть лет назад, – стоило ли совать дуло обреза в лицо водителю бронированного грузовика, чтобы забрать те пятьдесят-шестьдесят тысяч долларов? Хватило бы ему этого, чтобы снова встать на ноги? Перевести жизнь на новые рельсы?

Какого черта! Ральфик задал тупой вопрос, потому что он предполагал выбор. Тогда или сейчас, правильно или нет – значения не имело. Алонсо Джаксон не идет на попятную. Если дело выгорит, он вернет себе достойную жизнь в родном Гарлеме, в том месте, которое сделало его таким, какой он есть, и которое он сам помогал творить, опустошив тысячи баллончиков с краской. Так что нет у него никакого выбора.

Аккуратно.

Томпсон Бойд сидел в своей конспиративной квартире в Квинсе. С противогазовой маской на голове, в толстых перчатках, он неторопливо подмешивал к воде кислоту, затем проверял концентрацию.

Ак-куратно…

Эта стадия требовала особого тщания. Разумеется, порошок цианистого калия, лежащий в пакетике на расстоянии вытянутой руки, был очень опасен – его хватило бы, чтобы убить не меньше тридцати-сорока человек. Но в сухой форме это довольно стабильное вещество. Принцип здесь тот же, что в бомбе, которую он заложил в машину: белый порошок должен смешаться с серной кислотой, чтобы выделился смертельный газ (небезызвестный «Циклон-Б», которым нацисты травили узников в лагерях смерти).

Однако здесь многое зависит от правильной концентрации. Слишком слабая приведет к тому, что газ будет выделяться медленно, потенциальные жертвы могут почувствовать запах и уйти из зоны поражения. Слишком сильная концентрация, свыше двадцати процентов, вызовет детонацию цианида, прежде чем он успеет раствориться, и запланированный смертельный эффект может не наступить.

Томпсону требовалось довести концентрацию до 20 процентов как можно точнее. Причина была проста: дом, где он собирался поставить устройство, тот самый городской особняк на Сентрал-парк-уэст, куда поселили Женеву Сеттл, вряд ли был герметичным. Узнав, где прячется девушка, Томпсон провел собственную разведку, обратив внимание, что окна в доме неплотные и что он оснащен стародавней системой кондиционирования и обогрева. Превратить столь большое строение в газовую камеру выглядело нелегкой задачей.

«…вы же понимаете, чем мы занимаемся. Здесь все как и в остальной жизни. На сто процентов гладко ничего не проходит, ничего не получается в точности так, как нам бы того хотелось…»

Вчера он пообещал заказчику, что следующее покушение на Женеву завершится успехом. Однако сейчас он уже не был так уверен – полиция работала на удивление четко.

«Мы пересмотрим план и сделаем все как надо. Мы не можем поддаваться эмоциям».

Ни эмоций, ни беспокойства Томпсон не испытывал. Тем не менее предстояло принять серьезные меры сразу по нескольким направлениям. Если газовая атака в особняке убьет Женеву, тем лучше. Но главная цель состояла в другом. Томпсону придется убрать по крайней мере нескольких человек в доме, а также следователей, которые его ищут, и самого заказчика. Убить, превратить в растения, вызвать необратимые изменения мозга – не важно. Главное – устранить их всех.

Томпсон снова проверил концентрацию и внес небольшую поправку, прикинув, как изменится величина pH на открытом воздухе. Руки слегка тряслись… он на минутку замер, выжидая, когда прекратится дрожь.

Щелк…

Мелодия, которую он насвистывал, сменилась на «Лестницу в небо».

Откинувшись на спинку стула, Томпсон стал думать, как занести бомбу на территорию дома. В голову пришло несколько разных идей, пара из которых определенно могла сгодиться. Он снова проверил концентрацию, продолжая рассеянно насвистывать сквозь фильтр маски. Анализатор выдал значение в 19,99394 процента.

Отлично.

Щелк…

Теперь мелодия, звучавшая в голове, была «Одой радости» из Девятой симфонии Бетховена.

Амелию Сакс не раздавило насмерть под земляным обвалом и не разорвало на кусочки артиллерийским снарядом позапрошлого века.

Приняв душ и переодевшись, она сейчас стояла в лаборатории Райма, разглядывая то, что часом раньше вывалилось ей на колени из подземного резервуара.

Это оказалась никакая не бомба, хотя в том, что оставлена вещь была в ночь 15 июля 1868 года Чарлзом Синглтоном, сомневаться не приходилось.

Кресло Райма стояло напротив смотрового стола рядом с Сакс, вместе они разглядывали содержимое картонной коробки с уликами. Тут же, рядом, натягивая на руки латексные перчатки, стоял Купер.

– Мы должны рассказать Женеве, – произнес Райм.

– Неужели? – безрадостным тоном отозвалась Амелия. – Мне лично не хочется.

– Рассказать мне что?

Сакс резко обернулась. Райм откатился от стола и нехотя развернул «Штормовую стрелу», думая: «Вот дьявол! Надо же было вслух это ляпнуть».

Женева стояла на пороге комнаты.

– Вы узнали что-то про Чарлза в том подвале, так? Что он действительно совершил ту кражу? Значит, все-таки вот в чем заключается его тайна!

Райм переглянулся с Сакс.

– Нет-нет, Женева, дело в другом. – Он кивнул на коробку: – Вот, подойди и взгляни сама.

Девушка подошла поближе, остановилась, недоуменно уставившись на землистого цвета человеческий череп. Именно этот предмет обнаружила ультразвуковая акустоскопия, именно он выкатился Сакс на колени. С помощью Вегаса, бриара ее подруги Гейл, она сумела изъять остальные части скелета. Как определил Райм, кости, которые Сакс вначале приняла за доски разбитого сундука, принадлежали мужчине. Очевидно, труп вертикально опустили в колодец, находящийся в подвале таверны «Поттерс-Филд», перед тем как Чарлз устроил поджог. В проекцию звукового радара попала верхушка черепа и торчащее снизу ребро – картинка, очень похожая на бомбу с запалом.

Кости лежали тут же, на столе, в отдельной коробке.

– У нас нет никаких сомнений, что это тот человек, которого убил Чарлз.

– Нет!

– А потом поджег таверну, чтобы скрыть свое преступление.

– Вы не можете этого знать! – выпалила Женева.

– Мы не знаем – верно. Но наш вывод вполне обоснован. – Райм объяснил: – В его письме говорится, что он отправился в «Поттерс-Филд», вооружившись револьвером марки «кольт» – пистолетом времен Гражданской войны. Модели того времени отличаются от настоящих, в которых пули заряжаются со стороны задней поверхности барабана. Тогда порох и пули набивались в каждый патронник спереди.

Женева кивала, не сводя глаз с почерневших костей и зияющих глазниц.

– Мы нашли кое-что о таких револьверах по нашим базам оружия. Ствол у них был 36-го калибра, но во времена Гражданской войны солдаты приспособились заряжать их шариками 39-го калибра. Они несколько больше и плотнее садятся в патронник, что повышает точность стрельбы.

Сакс приподняла в руке маленький полиэтиленовый пакетик.

– А вот что мы нашли в черепе. – Внутри был виден небольшой свинцовый шарик. – Заряд 39-го калибра, который выпустили из револьвера 36-го.

– Но это ничего не доказывает. – Женева не отрываясь смотрела на дырочку в лобной кости черепа.

– Конечно, – благодушно подтвердил Райм. – Всего лишь наводит на мысль, что убил его именно Чарлз. Причем весьма убедительно.

– А кто это был? – спросила Женева.

– Не знаю. Если при нем и были какие-то документы, они либо сгорели, либо истлели в земле вместе с одеждой. Мы нашли эту пулю, маленький пистолет, который он, видимо, держал при себе, несколько золотых монет и кольцо с гравировкой... Мэл, какое там слово?

– «Винскински». – Купер показал полиэтиленовый пакетик с золотой печаткой внутри. Над словом был выгравирован профиль индейца.

Он также успел выяснить, что на языке делаваров надпись означала «страж» или «привратник». Это могло быть именем мертвеца, но, судя по строению черепа, на коренного американца он не тянул. Райм склонялся к тому, что надпись скорее свидетельствовала о принадлежности к братству, обществу или какой-нибудь ложе. Купер по электронной почте разослал запрос нескольким историкам и антропологам, чтобы проверить, встречалось ли оно им раньше.

– Чарлз бы такого не сделал, – тихонечко произнесла его наследница. – Он бы не стал никого убивать.

– Выстрел был произведен в лоб, – сказал Райм. – Не в затылок. А «дерринджер» – тот пистолет, который Сакс нашла в кирпичном колодце, – скорее всего принадлежал жертве. Это наводит на мысль, что стрелять могли с целью самозащиты.

Тем не менее факт, что Чарлз намеренно взял с собой пистолет, перед тем как пойти в таверну, свидетельствовал о том, что он ожидал некоего насилия.

– Не стоило мне все это затевать, – пробормотала Женева. – Вот дура! Я и в прошлом-то не люблю копаться. Бессмысленно. Ненавижу!

Она развернулась, выбежала в холл, затем вверх по лестнице. Сакс отправилась следом и через несколько минут пришла обратно.

– Читает. Говорит, что хочет побыть одна.

Райм оценивающе оглядел все, что удалось установить по делу давностью в сто сорок лет. Смысл поиска сводился к тому, чтобы узнать хоть немного, что вывело бы их на заказчика покушения. Пока же Сакс едва не погибла, а Женева расстроилась из-за того, что ее предок застрелил человека.

Он посмотрел на ксерокопию карты «Повешенного», безмятежно взирающего на него в ответ с доски для улик.

– А вот и кое-что новенькое, – сказал Купер, глядя в свой монитор.

– Насчет «Винскински»? – поинтересовался Райм.

– Нет. Пришли результаты анализа той таинственной жидкости, которую Амелия обнаружила в конспиративной квартире объекта на Элизабет-стрит и около дома бабушки Женевы.

– Ну наконец-то! И что же за дрянь? Какой-нибудь яд?

– У нашего плохиша синдром сухих глаз, – объявил Купер.

– Что?

– Это мурин.

– Глазные капли?

– Точно. Состав совпадает полностью.

– Хорошо, внеси в таблицу, – велел Тому Райм. – Возможно, это у него временное, из-за работы с кислотой. В таком случае это нам не поможет. Или он хроник, что было бы замечательно.

Преступник с физическими недостатками – находка для криминалиста. В своей книге Райм целую главу посвятил тому, как выследить преступника по рецепту врача или купленным без рецепта лекарствам, по выброшенным иглам от шприца, коррекционным очкам, уникальному износу подошв у людей с ортопедическими проблемами и так далее.

В этот момент у Сакс зазвонил телефон. Ответив, она несколько секунд молча слушала.

– Хорошо. Буду там через пятнадцать минут.

Дав отбой, она посмотрела на Райма:

– Уже интересно.

Глава 28

Когда Амелия Сакс вошла в отделение интенсивной терапии Колумбийско-пресвитерианского госпиталя, она увидела сразу двух Пуласки.

Один лежал на койке, весь обвитый бинтами и прозрачными пластиковыми трубками… Потухший взгляд, обвислый рот.

Второй сидел у кровати на неудобном пластмассовом стуле. Такой же блондин, такой же молодой, в такой же новенькой форме полицейского департамента, какая была на Роне Пуласки, когда Сакс велела тому смотреть на кучу мусора.

«Вам сколько сахара?»

Она заморгала, глядя на двойника.

– Я – Тони, брат Рона. Как вы, наверное, уже догадались.

– Шдрасьте, детектив, – слабо выдавил Рон. Голос его слушался плохо, речь была смазанная и неразборчивая.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как там Шенева?

– С ней все в порядке. Ты, наверное, уже слышал: мы предотвратили еще одно покушение у дома ее тети, но убийца опять ускользнул… Тебе больно? Очень, наверное.

Рон кивнул на капельницу.

– Вообще себя не шувствую.

– Он поправится.

– Поправлюсь, – эхом повторил Рон, сделал несколько глубоких вдохов, заморгал.

– Немного подлечится, – объяснил Тони. – Через месяц вернется на службу. Несколько переломов, без серьезных внутренних повреждений. Толстый череп – так всегда отец говорил.

– Шереп, – ухмыльнулся Рон.

– Вы вместе учились в академии? – подтянув стул и присаживаясь, спросила Сакс.

– Так точно.

– А ты в каком участке служишь?

– В шестом, – сказал Тони.

Шестой участок располагался в центре Западного Гринич-Виллиджа. Уличных грабежей, захватов автомобилей, наркоторговли там почти не было. В основном взломы, бытовуха на почве гей-отношений, инциденты с эмоционально неуравновешенными художниками и писателями, у которых кончились транквилизаторы. В шестом участке также базировался саперный отдел.

Тони был, конечно, потрясен, но еще больше обозлен.

– Этот гад продолжал его бить, даже когда Рон не мог уже пошевелиться.

– Так, – запинаясь, начал Рон, – он на меня… у него на меня ушло больше времени, и он не успел… он не успел хорошенько напасть на Женеву.

Сакс улыбнулась:

– Ты, как я посмотрю, из тех, кто видит стакан наполовину полным.

Она не стала ему говорить, что преступник избил его до полусмерти, только чтобы отвлечь внимание остальных с помощью пули из его пистолета.

– Похоже на то. Передайте спасибо Шеневе. Женеве. За книшку. – Головой он шевелить почти не мог, но взгляд скользнул к тумбочке у кровати, на которой лежал томик «Убить пересмешника». – Мне шитает Тони. И таже на больших словах не запинаеся.

Его брат рассмеялся:

– Вот дурачок!

– Рон, что ты можешь нам рассказать? Тот человек очень хитер и до сих пор на свободе. Нам нужно все, что тебе удастся вспомнить.

– Даже не знаю, мэ… не знаю, детектив. Я ходил туда-щюда по переулку. Он меня подстриг… подстерегал, когда я подходил к улице… к задней части дома, в переулке. Я его не одыжал… Не ожидал. Ну, понимаете, стоял за углом ждания… здания. Я дошел до угла. Увидел кого-то с маской на лице, ну вроде лыжной шапочки. Потом это. Дубинка, бита. Как молния. Не успел рашшмотреть. Хорошо приложил. – Он снова заморгал, закрыл глаза. – Сам виноват. Был слишком блишко к стене. Теперь буду жнать.

«Ты не знал, зато теперь в курсе».

– Вс-с-с. – Он вздрогнул.

– Что такое? – спросил его брат.

– Все нормально.

– В-с-с? – подхватила Сакс, поближе придвигаясь на стуле.

– Што?

– Ты слышал свист?

– Да, мэм, слышал. То есть не «мэм» – детектив.

– Ничего, Рон, ничего, называй как хочешь. А ты что-нибудь видел? То есть хоть что-то?

– Эту штуку. Биту. Которая бейсбольная. Перед самыми глазами. Ах да, я уже говорил. Потом я упал, мэм. В смысле детектив. Не «мэм».

– Ничего, Рон. А что было дальше?

– Не знаю. Помню, лежал на земле. Думал… думал, что он заберет мой пистолет. Я не хотел отдавать пистолет. Как в инш… в инструкции говорится – беречь свое оружие. «Оружие всегда должно находиться под вашим контролем». Но у меня не вышло. Он его забрал. Я думал, все. Я покойник.

– А ты помнишь что-нибудь из того, что видел? – направила его Сакс.

– Регольник.

– Что-что?

Он рассмеялся:

– Треугольник. Картонка. На земле. Не мог пошевелиться. Все, что мог видеть.

– А эта картонка, она была у преступника?

– А, регольник? Нет. В смысле – треугольник. Нет, просто мусор. В смысле, ничего другого не видел. Пытался ползти. Наверное, не вышло.

Сакс тяжело вздохнула.

– Тебя нашли лежащим на спине, Рон.

– Да?.. На шпине?

– Попробуй вспомнить. Может, ты видел небо?

Рон прищурился.

Сердце у Сакс заколотилось быстрее. Неужели все-таки что-то смог разглядеть?

– Рофь.

– Что?

– Рофь перед глазами.

– Кровь? – переспросил его брат.

– Да. Кровь. Ничего не видно. Ни регольника, ни дома. Забрал мой пистолет. Несколько минут был рядом. Потом ничего не помню.

– Он стоял рядом? Как близко?

– Не знаю. Не близко. Не видел. Одна рофь.

Сакс покивала. Парень выглядел измотанным, тяжело дышал. Взгляд стал еще более рассеянным.

– Пусть передохнет. – Она встала. Потом спросила: – Ты слышал про Терри Добинса?

– Нет. Он... Кто он?

– Штатный психолог в управлении. – Она посмотрела на Рона, улыбаясь. – Он отучит тебя от слишком формальной манеры. Тебе надо с ним про это поговорить. Он свое дело знает.

– Мне не...

– Патрульный? – строгим голосом перебила Сакс.

Он приподнял бровь и вздрогнул.

– Это приказ.

– Так точно, мэм. То есть... мэм.

– Я за этим прослежу, – сказал Энтони.

– Вы поблагодарите... от меня Женеву? Мне очень нравится ее книга.

– Обязательно.

Сакс закинула на плечо сумочку и пошла к двери. Уже переступив порог, она вдруг остановилась и посмотрела назад.

– Рон?

– Шо... Что?

Она вернулась, вновь присела на стул у койки.

– Рон, ты сказал, что преступник был рядом с тобой несколько минут.

– Да.

– Но раз ты его не видел, потому что у тебя была кровь в глазах, откуда ты можешь об этом знать?

Новобранец нахмурился.

– Ах… да. Забыл кое-что вам сказать.

– У нашего подопечного есть привычка, Райм.

Амелия Сакс снова была в лаборатории.

– Что за привычка?

– Он свистит.

– Когда ловит такси?

– Насвистывает музыку. Пуласки слышал. Когда Рон лежал на земле, наш объект забрал его пистолет и несколько минут оставался рядом, приматывая патрон к сигарете. Все это время он насвистывал. Совсем тихонечко, по словам Рона.

– Профессионал не станет свистеть на деле, – сказал Райм.

– Я тоже его слышала. У квартиры на Элизабет-стрит. Решила, что это радио. Свистит он, надо сказать, мастерски.

– Как там новобранец себя чувствует? – спросил Селлитто. Он больше не потирал невидимое пятнышко крови на щеке, но по-прежнему нервничал.

– Говорят, что поправится. Из больницы выйдет не раньше чем через месяц. Я велела ему сходить к Терри Добинсу. Ему этого, правда, не очень хотелось, но там был его брат – сказал, что обо всем позаботится. Он, кстати, тоже в полиции. Они близнецы.

Райм нисколько не удивился: служба в полиции нередко бывает фамильной традицией. Коп – это, можно сказать, наследственность.

Селлитто, услышав о родственнике, только затряс головой. Он, похоже, расстроился еще больше, как будто считал себя виновным в том, что нападение затронуло целую семью.

Однако успокаивать его было некогда.

– Так, хорошо. У нас появилась новая информация. Давайте-ка ею воспользуемся, – сказал Райм.

– Каким образом? – спросил Купер.

– На данный момент убийство Чарли Такера – единственная ниточка к нашему мистеру Десять-девять. Значит, звоним в Техас.

«ПОТТЕРС-ФИЛД» (1868)

• Таверна на Холмах Висельника. Находилась на территории современного Северного Вест-Сайда; в 60-х годах XIX века район смешанного типа.

• Вероятно, была местом сходок Босса Твида и других коррумпированных нью-йоркских политиков.

• Чарлз приходил в таверну 15 июля 1868 г.

• Сгорела вскоре после взрыва, предположительно сразу после визита Чарлза. Возможно, поджог ради сохранения тайны.

• В подвале найдены останки мужчины, предположительно убитого Чарлзом Синглтоном.

• Жертва была застрелена из армейского «кольта» калибра 36 пулей калибра 39 (такое оружие было у Чарлза).

• Найдены золотые монеты.

• Убитый был вооружен маленьким крупнокалиберным пистолетом типа «дерринджер».

• Личность не установлена.

• Найдена золотая печатка с выгравированным на ней словом «Винскински».

• На языке индейского племени делаваров слово означает «страж» или «привратник».

• Ожидается информация по другим значениям слова.

ВОСТОЧНЫЙ ГАРЛЕМ (КВАРТИРА ДВОЮРОДНОЙ БАБУШКИ ЖЕНЕВЫ С.)

• Использовал сигарету и патрон в качестве взрывного устройства, чтобы отвлечь сотрудников. Сигарета марки «Мерит»; отследить невозможно.

• Папиллярных узоров не выявлено. Найдены отпечатки латексных перчаток.

• Самодельное устройство с отравляющим газом:

• Стеклянная банка, фольга, подсвечник. Отследить невозможно.

• Цианид и серная кислота. Без отличительных особенностей. Отследить невозможно.

• Прозрачная жидкость, схожая с образцами, найденными на Элизабет-стрит.

• Идентифицирована как мурин – глазные капли.

• Чешуйки оранжевой краски. Вероятно, представляется строителем или дорожным рабочим.

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА НА ЭЛИЗАБЕТ-СТРИТ

• Электрическая ловушка на входной двери.

• Отпечатков пальцев не обнаружено. Найдены отпечатки латексных перчаток.

• Камера наблюдения и монитор. Отследить невозможно.

• Колода таро. Не хватает двенадцатой карты. Отследить невозможно.

• Карта-схема улицы с музеем, где Было совершено нападение на Ж. Сеттл, а также зданиями на противоположной стороне улицы.

Трасологические следы:

• Фалафель и йогурт.

• На поверхности стола обнаружены следы серной кислоты.

• Прозрачная жидкость; не взрывоопасная. Образцы отправлены в лабораторию ФБР.

• Идентифицирована как мурин – глазные капли.

• Хлопчатобумажные волокна от веревки. Удавка?

• В бумаге обнаружены следы чистого углерода.

• Квартира за наличную плату была сдана в аренду Билли Тодду Хэммилу.

Подпадает под описание объекта 10-9, однако связей с реальными людьми по фамилии Хэммил не выявлено.

МУЗЕЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Набор насильника:

• Карта таро, двенадцатая в колоде: «Повешенный». Означает духовные поиски.

• Пакетик с изображением смайлика.

• Отследить невозможно.

• Перочинный нож.

• Презервативы «Троян».

• Клейкая лента.

• Жасминовый запах.

• Неустановленный предмет стоимостью $5.95. Вероятно, вязаная шапочка.

• Кассовый чек из небольшого универсама в пределах Нью-Йорка.

• Покупка, вероятно, сделана в магазине на Малберри-стрит в Маленькой Италии. Подозреваемого по словесному портрету опознала сотрудница магазина.

Отпечатки пальцев:

• Подозреваемый действовал в латексных или виниловых перчатках.

• Проверка отпечатков, оставленных на предметах из набора насильника, по базе ИАФИС совпадений не выявила. Отпечатки принадлежат человеку с маленькими руками, вероятно, продавщице.

Трасологические следы:

• Хлопчатобумажные волокна со следами человеческой крови. Удавка?

• Запрос по образцам крови отправлен в КОДИС.

• Совпадений ДНК по КОДИС не выявлено.

• Частицы поп-корна и сахарной ваты со следами собачьей мочи.

Орудия преступления:

• Дубинка или ручной снаряд, используемый как оружие в боевых искусствах.

• Пистолет 22-го калибра производства «Норт американ армз», модель «Черная вдова» или «Мини-мастер».

• Самодельные пули с высверленной полостью; заполнены иглами.

Совпадений по базам ИБИС и ДРАГФАЕР не выявлено.

Мотив:

• Не установлен. Изнасилование, очевидно, инсценировано.

• Истинной целью, вероятно, являлась кража микрофиши с выпуском «Иллюстрированного еженедельника для цветных» от 23 июля 1868 года и убийство Ж. Сеттл из-за проявленного ею интереса к статье из этого номера. Мотив не установлен. В статье рассказывалось о Чарлзе Синглтоне, предке потерпевшей (см. ниже).

• По словам убитого библиотекаря, кто-то еще интересовался той же статьей.

• Проверка записей телефонных звонков жертвы на месте работы.

• Результатов не дала.

• Опрос сотрудников библиотеки насчет лица, интересовавшегося статьей.

• Результатов не дал.

• Поиск копии журнала.

• По сообщениям из некоторых архивов, кто-то еще проявлял интерес к статье. Личность интересующегося установить невозможно. Большинство копий журнала либо пропало, либо уничтожено. Сохранился один экземпляр (см. ниже).

• Заключение: жизнь Ж. Сеттл, вероятно, по-прежнему под угрозой.

• Возможный мотив: скрыть, что предок Женевы обнаружил доказательства неправомерности принятия Четырнадцатой поправки, поскольку разглашение этого факта поставило бы под угрозу большую часть гражданских прав и свобод, декларируемых Конституцией США.

Сходные случаи по результатам запроса в ВИКАП и НЦИП:

• Убийство в Амарилло, штат Техас, пять лет назад. Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как ритуальное, но истинный мотив неизвестен).

• Убитый – пенсионер, бывший тюремный охранник.

• Фоторобот подозреваемого отправлен для опознания в техасскую тюрьму.

• Не опознан.

• Убийство в Огайо три года назад.

Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как сексуальное, но скорее всего носит заказной характер). Утрачены материалы дела.

ПОРТРЕТ ОБЪЕКТА 10-9

• Белый мужчина.

• Рост 6 футов, вес около 180 фунтов.

• Среднего возраста.

• Голос непримечательный.

• Симулировал разговор по сотовому, чтобы подобраться к жертве.

• Носит светло-коричневые прогулочные туфли марки «Басс», 11-го размера; куплены не менее 3 лет назад. Правая ступня скошена наружу.

• Сопутствующий жасминовый запах.

• Темные брюки.

• Лыжная шапочка темного цвета.

• Для отвлечения внимания готов стрелять в случайных людей.

• Скорее всего наемный убийца.

• Вероятно, бывший заключенный в тюрьме Амарилло, штат Техас.

• Имеет южный говор.

• Короткая аккуратная стрижка, гладко выбритое лицо.

• Внешность непримечательная.

• По некоторым свидетельствам, носит темный плащ.

• Курит, вероятно, только эпизодически.

• Строитель, дорожник, слесарь?

• Использует глазные капли мурин.

• Насвистывает мелодии.

ПОРТРЕТ ЗАКАЗЧИКА

• На данный момент информация отсутствует.

ПОРТРЕТ СООБЩНИКА ОБЪЕКТА 10-9

• Чернокожий мужчина.

• Возраст между 30 и 40 годами.

• Рост: шесть футов.

• Плотного телосложения.

• Одет в армейскую куртку зеленого цвета.

• Судим.

• Хромает.

• Вооружен.

• Гладко выбрит.

• Темная косынка на голове.

• Ожидаются дополнительные свидетельские показания, а также возможные записи с камер видеонаблюдения.

• Запись с камеры наблюдения нечеткая. Отправлена в лабораторию для анализа.

• Носит старые рабочие ботинки.

ПОРТРЕТ ЧАРЛЗА СИНГЛТОНА

• Бывший раб, предок Ж. Сеттл. Женат, имел одного сына. Имел сад в штате Нью-Йорк, полученный в подарок от бывшего хозяина. Работал учителем. Стоял у истоков движения в защиту гражданских прав.

• В 1868 году обвинен в краже (по архивным материалам на похищенной микропленке).

• По собственному признанию, хранил некую тайну, которая, возможно, имеет отношение к текущему делу. Опасался, что, если тайну предать огласке, случится трагедия.

• Посещал собрания в нью-йоркском районе, ранее известном как Холмы Висельника.

• Возможно, участвовал в рискованных предприятиях.

• Вместе с Фредериком Дугласом и другими активистами содействовал принятию Четырнадцатой поправки к Конституции.

Приписываемое преступление, по материалам «Иллюстрированного еженедельника для цветных»:

• Арестован детективом Уильямом Симсом по обвинению в краже крупной денежной суммы из нью-йоркского Фонда для вольноотпущенных. По свидетельским показаниям, Чарлза видели выходящим из здания вскоре после того, как был взломан сейф. Неподалеку были найдены принадлежащие ему инструменты – орудия взлома. Основную часть похищенного удалось вернуть.

Приговорен к пяти годам заключения.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Считалось, что Чарлз использовал свои связи с лидерами движения, чтобы получить доступ к средствам фонда.

Письма Чарлза:

• Письмо первое, адресовано жене.

Тема: бунты против призыва в 1863 году, вспышка ненависти по отношению к чернокожим в штате Нью-Йорк, линчевания, поджоги.

Угроза собственности, принадлежащей чернокожим.

• Письмо второе, адресовано жене.

Написано накануне битвы при Аппоматоксе в конце Гражданской войны.

• Письмо третье, адресовано жене.

Чарлз участвует в движении по защите гражданских прав. Получает угрозы. Обеспокоен необходимостью хранить тайну.

• Письмо четвертое, адресовано жене.

Отправился в «Поттерс-Филд», чтобы восстановить «справедливость».

Тяжкие последствия. Истина похоронена вместе с «Поттерс-Филд».

Необходимость хранить тайну причиняла душевные муки.

– Алло?

– Это Линкольн Райм из Нью-Йорка.

– Здравствуйте! После нашего давешнего разговора я тут кое-что о вас почитал. Вы, оказывается, знаменитость.

– Ну что вы, бывший полицейский, и только. А как дела с тем портретом, что мы вам отправляли?

– Увы, детектив Райм. Под этот портрет подходит не меньше половины наших бывших клиентов. К тому же у нас, как во всех исправительных учреждениях, большая текучка. Старых сотрудников почти не осталось.

– У нас появилась кое-какая новая информация о подозреваемом, которая может помочь отсеять лишние кандидатуры. Я вас не задерживаю?

– Выкладывайте.

– Возможно, у него больные глаза. Он регулярно пользуется мурином. Хотя, возможно, этой проблемой он обзавелся недавно. Еще мы считаем, что он любит посвистеть.

– Посвистеть? Глядя на шикарную красотку?

– Нет, он любит насвистывать. Мелодии.

– Ах вот как. Подождите. – Пять бесконечных минут спустя в трубке снова послышался его голос: – Увы, никто не помнит клиента, который любил посвистеть или маялся бы глазами. Но я еще поспрашиваю.

Райм поблагодарил собеседника и с отчаянием уставился на таблицу. В начале двадцатого века великий криминалист, француз Эдмон Локар, ввел так называемый принцип взаимообмена, который гласит, что на любом месте преступления происходит взаимообмен уликами между преступником и его жертвой или самим местом. Цель криминалиста в том, чтобы найти улики. Однако принцип Локара не гарантирует поимку преступника.

Райм вздохнул.

Что ж, на многое рассчитывать и не приходилось. Что мы имеем? Усредненное компьютерное изображение, вероятная проблема с глазами, вероятная привычка свистеть, желание отомстить охраннику как мотив.

Что еще…

Райм нахмурился, глядя на двенадцатую карту из колоды таро.

«„Повешенный“ не означает наказание для кого-либо».

Может, и нет, но все-таки на картинке изображен болтающийся на виселице человек.

Тут в голове у него что-то щелкнуло, и Райм снова уставился на таблицу. В глаза сразу бросилось следующее: дубинка, электрическая ловушка на Элизабет-стрит, ядовитый газ, прицельная кучная стрельба в сердце, убийство Чарли Такера через повешение, волокна удавки со следами крови…

– Черт возьми! – вырвалось у него.

– Линкольн! Что такое? – Купер озабоченно поглядел на босса.

– Команда: повторить набор! – прокричал Райм.

На мониторе компьютера высветилось сообщение: «Я не понял, что вы сказали. Что именно я должен выполнить?»

– Повторить набор!

«Я не понял, что вы сказали».

– Вот зараза! Мэл, Сакс… кто-нибудь, щелкните на повтор набора.

Купер нажал кнопку, и через несколько секунд Райм вновь говорил с начальником тюрьмы в Амарилло.

– Джей-Ти, это снова Линкольн.

– Да, сэр, слушаю вас.

– Забудьте о заключенных. Меня интересуют охранники.

– Охранники?

– Тот, кто у вас работал. С больными глазами, любитель насвистывать. И еще он, возможно, служил в отделении для смертников до того или примерно в то время, когда был убит Такер.

– О персонале мы и не думали. Опять же большинства наших нынешних сотрудников пять-шесть лет назад здесь просто не было. Но все равно, обождите минутку, попробую расспросить кого-никого.

На эту мысль Райма натолкнул образ «Повешенного». Дальше он обратил внимание на орудия убийства и способы, которые использовал объект 10-9. Все они оказались методами казни: цианид, электричество, повешение, кучная стрельба в сердце, как при расстреле, а оглушал он своих жертв дубинкой – главным инструментом тюремных охранников.

Спустя минуту из телефона раздался голос:

– Детектив Райм?

– Слушаю вас, Джей-Ти.

– Все верно, кое-кому этот образ сразу припомнился. Я позвонил домой одному бывшему охраннику, он служил в отделении для смертников. Зовут Пеппер. Согласился зайти в администрацию, чтобы с вами поговорить. Живет он недалеко, должен быть через пару минут. Мы вам сразу перезвоним.

Райм снова уставился на карту.

«Смена жизненного пути».

Через десять минут невыносимого ожидания раздался звонок.

Бывший офицер Техасского департамента исполнения наказаний Хэлберт Пеппер так растягивал слова, что по сравнению с ним выговор Джея-Ти Бьюшампа можно было считать произношением диктора.

– Думаю, могу вам маленько помочь.

– Рассказывайте, – сказал Райм.

– Пять лет назад был тут у нас один из группы контроля за приведением в исполнение, который аккурат под ваше описание подпадает. Проблема с глазами, и свистел замечательно. Я вот-вот должен был уходить на пенсию, но успел с ним поработать.

– Кто он такой?

– Зовут этого малого Томпсон Бойд.

Часть IV

Мертвец идет

Глава 29

Из динамика громкой связи Пеппер рассказывал:

– Бойд вырос в наших краях. Отец работал на буровых…

– Нефтеразведка?

– Точно так, сэр, – работяга в бригаде бурильщиков. Мать вела домашнее хозяйство. Других детей у них не было. Детство, похоже, прошло нормально. Даже славненько, если его послушать. Он все время рассказывал про семью, о том, как любит родителей. Матери всегда помогал. Она, кажется, потеряла руку или ногу, что ли, во время торнадо. Берег ее очень, присматривал. Помню, рассказывал, как однажды какой-то паренек на улице над ней посмеялся, так Бойд его выследил и пригрозил, что как-нибудь ночью засунет ему в кровать гремучника, ежели тот не извинится.

Закончил школу, отучился парочку лет в колледже и подался в компанию, где работал отец, пока не пошли увольнения. Ну и его, значит, уволили. И отца тоже. Времена начались тугие, работу найти он здесь не сумел и подался куда-то в другой штат. Куда – точно не знаю. Устроился работать в тюрьму. Начинал он охранником в общем режиме. Потом там что-то случилось – кажется, исполнитель у них заболел, – и работу возложили на Бойда. Зажарил он его так отменно…

– Что-что сделал?

– Извиняюсь. Казнь он провел так отменно, что его оставили на должности исполнителя. Некоторое время он так там и работал, но потом стал кочевать по штатам – пошел нарасхват. Стал настоящим экспертом по исполнению казней. Со стулом он управлялся мастерски…

– В смысле с электрическим?

– Точно, сэр, – навроде нашего знаменитого Старины Спарки.[14] Газовую камеру тоже знал досконально. И петлю завязать умел, а для этого дела, скажу я вам, в стране официальных спецов раз-два и обчелся. У нас как раз открылась вакансия исполнителя, и он решил зацепиться за это место. Мы тогда, как в большинстве остальных точек, переключились на смертельные инъекции, так он и на них навострился. Даже литературу об

этом читал, чтобы знать, что ответить противникам. Некоторые утверждают, что смерть от инъекций очень болезненна. По мне так, вся эта чушь – дело рук демократов и защитников природы, которые сами ни в чем не разбираются. В смысле у нас-то были…

– Как насчет Бойда? – раздраженно спросил Линкольн Райм.

– Да, сэр, конечно, простите. Значит, вернулся он в родные края, и все поначалу шло хорошо. Здесь он внимания большого не привлекал, был навроде как невидимкой. Звали мы его даже «серый статист». Но со временем что-то произошло, он как-то переменился. Начались за ним какие-то странности.

– Это как?

– Чем больше исполнений он проводил, тем сильнее крыша съезжала. Он вроде как отрешался. Понимаете, о чем я? Как будто он и не здесь вовсе. Вот вам такой пример. Я говорил, что он всегда трепетно относился к родителям, всегда ладил и все такое. И тут, надо же такому случиться – попали они в аварию, разбились насмерть, и его тетка тоже, а Бойд и глазом не моргнул. Черт! Даже на похороны не поехал. Можно подумать, это у него из-за шока, да вот как бы не так. Ему как будто все равно было. Пришел на смену как ни в чем не бывало, а когда все узнали, стали спрашивать, чего он на работе. До следующего исполнения еще целых два дня, можно и отгул взять. Только он отказался. Сказал, потом на кладбище съездит. Не знаю даже, заглянул ли туда хоть раз.

Все ближе и ближе начал сходиться с заключенными, по общему мнению, даже слишком близко. А это недопустимо. Не очень нормально выглядит. С сослуживцами почти перестал общаться, все больше времени проводил с осужденными, называл их «своими людьми». Говорят, он как-то даже забрался на электрический стул, который у нас тут вроде музейного экспоната. Хотел испытать, каково в нем сидится. Так, сидя на нем, и заснул, представляете?!

Когда его спросили, что он чувствовал, когда сидел на стуле, он сказал, что ничего не чувствовал. Только вроде как онемение. Ближе к концу он часто так говорил, что чувствует онемение.

– Вы сказали, его родители погибли в аварии? Он переехал в их дом?

– Кажется, да.

– А дом по-прежнему цел?

Их собеседники в Техасе слушали разговор по громкой связи, и Райму ответил Джей-Ти.

– Сейчас спрошу, сэр. – Он с кем-то заговорил. – Через пару минут будем знать, мистер Райм.

– Могли бы вы также узнать, живет ли там кто-нибудь из его родственников?

– Хорошо, сэр, справимся.

– Офицер Пеппер, вы говорили, он любил насвистывать? – спросила Сакс.

– Да, мэм, и получалось у него очень недурно. Бывало, насвистывал приговоренным пару песенок на прощание.

– И с глазами у него не в порядке было?

– Да, и это тоже. Глаза у него болели. Говорят, как-то раз он приводил приговор на электростуле – это еще до того, как попал к нам, – и что-то там пошло наперекосяк. Со стулом такое случается иногда. Загорелось там, в общем…

– Человек, которого казнили? – вздрогнув, спросила Сакс.

– Да, точно, мэм, взял да и загорелся. Мертвый был или в отключке – одному Богу известно. Биться-то он бился – они все там бьются, а Томпсон, значит, вбегает с ружьем наготове. Хотел добить бедолагу, избавить его от мучений. Только это, я вам скажу, не по инструкции. Убить приговоренного, прежде чем наступит смерть по приговору, – значит совершить убийство. Но Бойду было плевать, он не мог допустить, чтобы один из «его людей» умирал такой смертью. Огонь быстро распространился. Сгорела какая-то изоляция, не знаю… что-то пластмассовое, и Томпсон вырубился. Два дня ничего не видел.

– А заключенный? – спросила Сакс.

– Умер от тока, стрелять Томпсону не пришлось.

– Значит, он уволился пять лет назад? – спросил Райм.

– Около того, – протянул Пеппер. – По собственному желанию. Кажется, устроился на новую точку, в другую тюрьму, где-то на Среднем Западе. С тех пор о нем никаких вестей.

Средний Запад… Возможно, Огайо, где случилось аналогичное убийство.

– Свяжитесь с тюрьмой в Огайо, – шепнул Райм Куперу. Тот кивнул и взял трубку.

– А что насчет Чарли Такера, того охранника, которого убили? Бойд ушел от вас примерно в то время?

– Да, сэр, все верно.

– А не было между ними неприязни?

– За год до выхода на пенсию Чарли работал под руководством Томпсона, – сказал Пеппер. – Только Чарли был упертый баптист. Бывало, такой елей перед заключенными разводил... твердил все время, что им прямая дорога в ад. Вот, а Томпсон этого не одобрял.

– Значит, Бойд мог его убить за то, что тот заключенным житья не давал?

«Мои люди...»

– Вполне себе может быть.

– А портрет, который мы отослали? Это Бойд?

– Джей-Ти только что мне его показал, – ответил Пеппер. – Да, очень похож. Правда, Бойд на вид был крупнее, полнее... ну то есть в те времена. Еще у него была бритая голова и бородка – многие наши так делали, чтобы покруче выглядеть перед преступниками.

– К тому же, – вставил начальник тюрьмы, – мы-то проверяли только заключенных, а не сотрудников.

«Моя ошибка», – раздраженно отметил про себя Райм.

– Вот дьявол! – Снова голос начальника.

– Что такое, Джей-Ти?

– Секретарша пошла за личным делом Бойда, и...

– Оно пропало.

– Ага, нигде нет.

– Значит, он выкрал свое личное дело, чтобы скрыть связь с убийством Чарли Такера, – сказал Селлитто.

– Так, полагаю, – отозвался Джей-Ти Бьюшамп.

Райм покачал головой:

– И отпечатки его волновали, потому что в архиве он проходит как сотрудник, а не как осужденный.

– Одну минутку, – протянул Джей-Ти. С ним разговаривала какая-то женщина, затем из громкоговорителя вновь раздался его голос: – У нас новости из окружного архива. Пять лет назад Бойд продал дом родителей. Другого имущества в штате не покупал, по крайней мере под своим именем. Скорее всего забрал наличные и испарился… О других его родственниках ничего не известно.

– Как его полное имя? – спросил Райм.

– Кажется, средний инициал был Г., а как полностью, не знаю, – сказал Пеппер, затем добавил: – Одно про него могу сказать: Томпсон Бойд знал, что делает. ИИП изучил вдоль и поперек.

– ИИП?

– Инструкция исполнения приговора. Это такая толстая книга, в которой подробно рассказывается, как следует производить казнь. Все, кто работал в группе, должны были ее знать. Он заставлял их, где бы они ни находились, повторять про себя: «Делай все по инструкции, делай все по инструкции». Постоянно твердил, что в делах, которые касаются смерти, нет обходных путей.

Мэл Купер повесил трубку.

– Огайо? – спросил Райм.

Техник кивнул.

– Заведение строгого режима в Киган-Фоллс. Бойд проработал там около года. Начальник колонии помнит его потому, что у того были больные глаза и он любил насвистывать. Говорит, что с его появлением сразу начались неприятности: затевал драки с охранниками из-за того, как те обращались с заключенными, много с ними общался, что вразрез с правилами. Начальник считает, что Бойд наводил мосты, чтобы потом принимать заказы на убийства.

– Так он вышел на человека, который заказал ему то убийство?

– Очень похоже.

– А его личное дело? Тоже пропало?

– Точно. Никто не знает даже, где он жил и вообще ничего. Выпал из поля зрения.

«Серый статист».

– Ну что же, теперь он стал нашей проблемой. Провести полный поиск.

– Слушаюсь.

Купер запросил все общие базы: происшествия, отдел транспортных средств, гостиницы, дорожные штрафы, налоги и прочее. Через пятнадцать минут последние результаты были у него на руках, включая несколько записей на имя Томпсона Г. Бойда и одну на Т.Г. Бойда. Однако ни по возрасту, ни по описанию не подходила ни одна.

– Как насчет псевдонимов? – спросил Райм.

Большинство профессионалов, особенно киллеры, использовали псевдонимы. Зачастую выбирали они их так же, как пароли к компьютерам или банкоматам, – вариант какого-то имени, которое имело для преступника некий смысл. Когда это имя выяснялось, хотелось выть от досады – настолько банальным казался выбор, но угадать его было почти невозможно. Тем не менее они попробовали: меняли местами имя и фамилию («Томпсон» как фамилия встречалось гораздо чаще.) Купер пропустил слова «Томпсон Бойд» через генератор анаграмм, но совпадений по базам не получил.

«Ну надо же, – мысленно сокрушался Райм, – мы знаем, как его зовут, как он выглядит, знаем, что он в городе... Но найти, черт побери, не можем».

Сакс искоса взглянула на доску с записями, затем сказала:

– Билли Тодд Хэммил.

– Кто-кто? – спросил Райм.

– Имя, под которым он снял квартиру на Элизабет-стрит.

– И что?

Она быстро пролистала несколько страниц с записями, подняла голову.

– Умер шесть лет назад.

– Там сказано где?

– Нет, но я бы поставила на Техас.

Она снова позвонила в техасскую тюрьму и спросила насчет Хэммила. Через минуту, повесив трубку, кивнула.

– Так и есть. Двенадцать лет назад застрелил сотрудника универмага. Бойд курировал его казнь. Похоже, с теми, кого он отправлял на тот свет, его связывают какие-то особые отношения. Его методы убийства восходят к тому времени, когда он был палачом. Так почему бы не личности, которые он выбирает?

Райму не было дела до «особых отношений», но чем бы там ни руководствовался сам Бойд, в рассуждениях Сакс проглядывалась определенная логика.

– Составьте список всех, кого он казнил, – рявкнул Райм, – и проверьте имена по базе отдела транспортных средств. Начните с Техаса, затем пройдемся по остальным штатам.

Джей-Ти Бьюшамп прислал список семидесяти девяти заключенных, чьи смертные приговоры Бойд привел в исполнение, пока работал в техасской тюрьме.

– Так много? – Сакс, хмурясь, разглядывала листок. Хотя сама она не стала бы колебаться, стреляя на поражение ради спасения чьей-то жизни, Райм знал, что насчет смертной казни у нее имеются сомнения. После вынесения приговора нередко оказывалось, что в деле использовались случайные, ошибочные, а иногда и подтасованные улики.

Очевидно, когда число казней перевалило за восемьдесят, Томпсон Бойд перестал видеть разницу между жизнью и смертью.

«И тут, надо же такому случиться, попали они в аварию, разбились насмерть, и его тетка тоже, а Бойд и глазом не моргнул. Черт! Он даже на похороны не поехал...»

Купер сравнил имена всех казненных мужчин с записями госрегистрации.

Ничего.

– Черт! – рявкнул Райм. – Придется узнавать, в каких штатах он еще работал и кого там казнил. На это уйдет целая вечность. – Потом его осенило. – Так, постойте-ка! Женщины.

– Что такое? – спросила Сакс.

– Попробуйте проверить имена женщин, которых он казнил. С вариантами написания.

Купер нашел список, который оказался короче, и проверил имена в разных вариантах по базе регистрации автомобилей.

– Так-так, кажется, кое-что получилось, – сказал он взволнованно. – Восемь лет назад в Амарилло была казнена женщина по имени Рэнди Рэй Силлинг, проститутка. За ограбление и убийство двух клиентов. В Нью-Йорке зарегистрирован автомобиль на туже фамилию, но владелец – мужчина, только среднее имя пишется через «е» – Рей. По возрасту и словесному описанию это может быть Бойд. Проживает в Квинсе, Астория. Машина – трехлетний «бьюик-сенчури» синего цвета.

– Отправьте сотрудника в штатском пройтись по соседям с фотороботом подозреваемого, – распорядился Райм.

Купер позвонил заместителю главного инспектора – главе участка в квартале Астория, который давно облюбовала греческая диаспора. Объяснив суть дела, он отправил ему фоторобот Бойда по электронной почте. Начальник участка ответил, что пошлет своих сотрудников в штатском провести скрытный опрос, чтобы выяснить, кто проживает в доме Рэнди Силлинга.

В ожидании новостей от группы из Квинса Сакс и Селлитто связались со всеми государственными регистрационными учреждениями в Техасе, Огайо, Нью-Йорке в поисках любой информации о Бойде, Хэммиле или Силлинге.

Впустую.

Наконец позвонил инспектор 114-го участка в Квинсе.

– Капитан? – спросил он.

Многие старшие чины в городе до сих пор обращались к Райму по его бывшему званию.

– Слушаю.

– Есть подтверждение от двух свидетелей, что ваш человек проживает по указанному адресу. Какие действия рекомендуете предпринять, сэр?

Райм тяжело вздохнул: бюрократы. Решив воздержаться от колкостей, он остановил свой выбор на немного задумчивом: «Будем прищучивать подлеца».

Глава 30

На Четырнадцатой улице в Астории, в Квинсе, около дюжины бойцов штурмовой группы занимали позицию позади жилой шестиэтажки Томпсона Бойда.

Сакс, Селлитто и Бо Хауман стояли в наспех организованном командном штабе за неприметным фургоном спецназовцев. Райм, мы на месте, – шепотом сказала в микрофон Сакс.

– А он на месте? – с раздражением в голосе спросил Райм.

– Группа наблюдения на позициях... Секунду. Сейчас доложат.

К ним направлялся офицер из подразделения технического наблюдения.

– Внутри смогли что-нибудь разглядеть? – спросил его Хауман.

– Ответ отрицательный, сэр. Окна со стороны фасада непроницаемы.

Он объяснил, что приблизился к передним окнам на максимально возможное расстояние, а с задней стороны дома работает вторая группа. Затем добавил:

– Регистрируются звуки голосов и бегущей из крана воды. Голоса похожи на детские.

– Только детей не хватало, – пробормотал Хауман.

– Возможно, радио или телевизор. Трудно сказать.

Хауман кивнул.

– Группа наблюдения два. Доложить обстановку.

– Второй на связи. Есть небольшая щель между шторой и краем окна. Хотя видно не много. В комнате никого рассмотреть не могу – узкий угол обзора. В передних комнатах горит свет. Кажется, слышны голоса. Музыка. Прием.

– Детских игрушек не видно?

– Нет. Но у меня угол обзора всего десять градусов. Больше разглядеть не могу, прием.

– Какое-нибудь движение?

– Отрицательно, прием.

– Вас понял. Что в инфракрасном диапазоне?

Детекторы инфракрасного излучения способны фиксировать положение животных, людей и других тепловых источников внутри здания.

Еще один техник из группы наблюдения исследовал инфракрасный спектр.

– Регистрируются признаки теплового излучения, но слишком слабые, чтобы определить источник.

– Звуковая картина? Прием.

– Скрипы и стоны. Возможно, естественное осаждение, трубы, вентиляция; а возможно, объект перемещается по квартире или ерзает на стуле. Предположительно он внутри, но где именно, сказать невозможно. Квартира плотно прикрыта от сканирования. Прием.

– Вас понял, продолжайте наблюдение. Конец связи.

Сакс сказала в свой микрофон:

– Райм, ты слышал обмен?

– Как я мог его слышать?

– Они считают, что внутри кто-то есть.

– Перестрелки нам только и не хватает, – пробубнил Райм. – Мы должны сохранить как можно больше вещественных доказательств. Они, возможно, наш единственный способ установить, кто его нанял и кто сообщник.

Хауман вновь окинул здание недовольным взглядом, и Сакс, которая в душе сама была наполовину спецназовцем, хорошо его понимала. Задержание обещало быть трудным. В распоряжении киллера имелось два окна со стороны фасада, три сзади и шесть по бокам здания. Он может воспользоваться любым, если попробует бежать. Соседнее здание располагалось рядом, всего в четырех футах, – туда легко можно было перепрыгнуть. Или залечь на крыше со стороны фасада и вести прицельный огонь. На противоположной стороне улицы также стояли дома. Если завяжется бой, велика вероятность, что пострадают случайные люди. Бойд мог намеренно их обстреливать в надежде ранить кого-нибудь наугад. Сакс вспомнила о его привычке стрелять по

прохожим в качестве отвлекающей меры. Вряд ли он на этот раз изменит тактику. Придется отводить жителей, прежде чем начинать штурм.

Хауман поднес к губам рацию:

– Наш человек внутри. Камер наблюдения, как на Элизабет-стрит, у Бойда здесь нет, о нашем подходе он не узнает. – Затем мрачно добавил: – Если, конечно, не приготовил других сюрпризов. Чего, зная этого мерзавца, исключать нельзя.

Сбоку послышалось чье-то хриплое дыхание. Сакс обернулась. Рядом в тяжелом бронежилете, машинально поглаживая рукоятку пистолета, стоял Лон Селлитто и изучающе оглядывал здание. У него тоже был озабоченный вид, но Сакс сразу поняла, что терзают его вовсе не вероятные трудности штурма. Он разрывался от нерешительности. Как старшему следователю, ему не обязательно было участвовать в штурме, даже наоборот – учитывая его комплекцию и не бог весть какую меткость, в передовой группе захвата делать ему было нечего.

Однако здравый смысл тут был ни при чем. Глядя, как Селлитто непроизвольно подносит руку к щеке, чтобы стереть невидимое пятнышко крови, догадываясь, что он вновь переживает вчерашний инцидент с выстрелом и убийство доктора Бэрри, Сакс поняла: для Лона настал момент истины. Выражение ее отца, который совершил немало смелых поступков, служа в полиции, но, пожалуй, наибольшую отвагу проявил в борьбе с раком. Болезнь убила его, но не сломила. В то время Амелия уже была копом, и отец часто давал ей профессиональные наставления. Как-то он сказал, что она обязательно окажется в ситуации, когда не остается ничего другого, как идти на смертельный риск или в одиночку отвечать на брошенный вызов. «Я называю это моментом истины, Эйми, – момент, когда надо идти напролом. Твоим противником может оказаться преступник, а может и твой напарник. А то и все полицейское управление Нью-Йорка».

Иногда, говорил он, самая жестокая схватка – это схватка с самим собой.

Селлитто знал, что должен делать: первым войти в квартиру преступника.

Но после вчерашнего случая у музея его сковывал страх.

Момент истины… Решится он или нет?

Хауман разбил своих людей на три группы, еще нескольких отправил перекрыть движение и одного человека – присматривать за входом в подъезд: перехватить любого, кто направляется к входу, и если ничего не

подозревающий Бойд выйдет по какому-нибудь делу, задержать и его. Один боец занял позицию на крыше, еще несколько – в соседнем здании, на случай если Бойд решит уходить, как на Элизабет-стрит.

Затем Хауман повернулся к Сакс:

– Идете с нами?

– Ага. Кто-то из криминалистов должен обеспечить сохранность улик на месте. Мы до сих пор не знаем, кто нанял этого подлеца. Так будет больше вероятности выяснить.

– С какой группой?

– С той, которая войдет через переднюю дверь, – ответила Сакс.

– Значит, с Дженкинсом.

– Так точно, сэр.

Затем она поделилась своими соображениями насчет домов через улицу, напомнив, что Бойд может открыть огонь по случайным свидетелям.

Хауман кивнул.

– Мне нужен кто-то, чтобы убрать людей от передних окон и с тротуаров.

Никто, разумеется, не прельстился. Если сравнить бойцов спецподразделения с ковбоями, то выходило, что Хауман просит вызваться кого-то в повара.

Молчание нарушил голос:

– Черт, я этим займусь. – Лон Селлитто. – В самый раз для такого старикана, как я.

Сакс посмотрела ему в глаза. Только что детектив завалил свой главный экзамен, не выдержал напряжения.

Он беззаботно ухмыльнулся. Сакс подумала, что более жалкой улыбки еще не видела.

Командир спецназа сказал в микрофон:

– Всем группам: замкнуть периметр оцепления. Команде наблюдения: немедленно докладывать о любых изменениях ситуации, прием.

– Вас понял. Конец связи.

Сакс передала Райму:

– Начинаем. О результатах сообщу позже.

– Понял, – коротко отозвался Райм.

Больше они не проронили ни слова. Райм не одобрял ее стремления лично участвовать в захватах, однако знал, как ее бесит, когда кто-то угрожает невинному человеку, и как важно для нее не дать ускользнуть людям вроде Томпсона Бойда. Это у нее внутри, так что отговаривать бесполезно.

Группа отправилась на позицию, и мысли о Линкольне Райме отодвинулись на второй план.

Сакс и Селлитто вместе шли по переулку: она – к штурмовой группе, он – дальше, к домам на противоположной стороне улицы, чтобы предупредить жителей. На лице лейтенанта больше не было фальшивой улыбки, оно выглядело одутловатым и, несмотря на прохладу, было покрыто бусинками пота. Он отер испарину, задержав пальцы на невидимом пятнышке крови. Заметил ее взгляд.

– Чертов бронежилет! Совсем в нем взмок.

– Да уж, – сказала Сакс.

Они приближались к заднему двору дома, где сейчас готовилась к штурму группа. Вдруг Сакс схватила Селлитто за руку и отдернула назад.

– Там кто-то есть...

Но тут Сакс споткнулась о пакет с мусором и упала, неловко подогнув под себя ногу. Громко втянула в себя воздух, наморщилась и обхватила ушибленное колено.

– Ты как? – спросил Селлитто.

– В норме, – с гримасой боли на лице ответила Сакс, поднимаясь на ноги. Затем сдавленным голосом передала: – Пять-восемь-восемь-пять, я засекла какое-то движение в окне второго этажа сзади. Группе наблюдения, можете подтвердить?

– Все в порядке. Вы видели одного из наших людей, прием.

– Вас поняла. Конец связи.

Прихрамывая, Сакс двинулась дальше.

– Амелия, ты повредила ногу.

– Ничего.

– Предупреди Бо.

– Все в порядке.

О ее артрите было известно только узкому кругу людей: Райму, Мэлу Куперу, Селлитто – вот, пожалуй, и все. Сакс изо всех сил старалась скрыть болезнь, опасаясь, что начальство, если узнает, сразу переведет ее на бумажную работу. Достав из заднего кармана брюк упаковку болеутоляющего, она разорвала ее зубами и, не запивая, проглотила несколько таблеток.

Из рации донесся голос Хаумана:

– Всем группам, занять позиции.

Сакс ускорила шаг, еще сильнее припадая на одну ногу.

Селлитто ее догнал.

– Тебе нельзя с ними.

– Лон, мне не придется за ним бегать. Моя задача – обеспечить сохранность улик на месте.

Лейтенант обернулся в сторону передвижного штаба, надеясь найти кого-нибудь, с кем можно обсудить ситуацию. Однако Хауман и все остальные уже разошлись по позициям.

– Мне уже лучше… все отлично. – Сакс упорно хромала вперед.

Один из бойцов группы А шепотом обратился к ней:

– Детектив, вы готовы?

– Да.

– Нет, ни в коем случае, – сказал Селлитто. – Она отправляется выводить жителей, а я иду с вами.

– Вы?

– Да, я! Есть проблемы?

– Никак нет, сэр.

– Лон, – шепнула ему Сакс, – я правда могу.

– У меня достаточно опыта, чтобы обезопасить улики. Райм не один год меня натаскивал.

– Мне не придется бегать.

– Конечно-конечно, может, и не придется. А ты сможешь присесть в оборонительную стойку, если он направит на тебя пушку?

– Конечно, да, – без колебаний заверила Сакс.

– Ну а я так не думаю. Так что хватит спорить – и вперед, обходить дома.

Селлитто подтянул ремешки бронежилета и достал из кобуры револьвер.

Сакс замешкалась в нерешительности.

– Детектив, это приказ.

Мрачный взгляд на Селлитто. Однако несмотря на свое упорство – некоторые даже сказали бы «непокорность», – дочь патрульного хорошо знала свое место в иерархии полицейских чинов нью-йоркского управления.

– Ну хорошо… – сказала она, – на вот тогда, возьми.

Она достала пятнадцатизарядный «глок», протянула ему. Вместе с запасным магазином. Себе забрала его револьвер.

Селлитто посмотрел на большой автоматический пистолет у себя в руке. У такого спусковой крючок очень чувствительный. Если психануть, как вчера на Элизабет-стрит, можно легко пристрелить себя или кого-нибудь из своих. Снова потирая пальцами щеку, Селлитто поднял глаза на здание… и бросился догонять остальных.

Сакс перешла улицу, посмотрела назад, провожая группу взглядом. Затем отвернулась и пошла дальше к домам, которые предстояло очистить от жителей.

Она не хромала.

На самом деле никакой боли у нее не было, если не считать некоторого разочарования, что не придется самой участвовать в штурме. Но она так решила: изобразить падение и ушиб… ради Лона Селлитто. Спасти его

можно было, только подтолкнув на участие в захвате. Она оценила степень риска, если он будет участвовать в штурме, и поняла, что ни ему, ни остальным почти ничего не грозит: более чем достаточно прикрытия и поддержки, на всех бронежилеты, преступника они застанут врасплох. К тому же Селлитто сумел отчасти совладать со своим страхом. Ей вспомнилось, как задумчиво он разглядывал «глок» у себя в руке, как его взгляд метнулся к зданию, где обитал преступник.

При этом Селлитто, конечно, отличный коп. Не помочь ему сейчас преодолеть свою мнительность – он превратится в ноль. Вот такие занозы сомнения способны отравить душу целиком. Амелии самой приходилось все время с собой бороться. Если бы она не подтолкнула его сейчас, он бы совсем сломался.

Сакс ускорила шаг. Все-таки ей тоже предстоит важное дело: обезопасить жильцов в домах напротив. И надо пошевеливаться, штурм уже вот-вот начнется.

Она принялась обходить квартиры, убеждая жильцов не приближаться к окнам, запереть двери и временно не выглядывать на улицу. Затем по защищенному спецканалу вызвала Бо Хаумана и доложила, что дома прямо напротив зачищены и она начинает обход соседних.

– Отлично, мы входим, – коротко отозвался тот и отключил рацию.

Сакс двинулась дальше по улице. Она вдруг заметила, что ногти с силой впиваются в подушечки больших пальцев.

Какая ирония: Селлитто не может решиться, лезть ему на рожон или нет, а ее терзает необходимость быть в безопасности.

Глава 31

По тускло освещенной лестнице Лон Селлитто вслед за четверкой бойцов поднялся на площадку второго этажа.

Запыхавшись от усилия, он остановился и перевел дыхание. Бойцы спецгруппы сбились в кучу, ожидая, когда Хауман сообщит, что здание обесточено. Больше никаких электроловушек.

Пока тянулось ожидание, толстяк-детектив мысленно спрашивал себя: «Ты готов? Обдумай все хорошенько. Пора принимать решение: остаться или уйти».

Воспоминания вихрем пронеслись в голове: брызги крови, карие глаза, в один момент полные жизни, в следующий – остекленелые и слепые. Обжигающая холодом волна паники, когда на Элизабет-стрит открылась

подвальная дверь, оглушительный грохот револьвера, Амелия Сакс, пригнувшись, тянется за своим пистолетом, а стена в нескольких футах от нее взрывается каменной крошкой.

«От пули из моего револьвера!»

Что происходит? Неужели у него лопнули нервы? Он мрачно усмехнулся невольному сравнению своих «лопнувших нервов» и нервов Линкольна, перебитых в буквальном смысле. Райм мужественно справляется со своей бедой. Неужели я не смогу с собой сладить?

Вопрос требовал немедленного ответа, потому что он пойдет вперед и снова даст мазу, могут погибнуть люди. Да что там могут – погибнут наверняка, учитывая, с каким хладнокровным чудовищем они здесь имеют дело.

Если же отступиться, уйти прямо сейчас, на карьере можно ставить крест, но зато он не подвергнет опасности других.

«Ну как? Справишься?» – спросил он себя.

– Детектив, готовность тридцать секунд, – сказал командир группы. – Мы высаживаем дверь, рассыпаемся, зачищаем квартиру. Затем входите вы и делаете свое дело. Нормально?

«Остаться или уйти? – терзался Селлитто. – Можно просто отправиться вниз, и все. Сдать значок, податься каким-нибудь консультантом по безопасности в большую компанию, и получать буду в два раза больше».

Не надо больше подставляться под пули.

Не придется смотреть в глаза, которые вдруг вздрагивают и становятся мертвыми.

– Нормально? – снова повторил командир.

Селлитто поднял на него взгляд.

– Нет, – шепотом ответил он, – нет.

Офицер нахмурился.

– Выбивайте дверь, а затем я вхожу… первым.

– Но…

Селлитто быстро заговорил:

– Вы слышали, что сказала детектив Сакс. Этот киллер не сам по себе. Нам понадобится все, что мы сможем найти, чтобы выйти на того, кто его нанял. Я сразу пойму, что надо искать, и смогу его остановить, если он попытается уничтожить улики.

– Я должен посоветоваться, – с сомнением сказал командир группы.

– Офицер, – спокойным голосом ответил Селлитто. – По званию я здесь старший.

Командир взглянул на своих подчиненных. Те пожали плечами.

– Тогда это ваш… выбор.

Селлитто показалось, что мужчина едва не сказал «конец».

– Входим, как только вырубят электричество, – сказал командир группы и натянул противогаз. Остальные последовали его примеру, в том числе и Селлитто. Зажав в руке «глок» и держа палец на спусковой скобе, он встал сбоку от двери.

В наушнике раздалось:

– Вырубаем ток на три… два… один.

Командир ткнул в плечо бойцу, держащему таран. Здоровяк с размаху вышиб дверь.

Действуя на адреналине, мгновенно забыв обо всем, кроме преступника и улик, Селлитто нырнул в проем. Следом, прикрывая его, вбежали остальные бойцы, пинком распахивая двери и оглядывая комнаты. Со стороны кухни ворвалась вторая группа.

Никаких признаков присутствия Бойда. Только работал маленький телевизор, настроенный на какой-то комедийный сериал, – вероятно, тот самый источник шумов и теплового излучения, которые регистрировали спецы из группы наблюдения.

«Вероятно».

А может, и нет.

Войдя в маленькую гостиную, Селлитто бросил взгляд направо, налево и, никого не увидев, направился к рабочему столу Бойда, который был завален уликами: бумаги, патроны, несколько конвертов, обрывки проволоки, цифровой таймер, банки с жидкостью и белым порошком, транзисторный радиоприемник, веревка. С помощью салфетки он

осторожно проверил металлический ящик рядом со столом. Не обнаружив ловушек, открыл его и снова наткнулся на баночки и коробки. Еще два пистолета. Несколько пачек новеньких банкнот. Тысяч сто, не меньше.

– Здесь чисто, – объявил один из бойцов. Затем еще один, из другой комнаты.

Наконец:

– Командир группы А первому: все чисто, прием.

Селлитто вслух рассмеялся. Он победил себя – принял вызов того, что так терзало его изнутри.

«Не очень-то расслабляйся, – мысленно одернул он себя, засовывая „глок“ Сакс в карман. – Ты сюда полез по вполне конкретной причине. Так что займись работой, сохрани чертовы улики».

Однако оглядывая комнату, он почувствовал смутное беспокойство. Что-то было не так.

Но что?

Он внимательно оглядел кухню, прихожую, стол. Что тут не вяжется? В чем проблема?

И вдруг его осенило – транзисторный радиоприемник!

Неужели такие еще выпускают? И часто ли их сейчас увидишь, если вокруг полно более модных и дешевых штуковин: бум-боксы, си-ди и mp3-плейеры?

Вот дерьмо! Это и есть ловушка! Бомба! И стоит она рядом с большой мензуркой, полной прозрачной жидкости и заткнутой сверху стеклянной затычкой. В таких, насколько он помнил из курса по химии, обычно хранят кислоту.

– Твою мать!

Сколько времени в запасе? Минута? Две? Селлитто сорвался с места, схватил приемник, бросился в уборную и опустил его в раковину.

Кто-то из бойцов спецгруппы спросил:

– Что та…

– Самодельное взрывное устройство! Все вон из квартиры! – сорвав с головы противогаз, заорал Селлитто.

– Убирайся оттуда к чертовой матери! – прокричал в ответ офицер.

Селлитто не слушал. Обычно те, кто собирает самодельные бомбы, не заботятся о том, чтобы стирать отпечатки пальцев и другие следы, потому что при взрыве большая часть улик уничтожается. И хотя личность Бойда они уже установили, оставшиеся трасологические следы и отпечатки могли вывести на заказчика или сообщника.

– Вызовите саперов, – передал кто-то по рации.

– Заткнитесь, я занят.

На приемнике был выключатель, но Селлитто не рассчитывал, что с его помощью можно деактивировать запал. Весь сжавшись, он отковырнул заднюю крышку.

Сколько еще осталось?

На какое время Бойд мог выставить таймер, чтобы, войдя в квартиру, успеть разрядить ловушку?

Сняв крышку, Селлитто склонился над раковиной и увидел перед собой половинку динамитной шашки – не пластид, конечно, но вполне хватит, чтобы оторвать руку и выбить глаза. Никаких индикаторов. Бомбы с открытыми цифровыми табло, ведущими обратный отсчет до взрыва, бывают только в кино. В реальности бомбы приводятся в действие крошечными чипами без всяких индикаторов. Селлитто прижал шашку ногтем, чтобы не смазывать возможные отпечатки, и начал осторожно вытягивать из нее детонатор.

Гадая, насколько изощренное устройство приготовил преступник (серьезные взрывники из расчета вот на таких, как Селлитто, которым вздумается обезвредить бомбу, как правило, используют дублирующие детонаторы), детектив выдернул запал из взрывчатки.

Слава Богу – никаких дублирующих…

Оглушительный грохот прокатился по замкнутому пространству, отражаясь от кафельных стен уборной.

– Что такое? – вызвал по радио Бо Хауман. – Кто стрелял? Это выстрелы? Всем группам доложить обстановку.

– Взрыв в уборной подозреваемого, – отозвался чей-то голос. – Срочно врачей на место, вызовите «неотложку»!

– Отбой, отбой! Без паники. – Селлитто держал обожженные пальцы под струей холодной воды. – Мне понадобится только кусок пластыря.

– Лейтенант, это вы?

– Да. Запал детонировал. Бойд устроил небольшую ловушку, чтобы уничтожить улики. Мне удалось сохранить большую часть… – Он зажал руку под мышкой. – Дьявол! Как щиплет!

– Мощное устройство? – спросил Хауман.

С порога ванной Селлитто посмотрел на стол в соседней комнате.

– Достаточно мощное, чтобы разнести к чертовой матери банку с серной кислотой объемом около галлона. А также, насколько можно судить, несколько банок с порошком. Цианид скорее всего. Взрыв уничтожил бы почти все улики… и любого, кто бы оказался поблизости.

Несколько офицеров спецгруппы с благодарностью посмотрели на Селлитто.

– Хотелось бы мне добраться до этого гада! – сказал один.

Хауман, как обычно голосом бесстрастного наблюдателя, сухо спросил:

– Статус объекта?

– Никаких признаков. Тепловизор, похоже, фиксировал излучение от холодильника, телевизора и прогретых солнцем областей, – доложил один из бойцов.

Селлитто оглядел комнату и передал по рации:

– Бо, есть идея.

– Слушаю.

– Давайте быстро восстановим дверь. Я и еще пара ребят останемся здесь, всех остальных уберем с глаз долой. Бойд, возможно, скоро вернется, тут мы его и возьмем, прием.

– Принял. Отличная мысль, Лон. Так и поступим. Кто-нибудь плотничать умеет?

– Я займусь, – ответил Селлитто. – Балуюсь иногда на досуге, только инструменты нужны. И что это за штурмовая группа, если ни у кого пластыря не допросишься?

Амелия Сакс, удаляясь по улице от дома Бойда, слушала радиопереговоры о ходе штурма. Ее план для Селлитто, похоже, сработал даже лучше, чем она надеялась. Что именно там произошло, Сакс до конца не поняла, но было ясно, что лейтенант даже сумел отличиться. В его голосе отчетливо слышалась вновь обретенная уверенность.

Она доложила о своей готовности следовать плану, затем добавила, что предупредит еще нескольких жителей. Постучавшись в очередной дом, она сказала открывшей дверь темноволосой женщине, чтобы жильцы держались подальше от окон до тех пор, пока не дадут отбой, – на другой стороне улицы проводится полицейская операция.

У женщины округлились глаза.

– Это опасно?

Сакс ответила ей то же, что и всем: тревожиться не о чем, элементарная предосторожность и так далее. Затем спросила, дома ли дети, так как заметила во дворе игрушки.

Как раз в эту минуту из переулка появился мужчина и направился к дому объекта. Шел он медленно, опустив голову, одет был в шляпу и длинный плащ. Лица Сакс не видела.

Женщина обеспокоенно заговорила:

– Дома сейчас только я и мой друг. Дети в школе. Возвращаются они обычно пешком, может быть, лучше заехать за ними на машине?

– Мэм, тот мужчина на другой стороне улицы?

Женщина вышла на крыльцо, вглядываясь в прохожего.

– Вон тот?

– Вы его знаете?

– Конечно. Он из того дома.

– Как его зовут?

– Лэрри Танг.

– Китаец?

– Наверное. Может, японец или еще кто.

Сакс успокоилась.

– Он-то, надеюсь, ни во что не впутался? – спросила женщина.

– Нет-нет. Насчет ваших детей, пожалуй, было бы лучше... О Господи...

Скользнув взглядом в глубь дома, Сакс увидела спальню, в которой явно велся ремонт. На стене нарисованы мультяшные персонажи. Один из фильма про Винни-Пуха – Тигра.

Оттенок краски в точности совпадал с образцами, которые Сакс обнаружила у дома бабушки Женевы в Гарлеме, – ярко-оранжевый.

Затем ее взгляд упал на пол прихожей. Там, на пачке газет, стояла пара стар採еньких прогулочных туфель. Светло-коричневые. Внутри – ярлык с маркой производителя: «Басс». Приблизительно одиннадцатого размера.

Амелия Сакс вдруг отчетливо поняла, что друг, про которого говорила женщина, и есть Томпсон Бойд, а квартира дальше по улице всего лишь его очередная «нора» и не застали его там потому, что сейчас он в доме, на крыльце которого она стоит.

Глава 32

Амелия Сакс лихорадочно размышляла.

Надо вывести женщину из дома. Она ни при чем – по глазам видно.

Бойд, конечно, вооружен.

Зараза! Надо же было обменять свой «глок» на эту шестизарядную пукалку.

Выводи ее! Быстро!

Сакс медленно потянулась к ремню, за который был заткнут пистолет Селлитто.

– Да, мэм, еще кое-что, – ровным голосом сказала она. – Я видела дальше по улице какой-то фургон. Вы не могли бы сказать, чей он?

Что это за шум? Откуда-то из глубины дома. Металлический звук, но на оружие не похоже. Какое-то слабое позвякивание.

– Фургон?

– Да, только отсюда его не видно. Он там, за деревом. – Сакс отступила на шаг, указав рукой в сторону улицы. – Вы не могли бы выйти и посмотреть? Вы мне очень бы помогли.

Но женщина не двигалась с места, по-прежнему стоя в прихожей, повернув голову вправо… Туда, откуда донесся странный звук.

– Дорогой? – Она нахмурила брови. – Что-то не так?

Неожиданно Сакс поняла, что это было: металлические жалюзи. Бойд услышал разговор и выглянул в окно. И сразу увидел спецназовца или патрульный экипаж напротив своей «норы».

– Это правда очень серьезно, – не оставляла попыток Сакс. – Вам только…

Женщина замерла, у нее округлились глаза.

– Том! Нет! Что ты…

– Мэм, быстро идите сюда! – выкрикнула Сакс, выхватывая револьвер. – Сейчас же! Вы в опасности!

– Том! Для чего тебе это? – Женщина пятилась от Бойда, но по-прежнему находилась в прихожей – кролик в свете автомобильных фар. – Нет!

– На пол! – резким шепотом бросила Сакс, в полуприседе переступая порог.

– Бойд, слушай меня! – прокричала она. – Если у тебя пистолет, брось его, чтобы я его видела. Сам ложись на пол. Сейчас же! Дом окружен!

Тишина. Только всхлипы женщины.

Сакс стремительным движением заглянула за угол. Мужчина, спокойное лицо, в руке зажат пистолет. Не маленький «магнум» 22-го калибра, а автоматический, с мощными пулями. Магазин не меньше, чем на пятнадцать патронов. Сакс тут же отпрянула на крыльцо. Бойд ждал, что она появится выше, поэтому обе пули не достигли цели, подняв в воздух рой каменной крошки и щепок всего в паре дюймов от ее головы.

Темноволосая женщина, хрипло дыша, отходила в глубь дома, переводя взгляд с Сакс туда, где стоял Бойд.

– Нет-нет-нет!

– Брось оружие! – снова выкрикнула Сакс.

– Ради Бога, Том! Что происходит?!

– На пол! – крикнула ей Сакс.

Несколько секунд царила полная тишина.

Что у него на уме? Как будто раздумывает, что делать дальше.

Затем – выстрел. Один.

Амелия отдернулась назад, но пуля даже не задела стены, у которой она стояла.

Оказалось, Бойд целился вовсе не в нее, и пуля все-таки поразила намеченную жертву.

Брюнетка рухнула на колени, прижимая руки к бедру, из которого хлестала кровь.

– Том, – шептала она, – за что?

Опрокинулась на спину и осталась лежать, сжимая руками ногу, со стоном втягивая воздух.

Как и около музея, Бойд выстрелил в человека, чтобы отвлечь полицейского и получить возможность уйти. Только на этот раз жертвой стала его сожительница.

Звон бьющегося стекла – Бойд собирался прыгать в окно.

Женщина бормотала что-то, но Сакс ничего не разобрала. Она вызвала Хаумана, сообщила ему о состоянии и местонахождении раненой. Тот сразу направил к месту «скорую» и подкрепление.

Затем мысль: «„Скорой“ понадобятся минуты, чтобы добраться. Я должна ее спасти. Перетянуть ногу жгутом, замедлить кровопотерю. Ранение может стоить ей жизни».

Следом другая: «Хрен там! На этот раз он не уйдет».

Низко пригнувшись, она быстро выглянула за угол и увидела, как Бойд выпрыгивает из окна в боковой дворик.

Затем помедлила, переведя взгляд на женщину. Та была без сознания; рука упала на пол, открыв страшную рану в ноге. Рядом уже натекла большая лужа крови.

Боже правый…

Сакс кинулась было к женщине. Остановилась. Ну нет. Ты знаешь, что надо делать.

Пригнувшись, она бросилась к разбитому окну. Высунулась только на мгновение. Бойд мог поджидать внизу. Но он, видимо, решил, что она останется спасать женщину, и теперь быстро, не оборачиваясь удалялся по мощеному переулку.

Сакс посмотрела вниз. До земли футов шесть. Ее слова насчет ушибленного колена, сказанные Селлитто, были ложью, но хроническая артритная боль никуда не делась.

О черт!

Сметая осколки стекла, она вскарабкалась на подоконник, перебросила ноги наружу. Оттолкнулась, на лету слегка подгибая колени, чтобы смягчить удар. Однако высота была не такая уж маленькая; левая нога подвернулась, и Сакс, вскрикнув от боли, кувырком повалилась на камни и дерн.

Тяжело дыша, она с трудом поднялась и кинулась вдогонку за Бойдом. Только теперь хромая уже всерьез.

Вот так тебе – за вранье.

Продравшись сквозь ряд вялых кустов, Сакс выбежала в переулок позади жилых домов и многоэтажек. Взгляд в одну сторону, в другую. Никаких признаков Бойда.

Вдруг в сотне футов впереди распахнулась широкая деревянная створка ворот. Типичная картина для старых кварталов Нью-Йорка: в переулке со стороны задних дворов выстроены неотапливаемые частные гаражи. Наверное, там он и держит свой «бьюик»; группа наблюдения тщательно обследовала окрестности, но машину не обнаружила. Сакс, как могла, продолжала бежать вперед, на ходу передавая по рации местонахождение преступника.

– Вас понял, пять-восемь-восемь-пять. Идем к вам.

Пошатываясь на булыжниках мостовой, она откинула барабан револьвера, и ее лицо исказила гримаса. Как оказалось, лейтенант принадлежал к когорте особенно осмотрительных: цилиндр под бойком был пуст.

Значит, всего пять патронов.

Ничто в сравнении с автоматическим пистолетом Бойда, у которого магазин в три раза вместительнее плюс парочка запасных в кармане.

Послышался звук заводимого двигателя, и через секунду из ворот задом выехал синий «бьюик». Переулок был узкий, поэтому Бойду пришлось остановиться, проехать вперед и снова сдать назад. Это позволило Сакс приблизиться на расстояние шестидесяти – семидесяти футов.

Закончив разворот, Бойд начал быстро набирать скорость, закрытый от Сакс створкой ворот.

Сакс с разбега бросилась на дорогу. Сквозь узкий просвет между гаражной дверью и мостовой стрелять можно было только по задним шинам.

Растянувшись на животе, она прицелилась в правое колесо.

Одно из правил уличного боя гласит: жать на спусковой крючок можно, только зная, куда попадет пуля в случае промаха… Или как полетит дальше, если прошьет цель насквозь. Глядя на удаляющийся автомобиль Бойда, Сакс на долю секунды заколебалась, рассчитывая траекторию, но, вспомнив Женеву Сеттл, решила по-своему: «Эта сволочь от меня не уйдет».

Как-то повлиять на траекторию выстрела можно было, только целясь ниже, чтобы в случае промаха пуля рикошетом отскочила в кузов машины.

Вручную взведя курок, чтобы облегчить спусковое усилие, она прицелилась и выстрелила два раза подряд. Пули ушли одна чуть выше другой.

Обе прошли сквозь зазор под гаражной дверью, по крайней мере одна попала в заднее правое колесо. «Бьюик» бросило вправо, и машина врезалась в кирпичную стену, тянущуюся вдоль переулка. Сакс вскочила и бросилась вперед, вздрагивая от пронизывающей боли в коленях. Добежав до гаражной двери, осторожно выглянула. Пробитыми оказались обе правые шины – ей удалось поразить даже переднее колесо. Бойд попытался отрулить от стены, но диск переднего колеса

искорежило и придавило подвеской. Он выбрался из машины и теперь водил пистолетом вправо-влево.

– Бойд! Брось оружие!

Он ответил пятью или шестью выстрелами в сторону двери. Сакс тоже выстрелила один раз, но промахнулась на несколько дюймов, угодив в машину. Затем перекатилась вправо, быстро вскочила на ноги. Бойд бежал к выходу из переулка.

Теперь ей было видно, куда уйдут пули в случае промаха: в глухую кирпичную стену на дальней стороне улицы. Она снова выстрелила.

Но тут, словно ожидая этого выстрела, Бойд вильнул в сторону. Пуля опять прошла в нескольких дюймах. Он ответил шквалом огня, и Сакс снова плашмя бросилась на грязную мостовую, разбив рацию. Бойд свернул влево и скрылся за углом.

Последняя пуля. На колесо хватило бы одного выстрела, со злостью подумала она, поднимаясь с дороги и поспешно, насколько позволяла больная нога, продолжая преследование. В том месте, где переулок выходил на тротуар, она остановилась. Слева мелькнула удаляющаяся фигура Бойда.

Она схватила «Моторолу», надавила на кнопку… Ничего. Зараза! Набрать 911 на сотовом? Слишком долго все объяснять, а времени на разговоры в обрез. Кто-нибудь из жильцов соседних домов наверняка уже вызвал полицию. Сакс побежала дальше, хрипло дыша и тяжело шлепая ногами.

В конце квартала на перекрестке остановился патрульный экипаж. Полицейские сидели в машине: выстрелов они не слышали, о Сакс и киллере ничего не знали. Бойд поднял голову и увидел машину. Сразу остановился, перемахнул через низенький забор сбоку, скрылся за лестницей, ведущей к первому этажу жилого дома. Сакс услышала, как он бьет ногой подвальную дверь.

Сакс помахала патрульным на перекрестке, но те осматривали другую улицу и ее сигнала не заметили.

В этот момент на крыльцо дома через дорогу, прямо напротив Бойда, вышла молодая пара. Закрыв за собой дверь, молодой мужчина, поежился и застегнул куртку на молнию, а женщина взяла его за руку. Они начали спускаться с крыльца.

Стук прекратился.

О нет!.. Сакс вдруг поняла, что сейчас будет. Самого Бойда она не видела, но о мыслях его догадывалась. Наводит пистолет на молодую пару. Собирается пристрелить одного или обоих, забрать у них ключи и нырнуть в дом, надеясь, что полиция рассредоточит силы на спасение раненых.

– Ложись! – закричала Сакс.

До них было около сотни футов – ничего не слышно.

Бойд наверняка их ведет, выжидая, когда они подойдут поближе.

– На землю!

Сакс поднялась и заковыляла им навстречу. Теперь они ее заметили, но слов разобрать не могли. Оба остановились, хмуря брови.

– На землю! – снова выкрикнула Сакс.

Мужчина приставил к уху ладонь, помотал головой.

Сакс остановилась, сделала глубокий вдох и отправила последнюю пулю в железный бак для мусора в двадцати футах сбоку от пары.

Женщина вскрикнула, они повернулись и поспешно юркнули в дверь. Хлоп!

По крайней мере удалось…

Рядом разлетелся кирпич, осыпав ее горячей каменной крошкой. Еще через полсекунды Сакс услышала гулкий хлопок выстрела.

Еще выстрел, еще; пули били совсем рядом, и ей пришлось отойти. Едва не падая, она пятилась через дворик, цепляясь то за проволочную ограду, натянутую в футе над землей, то за гипсовые фигурки – Бэмби и эльфы. Одна пуля по касательной задела бронежилет. Сакс плашмя рухнула на какую-то грядку. Рядом застучали пули. Потом Бойд повернулся к полицейским, выпрыгнувшим из машины, и обрушил на нее шквал огня, пробив колеса и вынудив патрульных искать укрытия за машиной. Они не могли сдвинуться с места, но подкрепление наверняка уже вызвали.

У Бойда остался только один путь для отхода – в сторону Сакс. Она пригнулась, ища укрытия за небольшими кустами. Бойд перестал стрелять, но звуки его шагов отчетливо приближались. Футов примерно двадцать… Теперь десять. Сакс охватила уверенность, что очень скоро она увидит его лицо, затем дуло его пистолета. А затем она умрет…

Бах-бах.

Приподнявшись на локте, она увидела киллера совсем рядом. Теперь он пытался взломать другую подвальную дверь, которая уже начала поддаваться. Его лицо было до жути спокойным. Как у «Повешенного» на карте таро, которую он намеревался оставить около мертвого тела Женевы Сеттл. Видимо, Бойд решил, что попал в Сакс, и даже не смотрел в ее сторону, целиком сосредоточившись на двери. Патрульные приближались, но медленно, так как время от времени Бойд к ним поворачивался и сыпал выстрелами.

У него тоже скоро должны кончиться боеприпасы, прикидывала Сакс. Может, он…

Бойд отстегнул обойму, вставил новую. Перезарядился.

Так, ясно…

Можно было лежать здесь в безопасности, надеясь, что патрульные доберутся раньше, чем он успеет удрать.

Но тут ей вспомнилась брюнетка, лежащая в луже крови на полу, вспомнился офицер спецназа, которого поджарило током; застреленный вчера библиотекарь. Новичок Пуласки с разбитым в кровь лицом. А главное – беззащитная Женева Сеттл, жизнь которой будет в опасности, пока Бойд свободно разгуливает по улицам.

Сакс решилась, покрепче сжимая в руке пустой револьвер.

Томпсон Бойд нанес по двери в подвал новый мощный пинок. Почти поддалась. Потом он войдет, войдет…

– Бойд, не двигаться! Брось пистолет!

Удивленно моргая больными глазами, Томпсон повернул голову. Опустил ногу, занесенную для очередного удара. Так-так, это еще что?

Не поднимая руки с пистолетом, он медленно повернул голову и посмотрел на нее. Как он и думал – женщина, которая вчера осматривала место преступления в музейной библиотеке… Туда-сюда, туда-сюда, как гремучник. Рыжие волосы, белый комбинезон. Та, за которой ему нравилось наблюдать. Которой он любовался. У нее есть чем залюбоваться. Отличный стрелок к тому же.

Томпсон был твердо уверен, что попал в нее, когда расстрелял почти всю обойму.

– Бойд, я выстрелю. Бросай пушку и ложись на землю.

Еще несколько пинков, и дверь будет выбита. Потом в переулок за домом. Или, возможно, у тех, кто здесь живет, есть машина. Можно забрать ключи, расстрелять всех, кто будет дома – ранить, чтобы отвлечь побольше полиции. Затем уйти.

Но разумеется, сначала требовалось ответить на один вопрос: остались ли у нее патроны?

– Бойд, ты меня слышишь?

– Значит, все-таки ты. – От рези в глазах он прищурился. Давно не капал мурин. – Я так и думал.

Женщина сдвинула брови, явно недоумевая, о чем он говорит. Наверное, соображает, откуда он может ее знать.

Бойд старался не шевелиться. Сначала надо понять ситуацию. Стрелять в нее или нет? Если сделать одно движение, а у нее еще есть пули, она выстрелит. Он нисколько в этом не сомневался. Такая медлить не станет.

«Один поцелуй смерти, и ты мертвец…»

Томпсон задумался.

Револьвер у нее в руке – шестизарядный «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра. Пять раз она выстрелила.

Томпсон Бойд всегда считал выстрелы (он точно знал, что у него в магазине осталось восемь патронов плюс одна обойма еще с четырнадцатью патронами в кармане).

Интересно, она перезарядила? Если нет, то остался ли последний патрон в барабане?

Некоторые полицейские оставляют патронник под бойком пустым, чтобы, случайно уронив пистолет, никого не ранить. Но она явно не из таких – с оружием обращаться умеет. Пушку из рук никогда не выронит. К тому же, работая на задержание, она бы зарядилась полностью. Нет, она точно не оставила бы пустой патронник.

– Бойд, я повторять не буду!

Хотя, с другой стороны, вряд ли это ее пушка. Вчера в музее на бедре у нее был пристегнут автоматический «глок». И кобура у нее под «глок». Значит, револьвер – запасное оружие? В былые времена копы носили

запасной пистолет в кобуре на лодыжке, когда штатным оружием были шестизарядные револьверы. Сегодня все пользовались автоматическими с магазином не меньше чем на дюжину патронов и парочкой запасных на ремне. Надобности в запасном оружии не было.

Нет, готов поспорить, что она или где-то забыла свой «глок», или отдала кому-то взамен револьвера, а значит, скорее всего не перезаряжала. Следующий вопрос: тот, у кого она позаимствовала револьвер, стал бы держать патронник под бойком пустым? Можно было только гадать.

Остается решить, что она за человек. Бойд вспомнил, как она ходила в музее – как гремучник, туда-сюда; как готовилась ворваться в его квартиру на Элизабет-стрит; как побежала за ним, оставив раненую Джин истекать кровью.

И сделал вывод: она блефует. Если бы у нее остался один патрон, она бы уже в него выстрелила.

– У тебя нет патронов, – объявил он, поднимая пистолет и разворачиваясь в ее сторону.

Она поморщилась и опустила руку. Значит, он оказался прав. Пристрелить ее? Нет, только ранить. Но куда лучше стрелять? Какое место особенно болезненное и уязвимое? Крики вкупе с обильным кровотечением сразу привлекают внимание. Так, она явно припадает на одну ногу, надо стрелять в коленную чашечку. Когда она упадет, он засадит еще одну пулю ей в плечо. Потом уйдет отсюда.

– Твоя взяла, – сказала женщина. – Что теперь? Возьмешь меня в заложники?

Такая мысль не приходила ему в голову. Он немного помедлил.

Есть ли в этом смысл? Можно ли этим воспользоваться? Как правило, от заложников больше проблем, чем пользы.

Нет, лучше ее пристрелить.

Он уже начал тянуть на себя спусковой крючок, когда женщина в знак поражения бросила револьвер на землю. Томпсон посмотрел на него, размышляя: здесь что-то не так… Но что именно?

Пистолет она держала в левой руке, а кобура у нее пристегнута справа.

Томпсон поднял глаза и судорожно втянул в себя воздух, увидев несущийся прямо в лицо бешено вращающийся нож. Сакс метнула его правой рукой, когда он на мгновение отвлекся на брошенный пистолет.

Лезвие не вонзилось в него и даже ничуть не поранило, нож угодил рукояткой в щеку. Но она целилась прямо в его больные глаза. Томпсон непроизвольно пригнулся, пытаясь защитить их рукой. Прежде чем он успел отступить на шаг, чтобы прицелиться, женщина подскочила к нему, занося для удара булыжник, который подобрала в саду. Оглушительный удар в висок. Томпсон, хрипя, втянул ртом воздух.

Он надавил на спусковой крючок, и раздался выстрел. Пуля ушла в пустоту, а второй раз выстрелить он не успел – камень с хрустом ударил его по правой руке. Томпсон выронил пистолет и взвыл от боли, другой рукой обхватывая зашибленные пальцы.

Подумав, что она захочет поднять пистолет, он попытался ее оттеснить, но пистолет ее не интересовал. Все, что ей было нужно, она держала в руках; камень снова обрушился ему на лицо.

– Не надо! Не надо!

Он попытался ее ударить, но она была крупной и сильной. Очередной удар заставил его рухнуть на колени, следующий свалил на бок. Томпсон изогнулся в надежде увернуться от града ударов.

– Хватит, хватит! – закричал он, но в ответ получил новый удар в лицо. Из горла женщины вырвался яростный вой.

«Один поцелуй смерти…»

Что она делает? Она победила… Зачем она это делает? Почему идет против правил? Как она может? Это не по инструкции.

«…и ты мертвец».

Когда мгновение спустя к ним подбежали патрульные в форме, один скрутил Бойда и нацепил на него наручники. Второй обхватил рукой женщину, пытаясь вывернуть из ее руки окровавленный булыжник. Сквозь пелену боли и звон в ушах Томпсон слышал:

– Спокойно, спокойно, детектив, он наш. Мы его взяли, успокойтесь. Больше он никуда не денется, больше он никуда не денется, больше он никуда не денется…

Глава 33

Нет, нет… Ну пожалуйста…

Амелия Сакс спешила назад к дому Бойда. Спешила как могла, не обращая внимания на поздравления встречных полицейских и стараясь не замечать боль в ноге.

Обливаясь потом, тяжело дыша, она подскочила к врачу из бригады «скорой помощи» и выпалила:

– Что с женщиной из того дома?

– Из того?

– Да. Брюнетка, которая там живет.

– Ах вот вы о ком. Боюсь, должен вас огорчить.

Сакс глубоко втянула в себя воздух, по коже поползли мурашки. Бойда она поймала, но женщина, которую можно было спасти, теперь умерла. Одним ногтем Сакс впилась в основание другого, почувствовала боль, затем кровь.

«Я поступила точно как Бойд: принесла в жертву невинного человека».

– В нее стреляли, – продолжил медик.

– Знаю, – прошептала Сакс, не поднимая глаз. Господи, как теперь с этим жить…

– Не стоит так беспокоиться.

– Беспокоиться?

– С ней все будет в порядке.

Сакс нахмурилась.

– Вы сказали, что должны меня огорчить.

– Ну, схлопотать пулю радости мало.

– Черт! Я знала, что ее ранили. Это случилось у меня перед глазами.

– Ах вот как? Я думала, вы имеете в виду, что она умерла.

– Ну что вы. Могла, конечно, кровью истечь, но мы вовремя подоспели. Жить будет. Сейчас она в интенсивной терапии в «Сент-Люк». Состояние стабильное.

– Ну спасибо.

«Боюсь, должен вас огорчить…»

Прихрамывая, Сакс поплелась прочь и напротив конспиративной квартиры Бойда натолкнулась на Селлитто и Хаумана.

– Вы взяли его с пустым пистолетом? – недоверчиво спросил Хауман.

– Вообще-то я взяла его булыжником.

Командир спецподразделения кивнул, изогнув бровь, – его выражение высшей похвалы.

– Бойд заговорил? – спросила Сакс.

– Ему зачитали права, он сказал «да», и больше ни слова.

Сакс с Селлитто обменялись оружием. Лейтенант перезарядил револьвер; она проверила «глок» и убрала в кобуру. Затем спросила:

– Что известно насчет адресов?

Пригладив ладонью «ершик» на голове, Хауман объяснил:

– Выходит, жил он в доме, снятом на имя его подруги – Джин Старк. У нее две дочери, но не от него. Мы уже оповестили органы опеки. А здесь у него была конспиративная квартира. Там целый склад.

– Надо заняться осмотром места, – сказала Сакс.

– Мы позаботились, чтобы улики остались целы, – сказал Хауман. – Вернее, Лон позаботился. Мне надо отрапортовать начальству. Вас можно будет потом найти? Понадобятся ваши свидетельства.

Сакс кивнула, и вместе с Селлитто они направились осматривать квартиру Бойда.

Оба хранили напряженное молчание. Наконец Селлитто посмотрел на ее ногу и сказал:

– Что, опять болит?

– Опять?

– Ну да. Когда ты обходила дома напротив, я заметил тебя через окно. Ты вроде бы не хромала.

– Иногда боль просто проходит сама собой.

Селлитто дернул плечами:

– Забавно, как такое бывает.

– Это точно.

Он знал, что она сделала ради него, и таким образом давал ей это понять.

– Ну что же, стрелка мы взяли, – продолжил он. – Но это только полдела. Теперь предстоит найти заказчика и сообщника, который, надо полагать, только что принял эстафету у Бойда. Так что, детектив, давай-ка за дело.

Его ворчливому тону мог бы позавидовать даже Райм. На большее Сакс и не надеялась: главное, что лейтенант стал собой.

* * *

Самую важную из улик часто находишь в последнюю очередь.

Любой хороший криминалист, осматривая место преступления, сразу определит, какие улики требуют особой сохранности: легко испаряющиеся, смываемые дождевой водой, разносимые ветром – а самые очевидные, например пистолет с буквально дымящимся дулом, можно оставить на потом.

Как любил повторять Линкольн Райм: если место происшествия защищено, оттуда уже ничего никуда не денется.

Сакс осмотрела обе резиденции Бойда – конспиративную квартиру и дом на противоположной стороне улицы. Сняла отпечатки пальцев, собрала роликом трасологические образцы, взяла пробы из унитаза для ДНК-анализа, сняла стружку с пола и мебели, вырезала лоскутки из ковров для исследования ворсинок, сделала полную фото- и видеосъемку всех помещений. Покончив с этим, она принялась за более крупное и очевидное. Кислоту с цианидом распорядилась отправить в спецхранилище для опасных улик в Бронксе, осмотрела самодельное взрывное устройство, встроенное в радиоприемник.

Сделала опись оружия и боеприпасов, пачек наличности, мотков веревки, инструментов и других предметов, которые могли оказаться полезными для расследования.

Наконец Сакс взяла в руки белый конвертик, оставленный на полке у входной двери в конспиративной квартире.

Внутри лежал только один листок.

Она прочитала записку. И не сдержала небольшого смешка. Снова ее перечитала.

Набирая телефон Райма, Сакс подумала: «Вот тебе раз, как же мы ошибались».

– Итак, – сказал Райм Куперу, глядя на компьютерный монитор. – Готов поставить сотню баксов, что снова обнаружится чистый углерод, как на карте, найденной на Элизабет-стрит. Кто-нибудь хочет принять мою ставку?

– Поздно, – ответил Купер. Спектрометр пискнул, на экране появились результаты анализа. – Хотя спорить я все равно бы не стал. – Он поправил очки. – Углерод, разумеется, есть. Сто процентов.

Углерод. Которого много в древесном угле, пепле и целом ряде других материалов.

Но углерод может означать и алмазную пыль.

– Каким там сейчас выражением принято оскорблять слух в деловых кругах? – Райм, похоже, вновь пребывал в приподнятом настроении.

Нет, в главном они не ошиблись: киллером был именно Бойд. Промашка вышла с мотивом. Все их рассуждения насчет заговора вокруг Четырнадцатой поправки оказались ложными.

Женеву Сеттл приговорили к смерти за то, что она увидела подготовку к ограблению ювелирной биржи.

В письме, найденном Амелией на конспиративной квартире Бойда, имелся схематичный план зданий в центре Манхэттена, включая Музей афроамериканской истории. В записке говорилось следующее:

Чернокожий девушка, пятый этаж в этот окно. 2 октебря около 08:30. Видел мой грузовой фургон когда он стоял за Ювелирный биржа. Видел много чтобы догадатся о планах меня. Убей ее.

Библиотечное окно рядом с аппаратом для чтения микрофиш, за которым сидела Женева, когда на нее напали, было обведено кружком.

Вдобавок к орфографическим ошибкам необычным был и сам текст записки, что любому криминалисту только на руку. Райм велел Куперу отослать копию Паркеру Кинкейду, некогда фэбээровскому эксперту, а ныне – частному детективу. К Кинкейду иногда обращались с прежнего

места службы, когда требовалась консультация по анализу почерка и документов. В ответном сообщении Кинкейд пообещал связаться сразу, как только сможет.

Амелия Сакс перечитала письмо, мотая головой от злости. Она рассказала о вооруженном человеке, которого они с Пуласки видели вчера у музея, – охраннике ювелирной биржи, сообщившем о ежедневных многомиллионных доставках из Иерусалима и Амстердама.

– И как же я это упустила!

Но кто бы мог подумать, что Томпсона Бойда наняли убить Женеву лишь за то, что она не в то время выглянула не из того окна?

– А зачем было забирать кассету? – спросил Селлитто.

– Чтобы пустить нас по ложному следу. – Райм вздохнул. – Мы тут копаемся в истории Четырнадцатой поправки, а Бойд, наверное, и понятия не имел, что она там читала. – Он развернулся лицом к девушке, которая сидела, держа в руках чашку с какао. – Тот, кто написал эту записку, с улицы заметил тебя у окна. Затем либо он, либо Бойд вышли на библиотекаря, чтобы узнать у него, кто ты такая и когда собираешься снова туда прийти. Доктора Бэрри убили за то, что он был связующей ниточкой между тобой и убийцей… Так, теперь возвратись на неделю назад: ты выглянула в окно в восемь тридцать утра и увидела в переулке фургон или человека. Помнишь что-нибудь?

Девушка прищурила глаза, уставилась в пол.

– Не знаю. Я не раз подходила к окну. Ну, знаете, я, когда устаю читать, немного прохаживаюсь… Ничего особенного не помню.

Сакс еще минут десять беседовала с Женевой, пытаясь вызвать в ее памяти конкретный образ, однако вспомнить мельком увиденного человека или фургон на оживленных улицах Манхэттена девушке оказалось не по силам.

Райм созвонился с директором Американской ювелирной биржи, рассказал ему о том, что стало известно, и спросил, нет ли данных о подготовке ограбления.

– Надо же! Нет, ничего не знаю, – ответил тот. – Но такое случается чаще, чем можно подумать.

– Мы обнаружили в некоторых вещественных уликах следы чистого углерода. Считаем, что это алмазная пыль.

– Вот как? Значит, они скорее всего побывали в проезде, ведущем к погрузочной эстакаде. К цеху огранки никто посторонний и близко не подойдет, но когда шлифуешь алмазы, неизбежно получается пыль, которая оседает в пылесосных мешках и на всем, что выбрасывается.

Мужчина усмехнулся. Новость о готовящемся ограблении его не сильно смутила.

– Должен сказать, ваш грабитель – решительный малый. У нас здесь самая надежная охранная система в городе. Обычно люди насмотрятся телевизора, приходят к нам купить колечко подружке, глазеют по сторонам и спрашивают, где тут невидимые лучи, которые видно только через специальные очки. А я отвечаю: таких устройств просто не существует. Если бы можно было обойти такие лучи в специальных очках, то плохие парни обязательно бы обзавелись специальными очками, чтобы их обходить, верно? Все совершенно иначе. Да если у нас в хранилище муха перднет, сразу сработает сигнализация. А вообще-то система настолько жесткая, что внутрь никакая муха просто не залетит.

– Я должен был догадаться, – бросил Линкольн Райм, когда разговор был окончен. – Взгляните на схему! Ту, которую мы обнаружили в первой квартире. – Он кивнул на рисунок, который они нашли на Элизабет-стрит. Библиотека, где было совершено нападение на Женеву, изображалась только в общих чертах. Зато ювелирная биржа через улицу была прорисована во всех подробностях: переулки, двери, погрузочные платформы, въездные и выездные маршруты к бирже, но не к музею.

Двое детективов в участке уже допросили Бойда с целью выяснить личность человека, стоящего за ограблением. Но тот упорно молчал.

Селлитто позвонил в Отдел расследования краж и хищений, чтобы узнать, не отмечалось ли в последнее время чего-нибудь подозрительного в районе алмазной биржи, но никаких зацепок это не принесло. Фреду Делрею пришлось отвлечься от расследования слухов о возможных террористических актах и полистать дела о кражах драгоценностей, которые вело ФБР. Их оказалось не много. Было несколько текущих, касающихся отмывания денег в пределах Нью-Йорка, и Делрей пообещал в скором времени предоставить по ним отчет.

Команда Райма тем временем принялась за улики, собранные на конспиративной квартире и в доме Бойда. Изучили оружие, химикаты, инструменты и другие вещдоки, но ничего нового не обнаружили: снова чешуйки оранжевой краски, пятна от кислоты, крошки фалафеля со следами йогурта – очевидно, любимое лакомство Бойда. Запрос по серийным номерам банкнот результатов не дал, и ни на одной купюре не

удалось выявить отпечатков пальцев. Для того, кто нанял Бойда, снимать такую сумму со счета было рискованно, так как по закону о борьбе с отмыванием денег все крупные денежные операции регистрировались. Оперативная проверка недавних крупных транзакций в нью-йоркских банках никаких ниточек не дала. Райму это показалось странным, но в конце концов он решил, что преступник, вероятно, снимал деньги мелкими суммами в течение длительного времени.

Киллер то ли не имел сотового телефона, то ли имел предоплаченный анонимный номер – счета на его имя никогда не выписывались, – от которого сумел избавиться, прежде чем его взяли. Счет за домашний телефон, оформленный на Джин Старк, не показал ничего подозрительного, кроме нескольких звонков на телефоны-автоматы в Манхэттене, Квинсе и Бруклине. Впрочем, никакой системы в них не прослеживалось.

Зато героический поступок Селлитто принес плоды: на динамитной шашке и внутренностях приемника нашлись отпечатки. Запрос по фэбээровской системе ИАФИС и местным базам выдал имя Джона Эрла Уилсона – отбывал сроки в Огайо и Нью-Джерси за целый ряд преступлений, среди которых числились: поджог, изготовление взрывных устройств и страховое мошенничество. Как проинформировал Купер, он сумел исчезнуть из-под надзора местных властей; по адресу его последнего известного местожительства в Бруклине находился пустырь.

– Мне не нужен последний известный адрес, мне нужен текущий. Подключи федералов.

– Сейчас займусь.

Раздался звонок. Поскольку заказчик с сообщником Бойда по-прежнему разгуливали на свободе, напряжение у всех сохранялось, и на дверь устремились обеспокоенные взгляды. Селлитто пошел открывать и вернулся в компании высокого чернокожего паренька в длинных шортах и спортивной толстовке. В руке у него была тяжелая сумка. Паренек удивленно заморгал, оглядев Линкольна Райма, а затем и всю обстановку лаборатории.

– Привет, Женева!

Девушка хмуро на него уставилась.

– Меня зовут Руди. – Он усмехнулся. – Ты меня не помнишь?

Женева покивала:

– Да, кажется, помню. Ты...

– Брат Ронель.

– Моя одноклассница, – пояснила Женева Райму.

– Как ты меня здесь нашел?

– Слухи. Рони от кого-то узнала.

– Киш скорее всего. Я ей говорила, – сказала Женева.

Подросток вновь обвел лабораторию взглядом, затем повернулся к девушке:

– Такие дела... девчонки тут кой-чего для тебя собрали. Ну, раз тебя даже в школе нет, решили послать тебе книжки. Я им говорю, какого черта, лучше бы приставку отправили, а они нет – она читать любит. Еле такую тяжесть допер.

– Правда?

– А то. И не какой-нибудь там отстой вроде учебников, а то, что в прикол почитать можно.

– А кто?

– Ронель и еще там кто-то, не знаю. Вот – тонна, не меньше.

– Ну что ж, спасибо.

– Девчонки просили тебе передать, что все будет пучком.

Женева кисло усмехнулась, снова поблагодарила его, попросила передать всем привет. Мальчишка ушел. Женева заглянула в сумку, достала книгу Лоры Инголз Уайлдер. Снова усмехнулась.

– Не знаю, что они там себе думают. Я лет семь назад ее прочитала. – Она бросила книгу назад в сумку. – Но все равно очень мило с их стороны.

– И очень кстати, – язвительно подхватил Том. – Здесь, боюсь, ты вряд ли что-то почитать найдешь. – Ехидный взгляд в сторону Райма. – Музыки он слушает много, даже грозится сам сочинить пару хитов. А вот художественную литературу читать? Так далеко мы пока не продвинулись.

Женева весело улыбнулась, взяла тяжелую сумку и направилась в сторону гостиной, а Райм тем временем заговорил:

– Спасибо, Том, за то, что выболтал все интимные подробности. По крайней мере Женева может теперь читать, сколько душе угодно, а не выслушивать твои нудные разглагольствования. Что до свободного времени, у меня его, знаешь ли, не так и много.

И он вновь устремил взгляд на таблицу с записями.

ДОМ И ОСНОВНАЯ КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ТОМПСОНА БОЙДА

• Вновь обнаружены следы фалафеля, йогурта и оранжевой краски.

• Наличность на сумму 100 тыс. долларов в новых купюрах. (Гонорар за убийство?) Отследить невозможно. Вероятно, снималась мелкими суммами на протяжении долгого времени.

• Оружие (пистолеты, дубинка, веревка) соответствует образцам с прежних мест преступлений.

• Цианид и кислота идентичны ранее найденным образцам; производителя установить невозможно.

• Мобильного телефона не найдено. Проверка звонков с остальных телефонов результатов не дала.

• Инструменты соответствуют образцам с прежних мест преступлений.

• Из содержания найденной записки сделан вывод, что Ж. Сеттл хотели убить, так как она стала свидетельницей готовящегося ограбления ювелирной биржи. В бумаге вновь найдены следы чистого углерода, идентифицированы как алмазная пыль.

• Копия записки отправлена для экспертной оценки Паркеру Кинкейду в Вашингтон, округ Колумбия.

• В качестве охранной ловушки использовано самодельное взрывное устройство. Найденные отпечатки принадлежат ранее судимому за изготовление подобных устройств Джону Эрлу Уилсону. Местонахождение устанавливается.

«ПОТТЕРС-ФИЛД» (1868)

• Таверна на Холмах Висельника. Находилась на территории современного Северного Вест-Сайда; в 60-х годах XIX века район смешанного типа.

• Вероятно, была местом сходок Босса Твида и других коррумпированных нью-йоркских политиков.

• Чарлз приходил в таверну 15 июля 1868 г.

• Сгорела вскоре после взрыва, предположительно сразу после визита Чарлза. Возможно, поджог ради сохранения тайны.

• В подвале найдены останки мужчины, предположительно убитого Чарлзом Синглтоном.

• Жертва была застрелена из армейского «кольта» калибра 36 пулей калибра 39 (такое оружие было у Чарлза).

• Найдены золотые монеты.

• Убитый был вооружен маленьким крупнокалиберным пистолетом типа «дерринджер».

• Личность не установлена.

• Найдена золотая печатка с выгравированным на ней словом «Винскински».

• На языке индейского племени делаваров слово означает «страж» или «привратник».

• Ожидается информация по другим значениям слова.

ВОСТОЧНЫЙ ГАРЛЕМ (КВАРТИРА ДВОЮРОДНОЙ БАБУШКИ ЖЕНЕВЫ С.)

• Использовал сигарету и патрон 9 мм в качестве взрывного устройства, чтобы отвлечь сотрудников. Сигарета марки «Мерит»; отследить невозможно.

• Папиллярных узоров не выявлено. Найдены отпечатки латексных перчаток.

• Самодельное устройство с отравляющим газом.

• Стеклянная банка, фольга, подсвечник. Отследить невозможно.

• Цианид и серная кислота. Без отличительных особенностей. Отследить невозможно.

• Прозрачная жидкость, схожая с образцами, найденными на Элизабет-стрит.

• Идентифицирована как мурин – глазные капли.

• Чешуйки оранжевой краски. Вероятно, представляется строителем или дорожным рабочим.

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА НА ЭЛИЗАБЕТ-СТРИТ

• Электрическая ловушка на входной двери.

• Отпечатков пальцев не обнаружено. Найдены отпечатки латексных перчаток.

• Камера наблюдения и монитор. Отследить невозможно.

• Колода таро. Не хватает двенадцатой карты. Отследить невозможно.

• Карта-схема улицы с музеем, где Было совершено нападение на Ж. Сеттл, а также зданиями на противоположной стороне улицы.

Трасологические следы:

• Фалафель и йогурт.

• На поверхности стола обнаружены следы серной кислоты.

• Прозрачная жидкость; не взрывоопасная. Образцы отправлены в лабораторию ФБР.

• Идентифицирована как мурин – глазные капли.

• Хлопчатобумажные волокна от веревки. Удавка?

• В бумаге обнаружены следы чистого углерода.

• Идентифицированы как алмазная пыль.

• Квартира за наличную плату была сдана в аренду Билли Тодду Хэммилу.

Подпадает под описание объекта 10-9, но связей с реальными людьми по фамилии Хэммил не выявлено.

МУЗЕЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Набор насильника:

• Карта таро, двенадцатая в колоде: «Повешенный». Означает духовные поиски.

• Пакетик с изображением смайлика.

• Отследить невозможно.

• Перочинный нож.

• Презервативы «Троян».

• Клейкая лента.

• Жасминовый запах.

• Неустановленный предмет стоимостью $5.95. Вероятно, вязаная шапочка.

• Кассовый чек из небольшого универсама в пределах Нью-Йорка.

• Покупка, вероятно, сделана в магазине на Малберри-стрит в Маленькой Италии. Подозреваемого по словесному портрету опознала сотрудница магазина.

Отпечатки пальцев:

• Подозреваемый действовал в латексных или виниловых перчатках.

• Проверка отпечатков, оставленных на предметах из набора насильника, по базе ИАФИС совпадений не выявила. Отпечатки принадлежат продавщице.

Трасологические следы:

• Хлопчатобумажные волокна со следами человеческой крови. Удавка?

• Запрос по образцам крови отправлен в КОДИС.

• Совпадений ДНК по КОДИС не выявлено.

• Частицы поп-корна и сахарной ваты со следами собачьей мочи.

Орудия преступления:

• Дубинка или ручной снаряд, используемый как оружие в боевых искусствах.

• Пистолет 22-го калибра производства «Норт американ армз», модель «Черная вдова» или «Мини-мастер».

• Самодельные пули с высверленной полостью; заполнены иглами.

Совпадений по базам ИБИС и ДРАГФАЕР не выявлено.

Мотив:

• Ж. Сеттл стала невольным свидетелем готовящегося преступления: ограбления Американской ювелирной биржи напротив Музея афро-американской истории.

Сходные случаи по результатам запроса в ВИКАП и НЦИП:

• Убийство в Амарилло, штат Техас, пять лет назад. Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как ритуальное, но истинный мотив неизвестен).

• Убитый – пенсионер, бывший тюремный охранник.

• Фоторобот подозреваемого отправлен для опознания в техасскую тюрьму.

• Опознан как Томпсон Г. Бойд, глава группы по исполнению приговоров.

• Убийство в Огайо три года назад.

Схожий почерк: инсценирование картины преступления (убийство представлено как сексуальное, но скорее всего носит заказной характер). Утрачены материалы дела.

ПОРТРЕТ ОБЪЕКТА 10-9

• Личность установлена. Имя: Томпсон Г. Бойд, бывший глава группы по исполнению приговоров в тюрьме Амарилло, штат Техас.

• Взят под стражу.

ПОРТРЕТ ЗАКАЗЧИКА

• На данный момент информация отсутствует.

ПОРТРЕТ СООБЩНИКА ОБЪЕКТА 10-9

• Чернокожий мужчина.

• Возраст между 30 и 40 годами.

• Рост: шесть футов.

• Плотного телосложения.

• Носит армейскую куртку зеленого цвета.

• Судим.

• Хромает.

• Вооружен.

• Гладко выбрит.

• Темная косынка на голове.

• Ожидаются дополнительные свидетельские показания, а также возможные записи с камер видеонаблюдения.

• Запись с камеры наблюдения нечеткая. Отправлена в лабораторию для анализа.

• Носит старые рабочие ботинки.

ПОРТРЕТ ЧАРЛЗА СИНГЛТОНА

• Бывший раб, предок Ж. Сеттл. Женат, имел одного сына. Владел садом в штате Нью-Йорк, полученным в подарок от бывшего хозяина. Работал учителем. Стоял у истоков движения в защиту гражданских прав.

• В 1868 году обвинен в краже (по архивным материалам на похищенной микрофише).

• По собственному признанию, хранил некую тайну, которая, возможно, имеет отношение к текущему делу. Опасался, что, если тайну предать огласке, случится трагедия.

• Посещал собрания в нью-йоркском районе, ранее известном как Холмы Висельника.

• Возможно, участвовал в рискованных предприятиях.

• Вместе с Фредериком Дугласом и другими активистами содействовал принятию Четырнадцатой поправки к Конституции.

Приписываемое преступление, по материалам «Иллюстрированного еженедельника для цветных»:

• Арестован детективом Уильямом Симсом по обвинению в краже крупной денежной суммы из нью-йоркского Фонда для вольноотпущенных. По свидетельским показаниям, Чарлза видели выходящим из здания вскоре после того, как был взломан сейф.

Неподалеку были найдены принадлежащие ему инструменты – орудия взлома. Основную часть похищенного удалось вернуть.

Приговорен к пяти годам заключения.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Считалось, что Чарлз использовал свои связи с лидерами движения, чтобы получить доступ к средствам фонда.

Письма Чарлза:

• Письмо первое, адресовано жене.

Тема: бунты против призыва в 1863 году, вспышка ненависти по отношению к чернокожим в штате Нью-Йорк, линчевания, поджоги.

Угроза собственности, принадлежащей чернокожим.

• Письмо второе, адресовано жене.

Написано накануне битвы при Аппоматоксе в конце Гражданской войны.

• Письмо третье, адресовано жене.

Чарлз участвует в движении по защите гражданских прав. Получает угрозы. Обеспокоен необходимостью хранить тайну.

• Письмо четвертое, адресовано жене.

Отправился в «Поттерс-Филд», чтобы восстановить «справедливость».

Тяжкие последствия. Истина похоронена вместе с «Поттерс-Филд».

Необходимость хранить тайну причиняла душевные муки.

Глава 34

Джакс снова прикидывался бродягой, только уже без тележки.

На этот раз работал не под шизоида. Король граффити изображал старого подстреленного ветерана: жалкое существо, выпрашивающее у прохожих мелочь. Рядом на заплеванном жвачкой тротуаре – перевернутая бейсболка, в которой набралось уже целых тридцать семь центов.

Скупердяи долбаные.

Теперь на нем была не зеленая армейская куртка и серый свитер, а черная линялая футболка, надетая под рваный спортивный жакет неопределенно-бледного цвета (он подобрал их из мусорки, как сделал

бы настоящий бродяга). Джакс сидел на скамейке через дорогу от особняка на Сентрал-парк-уэст, обхватив ладонями алюминиевую банку в коричневом бумажном пакете. «Вроде как пиво, – угрюмо подумал он. – М-да, неплохо бы сейчас». Но в банке был аризонский чай со льдом. Джакс откинулся на спинку, делая вид, будто бы размышляет, на какую работу податься, а на самом деле смакуя прохладу осеннего дня. Отхлебнул сладенький фруктовый напиток. Закурил, выпустил струйку дыма в потрясающе ясную синеву неба.

Краем глаза он следил за пареньком, который вышел из особняка, куда только что доставил пакет для Женевы Сеттл. Никаких признаков того, что из дома за улицей кто-нибудь наблюдает, хотя это не значит, что там никого нет. Перед входом стояли две полицейские тачки: патрульный экипаж и еще одна без значков у самого пандуса для инвалидных колясок. Джакс сидел примерно в квартале от дома, дожидаясь, когда мальчишка отнесет сумку.

Тощий паренек наконец подошел и плюхнулся на скамейку рядом.

– Йо-йо, чувак.

– Чего вы, салаги, все время «йокаете»? – раздраженно спросил Джакс. – Да еще по два раза?

– Чё за проблема? Все так говорят.

– Сумку передал?

– А что с тем чуваком без ног?

– С кем?

– Ну, с тем чуваком без ног. Или, может, ноги у него есть, только не ходят.

Джакс не понял, о ком речь. Стоило поручить это дело кому-нибудь посмышленее, но в школьном дворе других знакомых Женевы не нашлось. Джакс повторил:

– Сумку передал?

– Да.

– Что сказала?

– Да фиг знает. Типа спасибо.

– Она тебе поверила?

– Сначала вроде меня не узнала, потом поняла, ага. Как про сестру сказал.

Джакс дал мальчишке пару двадцаток.

– Класс… Йо, если еще чего понадобится, я готов. Я…

– Вали отсюда.

Паренек дернул плечами и стал уходить.

– Подожди, – окликнул его Джакс.

Мальчишка сбавил шаг, вернулся назад.

– Как она?

– Эта сучка? В смысле как выглядит?

Джакса интересовало другое, но как правильно сформулировать вопрос, он не знал. Затем решил, что лучше вообще не спрашивать. Покачал головой:

– Ладно, проваливай.

– До встречи, чувак.

Паренек быстро удалился.

Внутренний голос подсказывал Джаксу оставаться на месте. Глупая мысль. Лучше убраться отсюда подальше. Скоро он так или иначе узнает, что случится, когда девушка просмотрит книги.

Женева опустилась на кровать, прилегла и закрыла глаза, гадая, отчего ей так легко на душе.

Ну… киллера они взяли. Хотя одним этим мало что объяснялось – тот, кто ее заказал, все еще разгуливает на свободе. И человек в армейской куртке, который подбирался к ней на школьном дворе, – тоже.

В самую пору дрожать от ужаса.

Но ничего подобного не было. Наоборот – облегчение… восторг.

Но почему?

И вдруг она поняла: потому, что раскрыла тайну, избавилась от груза на сердце, рассказала о том, что живет одна, о родителях. И никто ее не осудил, не возмутился. Амелия с мистером Раймом даже ей подыграли… и детектив Белл. Не выдали ее школьному консультанту.

Черт, как же приятно! Носить в себе этот груз было так тяжело… Также и Чарлз, должно быть, мучился со своей неведомой тайной. Если бы он открылся кому-нибудь, то избавил бы себя от душевных страданий.

Взгляд остановился на сумке с книгами, которые собрали одноклассницы. Любопытно, что там? Женева взяла пакет и положила на кровать. Братишка Ронель точно подметил: сумка весила целую тонну.

Сверху лежала книга Лоры Инголз Уайлдер. Достав следующую, Женева вслух рассмеялась. «Детектив Нэнси Дрю». Они там что, шизанулись все? Она посмотрела еще несколько книжек: Джуди Блюм, Доктор Сьюз, Пэт Макдональд… детские и подростковые книги. Авторы замечательные – она их всех знала, но прочитала давным-давно. Неужели одноклассницы так плохо ее знают? Недавно она прочитала «Остаток дня» Кадзуо Исигуро и «Женщину французского лейтенанта» Джона Фаулза. А «Хваленых-зеленых» Доктора Сьюза последний раз открывала лет десять назад.

Может, залезть поглубже?

Она опять потянулась рукой в сумку.

И отдернула, когда неожиданно раздался стук в дверь.

– Входите.

Вошел Том, держа в руках поднос с банкой пепси и еще чем-то в обертках.

– Приветик, – сказал он.

– Ага.

– Вот, решил, что тебе не мешало бы подкрепиться.

Он открыл банку и собрался налить пепси в стакан, но Женева замотала головой.

– Я лучше прямо из банки. – Пустые она намеревалась сохранить, чтобы знать точно, какую сумму возвращать Райму.

– Ну и… немного здоровой пищи. – Он протянул ей «Кит-кат», и они вместе прыснули смехом.

– Может, попозже.

Каждый старался ее подкормить. Вообще-то она просто не привыкла есть. Одно дело, когда семья собирается за обеденным столом, другое – когда ты сама по себе, сидишь, согнувшись над шатким столиком в подвале, читаешь книжку или делаешь выписки для школьного доклада о Хемингуэе.

Женева потягивала пепси, а Том принялся доставать для нее книги, поочередно показывая обложки. Сказки Клайва Льюиса; и снова – «Таинственный сад» Френсис Бернетт.

Ни одной взрослой книги.

– В самом низу настоящий кирпич, – прокомментировал Том, вытаскивая книгу… первую из серии о Гарри Поттере. Женева прочла ее, когда она только вышла.

– Будешь читать? – спросил Том.

Секунда нерешительности, затем:

– Конечно.

Том передал ей увесистый фолиант.

Какой-то мужчина лет сорока, совершая пробежку, бросил взгляд на Джакса – бездомного в плаще из мусорного бака, с засунутым в носок пистолетом и тридцатью семью центами подаяний в кармане.

Выражение на лице мужчины не изменилось, но он слегка изменил свой курс. Сдвиг почти что неуловимый, но не для Джакса. С тем же успехом бегун мог бы остановиться, повернуться к нему и броситься наутек, выкрикивая: «Держись от меня подальше, грязный ниггер!»

Вот дерьмо! Как же его достала эта расистская игра в вышибалы. Вечно одно и то же. Будет ли хоть когда-то иначе?

Конечно, нет.

Кто, черт возьми, ответит?

Джакс как бы невзначай наклонился, пошевелил пистолет в носке, который, казалось, впивался в самую кость, и медленно заковылял дальше своей походкой подстреленного.

– Эй, мелочи не найдется? – послышался из-за спины приближающийся голос.

Джакс обернулся и в десяти футах позади увидел высокого сутулого мужчину с очень темным оттенком кожи.

– Эй, друг, мелочи не найдется? – повторил тот.

Джакс не ответил, думая про себя: «Черт, ну и дела. Целый день кошу под бомжа и тут на тебе – наткнулся на настоящего. Поделом мне».

– Эй, мелочи не будет?

– Нет, сам на мели, – рявкнул Джакс.

– Брось, у всех полно мелочи. Все мечтают побыстрее ее сплавить. Монеты карманы оттягивают, и все равно хрен чего на них купишь. Друг, тебе же лучше.

– Проваливай.

– Я два дня ничего не ел.

Джакс снова бросил через плечо взгляд.

– Еще бы, видно, все бабло на шмотки от Калвина Клайна просадил.

Он присмотрелся к одежде попрошайки: грязный, но в остальном довольно приличный синий адидасовский костюм.

– Иди поищи работу.

Он отвернулся и направился дальше.

– Эх-хе, – ответил бомж. – Значит, не дашь мелочи?

Неожиданно земля ушла из-под ног, и Джакс грохнулся лицом на асфальт. Не успев извернуться, чтобы вытащить пушку, он почувствовал, как обе руки накрепко оказались прижаты к спине, а за ухо уперлось дуло, видимо, очень немаленького пистолета.

– Что еще за херня?!

– Заткнись.

«Бомж» обшарил его с головы до ног, быстро нашел спрятанный пистолет. Щелкнули наручники, и Джакса рывком привели в сидячее положение. Его взгляд уперся в удостоверение агента ФБР, где в строке «имя» значилось: «Фредерик», а в строке фамилия: «Делрей».

– О нет, – глухим голосом простонал Джакс. – Только не это.

– Знаешь что, сынок? Это еще только цветочки, так что начинай привыкать.

Фэбээровец поднялся, и через секунду до Джакса донеслось:

– Это Делрей. Я тут недалеко. Кажется, прихватил сообщника Бойда. Заметил, как он башлял какому-то чернокожему пареньку лет тринадцати, который только что вышел от Райма. Что он там делал?.. Что? Сумку?! Дерьмо! Это бомба! Бойд, видимо, передал ее этой сволочи, чтобы тот подсунул Женеве. Все вон из дома! Объявляй тревогу десять-три-три… И кто-нибудь срочно к Женеве!

Здоровяк сидел на стуле в лаборатории Райма, закованный в наручники. Вокруг стояли Делрей, Райм, Белл, Сакс и Селлитто. У него изъяли пистолет, кошелек, нож, ключи, мобильник, сигареты и деньги.

В течение получаса в особняке царил полный хаос. Белл и Сакс буквально вытолкали Женеву через черный ход и усадили в машину Белла, которая тут же сорвалась с места, чтобы не дать вероятному сообщнику добраться до Женевы на улице. Остальные эвакуировались в переулок. Команда саперов в костюмах биозащиты поднялась на второй этаж и просветила рентгеном, а затем химически протестировала каждую книжку на наличие опасных веществ. Никакой взрывчатки или ядовитых газов не обнаружили. Обычные книги, доставленные с единственной целью, как предположил Райм: заставить их думать, будто в сумке находится адская машина. Вероятно, сообщник рассчитывал в суматохе проникнуть в дом вместе с пожарными или полицией, чтобы дождаться удобной возможности убить Женеву.

Стало быть, это и был тот человек, о котором Делрей слышал вчера на улицах и который почти добрался до девушки на школьном дворе.

Райм надеялся, что он назовет имя заказчика, нанявшего Бойда.

Детектив внимательно оглядел неулыбчивого здоровяка: армейскую куртку сменил рваный линялый джемпер. Видимо, знал, что его вчера засекли у школы в зеленом.

Громила был подавлен, но ничуть не напуган. Наконец он заговорил:

– Послушайте, вы не…

– Тш-ш-ш, – зловеще прошипел Делрей, продолжая рыться в изъятом у него кошельке, одновременно рассказывая присутствующим, как было дело. Он как раз подходил к особняку Райма, неся с собой отчеты ФБР о расследовании махинаций по отмыванию денег в местных банках, когда увидел, как из дома вышел подросток.

– Увидел, как этот гад дал мальчонке деньги, потом оторвал свою задницу от скамейки и стал уходить. Внешность подходит под описание. Хромает. Сразу меня зацепил. Особенно когда я заметил его специфический «изъян» у самой щиколотки.

Фэбээровец кивнул на пистолет, который обнаружил в носке задержанного, и поведал, как снял куртку, завернул в нее бумаги, сунул под ближайшие кусты, затем измазал грязью спортивный костюм, чтобы перевоплотиться в бомжа.

– Позвольте мне кое-что сказать, – начал сообщник Бойда.

Делрей ткнул в его сторону огромным пальцем.

– Мы очень ясно дадим тебе знать, когда надо будет раскрыть рот. Без возражений?

– Я только…

– Без воз-ра-жений?

Угрюмый кивок.

Агент приподнял в руке содержимое кошелька: деньги, пару семейных фото, одну выцветшую помятую фотографию.

– Это что? – спросил он.

– Мой тэг.

Делрей поднес снимок поближе к Райму. На нем был изображен старый угловатый вагон в нью-йоркской подземке, бок которого украшала цветистая надпись: «Jax 157».

– Граффитист, – изогнув бровь, сказала Сакс. – А ничего так, красиво.

– По-прежнему зовешь себя Джаксом? – спросил Райм.

– Обычно.

Делрей показал удостоверение с фото:

– Для славных тружеников управления городского транспорта ты, может, и был Джаксом, но вот для остального мира ты, похоже, Алонсо Джаксон. Также известный под красноречивым обозначением «Заключенный два-два-ноль-девять-три-четыре», присвоенным в исправительном учреждении чудного города Олден, штат Нью-Йорк.

– Буффало, верно? – спросил Райм.

Сообщник Бойда кивнул.

– Тюремные связи – вот откуда ты его знаешь.

– Кого?

– Томпсона Бойда.

– Не знаю я никакого Бойда.

– Тогда кто тебя нанял для этого дела? – рыкнул Делрей.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Какое еще дело? Клянусь, не знаю. – Он действительно выглядел сбитым с толку. – И насчет всего остального… газ какой-то… Я…

– Ты выслеживал Женеву Сеттл. Купил себе пушку и объявился вчера у школы, – указал Селлитто.

– Ну это да, верно. – На его лице отобразилось удивление их осведомленностью.

– А теперь и здесь объявился, – продолжил Делрей. – Вот о каком деле мы тут все языками треплем.

– Нет никакого дела. Честное слово, не знаю, что вы имеете в виду.

– Ну а про книги что нам расскажешь? – спросил Селлитто.

– Это книги, которые ребенком читала моя дочь. Для нее и предназначались.

– Восхитительно, – пробормотал Делрей. – Объясни-ка теперь, зачем надо было кому-то платить, чтобы передать их… – Он запнулся, нахмурил брови. Похоже, настал черед даже Фреду Делрею потерять дар речи.

– Ты хочешь сказать?.. – протянул Райм.

– Именно так. – Джакс тяжело вздохнул. – Женеве. Моей малышке.

Глава 35

– Итак, все сначала, – сказал Райм.

– Хорошо. Такое дело: шесть лет назад меня закрыли. Назначили от шести до девяти в Уэнди.

Тюрьма строгого режима в Буффало.

– За что? – рявкнул Делрей. – Вооруженный грабеж и убийство, кажется?

– По трем пунктам: грабеж, ношение оружия, вооруженное нападение.

– А две четверти? Убийство было?

– Пытались пришить, но этого не было, – решительно заявил он. – Изменили на вооруженное нападение. Да и не делал я этого.

– Старая песня, – пробормотал Делрей.

– Но ограбление было? – спросил Селлитто.

Джакс поморщился:

– Да.

– Продолжай.

– В прошлом году меня перевели в Олден, на общий режим. Там я работал и учился. Месяца полтора назад освободили за примерное поведение.

– Расскажи про ограбление.

– Значит, так было. Несколько лет назад была у меня работа – красил я в Гарлеме.

– Граффити? – Райм кивнул на фотографию разрисованного вагона.

Джакс рассмеялся:

– Дома красил – малярничал. На граффити не заработаешь, если ты, конечно, не Кит Хэринг. В общем, погряз я в долгах. Винэс – мать Женевы, уже крепко подсела. Сначала кокс, потом героин, потом дело дошло до крэка. Его лицо изображало неподдельное горе.

– Когда мы с ней познакомились, уже было заметно, что у нее проблемы. Но сами знаете, любовь зла. Ну так вот, над нами повисла угроза оказаться на улице, и денег Женеве на одежду, учебники, а бывало, и наеду уже не хватало. А она должна была иметь достойную жизнь. Вот я и решил: разживусь немного деньгами, устрою Винэс в лечебницу, на реабилитацию. Если откажется, заберу Женеву, дам ей нормальный дом.

Короче, один мой приятель, Джоуи Стоукс, рассказал, что наклевывается у него дельце в Буффало. Вроде слышал он где-то, что ходит по субботам инкассаторский броневик, забирает выручку из пригородных маркетов. Всего двое ленивых охранников – сущий пустяк.

В ту субботу мы с Джоуи пошли надело, думали, что к вечеру у каждого на руках будет по пятьдесят-шестьдесят штук. – Джакс удрученно помотал головой. – Зараза, и чем я думал... повелся на байки этого болтуна. Как только водила отдал нам мешки с деньгами, все пошло наперекосяк. У него там была секретная кнопочка, о которой мы не догадывались. Он ее и нажал, и почти сразу нас обложили.

Мы рванули на юг, но попали на переезд, о котором не знали, а там товарняк застрял. Мы развернулись и давай петлять по проселкам, съехали в поле. В итоге пробили два колеса, бросили тачку, а дальше – бегом. Копы догнали нас через полчаса. Джоуи сказал, что надо отстреливаться, но я отказался, крикнул копам, что мы сдаемся. Джоуи взбесился и всадил пулю мне в ногу. Копы подумали, что мы палили по ним – отсюда и покушение на убийство пришили.

– Закон нарушать – себе дороже, – как истинный философ-любитель заметил Делрей.

– Нас продержали в камере неделю или дней десять, прежде чем позволили позвонить. Винэс я позвонить все равно не мог – телефон был отключен. Адвокат мне достался из какой-то публичной конторы, ни хрена для меня не сделал. Я дозвонился до пары друзей, но Женеву и Винэс никто не нашел, к тому времени их уже выставили из квартиры.

Я писал из тюрьмы. Все письма возвращались назад. Обзвонил всех, кого знал. Мне так хотелось ее найти! Мы с Винэс уже потеряли одного ребенка, а потом у меня отняли Женеву. Я не хотел потерять семью.

Я освободился, приехал сюда, чтобы ее найти. Отдал все бабки, какие были, за подержанный компьютер, ну знаете, думал найти ее через Интернет, но ничего не вышло. Слышал только, что Винэс умерла, а Женева исчезла. В Гарлеме ничего не стоит уйти на дно. Тетку свою тоже не смог найти, они жили у нее какое-то время. А вчера утром одна моя старая знакомая, она работает в центре, видела переполох рядом с «черным» музеем, вроде кто-то напал на девушку из Гарлема, которой шестнадцать лет, а зовут Женевой. Она знала, что я ищу дочь, позвонила. Я подкатил к одному говнюку – ошивается в центре – и зарядил его навести справки по школам. Он узнал, что учится она в школе Лэнгстона Хьюза, куда я за ней и отправился.

– Там тебя засекли, – сказал Селлитто. – У входа на школьный двор.

– Все верно, это был я. Пришлось уходить, когда вы всей толпой решили сесть мне на хвост. Но я вернулся попозже и от одного сопляка узнал, где она живет – в Северном Гарлеме у парка «Морнингсайд». Хотел сегодня туда сходить, передать книги, но увидел, как вы затолкали ее в машину.

Джакс кивком указал на Белла.

Детектив задумчиво нахмурил брови.

– Бомж с магазинной тележкой.

– Все верно, косил под бомжа. Дальше – поймал такси и проследил за вами до этого места.

– И пушку прихватить не забыл, – подметил Белл.

– Мою малышку кто-то хотел убить! – вспылил Джакс. – Вы что думали?! Конечно, я обзавелся стволом! Никому бы не позволил к ней подойти.

– Ты им успел воспользоваться? – спросил Райм. – Пистолетом?

– Нет.

– Проверим.

– Только раз попугал одного говнюка, который показал мне дом Женевы. Кевин зовут. Он плохо о ней отзывался. Ничего больше ему не сделал, навел на него разок, чтобы в штаны наложил как следует… Поделом ему. Вот и все… ну и навешал ему слегка. Можете его отыскать и сами узнать.

– Как имя той женщины, которая тебе вчера позвонила?

– Бетти Карлсон. Работает где-то рядом с музеем. – Джакс кивком указал на свой мобильник. – Ее номер в списке входящих звонков. Начинается на семь-один-восемь.

Селлитто взял трубку и вышел в прихожую.

– А как же твоя семья в Чикаго?

– Какая семья? – Джакс сдвинул брови.

– Мать рассказывала Женеве, что ты уехал в Чикаго с какой-то женщиной и там женился, – объяснила Сакс.

Джакс скривился, закрыл глаза.

– Да нет же, нет… это вранье. Я и в Чикаго-то никогда не был. Винэс, наверное, специально ей это наплела, чтобы настроить против меня… Вот змея! Как я мог ее полюбить?

Райм развернулся к Куперу:

– Свяжись с управлением исправительных учреждений.

– Нет, ради Бога, не надо. – На лице Джакса отобразилось отчаяние. – Меня тут же упрячут назад за решетку. Мне нельзя покидать двадцатипятимильную зону Буффало. Я дважды просил разрешения на выезд, но оба раза мне отказали. Но я все равно приехал.

Купер немного подумал.

– Можно пробить его по общей базе управления. Рутинный запрос, никто не заметит.

Райм кивнул. Спустя минуту на экране компьютера появилось фото Алонсо Джаксона и его учетные данные. Купер пробежал их глазами.

– С рассказом все сходится: досрочное освобождение, положительная характеристика с места учебы. В качестве ближайшего родственника значится дочь по имени Женева Сеттл.

– Спасибо огромное, – облегченно выдохнул Джакс.

– Для чего было посылать книги?

– Я же не мог просто явиться и все вам выложить. Сразу бы загремел обратно. Вот я и собрал те книжки, которые Женева читала в детстве, чтобы она поверила, что записка действительно от меня.

– Какая записка?

– Написал ей записку, вложил в одну из книг.

Купер порылся в сумке. В потрепанном экземпляре «Таинственного сада» нашелся листок, на котором аккуратным почерком было написано: «Жен, детка, это от твоего отца. Прошу, позвони мне». Ниже стоял номер его сотового.

В лабораторию вернулся Селлитто, кивнул:

– Поговорил с Карлсон. Она подтверждает его слова.

– С матерью Женевы расписан ты не был? – спросил Райм. – Поэтому у девочки другая фамилия?

– Все верно.

– Где ты живешь? – спросил Белл.

– Снял комнатушку в Гарлеме, на Сто тридцать шестой. Хотел забрать Женеву к себе в Буффало, когда найду, пока не получу разрешения вернуться домой. – Его лицо застыло, и Райму показалось, что в глазах светится неподдельная грусть. – Но теперь, видимо, этому не бывать.

– Почему? – поинтересовалась Сакс.

Джакс с тоской улыбнулся:

– Я видел, где она сейчас живет. Очень славный домишко около Морнингсайда. Я, конечно, искренне за нее порадовался. Теперь у нее пара хороших приемных родителей, которые о ней заботятся. Может даже, есть брат или сестра… ей всегда хотелось младшеньких, но тот случай с Винэс в клинике поставил на этом крест. Разве захочет она теперь вернуться ко мне? Она получила все, чего заслуживает… чего я не смог ей дать.

Райм бросил на Сакс удивленный взгляд. Он склонялся к тому, чтобы поверить Джаксу, но внутри у него сидел упрямый полицейский скептицизм.

– Хочу задать еще кое-какие вопросы.

– Все, что угодно.

– Ты упомянул тетку. Кто она такая?

– Сестра моего отца. Лили Холл. Помогала меня растить. Пережила двух мужей. В этом году, в августе, ей должно было стукнуть девяносто, если она, конечно, еще жива.

Райм понятия не имел о дате ее рождения или возрасте, но имя назвала им Женева.

– Да, она жива. Улыбка. Затем:

– Рад слышать. Очень по ней скучал. Ее я тоже найти не сумел.

– Ты что-то внушал Женеве насчет слова «сэр», – сказал Белл. – Что именно?

– Когда она была маленькой, я учил ее, что надо смотреть человеку в глаза и всегда вести себя уважительно, а «сэр» или «мэм» говорить только тому, кто этого заслужил.

Глядя на Райма и Сакс, каролинец кивнул.

– Кто такой Чарлз Синглтон? – спросил Райм.

Джакс удивленно моргнул.

– Откуда вы про него знаете?

– Отвечай на вопрос! – рявкнул Делрей.

– Он мой… даже не знаю… прапрапрапрапрадед, наверное.

– Продолжай, – подтолкнул Райм.

– Ну, был рабом в Виргинии. Потом хозяин отпустил его вместе с женой и даже отдал им ферму на Севере. Чарлз ушел на войну добровольцем, знаете, как в том фильме с Дензелом Вашингтоном и Морганом Фрименом. Вернулся, возделывал сад, преподавал в школе – в бесплатной школе для черных детей. Зарабатывал, продавая сидр рабочим, которые трудились на доках недалеко от фермы. Знаю, что во время войны его наградили. Он даже раз Авраама Линкольна видел, в Ричмонде, аккурат перед тем, как северяне одержали победу. По крайней мере так мне отец рассказывал. – Он невесело усмехнулся. – А дальше такие дела: вроде его арестовали за кражу какого-то золота или ценных бумаг. Угодил в тюрягу… прямо как я.

– А что с ним случилось после тюрьмы, знаешь?

– Нет, об этом ни слова не слышал. Убедились теперь, что Женева моя дочь?

Делрей посмотрел на Райма, вопросительно приподняв бровь.

Криминалист смерил Джакса взглядом:

– Почти. Остался сущий пустяк. Ну-ка открой рот.

– Ты мой отец?!

Женева уставилась на него в немом изумлении. Сердце глухо колотилось в груди. Придирчиво его рассмотрела: лицо, плечи, руки. Бессмысленно было отрицать, что он кажется ей знакомым. На руке по-прежнему был перстенек с гранатом, который ее мать подарила ему на Рождество… когда они еще вместе справляли праздники. Образ, с которым Женева мысленно сравнивала этого человека, был неясным, как будто пытаешься рассмотреть кого-то против яркого солнца.

Несмотря на его водительское удостоверение, на снимок, где она совсем крохой сидела вместе с ним и матерью, Женева была готова отпираться до последнего, однако анализ ДНК, сделанный мистером Купером, сомнений не оставлял – они были родственниками.

Сейчас в комнате наверху были только она, отец и, конечно, мистер Белл. Остальные детективы внизу продолжали ломать голову над тем, кто стоит за ограблением ювелирной биржи.

Но и мистер Райм, и Амелия, и все остальные… даже убийца и прочие ужасы двух последних дней – все это на время вылетело у нее из головы. Сейчас ее занимали совсем другие вопросы: откуда здесь взялся ее отец? И зачем?

И пожалуй, важнее всего: что теперь будет?

Она кивнула на сумку, достала томик Доктора Сьюза.

– Я больше не читаю детские книги. Два месяца назад мне исполнилось шестнадцать.

А это, наверное, чтобы напомнить ему обо всех ее днях рождения, которые он пропустил.

– Я принес их, чтобы ты поняла, кто я такой. Знаю, что ты давно их переросла.

– Как твоя новая семья? – холодно спросила она.

Джакс помотал головой.

– Мне сказали, что так Винэс тебе про меня наговорила, Жени.

Женеву разозлило обращение, которым он пользовался когда-то… очень давно.

– Она тебя обманывала… чтобы настроить против меня. Что ты, Жени, я бы тебя никогда не бросил. Меня посадили.

– Посадили?

– Это правда, мисс, – подтвердил Роланд Белл. – Мы проверили его дело. Был арестован в тот день, когда вы с матерью видели его в последний раз. С тех пор сидел в тюрьме. Только что освободился.

Джакс рассказал об ограблении, о том, как отчаянно нуждался в деньгах, чтобы наладить ей жизнь, помочь матери.

Но слова казались пустыми, избитыми – всего лишь жалкое оправдание, какие тысячами ежедневно произносят в Гарлеме наркодилер, воришка, домушник, грабитель.

«Я сделал это ради тебя, детка…»

Женева опустила глаза на книгу. Потертая, зачитанная. Кому она предназначалась, когда была новой? Где сейчас тот отец или мать, которые купили ее для своего ребенка? В тюрьме? У раковины с грязной посудой? За рулем «лексуса»? В операционной с зажатым в руке скальпелем?

Может, отец украл ее из магазина «Старая книга»?

– Жени, я вернулся, чтобы тебя забрать. С ума сходил, пытаясь тебя найти. Чуть не взвыл, когда позвонила Бетти и сказала, что на тебя напали… Что там произошло? Кто за тобой охотится? Мне никто ничего толком не объяснил.

– Просто я кое-что видела, – уклончиво сказала она, не особенно желая делиться с ним информацией. – Возможно, как готовится преступление.

Ей не нравилось, в какое русло поворачивает их разговор. Она внимательно на него посмотрела и гораздо резче, чем сама ожидала, бросила:

– Ты знаешь – мама умерла.

Он потряс головой.

– Я узнал, только когда меня выпустили. Но меня это не удивило. Винэс была беспокойной душой. Может, сейчас она счастлива.

Женева так не считала. И вообще никакие райские кущи не избавят ее мать от той мученической одинокой смерти, когда ее тело превратилось в скелет, а лицо вздулось, как больная луна.

Как не восполнят того, что этому предшествовало: как она отдавалась за пару доз крэка, пока ее дочь ждала у закрытых дверей подъезда.

Но вслух Женева не обронила ни слова.

Джакс улыбнулся:

– Я видел, где ты сейчас живешь. Очень приличное место.

– Уже нет. Это было временное пристанище.

– Нет? Где же тогда?

– Пока сама не знаю.

Она тут же пожалела, что проболталась. Поняла, что приоткрыла для него дверь. Чем он, разумеется, тут же не преминул воспользоваться.

– Я снова подам прошение, чтобы мне разрешили сюда вернуться. Теперь, когда у меня есть семья, о которой надо заботиться, мне вряд ли откажут.

– Нет у тебя здесь никакой семьи. Все кончено!

– Я понимаю, детка, как тебе сейчас скверно. Но я восполню все, что не сумел тебе дать. Я…

Она швырнула книгу на пол.

– Шесть долгих лет! Ни звонка, ни словечка, ни строчки!

Женева с раздражением почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Смахнула их трясущимися руками.

Джакс прошептал:

– А куда мне было писать? Куда звонить? За эти шесть лет я ни разу не оставлял попыток с тобой связаться. Я тебе пощажу, у меня целая гора писем, которые вернулись назад в тюрьму. Не меньше сотни, наверно. Что я только не перепробовал, чтобы найти тебя, но так и не смог.

– Спасибо за извинения, знаешь ли. Если, конечно, ты извиняешься. Но думаю, лучше тебе уйти.

– Нет, детка, позволь...

– Не надо больше ни «детка», ни «Жени», ни «дочка».

– Я все искуплю. – Джакс вытер слезящиеся глаза.

Глядя на его горе – искреннее или притворное, – Женева ничего не испытывала. Если не считать гнева.

– Уйди!

– Но, детка...

– Нет. Просто исчезни!

В очередной раз детектив из Северной Каролины, как специалист-телохранитель, четко и решительно исполнил свой долг. Он поднялся и без лишних слов твердой рукой вывел отца в коридор. Кивнул Женеве с порога, ободряюще улыбнулся и закрыл дверь, оставив девушку наедине с собой.

Глава 36

Пока девушка и отец разговаривали наверху, Райм и его помощники искали ниточки, которые вывели бы на вероятные ограбления ювелирных салонов. Безрезультатно.

Материалы Фреда Делрея ничего не дали. Отчетов по линии Интерпола и от местных следственных органов, которые бы имели отношение к делу, также не поступало.

Райм разочарованно качал головой, когда зазвонил телефон.

– Райм слушает.

– Линкольн, это Паркер.

Специалист по анализу документов, который занимался запиской, найденной на квартире у Бойда.

Кинкейд с Раймом обменялись вопросами о здоровье и семейных делах. Райм узнал, что подружка Паркера, специальный агент Маргарет Лукас, здорова, как и оба его ребенка, Робби и Стефи.

Сакс попросила Паркера передать от нее привет, после чего Кинкейд перешел к делу:

– Я занимался вашим письмом, с тех пор как получил сканированную копию. Характеристика на автора у меня готова.

Почерковедческая экспертиза не позволяет установить личность по начертанию букв. Такой анализ имеет смысл при сравнении двух разных документов, например, для выявления фальшивки. Но Райма сейчас интересовал другой аспект. Паркер Кинкейд вел речь о том, что вычленил характерные особенности личности автора, основываясь на его языковых навыках. Это могло значительно облегчить установление личности подозреваемого. К примеру, грамматико-синтаксический анализ записки с требованием выкупа в деле о похищении ребенка Линдбергов позволил получить точный психологический портрет похитителя – Бруно Хауптманна.

С присущим ему рабочим энтузиазмом Кинкейд продолжал:

– Есть кое-что интересное. Записка у вас там рядом?

– Прямо перед глазами.

Чернокожий девушка, пятый этаж в этот окно. 2 октебря около 08:30. Видел мой грузовой фургон когда он стоял за Ювелирный биржа. Видел много чтобы догадатся о планах меня. Убей ее.

– Начнем с того, – сказал Кинкейд, – что писал иностранец. Синтаксис и орфография явно хромают. В записи даты сначала стоит число, а потом месяц. И время он указал в двадцатичетырехчасовом формате. Американцы так не делают. А вот еще одна значимая деталь. Он…

– Или она, – перебил его Райм.

– Я склоняюсь к тому, что автор – мужчина, – возразил Кинкейд. – Поясню чуть позже. Решающей характерологической деталью можно считать особую притяжательно-генетивную конструкцию.

– Чего-чего? – переспросил Райм.

– Притяжательно-генетивная конструкция. Это такая форма для выражения принадлежности. В одном месте ваш объект пишет «мой грузавой фургон».

– Так, нашел, – пробежав глазами записку, сказал Райм.

– Но ниже есть и такая фраза: «о планах меня». Это наводит меня на мысль, что писал араб.

– Араб?

– Ну я бы сказал, с вероятностью девяносто процентов. В арабском есть такая притяжательная конструкция, называется «i.daafah». Образуется она, как правило, так: «машина-Джон», то есть «машина Джона». Или, в вашем случае, «планы меня». Но по правилам арабской грамматики предмет обладания должен обозначаться одним словом. «Грузовой фургон» с притяжательным значением для арабского невозможен, поскольку фраза состоит из двух слов и не может использоваться «i.daafah».

– Замечательно, Паркер, – сказала Сакс. – Не очень понятно, но замечательно.

Из громкоговорителя донесся приглушенный смех.

– Должен сказать, Амелия, что в последние годы все, кто занимается расследованием преступлений, усиленно налегли на арабский.

– Отсюда ты делаешь вывод, что это мужчина.

– А ты часто ловишь преступниц-арабок?

– Не так чтобы очень… Еще что-нибудь есть?

– Если нужно, присылайте еще образцы для сравнительного анализа.

– Ловлю на слове.

Райм поблагодарил Кинкейда и отключил звонок. Уставился на доску для записей, покачивая головой, затем саркастически усмехнулся.

– Что надумал, Райм?

– Вы же догадываетесь, что он замышляет, да? – зловеще произнес он.

Сакс кивнула:

– Он собирается не ограбить биржу, а взорвать ее.

– Точно.

– Ну разумеется, – спохватился Делрей. – Вот для чего нас засыпали сообщениями о терактах против местных израильтян.

Сакс сказала:

– Охранник из здания напротив музея рассказал, что им ежедневно доставляют бриллианты из Иерусалима… Так, я позвоню на биржу, чтобы срочно очистили здание.

Она вынула сотовый.

Райм посмотрел на доску для записей и обратился к Куперу и Селлитто:

– Фалафель с йогуртом… и грузовой фургончик. Выясните, есть ли поблизости от биржи рестораны, которые предлагают ближневосточную кухню. Если есть, то кто и в какое время развозит заказы. И на какой машине.

Делрей покачал головой:

– Половина ньюйоркцев это едят. Шаурму и фалафель продают на каждом углу. У них… – Агент замолчал, встретившись взглядом с Раймом.

– Уличные лотки!

– Да, вчера у музея я не меньше дюжины насчитал.

– Лучше плацдарма для наблюдения не придумаешь, – выпалил Райм. – А какое прикрытие! Он каждый день привозит туда продукты, так что на него почти не обращают внимания. Так, срочно узнайте мне, кто развозит продукты лоточникам. За дело!

По информации из департамента здравоохранения, разрешение торговать ближневосточной кухней в районе Ювелирной биржи имелось у двух компаний. По иронии судьбы владельцами той, что крупнее, были два брата-еврея. У обоих семьи в Израиле, оба ходят в местную синагогу. Подозревать их было бы глупо.

Вторая компания не имела собственных точек на улице, но поставляла шаурму, кебабы и фалафель с приправами и напитками (плюс неразрешенные мусульманам, но идущие нарасхват хот-доги со свиными сосисками) множеству лоточников, торгующих на Манхэттене. Товар развозился из ресторанчика на Брод-стрит нанятым для этой цели человеком.

В присутствии Делрея и еще не менее десятка полицейских и агентов ФБР владельцы предприятия проявили трогательную сговорчивость. Человека, который занимался развозом, звали Бани Аль-Дахаб. Это оказался саудовец, у которого давно истек срок действия визы. В США он некоторое время работал инженером. Став нелегалом, брался за любую работу: иногда готовил, развозил готовые продукты лоточникам и кафе в Бруклине и Манхэттене.

Ювелирную биржу очистили от персонала и обыскали, но взрывных устройств не нашли. На фургон Аль-Дахаба был объявлен план-перехват; по словам владельцев ресторана, он мог находиться где угодно в городе – строгого расписания не придерживался.

В таких ситуациях Райм обычно начинал нервно ходить из угла в угол… Когда был на ногах.

Где, черт возьми, он сейчас? Разъезжает по городу в фургончике, начиненном взрывчаткой? Что, если он отказался от подрыва биржи и наметил себе новую цель – синагогу или офис «Эль-Аль эрлайнс»?

– Привезите ко мне Бойда, надо на него надавить, – недовольно распорядился он. – Я хочу знать, где этот чертов араб!

В то же мгновение у Купера зазвонил сотовый.

Затем телефон Селлитто, а за ним и трубка Амелии Сакс.

Наконец разразился трелью стационарный телефон в лаборатории.

Звонили из разных мест, но речь шла об одном и том же.

Ответ на вопрос Райма был получен.

Погиб только водитель фургона.

Что можно было бы назвать чудом, учитывая мощность взрыва и то, где это произошло: на пересечении Девятой авеню с Пятьдесят четвертой улицей, прямо в автомобильном потоке.

Ударная волна пошла вверх, сорвав крышу и выбив окна. Градом осколков были ранены несколько прохожих, но основной ущерб пришелся на сам фургон. Горящий остов выкатился на тротуар и врезался в фонарный столб. Пожарный расчет с ближайшей станции на Восьмой авеню быстро сбил пламя и оцепил место происшествия.

Спасать водителя было поздно: два оставшихся от него самых крупных куска разлетелись на приличное расстояние.

Бригада саперов зачистила место, и полиции оставалось только дождаться дежурного патологоанатома и бригаду криминалистов.

– Чем это пахнет? – спросил долговязый, с залысиной, детектив из местного участка. Ему явно было не по себе от запаха, который он принял за вонь горелого человеческого мяса. Вот только пахло вполне аппетитно.

Глянув на позеленевшее лицо детектива, один из саперов усмехнулся:

– Это шаурма.

– Как-как? – переспросил детектив, решив, что это какой-то особый жаргон, обозначающий нечто уж вовсе отвратительное.

– Вот. – Рукой в латексной перчатке сапер показал кусок поджаристого мяса, понюхал. – Вкуснятина.

Долговязый детектив усмехнулся, стараясь не подавать вида, что его вот-вот вырвет.

– Баранина.

– А?..

– Водитель развозил еду. Работа у него такая. Грузовой отсек фургона завален мясом… фалафель, шаурма – всякое такое дерьмо.

– Ага, понятно. – Но легче копу явно не стало.

В ту же секунду, скрипя тормозами, подлетел красный спортивный «камаро» и уткнулся носом в натянутую вокруг места взрыва желтую ленту. Настоящий ураган на колесах. Из открывшейся дверцы появилась сногсшибательная красотка с рыжими волосами и, оглядев место происшествия, кивнула стоящему в стороне детективу.

– Привет, – отозвался тот.

Женщина-детектив подключила к рации гарнитуру, подала рукой знак подъезжающему фургону с бригадой криминалистов и несколько раз глубоко втянула носом воздух. Понимающе кивнула.

– К осмотру еще не приступила, – сказала она в микрофон, – но, судя по запаху, Райм, он весь наш.

Долговязый лысеющий детектив нервно сглотнул и скороговоркой выпалил:

– Я сейчас, отлучусь на минутку.

После чего поспешно бросился к ближайшему кафе «Старбакс», думая об одном: как бы вовремя добраться до туалета.

В сопровождении детектива Белла Женева спустилась в лабораторию мистера Райма. Она глянула на отца, и тот устремил на нее большие, по-собачьи жалобные глаза.

Черт!

Она отвела взгляд.

Мистер Райм сказал:

– У нас есть для тебя новость. Человек, который нанял Бойда, мертв.

– Мертв? Тот, что собирался ограбить Ювелирную биржу?

– Все оказалось не совсем так, как мы полагали, – ответил мистер Райм. – Мы… ладно, признаю: я считал, что преступник планирует ограбление. Но нет – он собирался устроить там взрыв.

– Террористы?

Мистер Райм кивнул на прозрачный файл, который Амелия держала в руках. Внутри лежало послание, адресованное «Нью-Йорк таймс». В нем говорилось, что взрыв на Ювелирной бирже – очередной акт священной войны против сионистского Израиля и его союзников. Бумага полностью совпадала с той, на какой была написана записка об убийстве Женевы и нарисована карта Западной Пятьдесят пятой улицы.

– Кто он такой? – спросила Женева, напряженно пытаясь вспомнить фургончик или человека подходящей внешности, которых могла видеть неделю назад из окна музея. Все тщетно.

– Нелегал из Саудовской Аравии, – сказал детектив Селлитто. – Работал на ресторанчик в Манхэттене. Владельцы, само собой, в шоке – видимо, думают, мы считаем их заведение прикрытием для Аль-Каиды. – Он фыркнул. – Ну, мы этого тоже не исключаем, будем проверять. Пока претензий к ним нет: оформлено гражданство, давно живут в США, у некоторых даже сыновья в армии. Но понервничать им еще придется.

– Самое удивительное, – подхватила Амелия, – что Бани Аль-Дахаб, по всем данным, никак не связан с другими лицами, подозреваемыми в терроризме. Никто из его знакомых не смог подтвердить, что он встречался с экстремистами и фанатиками; мечеть, в которую он ходил, характеризовалась умеренными политическими и религиозными взглядами. Обыск на квартире тоже не дал улик, указывающих на участие в террористических организациях. Сейчас на предмет возможных связей с фундаменталистами проверяются записи его телефонных звонков.

– Мы продолжаем поиск улик, – сказал мистер Райм, – но с вероятностью в девяносто девять процентов можно сказать, что он действовал в одиночку. Думаю, это значит, что опасность тебе больше не угрожает.

Он подкатил кресло к столу и оглядел пакетики с обгорелыми кусочками пластика и металла. Затем обратился к мистеру Куперу:

– Мэл, занеси в таблицу: взрывчатка типа «товекс», кусочки радиодетонатора... корпус, провода, фрагмент запального капсюля. Устройство было упаковано в почтовую бандероль, адресованную директору Ювелирной биржи.

– Почему бомба сработала раньше времени? – спросил Джакс.

Мистер Райм объяснил, как опасно использовать радиоуправляемый заряд в условиях города, где полным-полно фонового радиоизлучения: детонаторы на стройплощадках, портативные рации, бессчетное множество других источников.

– Или он себя сам подорвал, – добавил Селлитто. – Возможно, прослышал, что Бойд арестован, а на бирже вовсю ищут бомбу. Наверно, понял, что его скоро возьмут.

Женева почувствовала неловкость. Эти люди вдруг словно от нее отдалились. Причины, по которой они здесь собрались, больше не существовало. Что до отца, он казался ей еще больше чужим, чем полицейские. Женеве захотелось вернуться в подвальчик, к своим планам о колледже, к мечтам о Флоренции и Париже.

Неожиданно она поймала на себе пристальный взгляд Амелии.

– Что теперь будешь делать? – спросила детектив.

Женева посмотрела на отца. А что теперь будет? У нее объявился родственник, все так. Только ему даже в городе оставаться запрещено. Ее снова попытаются отправить в приют.

Амелия перевела взгляд с Женевы на Линкольна Райма:

– Пока дело не утрясется, почему бы не оставить все как есть? Пусть Женева пока поживет у тебя.

– Здесь? – удивилась девушка.

– Твой отец должен вернуться в Буффало, чтобы решить там свои вопросы.

«Как будто остаться с ним – это вариант», – подумала Женева, но промолчала.

– Отличная мысль. – Голос Тома. – Стало быть, решено. Ты остаешься здесь.

– Ну что, согласна? – спросила Амелия.

Женева не понимала, почему все так хотят, чтобы она осталась. Она с самого начала ожидала подвоха. Или в ней просто говорит подозрительность, воспитанная долгими годами одиночества? Вдруг вспомнилось старое присловье: «Твоя семья там, где ты ее найдешь».

Она решилась:

– Конечно, согласна.

* * *

Два охранника привели закованного в наручники Томпсона Бойда в лабораторию Райма и предъявили его детективам. Женева находилась в комнате наверху, на этот раз под присмотром Барб Линч.

Райм редко изъявлял желание встретиться с преступником лицом к лицу. Как ученого в работе его привлекал азарт, жажда погони, а не физическое воплощение подозреваемого. Злорадствовать перед пойманным им человеком желания он не имел. Оправдания и мольбы оставляли его равнодушным, угрозы не задевали.

Сейчас он хотел быть абсолютно уверенным, что жизни Женевы Сеттл больше ничто не грозит. Хотел лично оценить преступника.

Бойд, весь замотанный бинтами после схватки с Сакс, обвел лабораторию взглядом. Оборудование, таблицы на досках. Инвалидное кресло.

Ноль эмоций – ни искорки удивления, ни проблеска интереса. Даже когда он увидел Сакс, только кивнул. Словно забыл, что она едва не выбила ему булыжником все мозги.

«Когда его спросили, что он чувствовал, когда сидел там на стуле, он сказал, что никак, ничего не чувствовал. Только вроде как онемение. Ближе к концу он часто так говорил, что чувствует онемение».

– Как вы меня нашли? – спросил он.

– Пара мелких деталей, – ответил Райм. – Во-первых, ты выбрал не ту карту из колоды таро. Она навела меня на мысль о казнях.

– «Повешенный». – Бойд кивнул. – Верно. Об этом я не подумал. Мне она показалась достаточно устрашающей. Оставил, чтобы сбить вас с толку.

– Фамилию мы вычислили, – продолжил Райм, – благодаря твоей привычке.

– Привычке?

– Насвистывать.

– Тоже верно. Стараюсь сдерживаться, когда на деле, но иногда само собой вырывается. Значит, вы разговаривали…

– Да, поговорили кое с кем из Техаса.

Бойд кивнул и, щуря саднящие глаза, уставился на Райма:

– Значит, вы знаете о Чарли Такере? Этом жалком подобии человека. Он отравлял моим людям последние дни жизни, грозил им адским пламенем, нес всякую чушь про Иисуса и прочее.

«Мои люди…»

– Бани Аль-Дахаб был единственным твоим заказчиком? – спросила Сакс.

Бойд удивленно сморгнул – впервые на его лице промелькнула настоящая человеческая эмоция.

– Как?..

Он замолчал.

– Бомба сработала раньше времени. Или он покончил с собой.

Бойд отрицательно мотнул головой.

– Нет, самоубийцей он не был. Скорее бомба детонировала случайно, неаккуратный он был человек… чересчур порывистый. Все делал не по инструкции. Наверное, поспешил с приведением в боевую готовность.

– Как вы с ним встретились?

– Он мне позвонил. Узнал от кого-то в тюрьме мое имя. Исламские связи.

Вот оно что. Райм долго гадал, как охранник из техасской тюрьмы мог спутаться с исламистами.

– Чокнутые, – сказал Бойд. – Но деньги у них есть, у арабов.

– А Джон Эрл Уилсон? Он собирал для тебя взрывные устройства?

– Так точно, сэр. Джонни. – Киллер помотал головой. – Вам и о нем известно? Должен признать, вы молодцы.

– Где его найти?

– Понятия не имею. Мы оставляли сообщения на ящике голосовой почты с уличных автоматов. Встречались всегда в людных местах. Ни разу лишним словом не обменялись.

– Об Аль-Дахабе и бомбах с тобой будут беседовать федералы. Мы хотим знать насчет Женевы. Кто-то еще желает ей навредить?

Бойд мотнул головой.

– Судя по тому, что он мне рассказывал, Аль-Дахаб был одиночкой. Может, и связан с кем-то на Ближнем Востоке, но здесь – ни с кем. Никому не доверял.

Сакс зловеще предупредила:

– Если ты лжешь, если с ней что-то произойдет, мы позаботимся, чтобы остаток жизни показался тебе адом.

– Каким образом? – как будто с искренним интересом спросил Бойд.

– Ты убил библиотекаря, доктора Бэрри. Пытался убить офицера полиции. Тебе светит несколько пожизненных сроков. Мы также детально расследуем смерть девушки, погибшей вчера на Кэнал-стрит. Кто-то столкнул ее под колеса автобуса недалеко от того места, где ты уходил с Элизабет-стрит. Сейчас твои фотографии просматривают свидетели. Свободы тебе не видать.

Бойд дернул плечами:

– Мне все равно.

– Тебе безразлично? – спросила Сакс.

– Знаю, вам меня не понять. И за это я вас не виню. Но, видите ли, тюрьма мне не страшна. Задеть вы меня ничем не сможете – я уже мертвец. Убить кого-то или спасти чью-то жизнь – мне все одно. – Он посмотрел на Амелию, которая сверлила его взглядом, и сказал: – Узнаю ваш взгляд. Вы сейчас думаете: что же это за выродок? Ну, вы меня таким и сделали.

– Неужели? – спросила Сакс.

– Вам известно, кем я работал.

– Приводил в исполнение смертные приговоры, – сказал Райм.

– Так точно, сэр. И вот что я вам расскажу: можно найти имена всех, кого на законных основаниях казнили в этой стране. Их очень много. Можно найти имена губернаторов, которые дожидались полуночи или утра, чтобы утвердить помилование. Имена всех жертв, убитых приговоренными, а часто также имена их родственников. Но догадываетесь, чьих имен вы никогда не найдете? – Он оглядел стоящих вокруг полицейских. – Наших. Имена тех, чья работа – нажимать кнопку… исполнителей. О нас не помнят. Каждый любит порассуждать о том, как смертная казнь влияет на семьи приговоренных, на общество, на семьи жертв. Не говоря уже о том человеке, которому отведена роль овцы на заклание. А на нас, исполнителей, всем плевать, никто не задумывается, что происходит с нами.

Как день за днем проводишь с людьми, которые должны умереть. Как постепенно их узнаешь, беседуешь с ними обо всем на свете. Как чернокожий парень спрашивает у тебя, почему если белый совершил точно такое же преступление, вместо смерти он получает пожизненное, а иногда отделывается и того легче. Как мексиканец клянется тебе, что не

насиловал и не убивал ту девочку… просто зашел взять пива в универмаг, но вдруг заявляются полицейские, и ты не успеваешь глазом моргнуть, как уже в камере смертников. А спустя год, как человек в могиле, по анализу ДНК выясняется, что взяли не того.

Конечно, даже те, кто действительно виноват, тоже люди. Вот так живешь рядом с ними день за днем, стараешься пристойно к ним относиться, потому что они нормально относятся к тебе. Привыкаешь к ним, узнаешь, а потом… потом убиваешь. Лично. Своими руками: жмешь на кнопку, опускаешь рубильник… Это тебя меняет.

Знаете, как говорят? Наверняка слышали: «Мертвец идет». Имеется в виду заключенный-смертник. На самом деле это про нас, про тех, кто приводит в исполнение приговор. Мы – мертвецы.

– А как же твоя подружка? – глухо сказала Сакс. – Как можно было стрелять в нее?

Бойд помолчал. Впервые за весь разговор лицо его сделалось мрачным.

– Я раздумывал насчет этого выстрела. Надеялся, вот-вот придет чувство, что не должен стрелять. Что она слишком много для меня значит. И я бы ее оставил, а сам попробовал убежать, и будь что будет. Только… – Он потряс головой. – Ничего не случилось. Я смотрел на нее и чувствовал лишь онемение. Но знал, что выстрелить смысл есть.

– А если вместо нее дома были бы дети? – потрясенно спросила Сакс. – Ты бы стал в них стрелять, чтобы уйти?

Секундная пауза, пока он размышлял.

– Мэм, думаю, мы оба знаем ответ. Ведь это бы точно сработало, верно? Вы бы остались, чтобы попытаться спасти девочек, вместо того чтобы меня догонять. Как говорил мой отец: «Вся разница в порядке величины».

Его лицо вновь приняло безмятежный вид, как будто после долгих споров с самим собой он наконец ответил для себя на какой-то важный вопрос.

«„Повешенный“… Часто карта предрекает подчинение обстоятельствам, отказ от борьбы, смирение с тем, что есть».

Он посмотрел на Райма.

– Теперь, если не возражаете, думаю, мне пора возвращаться домой.

– Домой? – Недоуменный взгляд…

– В тюрьму.

Словно: «Как еще это можно понимать?»

Отец и дочь вышли из вагона метро на Сто тридцать пятой улице и направились в сторону школы Лэнгстона Хьюза.

Женева не хотела, чтобы он с ней шел, но Джакс сказал, что будет за ней присматривать. Мистер Райм с детективом Беллом тоже встали на его сторону. Кроме того, завтра ему предстояло вернуться в Буффало. Что ж, можно и потерпеть пару часов.

Джакс кивнул в сторону путей:

– Мне нравилось расписывать поезда. Краска на них хорошо держалась… Я знал, что мои работы увидит много народу. В семьдесят шестом расписал целый вагон. Тогда отмечали двухсотлетие независимости, в порту на причале было полно океанских лайнеров. Я изобразил такой корабль на фоне статуи Свободы. – Он рассмеялся. – Говорят, управление метрополитена почти неделю не трогало этот кусок. Может, просто не до того было, но мне приятнее думать, что кому-то там понравилась моя работа.

Женева только что-то проворчала. Ей было что рассказать по этому поводу. Впереди виднелись леса вокруг здания, где она работала до увольнения. Как бы ему понравилось, что ее работа заключалась в оттирании граффити? Может, она даже стерла какие-нибудь его куски. Ее так и подмывало рассказать, но она промолчала.

У первого работающего таксофона на бульваре Фредерика Дугласа она остановилась и начала рыться в поисках мелочи. Отец протянул ей сотовый.

– Не надо.

– Возьми.

Женева, словно не слыша, опустила несколько монет в аппарат и набрала номер Лакиши. Отец тем временем убрал мобильник в карман, отошел на край тротуара и принялся глазеть по сторонам.

В трубке раздался голос подруги:

– Алло?

Женева отвернулась.

– Киш, все закончилось.

Она рассказала про ювелирную биржу, про готовящийся теракт.

– Ничё се, вот дерьмо! Террористы? Я просто в шоке. Ты как сама?

– Нормально.

Женева услышала, как с ее подругой заговорил чей-то голос… мужской. Лакиша зажала трубку ладонью. Приглушенный обмен репликами походил на серьезную перепалку.

– Киш, ты там?

– Да-а.

– Кто там с тобой?

– Да так, никто. Ты теперь где? Не в прежнем подвале, надеюсь?

– Пока там же, где я тебе уже говорила: с тем детективом и его подругой. Помнишь, тот, в инвалидной коляске?

– Так ты у них?

– Нет, я сейчас в центре. Иду в школу.

– В школу? Сейчас?

– Надо забрать задания.

Киш помолчала.

– Короче, подруга, встретимся тогда в школе. Надо с тобой увидеться. Ты когда там будешь?

Женева обернулась на стоящего неподалеку отца: руки в карманах, по-прежнему озирает окрестности. Она решила пока никому о нем не говорить.

– Киш, давай отложим до завтра. Времени сейчас просто нет.

– Ну-у-у-у, подруга.

– Серьезно, лучше на завтра.

– Как скажешь.

Киш положила трубку, но Женева помедлила, не желая идти к отцу.

Наконец она вернулась к нему, и они продолжили свой путь к школе.

– Вон там, в трех-четырех кварталах, знаешь что было? – он показал рукой влево.

– Нет, – буркнула Женева.

– Я тебя как-нибудь туда свожу. Сто лет назад на том месте застройщик по фамилии Кинг отгрохал три огромные многоквартирки и целую кучу особняков. Нанял трех лучших в стране архитекторов. Чудные вышли домишки. Официально застройка называлась «Жилой квартал Кинга». Красивые здания, о дорогие. Уильям Хенди там обитал какое-то время. Знаешь его? Отец блюза, лучше музыканта в истории нет. Мне там доводилось писать кусок. Я не рассказывал? Баллонов тридцать извел, не меньше. Не какой-нибудь тэг кинул, а целых два дня старался… портрет самого Хенди. Даже в «Таймс» фотографию напечатали. Кусок долго оставался нетронутым…

Женева замерла на месте, хлопнула руками по бокам.

– Хватит!

– Жени, что такое?

– Просто хватит, и все. Слышать ничего не хочу.

– Но…

– Мне глубоко плевать на все, о чем ты рассказываешь.

– Я понимаю: ты на меня злишься, детка. Неудивительно после всего. Послушай, я сделал ошибку… – Голос его сорвался. – Но это в прошлом. Я изменился, все теперь будет у нас по-другому. Впредь для меня главное – ты, я уже не такой, как был, когда жил с твоей матерью. Тебя мне и следовало спасать в первую очередь… только не той глупостью, за которую я отправился в Буффало.

– Да нет же! Ты не понимаешь! Дело не в том, что ты сделал – мне противен весь этот мир, которым ты живешь. Мне плевать на этот твой квартал Кинга, плевать на «Коттон-клаб», на гарлемский Ренессанс. Мне не нужен твой Гарлем, терпеть его не могу. Здесь сплошь оружие,

наркотики, изнасилования. Тебя могут ограбить ради дешевых позолоченных побрякушек или пояса для похудания. У девчонок на уме только одно: чьи косички и дреды круче. А…

– …а на Уолл-стрит процветают инсайдерские спекуляции, в Нью-Джерси – мафия, в Весчестере люди живут в трейлерных парках.

Женева его не слушала.

– Парни думают только о том, как бы затащить девчонку в постель. Люди, которые на нормальном языке разговаривать не умеют…

– Что плохого в ААПД?

Женева запнулась.

– Откуда ты про него знаешь?

Джакс сам никогда не пользовался языком гетто – отец всегда следил, чтобы сын прилежно учился (по крайней мере пока тот не забросил школу и не начал портить городскую собственность). Однако большинство обитателей Гарлема и не подозревали, что официально их манера общения называется афро-американским просторечным диалектом.

– Я доучивался, пока мотал срок. Получил свидетельство о среднем образовании, даже сдал год колледжа.

Женева промолчала.

– В основном по языковой части. Вряд ли такое образование поможет найти работу, но меня и раньше привлекали слова. Помнишь, я всегда любил книги. Я тебя и читать научил… Изучал нормативный английский и просторечный диалект тоже. Ничего зазорного я в нем не вижу.

– Но ты им не пользуешься, – резко сказала Женева.

– Я вырос в семье, где говорили на нормативном. Вот по-французски и на мандинго я тоже не говорю.

– Мне тошно на каждом шагу слышать кривой английский. Отец только пожал плечами:

– Многое из того, что сейчас считается просторечием, было нормой для староанглийского. Даже знать так разговаривала, и в Библии часто встречаются такие слова. Это вовсе не диалект чернокожих, как многие уверяют. Кое-что живет в языке еще со времен Шекспира.

Женева рассмеялась:

– Да-да, попытайся найти работу со знанием ААПД.

– Ну а если, к примеру, на то же место претендует какой-нибудь француз или, скажем, русский? Думаешь, босс не даст им возможности показать себя в деле? Выслушает, что они о себе скажут, посмотрит, стараются ли, хорошо ли соображают, и не важно, на каком английском они говорят. Другое дело, если наниматель использует манеру речи как предлог, чтобы отказать человеку в работе. – Он усмехнулся. – В ближайшие несколько лет ньюйоркцам стоит подумать о том, чтобы выучить испанский или китайский. Чем ААПД хуже?

Его рассуждения только сильнее разозлили Женеву.

– Жени, мне нравится наш диалект. Для меня он звучит естественно, дает мне чувство того, что я свой. Послушай, ты справедливо обижаешься на меня за то, что я натворил. Но не стоит обижаться на то, кто я есть и откуда мы происходим. Здесь наш дом. А ты знаешь, что делать со своим домом: менять то, что требует перемен, и гордиться тем, чего изменить не в силах.

Женева зажмурилась, закрыла лицо руками. Долгие годы она мечтала, чтобы кто-нибудь из родителей был рядом. Ну пусть не оба, так хоть один человек ждал бы ее из школы, проверял уроки, будил по утрам. А когда она худо-бедно привыкла жить в одиночестве, решила во что бы то ни стало вырваться из этого Богом забытого места, прошлое вдруг настигает ее и начинает вертеть, душить и утягивать за собой.

– Только мне не этого надо, – прошептала она. – Я хочу большего, чем здешний бардак. – Она обвела рукой вокруг себя.

– Женева, детка, я прекрасно тебя понимаю. Я только рассчитываю, что мы поживем здесь еще пару лет вместе, пока ты не упорхнешь в большой мир. Позволь мне восполнить то, чего мы с матерью тебе недодали. Ты достойна всего на свете… Но, милая, скажи: ты можешь назвать хоть одно место, где все идеально? Где улицы вымощены золотым кирпичом? Где каждый любит своего соседа? – Он усмехнулся: – Говоришь, что вокруг бардак? Чертовски верно подмечено. Только, детка, где бардака нет?

Он обхватил ее за плечи, притянул к себе. Женева напряглась, но отстраняться не стала. Они продолжили путь к школе.

Лакиша Скотт сидела на скамейке в парке Маркуса Гарви уже полчаса после смены в ресторане, где работала официанткой.

Закурив очередную сигарету, она подумала: «Есть то, что мы делаем, потому что нам хочется, а есть то, что нам приходится делать. Вопрос выживания».

И сейчас она готовилась к тому, что сделать придется.

Какого хрена?! Женева могла бы просто сказать, что после такой передряги собирается уехать к чертовой матери из Нью-Йорка и больше не возвращаться!

Куда когти рвешь? В Детройт или Алабаму?

Киш, извини, но больше мы не увидимся. В смысле уже никогда. Прощай.

И никаких бы тогда проблем.

Ну почему-почему-почему?..

Так нет же, ей надо было точно сказать, где ее можно найти в ближайшие часы. Теперь у Киш нет повода ее упустить. Конечно, говоря с Женевой по телефону, Киш сыпала уличными словечками, чтобы та ничего не заподозрила. Но сейчас, сидя здесь наедине с собой, Киш погружалась в отчаяние.

Черт, как же погано.

Но выбора нет.

«Вопрос выживания…»

Ну давай, подруга, надо себя преодолеть. Вперед, заведись и не останавливайся…

Она затушила окурок, вышла из парка и направилась сначала на запад, затем на север вдоль вереницы церквей: пятидесятнических, адвентистских, а больше просто баптистских.

И еще лавки и магазины: «Папая-кинг», шаманская лавка, прокат смокингов, точка обналичивания чеков. Она миновала гараж таксистов, где у ворот сидел толстый владелец-цыган, держа в руках перемотанную изолентой рацию, шнур от которой терялся где-то в сумраке офиса. Как же она им завидовала: пасторам за давно не мытыми стеклами под

неоновыми крестами, беззаботным торговцам, сующим хот-доги в горячие булки, этому толстяку на стареньком стуле.

Им никого предавать не надо.

Тем более – лучшую подругу.

Она пощелкивала жвачкой, покрепче обхватывая ремешок сумочки пухлыми пальцами с черно-желтыми кончиками ногтей, стараясь в открытую не поглядывать на трех подростков-доминиканцев.

Присвист.

Она уловила «пердак». И еще «сучка».

Снова свист.

Киш опустила в сумочку руку, сжала складной нож. Уже хотела откинуть лезвие, просто чтобы посмотреть, как они отскочат, увидев длинное острое лезвие. Свирепо на них уставилась, но нож открывать не стала, решив, что неприятностей будет еще с избытком, когда она доберется до школы. А пока надо полегче.

Свист за спиной.

Не сбавляя шага, она пошла дальше, пальцами лихорадочно разрывая обертку жвачки. Сунув в рот две фруктовые пластинки, Лакиша изо всех сил попыталась себя разозлить.

Давай, заведись, подруга. Вспомни все, что тебя бесит в Женеве, что такого есть в ней, а у тебя никогда не было и не будет. Ее сообразительность – вот что может задеть. А еще она ни одного урока не пропустит, умудряется держать фигурку беленькой девочки и не выглядеть при этом спидозной шлюхой, не разводит ни перед кем ноги и других отговаривает, как какая-нибудь ханжа.

Словно она лучше всех остальных.

Да нисколечко! Одна из многих, у кого мамаша загнулась на крэке, а папаша бросил семью ради очередной юбки. Такая же, как мы все.

Или эта ее манера уставиться прямо в глаза и сказать: «Подруга, ты справишься, справишься, справишься… Ты можешь отсюда выбраться, перед тобой целый мир».

Так вот тебе мое мнение, стерва: иногда без посторонней помощи не справиться. Иногда это просто невыносимо, и тебе нужен кто-то, у кого есть бабки, кто мог бы за тобой приглядеть.

На мгновение ненависть к Женеве вспыхнула с новой силой, пальцы еще сильнее вцепились в ремешок сумочки.

Но удержать гнев она не смогла. Он улетучился, вылетел из нее, словно облачко коричневатой присыпки, которой она пудрила попки своих двойняшек-кузенов, когда меняла подгузники.

Словно на автопилоте, Лакиша шла мимо «Ленокс-террас» к школе, где скоро должна была появиться Женева, убеждаясь, что взвинчивать себя бесполезно.

Остается рассчитывать на инстинкт. Бывает – иначе нельзя: надо позаботиться о себе и соглашаться на то, что тебе предлагают.

Вопрос выживания…

Глава 37

В школе Женева забрала задания на дом. И кто бы мог подумать – для доклада по культуре речи ей достался роман Клода Маккея «Возвращение в Гарлем». Книга тысяча девятьсот двадцать восьмого года, ставшая первым бестселлером, который написал черный автор.

– Можно, я лучше возьму что-нибудь из Эдварда Каммингза? Или Джона Чивера? – спросила она.

– Жен, эта книга в программе по афроамериканской традиции, – с улыбкой заметил ее учитель литературы.

– Тогда Фрэнка Йерби или Октавию Батлер, – не сдавалась Женева.

– О, авторы замечательные, – ответил учитель, – но они не пишут о Гарлеме, а тема в этом разделе как раз о нем. Но я рассчитывал, что ты с удовольствием возьмешься за Маккея. Он один из наиболее полемичных представителей Ренессанса, его много ругали за то, что он писал о неприглядной стороне Гарлема. Такой подход очень тревожил Дюбуа и других мыслителей того времени. Тема как нельзя лучше тебе подходит.

«Может, папаша разобраться поможет, – с издевкой подумала Женева, – раз уж так обожает Гарлем и то, как здесь говорят».

– Ты начни. А там, может, самой понравится, – сказал учитель.

«Да нет, это вряд ли», – подумала девушка.

Выйдя из школы, Женева вернулась к отцу. Вместе они дошли до автобусной остановки и разом зажмурились, когда холодный порыв ветра закрутил вокруг них облако пыли. У них установилось своего рода перемирие. Женева даже согласилась сходить с отцом в какой-то ямайский ресторанчик, который он мечтал посетить все последние годы.

– Может, его там и нет уже, – заметила девушка.

– Не знаю. Но уверен, что-нибудь подвернется. Обещаю, что будет здорово.

– У меня мало времени. – Она поежилась от вечерней прохлады.

– Ну где этот чертов автобус? – сказал отец.

Женева посмотрела через дорогу, нахмурилась. О нет… Лакиша. Как всегда, в своем стиле. Как будто она не с ней разговаривала, все равно прискакала.

Киш помахала рукой.

– Кто это? – поинтересовался отец.

– Подруга моя.

Лакиша бросила сомнительный взгляд на отца Женевы и поманила ее рукой.

В чем опять дело? Лицо Лакиши сияло улыбкой, но на уме у нее явно что-то было. Может, ее смущало присутствие рядом с Женевой взрослого незнакомца?

– Подожди здесь, – бросила она отцу и направилась к Лакише. Та заморгала и судорожно вздохнула. Затем, расстегнув сумочку, запустила в нее руку.

«Это еще что за новость?» – удивленно подумала Женева. Она пересекла улицу, остановилась у края бордюра. Киш замешкалась, затем подступила ближе.

– Жен… – Она помрачнела.

Женева нахмурила брови.

– Что…

Киш замерла на месте, когда за спиной подруги на противоположной стороне улицы остановилась машина. Женева обернулась, удивленно моргая. За рулем сидела миссис Бартон, школьный консультант. Она жестом подозвала девушку к себе. Женева помедлила, сказала Киш подождать минутку и подошла к машине.

– Привет, Женева. Не успела застать тебя в школе.

– Здрасьте, – осторожно сказала Женева, гадая, много ли та знает о ее родителях.

– Помощник мистера Райма мне сообщил, что человек, который на тебя покушался, пойман и вернулись твои родители.

– Только отец. – Она указала на него рукой. – Вон он как раз стоит.

Женщина-консультант внимательно оглядела крупного мужчину в заношенной футболке и куртке.

– И что, все нормально?

Издалека за их разговором мрачно наблюдала Лакиша. Она казалась еще тревожнее, чем прежде. Во время телефонного разговора голос ее звучал бодро, но сейчас Женеве в голову пришла мысль, что ее подруга ломала комедию. И что это был за парень, с которым она говорила?

«Да так, никто…»

Ну-ну.

– Женева? – Голос миссис Бартон. – Что с тобой?

Она повернулась к женщине:

– Простите. Все в порядке.

Миссис Бартон снова внимательно изучила ее отца, затем вновь посмотрела на Женеву. Та отвела взгляд.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– Мм-м?..

– Что на самом деле тут происходит?

– Я не…

В такой ситуации правду скрывать бессмысленно, рано или поздно она все равно выплывет наружу.

– Ну хорошо, миссис Бартон. Я должна извиниться. Мой отец никакой не профессор. Он только что освободился из заключения.

– Тогда с кем ты все это время жила?

– Одна.

Женщина кивнула. В ее взгляде не читалось ни малейшего осуждения.

– А твоя мать?

– Умерла.

Миссис Бартон нахмурилась:

– Сожалею… Теперь он будет о тебе заботиться?

– Этого мы еще не решили. Он вроде бы все свои действия должен согласовывать через суд. – Женева рассчитывала выиграть время, у нее уже зародился смутный план: формально о ней будет заботиться отец, а жить она будет отдельно. – Ближайшие несколько дней я останусь в доме мистера Райма и Амелии.

Женщина снова бросила взгляд в сторону ее отца. Тот улыбнулся.

– Ситуация не совсем обычная.

– В приют вы меня не упрячете, – с вызовом бросила в ответ Женева. – Я не брошу того, чего добивалась. Все равно сбегу. Я…

– Ну-ну, успокойся. – Женщина улыбнулась. – Не будем принимать поспешных решений. Ты и так натерпелась. Обсудим все через несколько дней. Куда тебе сейчас надо?

– К мистеру Райму.

– Я подвезу.

Женева жестом подозвала отца. Тот неторопливо подошел к машине, и Женева представила их друг другу.

– Рад познакомиться, мэм. И спасибо, что приглядывали за Женевой.

– Давайте, садитесь в машину.

Женева посмотрела через дорогу, Киш по-прежнему стояла на месте.

– Надо ехать. Я тебе позвоню. – Она приложила к голове руку, изображая мобильник.

Лакиша неуверенно кивнула, вынула руку из сумочки.

Следом за отцом Женева забралась на заднее сиденье, через заднее стекло бросила взгляд на угрюмое лицо Киш.

Затем миссис Бартон выехала на дорогу, и отец снова принялся за свой нелепый урок об истории Гарлема…

– А знаете, однажды я сделал кусок про братьев Кольер. Гомер и Лэнгли жили на пересечении Сто двадцать восьмой и Пятой. Оба затворники, престранные люди. Были в ужасе от преступности на улицах Гарлема, завалили входную дверь у себя в квартире, понатыкали вокруг всяких ловушек. Ни разу ничего не выбросили. Одного завалило горой газет, которые он же нагромоздил. Когда они умерли, полиция вывезла из их квартиры тонны мусора. Когда-нибудь о них слышали? – спросил он.

Миссис Бартон сказала, что вроде бы что-то слышала.

– Нет, никогда, – ответила на вопрос Женева. И мысленно добавила: «Спроси еще, кого это интересует».

Линкольн Райм просматривал поступившие недавно отчеты по образцам, попутно инструктируя Мэла Купера, что делать с уликами, собранными на месте взрыва.

Команда федералов по наводке Делрея выследила Джона Эрла Уилсона, чьи отпечатки нашли на радиоприемнике в квартире Бойда. Его взяли и скоро должны были доставить к Райму для допроса, чтобы подкрепить его показаниями обвинение против Томпсона Бойда.

В этот момент у Белла зазвонил телефон. Он нажал кнопку ответа.

– Белл слушает… Луис? Что случилось?

Он стал слушать, слегка склонив набок голову. «Луис…»

Звонил Мартинес, которого отрядили присмотреть за Женевой и ее отцом, когда те отправились от Райма в школу Лэнгстона Хьюза. В том, что Алонсо Джексон – ее отец, сомнений ни у кого не было. Никто также не сомневался, что террорист действовал в одиночку. Однако это не

означало, что Белл с Раймом позволят Женеве в ближайшее время разгуливать без всякой защиты.

Что-то было не так, Райм видел это по глазам Белла. Тот обратился к Куперу:

– Нужно срочно проверить, на кого зарегистрирована машина с таким номером. – Он записал цифры на отрывном листке и передал его эксперту.

– Что происходит? – спросила Сакс.

– Женева с отцом стояли на автобусной остановке около школы. К ним подъехал автомобиль, и они в него сели. Луис такого не ожидал и не успел вовремя перебежать улицу, чтобы их задержать.

– Машина? Кто был за рулем?

– Грузная чернокожая женщина. Судя по его словам, напоминает ту консультантшу из школы – миссис Бартон.

Райм подумал, что беспокоиться не стоит. Скорее всего она просто заметила их на остановке и предложила подвезти.

На монитор компьютера начала выходить информация из дорожной полиции.

– Ну что там, Мэл? – спросил Райм.

Купер, прищурив глаза, уставился на экран, набрал что-то на клавиатуре, повернулся к Райму. За толстыми линзами очков его глаза показались огромными.

– Проблема. Большая проблема.

Медленно пробираясь по улицам в вечернем потоке транспорта, миссис Бартон углублялась все дальше к центру Гарлема. Проезжая мимо очередной перестраиваемой многоэтажки, она сбросила скорость.

Отец покачал головой.

– Вы только взгляните. – Он кивнул на рекламный щит и невесело усмехнулся. – Банки, стройфирмы, архитекторы. Готов поспорить, что среди владельцев ни одного чернокожего.

Опять за свое. Женеве хотелось заткнуть уши. Занудный скулеж о прошлом…

Женщина посмотрела в сторону стройки, пожала плечами:

– Сейчас такое тут на каждом шагу.

Она притормозила и свернула в переулок, вдоль которого с одной стороны тянулись пустые дома под снос, с другой – глубокий строительный котлован.

– Короткая дорога, – пояснила миссис Бартон в ответ на вопросительный взгляд отца.

Тот огляделся.

– Короткая дорога?

– Так минуем заторы в южном направлении.

Отец снова огляделся, прищурив глаза. Затем неожиданно рявкнул: «Дерьмо!»

– Отец! – вырвалось у Женевы.

– Я хорошо знаю этот квартал. Дорога впереди перекрыта: там сносят какую-то старую фабрику.

– Вовсе нет, – подала голос миссис Бартон. – Я по ней проезжала в школу…

Джакс схватил рычаг ручного тормоза, до упора дернул его вверх, затем вывернул руль влево. С диким скрежетом машина прижалась боком к кирпичной стене.

Затем вцепился в руку женщины и заорал:

– Детка, она заодно с ними! Выбирайся! Беги!

– Нет, отец! Ты с ума сошел! Ты…

Но тут в подтверждение его слов в руке женщины появился пистолет. Она направила дуло на Джакса и нажала на спусковой крючок. Отец удивленно моргнул, дернулся и руками зажал рану.

– Вот черт, – пробормотал он.

Женева отпрянула от разворачивающегося в ее сторону серебристого пистолета. За мгновение до того, как раздался выстрел, кулак отца с размаху врезался в скулу женщины. Лицо Женевы обожгло горячими крупинками пороха. Пуля, не задев ее, раздробила заднее окно машины на тысячи крошечных стеклянных кубиков.

– Детка, беги! – прохрипел отец и повалился на приборную доску.

«А ну-ка навалим ей! Давай, прессуй эту сучку!..»

Всхлипывая, Женева пролезла сквозь разбитое окно и упала на землю. Кое-как поднялась и со всех ног бросилась по наклонному скату в сторону темнеющего котлована.

Глава 38

Алина Фрейзир – женщина, выдающая себя за психолога-консультанта Патрицию Бартон, – была не столь хладнокровна, как ее напарник. Томпсон Бойд обладал поистине ледяным спокойствием, его ничто не выбивало из колеи. Алина же всегда была эмоциональной. Взбешенная, изрыгая ругательства, она протиснулась мимо обмякшего Джакса, почти вывалилась из машины и оглядела переулок в поисках девушки.

Ее бесило, что Бойд оказался в тюрьме, что девчонка вот-вот улизнет.

Куда эта малолетняя стерва подевалась?..

Справа мелькнуло что-то серое: Женева крадучись выскользнула из-за облупленного синего бака. Пыхтя, женщина бросилась ее догонять. Несмотря на свой немалый вес, она двигалась быстро. Одних тюрьма делает слабыми, других превращает в камень. Алина предпочла выбрать последнее.

В начале девяностых Фрейзир была вожаком девчоночьей банды в Верхнем Ист-Сайде. Туристки и местные, настороженно относящиеся к бандам мальчишек, на группу бойких «сестренок» с модными сумками внимания не обращали… пока на них не наставляли нож или пистолет, и богатенькие стервы тут же расставались с кошельками и драгоценностями. После нескольких исправительных сроков в колонии для подростков Алина загремела в тюрьму за непреднамеренное убийство. Обвиняли в убийстве при отягчающих, но прокурор ничего не смог доказать. Освободившись, она вернулась в Нью-Йорк, где через своего сожителя познакомилась с Бойдом. Когда она бросила говнюка, с которым жила, Бойд снова ее нашел. Сначала она решила, что тот просто повелся на чернокожую девочку, но, приняв предложение выпить вместе чашечку кофе, поняла, что речь пойдет совсем о другом. Бойд оглядел ее

своими жуткими, мертвыми глазами и сказал, что ему нужна напарница. Интересует ли ее такое предложение?

«Что за дела?» – спросила она, полагая, что речь идет о торговле наркотиками, оружием, краденой техникой.

Понизив голос, Бойд объяснил, чем занимается.

У нее едва не отвисла челюсть.

Затем он добавил, что с работенки за пару дней она будет иметь пятьдесят штук чистого навара.

Секундное колебание, и ее лицо расплылось в ухмылке: «Это по-деловому».

Убийство Женевы Сеттл сулило им в пять раз больше обычного. Цена, как оказалось, вполне справедливая, так как с более трудным делом они еще не сталкивались. После неудачного покушения в музее Бойд позвонил и попросил помочь (даже пообещал пятьдесят штук сверху, если она лично прикончит девчонку). Фрейзир, которая всегда была самой шустрой в бандах, придумала для себя роль школьного консультанта, сделала фальшивое удостоверение члена комиссии по образованию и принялась обзванивать гарлемские школы, говоря, что хочет побеседовать с кем-нибудь из учителей Женевы Сеттл. Ей пришлось выслушать больше десятка вариаций на тему «Простите, у нас нет такой ученицы», пока наконец в школе Лэнгстона Хьюза не ответили, что девушка действительно у них учится. Фрейзир тотчас нарядилась в дешевый брючный костюм, повесила на массивную грудь фальшивое удостоверение и заявилась в школу с таким видом, словно это ее частное владение.

Там она узнала о таинственных родителях девушки, о квартире на Сто восемнадцатой улице, а от детектива Белла и других копов – об особняке на Сентрал-парк-уэст и тех, кто обеспечивал охрану девчонки. Всю информацию она передавала Бойду, чтобы он мог корректировать план убийства.

Она пасла девушку у дома рядом с парком, пока это не стало рискованно из-за телохранителей. (Сегодня во второй половине дня там ее остановил патрульный экипаж, но копы не заинтересовались школьной консультантшей.)

Фрейзир уговорила охранника в школе дать ей пленку с камеры наблюдения и под таким предлогом проникла в особняк Райма, где выяснила еще некоторые детали, касающиеся девушки.

Затем Бойда арестовали: он с самого начала ей говорил, что полиция работает очень профессионально. Теперь обязанность завершить работу целиком лежала на Алине Фрейзир, если ей хотелось получить остаток гонорара в сто двадцать пять тысяч долларов.

Хватая ртом воздух, грузная женщина остановилась на пологой насыпи, которая вела с улицы на рабочий уровень котлована. Прищурилась против низкого солнца, пытаясь определить, куда исчезла малолетняя стерва. Ну давай, девочка, покажись!

Снова какое-то движение. Женева пробиралась к дальнему краю котлована, быстро переползая с места на место под прикрытием бетономешалок, бульдозеров, штабелей стройматериалов. Сейчас она скрылась за бочкой из-под машинного масла.

Встав в тень, чтобы солнце не слепило глаза, Фрейзир прицелилась в середину бочки и выстрелила. Громкий металлический дребезг – пуля попала в цель.

Ей показалось, что сразу за бочкой с земли брызнул фонтанчик пыли. Может, пуля прошла навылет и сквозь девчонку?

Но нет, та вскочила на ноги и метнулась к наваленным в кучу обломкам: кирпичи, булыжники, трубы. Когда она подпрыгнула, Фрейзир выстрелила снова.

Девчонка с пронзительным воплем кувыркнулась за стену мусора. В воздух что-то взметнулось. Песок? Каменная крошка? Кровь?

Попала она или нет?

Стреляла Фрейзир хорошо. Вместе со своим бывшим дружком, который возил оружие на продажу в Ньюарк, они провели немало времени, отстреливая крыс в заброшенных домах на краю города. Проверяли товар. Ей показалось, что на этот раз она точно попала. Однако ждать, стоя на месте, было бы глупо: выстрелы наверняка кто-нибудь слышал. Некоторые, конечно, не придадут им значения, другие решат, что рабочие на площадке до сих пор возятся с тяжелым оборудованием. Однако несколько добропорядочных граждан, возможно, в это самое мгновение набирают 911.

Значит, надо проверить…

Она начала медленно спускаться по грузовому пандусу, стараясь удержаться на ногах, – уклон был очень крутой. Вдруг сзади и сверху, со

стороны переулка, завыл автомобильный гудок. Звук исходил от ее машины.

Твою мать! Значит, отец девчонки все еще жив.

Она постояла, не зная, что делать, затем решила: пора убираться отсюда к чертовой матери. Надо добить папашу. Женева скорее всего серьезно ранена и долго не протянет. Даже если ее не задело, возможностей представится еще уйма.

Чертов гудок… Он, казалось, производил больше шума, чем сами выстрелы, и наверняка привлечет внимание. Что еще хуже, из-за него не услышишь звука полицейских сирен.

Фрейзир, тяжело дыша, выбралась по склону обратно на улицу, взглянула на машину и нахмурилась: внутри никого не было. В сторону ближайшего переулка тянулся кровавый след и обрывался там, где лежало его тело. Фрейзир заглянула в салон. Вот оно что: перед тем как уползти, он достал домкрат и упер его в сигнальную панель на руле.

Фрейзир со злостью рванула домкрат на себя.

Пронизывающий вой прекратился.

Бросив домкрат на заднее сиденье, она повернулась к лежащему неподалеку мужчине. Мертв или нет? Без разницы, долго ему теперь не жить. Она пошла в его сторону, держа в опущенной руке пистолет. Затем вдруг остановилась, нахмурив брови… Как мог смертельно раненный человек открыть багажник, открутить закрепленный домкрат, упереть его в спинку сиденья, а другим концом в руль?

Она начала оборачиваться.

И успела заметить размытое движение справа, услышать свист рассекаемого воздуха, прежде чем стальная монтировка с размаху рубанула ее по запястью. Пистолет отлетел в сторону, тело пронзила жуткая боль. Фрейзир вскрикнула, тяжело осела на колени и левой рукой потянулась за пистолетом. Не успела: Женева снова ударила ее монтировкой, на этот раз по плечу. Фрейзир откатилась на бок в сторону от пистолета. Ослепленная болью и яростью, она с ревом кинулась на девушку и сбила ее с ног.

Фрейзир повернулась туда, где лежал пистолет, сдавленно и натужно дыша. Женева подползла к ней, схватила за правую руку и вцепилась зубами в перешибленное запястье. Новая яркая вспышка боли. Здоровой рукой Фрейзир с размаху ударила девушку в челюсть. Женева

вскрикнула и беспомощно перекатилась на спину; из глаз брызнули слезы. Фрейзир тяжело поднялась на ноги, придерживая окровавленное запястье, и сильно пнула ее в живот. Женева согнулась пополам.

Стоя на нетвердых ногах, Фрейзир нашла взглядом пистолет, до которого было около десяти футов. К черту его – слишком просто. Монтировка куда лучше. Кипя злобой, она подобрала инструмент и пошла к Женеве. Занесла его, как дубинку, над головой. Девушка съежилась, закрыла лицо руками. Из-за спины неожиданно раздался голос:

– Не двигаться!

Фрейзир обернулась на рыжеволосую женщину-полицейского, которую видела в доме у калеки. Та медленно приближалась, держа в руках пистолет.

Алина Фрейзир глянула на валяющийся в стороне револьвер.

– Только дай мне повод, – сказала идущая на нее женщина. – Воспользуюсь с удовольствием.

Фрейзир разом ссутулилась, отбросила монтировку. Ноги ее подогнулись, и она уселась на землю, поддерживая на весу размозженную руку.

Женщина-полицейский приблизилась, пинком отшвырнула пистолет и монтировку. Тем временем Женева встала и на заплетающихся ногах побрела навстречу бегущим к ней санитарам; показала им в сторону лежащего на земле отца.

Со слезами боли на глазах Фрейзир выкрикнула:

– Мне нужна помощь!

– Придется встать в очередь, – пробормотала рыжеволосая, затягивая на запястьях убийцы пластиковую застежку. Затягивая, по мнению самой Фрейзир, очень щадяще, если учесть обстоятельства.

– Состояние стабильное, – объявил Лон Селлитто, который только что принял звонок дежурного офицера из Колумбийской пресвитерианской больницы. – Что это значит, он сам не знает, но вы меня слышали.

Услышав такую новость о состоянии Джакса, Райм кивнул. Что бы ни значило это «стабильное», по крайней мере тот выжил, и Райм был ему безмерно благодарен. Ради Женевы.

Девушка отделалась синяками и царапинами. В больнице ей оказали первую помощь и отпустили.

Им удалось спасти ее от сообщницы Бойда буквально в последний миг. Когда Мэл Купер проверил номер автомобиля, который подобрал Женеву с отцом на автобусной остановке, выяснилось, что он зарегистрирован на некую Алину Фрейзир. Проверка имени по основным базам штата и НЦИП показала, что за женщиной числится целый ряд преступлений: убийство в Огайо, два вооруженных нападения в Нью-Йорке и целая уйма разбоев, совершенных еще в подростковом возрасте.

Селлитто объявил ее автомобиль в перехват всем дежурным постам в районе. Вскоре патрульный из дорожной полиции сообщил, что машину видели в Южном Гарлеме, около дома, готовящегося под снос. Примерно там же люди слышали выстрелы. Амелия Сакс тут же запрыгнула в свой «камаро» и понеслась к месту предполагаемого покушения, где как раз вовремя перехватила убийцу, которая вот-вот забила бы девушку до смерти.

Алину Фрейзир допросили, но она оказалась не разговорчивее своего напарника. Райм предположил, что она боится Томпсона Бойда, у которого в тюрьмах давние связи.

Грозит ли Женеве теперь опасность? Скорее всего нет. Оба киллера под арестом, заказчика разорвало на куски. Сакс обыскала квартиру Алины Фрейзир, нашла оружие и наличность, но никаких указаний на других сообщников или заказчиков. Джона Эрла Уилсона, бывшего заключенного из Нью-Джерси, который изготовил найденную на последней квартире Бойда мину-ловушку, сейчас везли к Райму. Криминалист надеялся, что его показания подтвердят их выводы. Тем не менее Белл и Райм решили пока приставить для охраны Женевы дополнительный патрульный экипаж.

Сейчас один из компьютеров в лаборатории Райма приветливо защебетал, и Мэл Купер уставился на монитор.

– Так-так, вот и разгадка тайны, – сказал он, читая электронное сообщение.

– О какой тайне, позвольте спросить, идет речь? – с заметным раздражением осведомился Райм. Как обычно, когда дело близилось к завершению, предвещая неизбежную скуку, его и без того переменчивое настроение стремительно ухудшалось.

– О «Винскински».

Слово из языка индейцев, выгравированное на кольце, которое Сакс обнаружила на пальцевых костях под обугленными останками «Поттерс-Филд».

– И?

– Сообщение пришло от профессора Мэрилендского университета. Делаварское слово «Винскински» служило званием в иерархии «Таммани-Холл».

– Званием?

– Своего рода смотритель в студенческом братстве. Босс Твид был «Грэнд сахем» – большой начальник. А наш славный малый, – Купер кивнул на череп с костями, которые Сакс нашла в подземном колодце, – был «Винскински», то есть привратник.

– «Таммани-Холл»... – Райм задумчиво покивал, мысленно возвращаясь в Нью-Йорк девятнадцатого столетия. – А Твид был завсегдатаем «Поттерс-Филд». Значит, за ложным обвинением Чарлза скорее всего стояли он и партийная машина «Таммани-Холл».

Он велел Куперу внести в таблицу последние факты по делу. Затем некоторое время пристально их изучал и наконец кивнул:

– Отлично.

Селлитто дернул плечами.

– Линк, дело можно считать закрытым. Киллеры за решеткой, террорист мертв. Что такого, отличного может быть в том, что случилось сто лет назад?

– Не сто, а почти сто сорок, Лон. Давай будем точными. – Хмурясь, Райм напряженно посмотрел на доску с записями, на карты местности... безмятежное лицо «Повешенного». – И отвечая на твой вопрос: ты ведь знаешь, как я терпеть не могу, когда что-то не сходится.

– Ну да. Только что, по-твоему, тут не сходится?

– Я о тайне Чарлза Синглтона. Пусть она не имеет отношения ни к конституционным поправкам, ни к террористам, все равно крайне любопытно, в чем она состоит. Я думаю, нам следует это выяснить.

МЕСТО ВЗРЫВА ГРУЗОВОГО ФУРГОНА

• Автомобиль зарегистрирован на имя Бани Аль-Дахаба (см. словесный портрет).

• Использовался для развоза готовых блюд по ресторанчикам и лоткам, специализирующимся на средневосточной кухне.

• Обнаружено письмо, указывающее на лицо, ответственное за теракт на ювелирной бирже. Бумага идентична ранее найденным образцам.

• Извлечены компоненты взрывного устройства: следы рабочего вещества «Товекс», провода, батарейка, радиоуправляемый детонатор, фрагменты оболочки, почтовая коробка.

ДОМ И ОСНОВНАЯ КОСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ТОМПСОНА БОЙДА

• Вновь обнаружены следы фалафеля, йогурта и оранжевой краски.

• Наличность на сумму 100 тыс. долларов в новых купюрах (гонорар за убийство!). Отследить невозможно. Вероятно, снималась мелкими суммами на протяжении времени.

• Оружие (пистолеты, дубинка, веревка) соответствует образцам с прежних мест преступлений.

• Цианид и кислота идентичны ранее найденным образцам; производителя установить невозможно.

• Мобильного телефона не найдено. Проверка звонков с остальных телефонов результатов не дала.

• Инструменты соответствуют образцам с прежних мест преступлений.

• Из содержания найденной записки сделан вывод, что Ж. Сеттл хотели убить, так как она стала свидетелем готовящегося ограбления ювелирной биржи. В бумаге вновь найдены следы чистого углерода, идентифицированы как алмазная пыль.

• Копия записки отправлена для экспертной оценки Паркеру Кинкейду в Вашингтон, округ Колумбия.

• Родной язык автора, вероятно, арабский.

• В качестве охранной ловушки использовано самодельное взрывное устройство. Найденные отпечатки принадлежат ранее судимому за изготовление подобных устройств Джону Эрлу Уилсону.

• Местонахождение установлено.

Ожидается для проведения допроса.

«ПОТТЕРС-ФИЛД» (1868)

• Таверна на Холмах Висельника. Находилась на территории современного Северного Вест-Сайда; в 60-х годах XIX века район смешанного типа.

• Вероятно, была местом сходок Босса Твида и других коррумпированных нью-йоркских политиков.

• Чарлз приходил в таверну 15 июля 1868 г.

• Сгорела вскоре после взрыва, предположительно сразу после визита Чарлза. Возможно, поджог ради сохранения тайны.

• В подвале найдены останки мужчины, предположительно убитого Чарлзом Синглтоном.

• Жертва была застрелена из армейского «кольта» калибра 36 пулей калибра 39 (такое оружие было у Чарлза).

• Найдены золотые монеты.

• Убитый был вооружен маленьким крупнокалиберным пистолетом типа «дерринджер».

• Личность не установлена.

• Найдена золотая печатка с выгравированным на ней словом «Винскински».

• На языке индейского племени делаваров слово означает «страж» или «привратник».

• Ожидается информация по другим значениям слова.

• Также означало официальное звание в иерархии политической машины «Таммани-Холл» во главе с Боссом Твидом.

ПОРТРЕТ ОБЪЕКТА 10-9

• Личность установлена. Имя: Томпсон Г. Бойд, бывший глава группы по исполнению приговоров в тюрьме Амарилло, штат Техас.

• Взят под стражу.

ПОРТРЕТ ЗАКАЗЧИКА

• Имя Бани Аль-Дахаб. Коренной саудовец. После окончания срока действия визы пребывал в США на нелегальном положении.

• Погиб.

• Обыск квартиры не выявил связей с другими террористическими ячейками.

Проверяются записи телефонных звонков.

• Изучаются связи нанимателей объекта на возможную причастность к террористическим организациям.

ПОРТРЕТ СООБЩНИКА ОБЪЕКТА 10-9

• Установлено, что ранее подозреваемый таковым не является.

Настоящий сообщник – Алина Фрейзир.

Взята под стражу.

• При обыске на квартире сообщницы найдены оружие и деньги. Других улик, относящихся к делу, не обнаружено.

ПОРТРЕТ ЧАРЛЗА СИНГЛТОНА

• Бывший раб, предок Ж. Сеттл. Женат, имел одного сына. Владел садом в штате Нью-Йорк, полученным в подарок от бывшего хозяина. Работал учителем. Стоял у истоков движения в защиту гражданских прав.

• В 1868 году обвинен в краже (по архивным материалам на похищенной микропленке).

• По собственному признанию, хранил некую тайну, которая, возможно, имеет отношение к текущему делу. Опасался, что, если тайну предать огласке, случится трагедия.

• Посещал собрания в нью-йоркском районе, ранее известном как Холмы Висельника.

• Возможно, участвовал в рискованных предприятиях.

• Вместе с Фредериком Дугласом и другими активистами содействовал принятию Четырнадцатой поправки к Конституции.

Приписываемое преступление, по материалам «Иллюстрированного еженедельника для цветных»:

• Арестован детективом Уильямом Симсом по обвинению в краже крупной денежной суммы из нью-йоркского Фонда для вольноотпущенных. По свидетельским показаниям, Чарлза видели выходящим из здания вскоре после того, как был взломан сейф.

Неподалеку были найдены принадлежащие ему инструменты – орудия взлома. Основную часть похищенного удалось вернуть.

Приговорен к пяти годам заключения.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Считалось, что Чарлз использовал свои связи с лидерами движения, чтобы получить доступ к средствам фонда.

Письма Чарлза:

• Письмо первое, адресовано жене.

Тема: бунты против призыва в 1863 году, вспышка ненависти по отношению к чернокожим в штате Нью-Йорк, линчевания, поджоги.

Угроза собственности, принадлежащей чернокожим.

• Письмо второе, адресовано жене.

Написано накануне битвы при Аппоматоксе в конце Гражданской войны.

• Письмо третье, адресовано жене.

Чарлз участвует в движении по защите гражданских прав. Получает угрозы. Обеспокоен необходимостью хранить тайну.

• Письмо четвертое, адресовано жене.

Отправился в «Поттерс-Филд», чтобы восстановить «справедливость».

Тяжкие последствия. Истина похоронена вместе с «Поттерс-Филд».

Необходимость хранить тайну причиняла душевные муки.

Часть V

Тайна вольноотпущенника

ОКТЯБРЬ, С ПЯТНИЦЫ 12-го ПО ПЯТНИЦУ 26-го

Глава 39

Белый мужчина пятидесяти четырех лет, одетый в костюм от братьев Брукс, сидел в одном из двух своих офисов на Манхэттене и напряженно размышлял. «Да или нет?»

Важный вопрос… В прямом смысле – вопрос жизни и смерти.

Подтянутый, плотного телосложения, Уильям Эшбери-младший откинулся на скрипнувшую спинку стула, созерцая пейзаж за окном. Офис, в котором он сейчас сидел, был не таким стильным и элегантным, как другой, в Южном Манхэттене, но зато самым любимым. Комната двадцать на тридцать футов находилась в историческом особняке «Сэнфорд», в Северном Вест-Сайде, само здание – собственность банка, в котором Эшбери занимал один из руководящих постов.

«Да или нет?» – размышлял он.

Эшбери был финансистом и предпринимателем старой школы, в том смысле, что, например, не клюнул на взмывшую до небес популярность Интернета и соответственно ничего не потерял на недавнем обвале акций высокотехнологических компаний. Такая устойчивость к сиюминутной моде, помноженная на крупные капиталовложения в «классические» отрасли и, в частности, в сектор нью-йоркской

недвижимости, принесла лично ему и всему «Сэнфорд банк энд траст» огромный доход.

Школа школой, но образа жизни он придерживался подобающего своему годовому доходу в миллион с лишним долларов плюс бонусы, достойные воротил с Уолл-стрит. Имел несколько частных домов, членство в солидных загородных клубах, двух хорошеньких образованных дочерей, регулярно вносил пожертвования в ряд благотворительных обществ. Особой изюминкой был собственный «грумман» для отнюдь не редких полетов за океан.

И все же Эшбери не был типичным дельцом со страниц «Форбс». Копни поглубже – наткнешься на крутого парня из Филадельфии, чей отец всю жизнь проработал на фабрике, а дедушка вел бухгалтерию у Анджело Бруно, а позже у Фила Тесты.[15] Сам Эшбери в молодости зарабатывал ножом и смекалкой и успел совершить немало такого, что в дальнейшем могло серьезно осложнить ему жизнь, не позаботься он надежно спрятать концы. Но в двадцать лет он сообразил, что, если и дальше заниматься рэкетом на задворках Филадельфии, единственное, что ему светит, – мелочь из кассы закусочной и шанс угодить за решетку. Занявшись более-менее тем же самым в мире большого бизнеса, он может сделать себе сказочное состояние и получить шанс на место в правительстве страны или штата. Или побороться за место мэра. В конце концов, почему бы и нет?

Он закончил вечерние курсы юрфака, обзавелся лицензией на торговлю недвижимостью и, наконец, попал в «Сэнфорд-банк». Начинал кассиром, постепенно поднимался по служебной лестнице. К нему потекли деньги, сначала тоненьким ручейком, позже – все более широким потоком. Он быстро поднялся до главы самого прибыльного отдела, занимающегося недвижимостью, используя уличную хватку, чтобы обойти конкурентов, как внутренних, так и внешних. Наконец ему удалось заполучить пост главы «Сэнфорд фаундейшн» – отделения банка, ведающего благотворительностью, где, как он узнал, можно было свести знакомство с политиками.

Эшбери вновь бросил задумчивый взгляд на пейзаж за окном.

«Да или нет?»

«Жизнь или смерть…»

Оставаясь в душе рэкетиром с Семнадцатой улицы в Филадельфии, Билл Эшбери теперь играл с людьми посолиднее.

Такими, как, например, Томпсон Бойд.

Его имя Эшбери узнал от одного поджигателя, который имел глупость несколько лет назад спалить здание, принадлежащее Эшбери, и попасться с поличным. Когда Эшбери понял, что должен убить Женеву Сеттл, он, наняв частного детектива, выследил досрочно освободившегося поджигателя и заплатил тому двадцать тысяч за знакомство с киллером-профессионалом. Патлатый засранец посоветовал Бойда.

Кандидат Эшбери впечатлил. Бойд оказался жутким до невероятия, но не как уличный громила. Дело было в его спокойствии, внутренней пустоте. В глазах ни разу не промелькнуло искорки чувства, с губ не сорвалось ни одного нецензурного слова.

Банкир объяснил, что ему нужно, и они сошлись на сумме оплаты – четверть миллиона долларов. Даже услышав такую цифру, Бойд и глазом не моргнул; его, похоже, заинтересовала (нельзя сказать «взволновала») возможность убить юную девушку, словно он этого еще никогда не делал.

Поначалу казалось, что Бойд вот-вот завершит дело и неприятностям Эшбери придет конец.

Затем – неожиданный крах: Бойда вместе с его сообщницей Фрейзир арестовали.

И теперь Эшбери размышлял: да или нет… Стоит ли ему самому убить девчонку.

С присущим ему подходом к делам он взвесил возможные риски.

В вопросах убийства Бойд разбирался, знал приемы расследования преступлений, умел подстроить мотив, чтобы пустить полицию по ложному следу. Придумал несколько вариантов, как сбить сыщиков с толку. Сначала – покушение на изнасилование, что не сработало. Вторая задумка оказалась изящнее: он посеял семена там, где они наверняка должны были дать всходы – террористическая угроза. На пару с сообщницей он нашел какого-то араба, который развозил закуски по лоткам и кафе в окрестностях ювелирной биржи – здания напротив того, где планировалось убить Женеву Сеттл. Бойд понаблюдал за ним и выяснил, на каком фургончике разъезжает араб. Затем вместе с помощницей изготовил ряд фальшивых улик, чтобы представить дело так, будто араб-неудачник решил взорвать биржу и заказал Женеву, потому что та видела, как он готовил теракт.

Бойд стащил обрывки офисной бумаги из мусорного бака позади ювелирной биржи. На одном он начертил карту улицы, на другом

написал записку-заказ на убийство Женевы, как ее написал бы араб (в этом помог веб-сайт по арабскому языку), чтобы запутать копов. Специально испачкал листки шаурмой и фалафелем. Он собирался оставить их на месте покушения, но все вышло даже удачнее: детективы нашли их на конспиративной квартире Бойда, что только придало правдоподобия теории о теракте.

Бойд не планировал усложнять шараду. Но затем из полиции сюда, прямо в здание фонда, заявилась эта чертова Сакс, чтобы порыться в архивах! Эшбери до сих пор вспоминал, как вынужден был, сохраняя беззаботное выражение, болтать с рыжеволосой. Только огромным усилием воли он сдержался и не спросил, что она ищет. Он позволил ей взять выбранные материалы, а когда она ушла, проверил записи по каталогу, но не нашел ничего настораживающего.

Тем не менее само ее появление здесь и тот факт, что она искала какие-то материалы, подсказало банкиру, что копы не взяли террористический след. Эшбери незамедлительно связался с Бойдом и велел добавить истории достоверности. Киллер купил самодельную бомбу у поджигателя, который их свел, и подложил ее в фургончик араба вместе с письмом, адресованным «Таймс» – каким-то напыщенным бредом насчет сионистской угрозы. Сразу после этого Бойда арестовали, но его сообщнице, чернокожей женщине из Гарлема, удалось привести бомбу в действие, и полицейские наконец заглотили наживку о теракте.

Атак как араб погиб, с девчонки должны снять защиту.

Что давало возможность Алине Фрейзир доделать работу.

Но копы и здесь ее обошли, взяли на месте покушения.

Теперь оставался главный вопрос: верят ли копы, что теперь девушке больше ничего не грозит?

Он решил, что если они и не поверили до конца, то бдительность, во всяком случае, потеряли.

Какова, следовательно, степень риска попробовать самому?

Минимальна.

Женева Сеттл умрет.

Остается найти возможность. Бойд говорил, что она куда-то перебралась из квартиры в Гарлеме. Единственная зацепка – ее школа.

Эшбери спустился в фойе. Затем пешком дошел до Бродвея, отыскал телефон-автомат. («Всегда пользоваться таксофонами, никаких абонентских линий. И уж тем более сотовых». Спасибо Томпсону.)

Узнав номер в справочной службе, он позвонил в школу.

– Школа Лэнгстона Хьюза, – ответил из трубки женский голос.

Эшбери посмотрел на стоящий неподалеку грузовой фургончик и сказал секретарше:

– Говорит детектив Стив Мейси из полицейского управления. Мне надо связаться с кем-нибудь из администрации.

Через секунду его переключили на заместителя школьного директора.

– Чем могу быть полезен? – раздраженно спросил мужчина. Вдалеке слышался гул не менее дюжины голосов. (Эшбери терпеть не мог школу, когда учился.)

Банкир снова представился полицейским, затем сказал:

– Я занимаюсь доследованием инцидента с участием одной из ваших учениц. Женевы Сеттл, кажется?

– Ах да, это та, что проходит свидетелем, правильно?

– Точно. Мне надо привезти ей кое-какие бумаги. Окружной прокурор будет предъявлять обвинение некоторым участникам дела, и нам потребуется ее подпись под свидетельскими показаниями. Могу я с ней поговорить?

– Разумеется, одну минуту. – Последовала пауза, пока мужчина спрашивал у кого-то про расписание девушки. Эшбери услышал, что ее не будет, затем голос в трубке вернулся. – Сегодня она освобождена от занятий. Будет в понедельник.

– Вот как, она сейчас дома?

– Подождите минуточку…

Другой голос принялся что-то объяснять.

«Ну пожалуйста…» – мысленно умолял Эшбери.

В трубке вновь раздался голос замдиректора:

– Один из ее учителей предположил, что она сегодня в «Колумбии», готовит материал для доклада.

– Вы имеете в виду университет?

– Да. Попробуйте дозвониться до профессора Матерса. Простите, но имени сказать не могу.

Голос звучал рассеянно, но чтобы не дать собеседнику повода перезвонить в полицию и проверить легенду, Эшбери небрежно сказал:

– Ну тогда вот что, я просто позвоню офицерам, которые ее охраняют. Спасибо.

– Да, всего доброго.

Эшбери повесил трубку, оглядывая оживленную улицу. Он хотел только узнать ее адрес, но теперь дело выглядело еще проще… Хотя директор не удивился, когда Эшбери упомянул охрану. Значит, она по-прежнему под присмотром. Придется это учесть. Он позвонил в приемную университета, где ему сообщили, что профессор Матерс будет на месте с часу до шести дня.

Как долго там пробудет Женева? Хорошо бы большую часть дня – ему предстояло еще многое сделать.

В половине пятого того же дня Уильям Эшбери вел «БМВ-M5» по Гарлему, осматриваясь по сторонам. Он не воспринимал район в понятиях культурных или расовых признаков; видел только его потенциал. Для него достоинство человека определялось способностью вовремя погасить долг, а точнее, расплатиться за аренду или по закладной в рамках проекта по обновлению жилья, куда «Сэнфорд-банк» вложил средства. Был ли заемщик черный, латиноамериканец, белый или азиат, наркодилер или служащий рекламного агентства – значения не имело… лишь бы тот подписывал ежемесячный чек.

Двигаясь по Сто двадцать пятой улице, Эшбери как раз проехал мимо здания, реконструкцию которого финансировал его банк. Со стен дома исчезли граффити, внутренности зияли пустотой, на первом этаже штабелями лежали стройматериалы. Бывших жильцов побудили освободить помещения. Несогласных «переубедили». Несколько новых съемщиков уже подписали дорогие контракты аренды, хотя работы закончатся только через полгода.

Эшбери свернул на оживленную улицу, разглядывая, чем здесь торгуют. Нет, не совсем то, что нужно. Он двинулся дальше. День выдался хлопотный. Покинув свой офис в здании «Сэнфорд фаундейшн», он заехал в свой загородный домик в Нью-Джерси, открыл шкаф, где держал оружие, и достал крупнокалиберную двустволку. На верстаке в гараже отпилил оба дула, оставив только обрез всего дюймов восемнадцать длиной, – задача стоила ему шести сломанных дисков электропилы. Выбрасывая обрезок в пруд позади дома, на миг задумался, что на этом самом месте его старшая дочь будет праздновать свадьбу в следующем году, после окончания университета.

Он долго стоял, не сводя взгляда с солнечных бликов на холодной голубой воде. Потом зарядил обрез, положил его в картонную коробку, бросил туда же несколько запасных патронов и прикрыл сверху старыми книгами, журналами и газетами. Другой бутафории не понадобится – все равно Женева с профессором не доживут до того, чтобы заглянуть внутрь.

Надев поверх костюма спортивную куртку, прилизав волосы и водрузив на нос очки для чтения – лучшая маскировка, которую он смог придумать, – Эшбери проехал по мосту Джорджа Вашингтона и направился в Гарлем. Так, ну-ка…

Банкир остановил машину, вышел и направился куличному торговцу, «черному исламисту», у которого купил мусульманскую шапочку куфи. Торговца это, похоже, ничуть не удивило. Рукой в перчатке (Томпсон, снова спасибо) Эшбери забрал шапочку и возвратился к машине. Затем, пока никто не смотрел, нагнулся и потер шапочкой землю у стойки телефона-автомата, где, как он решил, за последнюю пару дней побывало немало народу. Материал соберет грязь и другие вещественные улики, в идеале парочку волосков, которые дадут полиции еще несколько ложных следов, указывающих на связь с террористами. Затем внутренней стороной шапочки он обтер трубку вокруг микрофона, собрав образцы слюны и пота для анализа ДНК. Сунул куфи в коробку с обрезом, книжками и журналами, сел в машину и поехал к холмам, на которых возвышался Колумбийский университет.

Отыскав старое факультетское здание, в котором приютилась кафедра Матерса, Эшбери заметил стоящую напротив входа полицейскую машину. За рулем сидел коп и внимательно наблюдал за улицей.

Значит, охрану с нее не сняли.

Ну да не велика беда, ему приходилось разруливать ситуации и покруче, будь то на грязных улочках южной Филадельфии или в конференц-залах

на Уолл-стрит. Внезапность – лучшее преимущество. Когда делаешь что-то неожиданное, можно добиться потрясающих результатов.

Не останавливаясь, он проехал дальше, затем развернулся и встал у задней стороны здания. Машина скрыта от посторонних глаз и направлена носом к выезду, чтобы быстро отсюда убраться. Эшбери вылез и огляделся. Да, все должно получиться: можно пробраться вдоль стены, затем незаметно проскользнуть через главный вход, пока коп будет смотреть в другую сторону.

Что до маршрута ухода… сзади есть дверь. Плюс два окна на первом этаже. Если коп, услышав выстрелы, бросится к зданию, можно будет снять его через одно из фасадных окон. Так или иначе останется время подбросить улику, шапочку куфи, и добежать до машины, прежде чем появится подкрепление.

Эшбери нашел таксофон, набрал номер университетского коммутатора.

– Колумбийский университет, – ответил голос.

– Профессора Матерса, пожалуйста.

– Минутку.

– Алло? – В раздавшемся голосе сквозили нотки негритянского выговора.

– Профессор Матерс?

– Он самый.

Вновь от лица Стива Мейси Эшбери представился писателем из Филадельфии, изучающим кое-какие материалы в библиотеке Лемана. («Сэнфорд фаундейшн» выделяло подобным организациям немалые деньги. Эшбери бывал там на мероприятиях и мог, если потребуется, ее описать.) Затем он сказал, что узнал от одного из библиотекарей, будто Матерс интересуется историей Нью-Йорка девятнадцатого столетия, в частности, временем после войны Севера и Юга. Правда ли это?

Профессор удивленно хохотнул.

– Действительно, так и есть. Правда, не для себя лично: помогаю одной школьнице подобрать материал. Она как раз у меня.

Слава Богу. Она все еще там. Можно покончить с этим раз и навсегда и спокойно жить дальше.

Эшбери объяснил, что привез из Филадельфии множество материалов. Не захотят ли девушка с профессором на них взглянуть?

Матерс ответил, что определенно посмотрят, поблагодарил его и спросил, когда было бы удобнее встретиться.

Когда-то семнадцатилетний Билли Эшбери напоминал престарелому лавочнику, приставив ему к ноге нож, что прошел срок платить за «крышу». И если тот немедленно не расплатится, то за каждый просроченный день лезвие оставит на ноге дюймовый след. Таким же спокойным голосом, как тогда, он сказал Матерсу:

– Я уезжаю сегодня вечером, но мог бы заскочить к вам прямо сейчас. Вы можете сделать копии, если понадобится. У вас есть ксерокс?

– Да, да, есть.

– Через несколько минут буду.

Он повесил трубку, сунул руку в коробку, с легким щелчком снял ружье с предохранителя и направился к зданию, шагая сквозь миниатюрные вихри осенних листьев, которые поднимал и кружил холодный ветер.

Глава 40

– Профессор?

– Вы Стив Мейси? – Безвкусно одетый, с бабочкой, в твидовом пиджаке, профессор смотрел на него из-за стопок бумаг, которыми был завален стол.

– Да, сэр. – Эшбери улыбнулся.

– Я Ричард Матерс. А это Женева Сеттл.

Невысокого роста девушка с такой же темной, как у профессора, кожей подняла на него глаза и кивнула, затем с интересом уставилась на коробку. Такая молоденькая… Сможет ли он ее убить?

Но в голове тут же сверкнул образ дочери в свадебном платье на причале за летним домиком, следом пронеслась череда мыслей: тюнингованный «мерседес», который просит жена, членство в гольф-клубе «Огаста», сегодняшний ужин в «Л'Етуаль», которому «Нью-Йорк таймс» недавно присвоила три звезды.

Ответ напрашивался сам собой.

Эшбери поставил коробку на пол. Никаких полицейских, с облегчением заметил он. Затем пожал Матерсу руку, тут же подумал: «Дьявол, криминалисты могут снять отпечатки даже с трупа. После расстрела придется задержаться и протереть ему руку». (В голове прозвучали слова Томпсона Бойда: «Когда имеешь дело со смертью, следуй инструкции или смени работу».)

Эшбери улыбнулся девушке, но руки подавать не стал. Оглядел комнату, примериваясь для стрельбы.

– Извините за беспорядок, – сказал Матерс.

– У меня самого не лучше, – мягко усмехнулся банкир. Комната была переполнена книгами, журналами, стопками ксерокопий. На стене висело несколько дипломов. Матерс оказался профессором права, а не истории. И вдобавок именитым. Эшбери смотрел на фотографию профессора с Биллом Клинтоном; на другой он был запечатлен с мэром Джулиани.

Разглядывая снимки, Эшбери почувствовал, как внутри шевельнулась совесть, но лишь мельком, как слабый отсвет на экране радара. Его почти не смущала мысль, что он находится в комнате с двумя мертвецами.

Некоторое время они непринужденно болтали. Эшбери в общих словах рассказал о школах и библиотеках в Филадельфии, уклоняясь от прямых упоминаний того, над чем работает. Чтобы удержать наступательную инициативу, он спросил:

– Вы сами какую именно тему исследуете?

Матерс молча кивнул Женеве, которая объяснила, что они ищут сведения о предке, бывшем рабе Чарлзе Синглтоне.

– Дело вышло чудное, – сказала она. – Полицейские полагали, что между ним и недавними преступлениями есть какая-то связь. Оказалось – ничего подобного. Но всем по-прежнему любопытно, что с ним случилось. И похоже, никто ничего не знает.

– Давайте-ка взглянем, что вы там принесли, – сказал Матерс, расчищая место на небольшом столике напротив его рабочего места. – Сейчас принесу еще стул.

Вот оно, подумал Эшбери, и сердце в груди гулко заколотилось. Вспомнилось, как лезвие ножа входит в ногу лавочника – два дюйма за два дня просрочки, а он словно не слышит воплей.

Вспомнились годы тяжких трудов, сделавших его тем, кем он был сейчас.

Омертвевшие глаза Томпсона Бойда.

Мгновенно смятение улеглось.

Как только Матерс вышел за дверь, Эшбери выглянул в окно. Полицейский по-прежнему сидел в машине. До него было футов пятьдесят, не меньше, и стены выглядели толстыми. Выстрелов коп, вероятно, и не услышит.

Нагнувшись к коробке, которую Женева не видела из-за разделявшего их стола, Эшбери разгреб бумаги.

– Вам удалось найти рисунки или гравюры? – спросила Женева. – Очень хочется получше представить себе, как тогда выглядели окрестности.

– Кажется, есть несколько штук.

– Кофе? – послышался приближающийся из-за двери голос Матерса.

– Спасибо, не надо.

Эшбери повернулся к двери.

Сейчас!

Он начал подниматься, вытаскивая из коробки обрез, но держа его ниже уровня глаз Женевы.

Обхватил пальцем спусковой крючок, целясь в проем.

Но что-то было не так. Матерс не появлялся.

Тут Эшбери почувствовал, как что-то металлическое уперлось ему за ухом.

– Уильям Эшбери, вы арестованы. У меня пистолет. – Голос девчонки. Только какой-то другой... взрослый. – Медленно положите ружье на стол.

Эшбери замер.

– Но...

– Опустите ружье. – Девушка ткнула пистолетом ему в голову. – Я – офицер полиции. Если потребуется, буду стрелять.

О Господи, нет... Ловушка!

– Послушай-ка, делай, как она говорит.

Голос профессора. Хотя, конечно, никакой это не Матерс… Подставное лицо, коп, играющий роль профессора. Эшбери покосился в сторону. Мужчина вернулся в комнату через боковую дверь. На шее у него висела карточка агента ФБР, в руке он держал пистолет.

«Как, черт возьми, они на меня вышли?» – раздраженно подумал он.

– И только попробуй хоть на миллиметр сдвинуть свой ствол. Слышал меня?

– Больше повторять я не буду, – спокойным голосом произнесла девушка. – Клади сейчас же.

Но он не пошевелился.

Вспомнил своего гангстера-деда, кричащего отболи лавочника, представил дочь в свадебном платье.

Как бы на его месте поступил Бойд?

Сдался бы, как по инструкции.

А вот хрен вам!

Эшбери резко присел, молниеносно разворачиваясь вокруг своей оси и вскидывая обрез. Кто-то выкрикнул:

– Нет!..

Последнее слово, которое ему довелось услышать.

Глава 41

– Какой чудный вид, – произнес Том.

Линкольн Райм посмотрел в окно: Гудзон, каменные утесы на другом берегу, холмистые дали Нью-Джерси. А может, и Пенсильвании. Он тут же отвернулся, ясно давая понять, что панорамные виды навевают на него смертельную скуку.

Они находились в офисе покойного Уильяма Эшбери, в здании Хайрама Сэнфорда на Западной Восемьдесят второй улице. Уолл-стрит все еще переваривала новость о смерти банкира и его причастности к серии недавних преступлений в Нью-Йорке. Конечно, финансовые круги это не парализовало; после скандалов с «Энроном» и «Глобал кроссинг»

смерть нечистого на руку управленца прибыльного предприятия ажиотажа не вызвала.

Амелия Сакс обыскала офис, изъяла вещественные доказательства, указывающие на связь Эшбери с Бойдом, и опечатала некоторые части комнаты. Встреча проходила в зачищенной половине.

Рядом с Томом и Раймом сидели Женева Сеттл и адвокат Уэсли Гоудз. Райму сейчас казалось забавным, что он некоторое время даже подозревал Гоудза в причастности к этому делу. Уж очень внезапно тот материализовался у него в доме в поисках Женевы; учитывая интригу с Четырнадцатой поправкой, юрист имел серьезный мотив не допустить, чтобы столь важный для поборников гражданских свобод инструмент подвергался угрозе. Кроме того, Райм подозревал, что Гоудз может действовать в интересах страховой компании, на которую раньше работал, против Женевы.

Но поскольку свои подозрения Райм придержал при себе, приносить извинения не потребовалось. Как только дело приняло неожиданный оборот, Райм сам предложил кандидатуру Гоудза. Женева, разумеется, была только рада прибегнуть к его услугам.

По другую сторону мраморного стола сидели президент «Сэнфорд банк энд траст» Грегори Хэнсон, его помощница Стелла Тернер и старший партнер юридической фирмы Сэнфорда, элегантный немолодой адвокат по имени Энтони Коул. Вся тройка излучала тревожное беспокойство.

Вчера, во время телефонного разговора, Хэнсон согласился на встречу, но тут же быстро и как-то устало добавил, что не меньше остальных потрясен смертью Эшбери в затеянной им перестрелке в Колумбийском университете. Он ничего об этом не знает; об ограблении ювелирной биржи и теракте читал в газетах и ничего больше сказать не может. Что именно интересует полицию?

Райм ограничился сухим полицейским: «Хотим задать парочку формальных вопросов».

Сейчас, когда обмен любезностями был позади, Хэнсон спросил:

– Не могли бы вы нам рассказать, что, собственно, произошло?

Райм сразу перешел к сути, объявив, что Уильям Эшбери нанял профессионального киллера, Томпсона Бойда, чтобы убить Женеву Сеттл.

На худенькую девушку напротив устремились три потрясенных взгляда. Женева невозмутимо посмотрела в ответ.

Райм продолжил. Эшбери с Бойдом придумали несколько трюков для отвода глаз. Поначалу смерть Женевы предполагалось обставить как изнасилование. Однако Райм сразу раскусил эту уловку, и по мере того как продолжались поиски киллера, сыщикам удалось установить, как им казалось, настоящий мотив: Женева стала свидетелем подготовки теракта.

Но долго такое объяснение не продержалось: со смертью террориста-заказчика должна была отпасть и необходимость убивать Женеву. Не тут-то было. Сообщница Бойда совершила новое покушение. Удалось вычислить человека, у которого Бойд купил бомбу, – поджигателя из Нью-Джерси, и ФБР его арестовало. У него нашли купюры из одной пачки с теми, которые были обнаружены на конспиративной квартире Бойда. Поняв, что ему грозит статья за соучастие в убийстве, он пошел на попятный: рассказал, что свел Эшбери с Бойдом...

– И где же тут терроризм? – Представитель юрфирмы саркастически усмехнулся. – Билл Эшбери и террористы? Что-то...

– Уже подхожу, – с не меньшим сарказмом парировал Райм, затем продолжил рассказ: – Показаний арестованного было недостаточно, чтобы получить ордер на арест Эшбери. Поэтому Райм и Селлитто решили, что надо его выманить. В школу, где учится девушка, на роль замдиректора подсадили своего человека. Любому, кто позвонит и спросит Женеву Сеттл, будет сказано, что она находится в Колумбийском университете у некоего профессора права. Настоящий профессор не только позволил воспользоваться своим именем, но и предоставил в их распоряжение свой кабинет. Фред Делрей и Джонет Монро, полицейский агент из школы Женевы, были более чем рады сыграть школьницу и профессора. Они быстро, но тщательно все подготовили, даже соорудили при помощи «Фотошопа» несколько фотографий, на которых Делрей был запечатлен с Биллом Клинтоном и Руди Джулиани, чтобы Эшбери не заподозрил подвоха и не сбежал.

Все это Райм пересказал Коулу и Хэнсону, в подробностях изложив события в кабинете Матерса.

– Я сразу должен был догадаться, что преступник связан с банками. Он снимал крупные суммы, имея возможность исправлять отчеты об операциях. Только... – кивок в сторону Коула, – какого черта ему так было стараться? Да и насколько я помню, пресвитерианская церковь отнюдь не рассадник фундаментального терроризма.

Ни тени улыбки.

«Банкиры, юристы – никакого чувства юмора», – подумал Райм.

– Тогда я решил приглядеться к имеющимся уликам, – продолжал он, – и заметил нечто меня встревожившее. В обломках фургона не было радиопередатчика для детонации бомбы. Мы должны были его найти, но не нашли. Но почему? Вероятно, Бойд с сообщницей сами подложили бомбу в фургон, а передатчик оставили у себя, чтобы убрать араба-нелегала и тем самым сбить с толку полицию.

– Ну хорошо, – сказал Хэнсон. – Так в чем все-таки заключался истинный мотив?

– Здесь нам пришлось поломать голову. Сначала я думал, что Женева видела, как из дома, где она работала, счищая со стен граффити, незаконно выселяют жильцов. Однако, проверив адрес, я убедился в том, что «Сэнфорд-банк» не имеет отношения к проекту. Что оставалось? Только вернуться к первоначальной гипотезе…

Райм рассказал об украденном Бойдом номере «Иллюстрированного еженедельника для цветных».

– Я совершенно упустил из вида, что кто-то искал этот номер еще до того, как Женева якобы видела террориста. Думаю, произошло следующее: Эшбери случайно наткнулся на статью при реконструкции помещений архива «Сэнфорд фаундейшн». Изучив вопрос более глубоко, он обнаружил нечто такое, что могло загубить ему жизнь. Он избавился от экземпляра из архивов фонда и решил, что надо уничтожить и остальные. В течение следующих недель он добрался почти до всех, однако один экземпляр еще оставался в Нью-Йорке: библиотекарь Музея афроамериканской истории в центре Манхэттена запросил микрофишу из архивов по просьбе некой школьницы. Эшбери понял, что должен уничтожить этот экземпляр и убить Женеву вместе с библиотекарем, чтобы обрубить все концы.

– Но я все равно не пойму ради чего, – сказал Коул. Его сарказм перерос в полноценное раздражение.

В качестве последнего кусочка головоломки Райм изложил историю о ферме Чарлза Синглтона и ограблении Фонда вольноотпущенников, упомянув также о тайне, которую хранил бывший раб.

– Вот почему против Чарлза сфабриковали ложное обвинение; вот почему Эшбери собирался убить Женеву.

– Что за тайна? – спросила помощница Стелла.

– Мне удалось ее разгадать. Я вспомнил слова Женевиного отца. Он говорил, что Чарлз преподавал в школе для негритянских детей недалеко от своего дома и продавал сидр рабочим из соседних доков. – Райм покачал головой. – Из чего я сделал довольно легкомысленное заключение. Предположительно его ферма находилась в штате Нью-Йорк… что действительно так. Вот только располагалась она не на севере штата, как мы поначалу считали.

– Нет? Тогда где же? – спросил Хэнсон.

– Догадаться несложно, – продолжил Райм, – если вспомнить, что почти до конца девятнадцатого столетия фермы в Нью-Йорке существовали в черте города.

– Хотите сказать, его ферма находилась в Манхэттене? – спросила Стелла.

– На том самом месте, где стоит это здание, – лаконично заметил Райм.

Глава 42

– Нам в руки попала карта Холмов Висельника девятнадцатого века, на которой обозначены три или четыре поместья. Одно из них находилось на этом месте. Через дорогу была бесплатная школа для чернокожих. Не та ли, в которой он преподавал? А на Гудзоне, – Райм посмотрел в окно, – примерно вон там, в районе Восемьдесят первой улицы, располагались сухой док и верфь. Не тамошним ли рабочим Чарлз продавал сидр?

Но был ли он владельцем поместья? Проверить труда не составило. Том навестил манхэттенскую регистрационную палату и нашел запись о передаче хозяином прав собственности на имя Чарлза. Итак, поместье принадлежало ему. Теперь все встало на свои места, включая упоминания о сходках на Холмах Висельника… Политики и борцы за гражданские права собирались в доме Чарлза. В этом и состояла тайна: Чарлз был хозяином пятнадцати акров отборной земли в центре Манхэттена.

– Но почему он это скрывал? – спросил Хэнсон.

– Не осмеливался никому сказать, что владеет землей. Хотя, разумеется, очень хотел. Отсюда его душевные муки: он гордился тем, что имеет большое поместье в городе; считал, что может служить примером для других бывших рабов, показать им, что они могут выглядеть в глазах

других полноценными людьми. Могут иметь свою землю и возделывать ее, быть частью общества. Потом он стал свидетелем бунтов против призыва, расправ над черными, поджогов. Они с женой решили выдавать себя за смотрителей фермы. Чарлз боялся, что, если кто-то узнает, кому принадлежит большой участок первоклассной земли, поместье тут же разорят. Или, что вероятнее, просто отнимут.

– Что и произошло, – прокомментировала Женева.

Райм продолжил:

– Когда Чарлза признали виновным, всю его собственность конфисковали, включая ферму, и выставили на продажу… Да, конечно, теория замечательная: ложное обвинение с целью завладеть собственностью. Только можно ли ее доказать? Задача не из простых, как-никак сто сорок лет прошло. Впрочем, кое-какие доказательства все же имеются. Сейфы марки «Экзетер стронгбау», один из которых якобы взломал Чарлз, производились в Англии, поэтому я связался со знакомым из Скотланд-Ярда. Тот проконсультировался с тамошним специалистом по замкам, который сказал, что взломать сейф этой марки с помощью молотка и стамески, которые нашли на месте преступления, невозможно. Даже паровым сверлом злоумышленнику потребовалось бы работать часа три-четыре, а в статье об ограблении говорилось, что Чарлз пробыл в здании фонда двадцать минут. Отсюда вывод: кто-то другой совершил кражу, подбросил на место преступления инструменты Чарлза и подкупил свидетеля, чтобы его оболгать. Полагаю, реальным вором был человек, чьи останки мы обнаружили в подвале таверны «Поттерс-Филд». – Райм рассказал о кольце с надписью «Винскински» и его владельце.

– Один из близких соратников Босса Твида. Был и другой, по имени Уильям Симс, детектив, арестовавший Чарлза. Позже Симса уличили во взяточничестве и подбрасывании обвиняемым ложных улик. Симс, «Винскински» и прокурор с судьей сфабриковали обвинение против Чарлза, а украденные из фонда деньги, которые якобы не удалось вернуть, просто присвоили. Итак, мы установили, что Чарлз владел крупным поместьем на Холмах Висельника и был осужден по ложному обвинению. Его собственность конфискована. – Райм изогнул брови. – Какой далее напрашивается вопрос? Главный вопрос?

Желающих высказаться не нашлось.

– Элементарно: кто же, черт побери, преступник? – рявкнул Райм. – Кто обокрал Чарлза? Зная мотив: отнять у него ферму – мне не составило труда установить личность… потребовалось лишь проверить, кто завладел землей.

– И кто же? – спросил Хэнсон встревоженно, хотя историческая драма явно его захватила.

Помощница президента пригладила рукой юбку и предположила:

– Босс Твид?

– Нет. Некто из его окружения. Человек, которого часто видели в «Поттерс-Филд» наряду с такими сомнительными личностями, как Джим Фиск, Джей Гоулд и детектив Симс. – Райм поочередно взглянул на каждого из трех собеседников. – И звали его Хайрам Сэнфорд.

Стелла удивленно моргнула и, помедлив немного, сказала:

– Основатель нашего банка.

– Он самый, и никто иной.

– Но это просто смешно, – подал голос адвокат Коул. – Он был одним из столпов нью-йоркского общества.

– Как, например, Уильям Эшбери? – язвительно спросил Райм. – Тогдашний деловой мир мало чем отличался от сегодняшнего. Сплошные финансовые спекуляции. В одном из писем Чарлз приводит цитату из «Нью-Йорк трибюн» о «лопающихся как мыльные пузыри» финансовых рынках. Железнодорожные компании той эпохи – это сегодняшние интернет-компании, активы которых были переоценены и обвалились. Сэнфорд, вероятно, лишился своего состояния на тогдашнем обвале акций, и Твид согласился ему помочь. Только, разумеется, за чужой счет, иначе он не был бы Твидом. Они вместе сфабриковали обвинение против Чарлза, и Сэнфорд купил его землю на фиктивном аукционе за крохотную долю реальной стоимости. Дом Чарлза он снес и построил собственный, в стенах коего мы сейчас и находимся. – Детектив кивнул на соседние улицы за окном. – А потом он и его наследники все постепенно застроили и распродали.

– И Чарлз не заявил о своей невиновности, не рассказал, что случилось? – спросил Хэнсон.

Райм насмешливо фыркнул.

– Один бывший раб против всей прорасистской машины «Таманни-холл»? Вы полагаете, ему бы поверили? Кроме того, он убил человека в таверне.

– Значит, он был убийцей, – тут же уцепился адвокат Коул.

– Ничего подобного, – резко возразил Райм. – «Винскински» был нужен ему живым… Чтобы подтвердить свою невиновность. Убийство было актом самозащиты. Но Чарлзу пришлось спрятать тело и скрыть следы перестрелки, иначе бы его повесили.

Хэнсон покачал головой:

– Одного я все равно не могу понять: как то, что больше века назад совершил Хайрам Сэнфорд, могло навредить Биллу Эшбери? Согласен: это плохой пиар – отец-основатель банка обобрал бывшего раба. Десятиминутный скандальный сюжет в блоке ночных новостей, не более. Но если быть откровенным, есть немало политтехнологов, которые с этим бы справились. Ради такого не стоит убивать.

Райм покивал:

– Очень хороший вопрос… Мы провели небольшое расследование. Эшбери ведь возглавлял отдел недвижимости вашего банка?

– Верно.

– И если бы отдел обанкротился, Эшбери лишился бы поста и большей части своего состояния?

– Да, полагаю. Только при чем здесь разговор о банкротстве? Это наш самый прибыльный отдел.

Райм устремил взгляд на Уэсли Гоудза:

– Ваш черед.

Юрист посмотрел на сидящих по другую сторону стола и тут же снова опустил глаза. Он был не способен держать взгляд. Или, подобно Райму, вести скрупулезные объяснения… с эпизодическими отступлениями. Поэтому сказал просто:

– Мы здесь, чтобы уведомить вас о том, что мисс Сеттл намерена подать иск против вашего банка с целью взыскания компенсации за причиненный ущерб.

Хэнсон, нахмурившись, посмотрел на Коула, который, в свою очередь, одарил Женеву и Гоудза сочувственным взглядом.

– Исходя из представленных вами фактов, вам вряд ли стоит всерьез рассчитывать на возмещение морального вреда. Видите ли, мистер Эшбери руководствовался личным мотивом, и банк за его действия ответственности не несет. – Он снисходительно посмотрел на Райма. –

Что ваш славный советник, без сомнения, сможет вам подтвердить. – Обращаясь к Женеве, Хэнсон быстро добавил: – Но мы глубоко вам сочувствуем, вам столько пришлось пережить…

Стелла Тернер согласно кивнула. Их отношение казалось искренним.

– Мы готовы вам все компенсировать. – Хэнсон улыбнулся. – Думаю, вы оцените нашу щедрость.

– В пределах разумного, – тут же внес необходимое уточнение его адвокат.

Райм пригляделся к президенту банка. Грегори Хэнсон выглядел вполне добропорядочным человеком. Моложавый мужчина за пятьдесят, естественная улыбка. Очевидно, из той породы прирожденных предпринимателей, кто слывет справедливым боссом и хорошим семьянином, компетентен в делах, каждый день выкладывается на службе, блюдет интересы акционеров, за счет фирмы летает только эконом-классом, помнит дни рождения своих сотрудников.

Райму стало почти больно от ожидания того, что должно последовать.

В голосе Уэсли Гоудза, однако, не прозвучало ни капли сочувствия:

– Мистер Хэнсон, ущерб, о котором мы ведем речь, не относится к покушению на убийство мисс Сеттл и не является только моральным. Претензии основываются на ее интересах как наследницы Чарлза Синглтона, имея целью возврат собственности, незаконно присвоенной Хайрамом Сэнфордом, а также получение денежной…

– Позвольте, – со слабой усмешкой прошептал президент.

– …денежной компенсации, равной сумме сделок и полученной прибыли в результате использования вашим банком упомянутой собственности с момента получения на нее прав. – Адвокат сверился с записями. – А именно с четвертого августа тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года. Деньги поступят на счет потомков мистера Синглтона и будут распределены судом. Точной цифрой мы пока не располагаем. – Гоудз наконец поднял глаза на Хэнсона. – Однако, по нашим скромным оценкам, она составляет приблизительно девятьсот семьдесят миллионов долларов.

Глава 43

– Вот почему Уильям Эшбери пошел на убийство, – пояснил Райм. – Чтобы сохранить в тайне кражу усадьбы Чарлза. Если бы об этом кто-то

узнал и наследники заявили права на землю, отделу недвижимости пришел бы конец, а возможно, разорился бы и сам «Сэнфорд-банк».

– Это просто нелепица! – взвился сидящий за столом напротив них адвокат. Оба юриста-соперника были одинаково высокие и худощавые, только Коул – более загорелый. Райм подозревал, что Уэсли Гоудзу не часто приходится посещать теннисный корт или поле для игры в гольф. – Вы посмотрите вокруг: территория вся застроена! Вся, до последнего дюйма!

– Мы не претендуем на то, что было построено, – сказал Гоудз, словно это разумелось само собой. – Мы только хотим вернуть право на землю и сумму, равную выплатам по ее аренде.

– Что, за все сто сорок лет?

– Когда Сэнфорд обворовал Чарлза – не наша проблема.

– Но большая часть земли давно распродана, – сказал Хэнсон. – Банку принадлежит только пара многоквартирных домов в районе и сам особняк.

– Мы, разумеется, проведем аудиторскую проверку по всем сделкам продажи, незаконно осуществленным вашим банком.

– Но имущество отчуждалось на протяжении сотни лет, по частям.

Упершись взглядом в поверхность стола, Гоудз сказал:

– Повторюсь: это не наши проблемы.

– Нет! – рявкнул Коул. – Этого не будет!

– Вообще-то претензии мисс Сеттл и так очень умеренны. Можно убедительно доказать, что без земли, принадлежащей предку Женевы, ваш банк пошел бы ко дну еще в шестидесятых годах девятнадцатого века, и, следовательно, она может претендовать на всю прибыль, полученную вашим банком по всему миру. Но мы к этому не стремимся. Мисс Сеттл не хочет, чтобы пострадали интересы сегодняшних акционеров банка.

– Какая щедрость! – пробормотал Коул.

– Решение приняла она. Я советовал полную ликвидацию.

Коул подался вперед:

– Послушайте, почему бы вам не взглянуть на вещи трезвее? Да у вас ничего нет. К тому же срок давности давно истек. В суде вас даже слушать не станут.

– Обратите внимание, – не удержался от комментария Райм, – как люди всегда хватаются за соломинку… Простите за отступление.

– Что касается срока давности, – сказал Гоудз, – мы можем обосновать, что в данном случае он не действует.

Накануне он объяснил Райму, что в некоторых случаях закон о сроке давности теряет силу, если ответчик скрыл свое преступление и жертва о нем не подозревает, или, как в случае с Чарлзом Синглтоном, когда жертва не может рассчитывать на защиту суда, например, если сторона обвинения вступила в сговор с преступником. Все это Гоудз сейчас повторил.

– Но что бы там ни совершил Хайрам Сэнфорд, – заметил второй адвокат, – к моему клиенту это отношения не имеет… То есть к сегодняшнему банку.

– Мы проследили, в чьей собственности находился банк, вплоть до лица, к которому имущество перешло от мистера Синглтона, – «Хайрам Сэнфорд банк энд траст лимитед». К несчастью, Сэнфорд использовал банк как прикрытие… К несчастью для вас.

Гоудз говорил ровным тоном, но чувствовалось, что он сдерживает улыбку.

Коул не отступал:

– Ну а чем вы докажете, что имущество предназначалось наследникам? Чарлз Синглтон мог бы в тысяча восемьсот семидесятом продать ферму за пять сотен и пропить деньги.

– У нас есть свидетельства, что он намеревался передать ферму потомкам. – Райм повернулся к Женеве: – Как он там сказал?

Девушка обошлась без заготовленных записей.

– В одном из писем жене он говорит, что не собирается продавать ферму. Вот его слова: «Я желаю, чтобы земля в целости перешла к нашему сыну и его отпрыскам. Ибо спрос на специальности и ремесла насыщается и затухает, финансовые рынки непостоянны и только земля в нашем мире остается неизменной величиной. Со временем благодаря ферме мы обретем уважение тех, в чьих глазах сегодня его не имеем. Она останется залогом спасения для наших детей и правнуков».

– Только представьте, что после такого будет с присяжными. Слезинки навернутся у каждого. – Райм получал удовольствие, играя роль заводилы.

Коул подался вперед:

– Та-а-ак, я понял, что тут происходит… хотите выставить ее жертвой. Так вот: это просто шантаж. Из той же серии, что и вся остальная чушь по поводу репараций за рабство. Нет? Я сожалею, что Чарлз Синглтон был рабом. Я сожалею, что он или его отец были привезены сюда против воли. – Коул взмахнул рукой, словно отгоняя пчелу, перевел взгляд на Женеву: – Так вот, юная леди, все это случилось очень-очень давно. Мой прадед умер от антракоза, только я, как видите, не высуживаю из «Угледобычи Западной Виргинии» легких денег. Вашему брату давно пора бы смириться с прошлым, жить сегодняшним днем. Если б вы столько же времени…

– Придержи язык, – рявкнул Хэнсон. Он и его помощница, сверкая глазами, уставились на своего юриста.

Коул облизнул губы, откинулся на спинку кресла.

– Прошу прощения. Я не хотел, чтобы это так прозвучало. Сказав «вашему брату», я имел в виду… – Он говорил, глядя на Гоудза.

Но ответ пришел со стороны Женевы:

– Мистер Коул, я разделяю те же чувства… Фредерик Дуглас сказал: «В этом мире человек может не получить всего, ради чего трудится, но определенно обязан трудиться ради того, что получает». За легкой наживой я не гонюсь.

Юрист посмотрел на нее в нерешительности, затем опустил глаза. Женева своего взгляда не отвела.

– Знаете, я говорила с отцом о Чарлзе, узнала о нем кое-что. Например о том, как его деда похитили работорговцы, оторвали от семьи в Йоруба и увезли в Виргинию. Отец Чарлза умер в сорок два года, потому что хозяин решил, что лучше купить сильного и молодого раба, чем лечить старого. Еще я узнала, что когда Чарлзу было двенадцать, его мать продали на плантацию в Джорджию и больше он ее не видел. Но знаете что? – спокойным голосом сказала Женева. – Я не прошу за это ни цента. Все гораздо проще. У Чарлза отняли то, что он любил, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы вор за это поплатился.

Коул пробормотал очередное извинение, но, будучи юристом до мозга костей, интересы клиента предать не мог. Бросив на Хэнсона взгляд, он продолжил:

– Мне понятно все, что вы говорите, и мы готовы возместить вам весь вред, причиненный по вине мистера Эшбери. Но ваши претензии на имущество? Это просто недопустимо. Мы не знаем даже, есть ли у вас легальные основания выдвигать такой иск. Чем вы можете доказать, что действительно являетесь потомком Чарлза Синглтона?

Линкольн Райм, поводив одним пальцем по сенсорной панели, подкатил кресло вплотную к столу.

– Не пора ли поинтересоваться, какого черта я сюда притащился?

Молчание.

– Как вы понимаете, я вообще не часто выезжаю из дома. И что, по-вашему, заставило меня переться на другой конец города?

– Линкольн, – одернул его Том.

– Ладно-ладно. Перехожу к существу дела. Итак, вещдок номер один.

– Какой еще вещдок? – поинтересовался Коул.

– Шутка. Я говорю о письме. – Он посмотрел на Женеву. Та открыла школьный рюкзак, вынула папку. На стол скользнул лист фотокопии.

Представители «Сэнфорд-банк» по другую сторону стола нависли над документом.

– Письмо Синглтона? – спросил Хэнсон.

– Почерк красивый, – обратил внимание Райм. – Немаловажная деталь по тем временам. Не то что сегодня: наспех набросанные записки, печатные тексты… Прошу прощения, больше никаких отступлений. Дело в следующем: мой коллега Паркер Кинкейд из Вашингтона сравнил это письмо со всеми имеющимися письменными образцами, вышедшими из-под руки Чарлза Синглтона, включая юридические документы из архивов в Виргинии. Паркер – бывший эксперт ФБР. Так вот, он выдал официальное заключение, что почерк в письме идентичен всем известным образцам, сделанным рукой Синглтона.

– Хорошо, – уступил Коул, – письмо написал Чарлз. Но что из этого?

– Женева, как там говорил Чарлз? – сказал Райм.

Женева кивнула в сторону письма и снова процитировала по памяти:

– «И все же слезы мои, следы от которых, милая, ты видишь на этой бумаге, происходят не от душевной боли, а от раскаяния в том, какие несчастья я на всех нас навлек».

– На оригинале письма заметно несколько пятен, – пояснил Райм. – Сделав анализ, мы обнаружили лизоцим, липокалин, лактоферрин – это белки, если вам интересно, – а также целый набор ферментов, липидов и метаболитов. Все они, вместе с водой, разумеется, составляют человеческие слезы… Между прочим, состав слез значительно разнится в зависимости от того, были они пролиты в минуту боли или душевных мук. Эти, – он кивнул на листок, – были пролиты из-за чувств, что несложно доказать. Полагаю, присяжных этот факт также очень растрогает.

Коул шумно вздохнул.

– Вы сделали анализ ДНК, извлеченной из следов его слез, и он показал совпадение с ДНК мисс Сеттл.

Райм пожал плечами и пробубнил ставшее на сегодня уже крылатым: «Элементарно».

Хэнсон посмотрел на Коула, чей взгляд метался между письмом и собственными записями. Президент повернулся к Женеве:

– Миллион долларов. Я незамедлительно выпишу вам чек, если вы и ваши опекуны подпишут отказ от претензий на имущество банка.

– Мисс Сеттл настаивает на выплате компенсации, равной фактическому ущербу, – бесстрастно произнес Гоудз. – Эта сумма будет распределена между всеми наследниками Чарлза Синглтона и не предназначается исключительно ей. – Он устремил на банкира пристальный взгляд. – Вы же не предлагаете заплатить только ей, в качестве побудительного мотива оставив родственников в неведении о произошедшем?

– Нет, разумеется, нет, что вы, – затараторил Хэнсон. – Я должен обсудить ситуацию с членами правления, и мы примем решение об окончательной сумме.

Гоудз собрал бумаги, затолкал их в рюкзак.

– Через две недели я подаю иск. Если вы захотите обсудить вопрос о добровольном создании доверительного фонда в пользу истцов, можете найти меня здесь. – Он подвинул к противоположному краю стола свою визитку.

Когда они были у дверей, Коул, адвокат банкира, заговорил вдогонку:

– Женева, одну минутку. Послушай, я хочу извиниться за то, что сказал. Честное слово. Это было… неуместно. Я искренне сожалею о том, что произошло с тобой и твоим предком. И я в самом деле забочусь о твоих интересах. Просто пойми, что для тебя и твоих родственников лучше всего было бы согласиться на компенсацию. Пусть твой адвокат расскажет тебе о том, как долго может тянуться такой процесс, во сколько он обойдется. – Коул улыбнулся. – Поверь мне, мы на твоей стороне.

Женева смерила его взглядом.

– Битвы остаются теми же, что и прежде. Просто стало труднее распознать врага.

Она отвернулась и вышла за дверь.

Адвокат явно не понял, что она имела в виду.

Что, по мнению Райма, в известной степени только доказывало ее правоту.

Глава 44

Было раннее утро среды, осенний воздух – свеж и прозрачен, как кубики подтаявшего льда.

Женева навестила отца в больнице и теперь направлялась в школу. Доклад по «Возвращению в Гарлем» был готов; книга оказалась не такой уж и страшной (хотя она все равно предпочла бы Октавию Батлер; черт возьми, вот кто настоящая мастерица писать!), и Женева осталась довольна своим докладом.

А что самое приятное, писала она его в лаборатории мистера Райма, на компьютере, которым ее научил пользоваться Том. В школе на те немногие из компьютеров, что еще работали, приходилось выжидать длинную очередь, да и посидеть выходило не больше пятнадцати минут за раз, не говоря уже о том, чтобы написать целый доклад. На компьютере у мистера Райма, чтобы найти нужную информацию, провести углубленный поиск, требовалось лишь минимизировать окно текстового редактора и вызвать браузер. Просто чудо! Доклад, на который, как правило, уходило два дня, был сделан за считанные часы.

Она направилась через улицу, собираясь пройти напрямик через двор одной из начальных школ. От ограждения вокруг школьной территории на посеревший асфальт падала сетчатая тень. Худышка Женева легко

проскользнула сквозь приоткрытые створки ворот – щель достаточной ширины, чтобы пропустить подростка с баскетбольным мячом. Но час был ранний, и двор пустовал.

Женева успела углубиться во двор футов на десять, когда из-за ограждения ее окликнули:

– Йо, подруга!

Она обернулась.

Лакиша стояла на тротуаре в зеленых облегающих брюках, длинной блузке оранжевого цвета, туго обтягивающей бюст, с плеча свисала школьная сумка, бижутерия и косички поблескивали на солнце. На лице застыло то же мрачное выражение, которое поразило Женеву еще на прошлой неделе, когда эта бешеная Фрейзир пыталась убить ее и отца.

– Привет, подруга, где пропадала?

Киш с сомнением глянула на щель между створками: ей ни за что не пролезть.

– Выходи сюда.

– Давай встретимся в школе.

– Не. Надо поболтать с глазу на глаз.

Женева заколебалась. Судя по лицу Киш, дело действительно важное. Медленно, бок о бок, они пошли по тротуару.

– Киш, где ты была? – Женева нахмурилась. – Прогуливала уроки?

– Да что-то мне нездоровится.

– Месячные?

– Нет, дело не в этом. Маман написала записку в школу. – Лакиша огляделась по сторонам. – А что за тип тогда с тобой был?

Женева хотела было соврать, но с губ сорвалось:

– Мой отец.

– Не может быть!

– Да, отвечаю, – подтвердила Женева.

– Он же от вас в Чикаго свинтил, так ты вроде бы говорила.

– Мать меня обманула. Он сидел. Освободился пару месяцев назад, приперся меня искать.

– А где он сейчас?

– В больнице. Его ранили.

– Тяжело?

– Ага. Но он поправится.

– И как у вас с ним? Все пучком?

– Может, вроде того. Я его едва знаю.

– Во прикол! У тебя, наверно, крышу снесло, когда он нарисовался?

– Да уж, и не говори.

Ее увесистая подруга наконец замедлила шаг, остановилась. Женева заметила, как та прячет глаза. Ее рука исчезла в сумочке, что-то нащупала. Пауза.

– Что такое? – спросила Женева.

– А вот, – выдохнула Лакиша, выдернув из сумочки руку и резко выбросив ее в сторону Женевы. Ее пальцы с ногтями в акриловых черно-белых квадратиках сжимали нашейную серебряную цепочку с сердечком.

– Но это ведь… – начала Женева.

– Твой подарок на мой день рождения – все верно.

– И ты хочешь его вернуть?

– Я не могу его у себя оставить, Жен. По-любому тебе будут нужны бабки, ты сможешь ее заложить.

– Подруга, хорош глупить. Невесть какая драгоценность.

Глаза Киш – лучшее украшение на ее лице – наполнились слезами. Она уронила руку.

– Я съезжаю на следующей неделе.

– Уезжаешь? Куда?

– БК.

– В Бруклин? Всей семьей? Вместе с двойняшками?

– Нет, они остаются. Семья никуда не едет. – Ее взгляд метался по тротуару.

– Киш, да в чем дело?

– Сейчас расскажу, случилось тут кое-что.

– Только без драмы, подруга, – бросила ей Женева. – О чем ты вообще?

– О Кевине, – тихим голосом продолжила Лакиша.

– Кевин Чини?

Киш кивнула.

– Прости, подруга. Мы с ним спим. У него есть местечко, куда он перебирается. Я переезжаю к нему.

Несколько секунд Женева стояла молча.

– Это с ним ты разговаривала, когда я звонила на прошлой неделе? – наконец выдавила она.

Лакиша кивнула.

– Слушай, я такого не хотела, все случилось само собой. Ты пойми. У нас с ним всерьез. Со мной ничего похожего еще не было. Я знаю, ты по нему сохнешь… все время о нем говоришь, заглядываешься каждый день. И как ты прибалдела в тот раз, когда он тебя проводил. Я все знала, но все равно перебежала тебе дорогу. Ах, подруга, я вся извелась, пока думала, как тебе рассказать.

У Женевы похолодело внутри, но не из-за глупого увлечения Кевином, которое испарилось, когда он показал свою истинную сущность перед контрольной по алгебре. Она спросила:

– Ты беременна, да?

«Что-то мне нездоровится…»

Киш повесила голову, уставилась на болтающуюся в руке цепочку.

Женева на секунду прикрыла глаза, затем спросила:

– Какой срок?

– Два месяца.

– Запишись к доктору. Мы вместе пойдем на прием. Я…

Ее подруга насупила брови.

– Зачем? Я ведь не собиралась его захомутать. Он сразу сказал, что будет предохраняться, если мне так надо. Но он правда хочет от меня ребенка, говорит, это будет частичка нас обоих.

– Киш, он тебе дуру гонит. Просто использует тебя.

Подруга сверкнула на нее глазами.

– Это жестоко.

– Киш, он что-то из тебя выуживает.

Что ему от нее надо? Не оценки, уж точно, – не тот случай. Деньги, наверное. В школе ни для кого не секрет, что Киш подрабатывает сразу на двух работах и откладывает сбережения. Родители тоже при деле: мать несколько лет на почтовой службе, у отца работенка на «Си-би-эс», а вечерами он на смене в гостинице «Шератон». Брат опять же работает. Кевин положил глаз на весь их семейный доход.

– Ты ему денег давала? – спросила Женева.

Киш молча потупилась. Значит, так и есть.

– У нас был с тобой уговор: мы вместе кончаем школу, поступаем в колледж.

Лакиша вытерла слезы с круглого лица.

– Жен, очнись, ты на какой планете живешь? Мы с тобой строим планы, говорим о колледже, карьере, но для меня это одна болтовня. Тебе вон доклад написать – как два пальца об асфальт, контрольные с лету рисуешь и всегда будешь первой. Сама знаешь: мне такой никогда не стать.

– Но ведь у тебя все должно быть в шоколаде, свой крутой бизнес… Забыла? Мне-то светит быть бедной училкой, питаться тунцом из консервной банки да хлопьями на обед. Из нас двоих тебе суждено

задавать жару. Как же твой магазин? Свое шоу на телевидении? Собственный клуб?

Киш мотнула головой, потрясая косичками.

– Херня все это, подруга, никуда я не поступлю. Выше головы не прыгнуть, так и буду разносить салаты да бургеры в закусочной. Или плести косички, пока мода на них не пройдет. И больше полугода, если хочешь знать, она не продержится.

С вялой улыбкой Женева сказала:

– Помнишь, как мы говорили, что «афро» скоро вернется.

Киш рассмеялась:

– Точно. Всего-то и надо – спицу и чуточку спрея-фиксатора. Мир только и ждет новоявленного стилиста вроде меня. – Она накрутила на палец светлые косички, затем уронила руку, мрачнея. – В одиночку я кончу облезлой старухой, единственный шанс для меня не протянуть ноги – захомутать мужика.

– Ну ты, подруга, даешь! Зачем так себя опускать? Да Кевин тебе мозги полощет. Сама бы ты до такого не додумалась.

– Нет, я ему небезразлична. Он будет искать работу, обещает, что поможет растить ребенка. Он не такой, как его приятели.

– Да точно такой же! Киш, не сдавайся. Ни в коем случае, слышишь?! Хотя бы не бросай школу. Хочешь оставить ребенка, пусть, но школу не бросай. Ты можешь…

– Ты мне не мать родная, чтобы морали читать, – оборвала ее Киш. – Сама знаю, что делать.

Ее глаза яростно сверкнули. У Женевы сильнее сжалось сердце: вспомнилось, как лицо Киш исказила такая же ярость, когда та вступилась за нее на улице против банды девчонок из квартала то ли Делано, то ли Сент-Николас.

«А ну-ка навалим ей! Давай, прессуй эту сучку!»

Киш приглушенно добавила:

– Понимаешь, он говорит, чтобы я больше с тобой не дружила.

– Ты станешь…

– Кевин сказал, что ты плохо с ним обошлась в школе.

– Плохо обошлась?! – У нее вырвался ехидный смешок. – Он хотел, чтобы я ему сливала ответы.

– Я сразу ему сказала, что мы с тобой друг друга не первый день знаем. Но он и слышать об этом не хочет. Велел больше с тобой не видеться.

– Стало быть, ты выбираешь его? – спросила Женева.

– Выбора-то у меня и нет. – Ее большая подружка потупила взор. – Я не могу принять твой подарок. Держи.

Она сунула цепочку Женеве так, словно серебро жгло ей руку, как горячая сковородка. Цепочка упала и осталась лежать на грязном асфальте.

– Киш! Ну не надо! Пожалуйста!

Женева протянула руки, чтобы ее удержать, но поймала только холодный осенний воздух.

Глава 45

Спустя десять дней после встречи с президентом «Сэнфорд-банк» Грегори Хэнсоном и его адвокатом Линкольн Райм разговаривал по телефону с Роном Пуласки, который пока оставался на больничном, но рассчитывал примерно через месяц вернуться в строй. К парню постепенно возвращалась память, и он помогал дополнять дело показаниями против Томпсона Бойда.

– Так вы идете на хэллоуинскую вечеринку? – спросил Пуласки, осекся и быстро добавил: – Ну, или как там?

Последняя оговорка, видимо, была призвана сгладить бестактность, возникавшую из предположения, что паралитик вообще может посещать вечеринки.

Райм, однако, избавил его от угрызений, сказав:

– Да, иду. Наряжусь Гленном Каннингэмом.[16]

Сакс фыркнула, сдерживая смешок.

– В самом деле? – сказал новобранец. – А-а... э-э... кто он такой?

– Патрульный, почему бы тебе самому не навести справки?

– Да, сэр, так точно.

Райм дал отбой и уставился на доску с таблицей, в самом верху которой скотчем была прилеплена карта из колоды таро – «Повешенный».

Он по-прежнему на нее смотрел, когда раздался дверной звонок.

Наверняка Лон Селлитто. Ему пора было уже возвращаться с очередного сеанса у психолога. Лейтенант перестал растирать призрачное пятнышко крови у себя на лице и выхватывать револьвер а-ля Билли Кид. Райм так и не получил вразумительных объяснений. Он пробовал расспросить Сакс, однако та либо ничего не знала, либо не хотела рассказывать. Ну и ладно. По твердому убеждению самого Линкольна, иногда все подробности знать вовсе не обязательно.

Но сейчас к нему заглянул не толстяк детектив в помятом костюме.

Устремив взгляд к порогу, Райм увидел там Женеву Сеттл со школьным рюкзаком на плече.

– Здравствуй, заходи, – сказал он.

Сакс оторвалась от заполнения формы по образцам крови, которые утром собрала на месте убийства, и, сняв защитные очки, тоже поздоровалась с девушкой.

Уэсли Гоудз подготовил полный комплект бумаг, чтобы подать иск против «Сэнфорд-банка». К понедельнику ожидались встречные предложения Хэнсона. Если их не последует, юрист обещал на следующий же день передать материалы в суд и провести пресс-конференцию.

Райм окинул девушку взглядом. Из-за теплой, не по сезону, погоды необходимость носить свитера и вязаные шапочки отпала, и Женева была одета в синие джинсы и футболку с идущей через грудь блестящей надписью. Она явно прибавила в весе, чуть отпустила волосы. И даже начала пользоваться макияжем. (Райму вспомнилось, как недавно Том с загадочным видом сунул ей в руки какой-то пакет.) Одним словом, выглядела замечательно.

В последнее время ее жизнь обрела некоторую стабильность. Джаксона недавно выписали из больницы, и сейчас он проходил курс восстановительной терапии. Стараниями Селлитто его официально передали под надзор нью-йоркским властям. Женева поселилась в гарлемской квартирке отца, которая вопреки ожиданиям оказалась вполне ничего (в это она посвятила не Райма или Роланда Белла, а Тома,

который стал для нее вроде матери-клуши: регулярно приглашал ее в особняк поучиться кулинарному искусству, посмотреть вместе телепередачу, обсудить ту или иную книгу, поговорить о политике). А как только они с отцом смогут позволить себе квартиру побольше, обязательно заберут к себе тетушку Лили.

Женева оставила работу в «Макдоналдсе» и теперь после уроков подрабатывала в юридической конторе Уэсли Гоудза – занималась поиском информации по текущим делам и выполняла мелкие поручения. Она также помогала ему в организации «Траста Чарлза Синглтона», которому предстояло управлять распределением выплат между наследниками. Планов при первой возможности покинуть Нью-Йорк, чтобы обосноваться где-нибудь в Лондоне или Риме, она не оставила, но пока с головой ушла вдела, касавшиеся дискриминации жителей Гарлема по признакам: черный, латиноамериканец, мусульманин, женщина или бедняк.

Кроме того, она всерьез занималась неким «планом спасения подруги», в детали которого Райма также не посвятили. В этом конкретном проекте консультантом, похоже, выступала Амелия Сакс.

– Хотела вам кое-что показать. – Девушка протянула лист пожелтелой бумаги, исписанный, как сразу же догадался Райм, рукой Чарлза Синглтона.

– Еще одно письмо? – спросила ее Сакс.

Женева кивнула. Лист она держала с трепетной осторожностью.

– Тетя Лили созвонилась с нашим родственником, который живет в Мэдисоне. Тот прислал нам кое-какие вещи, которые нашел у себя в подвале: книжную закладку Чарлза, его очки, а еще дюжину писем. Вот это я хотела вам показать. Письмо написано в тысяча восемьсот семьдесят пятом – после его освобождения из тюрьмы.

– Ну-ка, давайте посмотрим, – ответил Райм.

Сакс положила письмо на сканер, и через секунду на нескольких мониторах в лаборатории появилось изображение. Сакс подошла к Райму, рукой обвила ему плечи, и они начали читать.

Дражайшая Вайолет!

Надеюсь, жизнь у сестры тебе в радость, а Джошуа и Элизабет охотно проводят время со своими кузенами. Не могу представить, что Фредерик,

которого я последний раз видел, когда ему было всего девять лет, вымахал ростом с отца.

С удовольствием должен доложить, что в нашем скромном жилище дела тоже идут хорошо. Все утро мы с Джеймсом пилили лед на реке, обкладывали им погреб и посыпали опилками. Потом нам пришлось преодолеть около двух миль снежных заносов, чтобы воочию увидеть выставленный на продажу сад. Пена, которую просит хозяин, весьма высока, однако я уверен, что мое встречное предложение придется ему по вкусу. Сначала он явно не мог решить, стоит ли заключать сделку с негром, но, когда я ему пояснил, что не собираюсь давать долговых расписок, а готов заплатить наличными, его озабоченность растаяла, словно дым.

С деньгами тебя сразу принимают за равного.

Я был невыразимо взволнован, прочитав новости: вчера наконец вступил в силу закон «О гражданских правах»! Знаешь ли ты подробности? Закон гарантирует всем гражданам, независимо от цвета кожи, равное право пользоваться гостиницами, ездить на общественном транспорте, посещать театры и прочее. Воистину, какой знаменательный день для всех нас! Именно этот законопроект я обсуждал в переписке с Чарлзом Самнером и Бенджамином Батлером на протяжении последнего года, и, мне кажется, некоторые предложенные мной идеи нашли в нем отражение.

Новость эта ввергла меня в долгие размышления, заставив вспомнить события семилетней давности, когда отняли наш сад на Холмах Висельника и подлым образом упрятали меня за решетку.

Сейчас, когда я сижу перед камином в нашей хижине, обдумывая последние новости из столицы, пережитые тогда ужасы представляются мне очень далекими. Подобно тем кровавым часам во время войны или тяжелым годам принудительного труда в Виргинии, они словно бы отступили прочь, стали чем-то вроде смутных обрывков полузабытого ночного кошмара.

Возможно, наша душа – единое вместилище как отчаяния, так и надежды, и, приходя, одно почти полностью вытесняет собой другое, оставляя лишь самые призрачные воспоминания. А сегодня я преисполнен надежды.

Ты помнишь, как годы назад я клялся сделать все, что в моих силах, дабы избавиться от клейма «человека на три пятых». Сегодня, ловя на себе чужие взгляды из-за цвета кожи, замечая, как обходятся с подобными нам, я понимаю, что за целую личность меня по-прежнему не

принимают. Однако позволю себе заметить, наступил тот день, когда во мне видят уже человека на девять десятых. (Джеймс от души посмеялся, когда я поделился с ним этой мыслью сегодня за ужином.) Я по-прежнему свято верю, что в нас начнут видеть полноценных людей еще при нашей жизни… или по крайней мере при жизни Джошуа и Элизабет.

Теперь, моя милая, я должен с тобой попрощаться. Мне еще предстоит подготовить на завтра урок для своего класса.

Желаю тебе и детям сладких снов. Живу мыслью о твоем возвращении.

Твой преданный Чарлз.

Кротон-Гудзон,

2 марта 1875 г.

– Похоже, Дуглас и остальные политики простили ему ограбление фонда, – сказал Райм. – Или вовсе сочли, что ничего он не грабил.

– А о каком законе он говорит? – спросила Сакс.

– Закон «О гражданских правах» от тысяча восемьсот семьдесят пятого года, – пояснила Женева, – запретил расовую дискриминацию в гостиницах, ресторанах, поездах, театрах – во всех общественных местах. – Она покачала головой. – Правда, долго он не продержался. В тысяча восемьсот восьмидесятом Верховный суд признал его неконституционным. Впоследствии, на протяжении более пятидесяти лет, не было принято ни одного другого закона, касающегося гражданских прав.

– Интересно, – задумчиво произнесла Сакс, – а Чарлз дожил до того дня, когда закон отменили? Вряд ли бы ему это понравилось.

Женева сказала, пожимая плечами:

– Сомневаюсь, что для него это имело бы большое значение. Он просто счел бы это временным отступлением.

– С надеждой, которая вытесняет боль, – подметил Райм.

– Точно. – Женева взглянула на часы. – Пора возвращаться к работе. Ох уж мне этот Уэсли Гоудз… Признаться, тот еще чудик: ни разу не улыбнется, не взглянет… Да и, знаете ли, бородку время от времени не мешает подравнивать.

Поздним вечером, лежа в темноте спальни, Райм и Сакс смотрели на луну – тонюсенький полумесяц, такой должен выглядеть мертвенно-бледным, но благодаря неким странностям атмосферы казался солнечно-золотым.

В такие моменты они иногда разговаривали, а иногда нет. Сегодня оба смотрели молча.

За окном на карнизе что-то слегка шевельнулось – там гнездилась семья сапсанов: мать, отец и двое птенцов. Иной посетитель в доме у Райма, заметив гнездо, интересовался, есть ли у птиц клички.

– У нас с ними негласное соглашение, – отвечал Райм. – Они не дают кличек мне, а я – им. И всех это устраивает.

Одна птица подняла голову, словно прислушиваясь, черная на фоне молодого месяца. Это движение и гордый профиль почему-то казались исполненными мудрости… и одновременно угрозы. Естественных врагов у сапсанов нет, охотясь, они обрушиваются на свою добычу на скорости около ста семидесяти миль в час. Однако сейчас охотница миролюбиво устроилась на карнизе и сидела не шелохнувшись. Птицы вели дневной образ жизни, а по ночам спали.

– О чем думаешь? – спросила Сакс.

– Давай-ка завтра сходим послушать музычку. В Линкольн-центре дневной спектакль… или концерт… Как это там называется?

– Кто выступает?

– «Битлы», полагаю. Или Мария Каллас в дуэте с Элтоном Джоном. Не все ли равно? Нравится мне смущать людей, подкатывая к ним на коляске… Одним словом: не важно, кто там выступает, просто хочу выбраться на люди. Между прочим, не часто доводится, знаешь ли.

– Знаю. – Сакс приподнялась на локте, поцеловала его. – Обязательно выберемся.

Райм, повернув набок голову, коснулся губами ее волос. Амелия прильнула к нему всем телом. Он обхватил пальцами ее руку, крепко пожал.

Амелия ответила таким же пожатием.

– Знаешь, что можно сделать? – заговорщически шепнула она. – Давай пронесем с собой немного вина и закуски… паштет с сыром, французскую булку.

– Закуску можно и там купить, я точно помню. Но вот скотч у них отвратительный. А стоит целое состояние. Можно было бы…

– Райм! – Сакс подскочила и уселась в постели, раскрыв от удивления рот.

– Что стряслось?

– Что ты только что сделал?

– Согласился взять немного еды и тайком пронести в…

– Хватит увиливать. – Сакс пошарила рукой в темноте, щелкнула выключателем. В черных шелковых шортиках и серой футболке, со сбитой прической и распахнутыми глазами, она походила на студентку, которая вдруг вспомнила, что завтра в восемь у нее экзамен.

Райм, щурясь, посмотрел на светильник.

– Как в глаза бьет! Обязательно было включать?

Сакс пристальным взглядом смотрела на него сверху.

– Ты… твоя рука. Она шевельнулась!

– Вроде того.

– Я имею в виду правую! У тебя ведь еще ни разу не получалось ею пошевелить!

– Забавно, правда?

– С обследованием тянул, а сам уже и так знал, что можешь двигать рукой?

– Да ничего я не знал… до сего момента. И пробовать не хотел – боялся, что ничего не выйдет. Собирался бросать тренировки, просто выкинуть все это из головы. – Он пожал плечами. – А потом передумал, решил еще раз попробовать. Только когда мы будем вдвоем – и рядом никаких тренажеров и докторов.

«Но не наедине с собой», – добавил он мысленно.

– И мне ничего не сказал! – Амелия шлепнула его ладонью по руке.

– Зря старалась.

Они рассмеялись.

– Райм, это же изумительно, – прошептала Амелия, крепко его обнимая. – У тебя получилось!

– Сейчас попробую еще раз. – Он посмотрел на Сакс, затем опустил взгляд к руке.

Немного выждав, он мысленно направил пучок энергии, который молнией метнулся по нервам, к правой руке. Пальцы еле заметно дернулись… Затем неуклюже, словно только родившийся жеребенок, его правая рука преодолела два бесконечных дюйма над одеялом и плотно уперлась в запястье Сакс. Большой и указательный пальцы сомкнулись вокруг ее руки.

Со слезами восторга на глазах Амелия рассмеялась.

– Каково, а? – сказал он.

– Значит, ты решил продолжать тренировки?

Райм кивнул.

– Так договоримся с доктором Шерманом насчет обследования?

– Можно, если, конечно, нам не подбросят парочку новых дел. Последнее время работы просто невпроворот.

– Запишемся на обследование, – уже твердо сказала Сакс.

Она выключила свет, легла рядом – движения, которые он осознал, но никак не чувствовал.

В воцарившейся тишине Райм лежал, уставившись в потолок. Когда дыхание Амелии совсем стихло, он вдруг нахмурился – в груди, там, где ничего быть не должно, тоненькой струйкой затрепетало какое-то ощущение. Сначала он решил, что это очередной «фантом», затем встревожился: не начинается ли приступ дисрефлексии или чего похуже. Потом понял: нет, это было нечто исходящее не от мышц, органов или нервов, а совершенно иной природы. Ученый до мозга костей, он сопоставил новое ощущение с уже знакомыми и нашел, что испытывал похожее чувство, наблюдая, как Женева отчитывает банковского адвоката, или читая письмо Чарлза Синглтона, как тот отправился

искать справедливость в «Поттерс-Филд» в ту роковую июльскую ночь сто сорок лет назад.

И вдруг ему стало ясно, что ощущение это – обычная гордость. Как раньше он гордился за Женеву и ее предка, так теперь гордился собственным достижением. Решив прекратить тренировки, а позже, вечером, устроив себе свою собственную проверку, Райм заглянул в лицо страху, преодолел невозможное. Вернулась ли хоть отчасти способность двигаться или нет, значения не имело, просто ему удалось кое-что обрести: цельность – ту самую, о которой говорил Чарлз. Ни политики, ни соотечественники, ни собственное беспомощное тело – ничто не способно превратить тебя в человека на три пятых. Решение видеть себя полноценной личностью и жить подобающе – всегда за тобой одним.

В конечном счете, размышлял Райм, понимание – это такой же пустяк, как способность чуть-чуть двинуть рукой. Взять криминалистику: крошечная чешуйка краски приводит к машине, машина – на автостоянку, найденный там отпечаток ботинка – к двери, где осталась нить от выброшенного пальто с отпечатком пальца на пуговице рукава, которую преступник забыл протереть.

А назавтра группа захвата уже стучит к нему в дверь.

Справедливость восторжествовала, жертву спасли и вернули семье – все благодаря крохотному осколку автомобильной эмали.

Маленькие победы – так сказал доктор Шерман. Маленькие победы… Бывает, только на них и можно рассчитывать, размышлял Райм, чувствуя, как погружается в сон.

А бывает, только маленькой победы тебе и недостает.

Послесловие автора

Любой писатель хорош ровно настолько, насколько хороши его друзья и коллеги. Мне повезло оказаться в центре поистине замечательного круга: Уилла и Тины Андерсон, Алекса Бонэма, Луизы Берк, Робби Бэрроуза, Бритт Карлсон, Джейн Дэвис, Джули Рис Дивер, Джейми Ходдера-Уильямса, Джона Гилстропа, Кати Глисон, Кэролин Мейс, Эммы Лонгхерст, Дайанал Макей, Тары Парсонс, Кэролин Рейди, Дэвида Розенталя, Мэрисью Руччи, Деборы Шнайдер, Вивьен Шустер, Бриджитты Смит и Кевина Смита.

Как всегда, особая благодарность Мэделин Уорхолик.

Тем из читателей, кто принялся листать справочники в надежде составить для себя пеший маршрут по Холмам Висельника, скажу: можете не стараться. Хотя образ Манхэттена девятнадцатого столетия, который я изобразил, не грешит в деталях, а в пределах нынешнего Северного Вест-Сайда действительно когда-то располагались упомянутые поселки, район Холмов Висельника, равно как и описываемое мной беззаконие, которое там царило, – продукт моего воображения. Жутковатое название хорошо ложилось в сюжет, и, полагаю, Босс Твид и его дружки из Таммани-холл, не возразят, если я припишу им лишнюю пару злодейств. В конце концов, как сказал бы Томпсон Бойд: «Все дело в порядке величины».

Примечания

1

Улица старинных особняков и многоэтажных зданий начала XX века в Нью-Йорке, граничащая на западе с Центральным парком

2

Армстронг, Лэнс (род. 1971 г.) – американский велосипедист. После долгого и тяжелого лечения от рака (несколько операций, химиотерапия) семь раз подряд выиграл «Тур де Франс»

3

Сеть магазинов, торгующих компьютерной техникой бытового назначения

4

Хантер-колледж – один из старейших (осн. в 1870 г.) и крупнейших колледжей в системе «Городской университет Нью-Йорка»; находится в центре Манхэттена

5

В США даты записываются в формате месяц/дата/год. Так, например, трагическое одиннадцатое сентября широко известно как событие девять-одиннадцать – 9/11

6

Богемный район в г. Нью-Йорке между Хаустон-стрит и Западной 14-й улицей в Нижнем Манхэттене и от р. Гудзон до Бродвея. Известен с

XIX в. как колония художников. В 1960–1970-е гг. – один из центров контркультуры

7

ВИКАП – от англ. VICAP (Violent Criminal Apprehension Program) – Программа изучения и анализа тяжких преступлений. В США единая сетевая база данных, предназначенная для отслеживания и сопоставления информации по тяжким преступлениям. НЦИП – Национальный центр информации о преступлениях. От англ. NCIC (National Crime Information Center)

8

ХИТС – от англ. HITS (Homicide Investigation Tracking System) – Система регистрации расследуемых убийств

9

Имеется в виду бойня в средней школе «Коломбина», штат Колорадо, произошедшая в апреле 1999 года, когда двое учеников, пронеся в школу оружие, застрелили 12 подростков и учителя, ранили еще 24 человек, после чего покончили с собой

10

Большое Яблоко – народное прозвище города Нью-Йорка

11

Популярный персонаж афроамериканского фольклора, герой многочисленных народных баллад и баек, хвастун и повеса («плохой ниггер»), но при этом весьма обаятельный молодой человек

12

Управление по борьбе с наркотиками; от англ. DEA – Drug Enforcement Administration

13

Перечисляются известные в истории США судебные дела по работорговле и расовой дискриминации, а также борцы за равноправие чернокожих

14

Расхожее сленговое название электрического стула

15

Прославленные гангстеры

16

Каннингэм, Гленн (1909–1988) – знаменитый американский бегун на длинные дистанции, серебряный призер Олимпийских игр 1936 г. В восемь лет перенес тяжелую травму, врачи считали, что он больше не сможет ходить